

Редакционная коллегия

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Азоев Г.Л. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Базылевич Т.Ф. – д-р психол. наук, проф.
Башимаков В.И. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Галазова С.С. – д-р экон. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук,
д-р психол. наук, проф.
Ефимова М.Р. – д-р экон. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Кибакин М.В. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф.,
чл.-корр. РАН
Князев В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Красовский Ю.Д. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Крыштановская О.В. – д-р социол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, проф.
Лаптев Л.Г. – д-р психол. наук, проф.
Милёхин А.В. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Пацула А.В. – д-р социол. наук, проф.
Разов П.В. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Смирнова Т.В. – д-р социол. наук, проф.
Соболевская О.В. – д-р мед. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Филиппов А.В. – д-р психол. наук, проф.
Фомин П.А. – д-р экон. наук, проф.
Черепов В.М. – д-р мед. наук, проф.
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юр. наук,
канд ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки), 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика (экономические науки), 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки), 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки), 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 22.00.05 – Политическая социология (социологические науки), 22.00.06 – Социология культуры (социологические науки), 22.00.08 – Социология управления (социологические науки).

Editorial board

Agapov V.S. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Azoev G.L. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Antonenko I.V. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Bazylevich T.F. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Bashmakov V.I. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Voronin V.N. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Galazova S.S. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Groshev I.V. – Doctor of Economic Sciences,
Doctor of Psychological Sciences, prof.
Efimova M.R. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Iontseva M.V. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Kibakin M.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Kleiner G.B. – Doctor of Economic Sciences, prof.,
corresponding member of RAS
Knyazev V.N. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Krasovskii Yu.D. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Krupnov A.I. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Kryshtanovskaya O.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Kuznetsov N.V. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Laptev L.G. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Milyohin A.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Mitrofanova E.A. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Novikov V.G. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Patsula A.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Razov P.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Raichenko A.V. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Smirnova T.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Sobolevskaya O.V. – Doctor of Medical Sciences, prof.
Tikhonova E.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Filippov A.V. – Doctor of Psychological Sciences, prof.
Fomin P.A. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Cherepov V.M. – Doctor of Medical Sciences, prof.
Chudnovskii A.D. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Eriashvili N.D. – Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Juridical Sciences, Candidate
of Historical Sciences, prof.

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications, in which should be published basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences in the field: 08.00.01 – Economic theory (economic sciences), 08.00.05 – Economics and management of the national economy (by branches and fields of activity) (economic sciences), 08.00.10 – Finance, money circulation and credit (economic sciences), 08.00.12 – Accounting, statistics (economic sciences), 08.00.13 – Mathematical and instrumental methods of economics (economic sciences), 08.00.14 – World Economy (Economics), 19.00.01 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences), 22.00.01 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 22.00.03 – Economic sociology and demography (sociological sciences), 22.00.04 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 22.00.05 – Political sociology (sociological sciences), 22.00.06 – Sociology of culture (sociological sciences), 22.00.08 – Sociology of management (sociological sciences).

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования

Главный редактор

И.В. Грошев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редактор

Е.В. Таланцева

Редактор перевода

А.В. Меньшиков

**Выпускающий редактор
и компьютерная верстка**

Е.А. Малыгина

Технический редактор

О.А. Дегтярёва

Дизайн обложки

Л.Н. Алексеева

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

Подписной индекс в электронном каталоге
ОАО Агентство «Роспечать» – 42517
<http://press.rosr.ru/publications/view/42517/>

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.
Подп. в печ. 28.12.2020 г.
Формат 60×90/8
Объем 23,75 печ. л.
Бумага офисная
Печать цифровая
Тираж 1000 экз.
(первый завод 100 экз.)
Заказ № 878

Издательство: Издательский дом ГУУ
(Государственный университет управления)

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99,
главный учебный корпус, кабинеты 346 и 345А.
Тел.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
Сайт: <http://www.vestnik.guu.ru>

Articles are available under a Creative Commons «Attribution» International 4.0 public license, according to which, unlimited distribution and reproduction of these articles is possible in any medium, specified the author's name and references to the original article publication in this journal in accordance with the rules of scientific citation

Editor-in-Chief

I.V. Groshev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editor

E.V. Talantseva

Translation editor

A.V. Menshikov

**Executive editor
and desktop publishing**

E.A. Malygina

Technical editor

O.A. Degtyareva

Cover design

L.N. Alekseeva

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI № FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI № FS 77-76215 from 12.07.2019

Subscription index in the electronic catalog
of JSC Agency «Rospechat» – 42517
<http://press.rosr.ru/publications/view/42517/>

LR № 020715 from 02.02.1998
Signed to print 28.12.2020
Format 60×90/8
Size 23,75 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1000 copies
(the first factory 100 copies)
Print order № 878

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a mandatory review procedure

Editor's office:
109542, Russia, Moscow, Ryazanskii Prospect, 99, State University
of Management, the main academic building, office 346 and 345A.
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
<http://www.vestnik.guu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

- Косов М.Е.*
Факторы роста эффективности управления государственным долгом.....5

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

- Астафьева О.Е., Козловский А.В., Моисеенко Н.А.*
Роль инноваций в обновлении основного капитала организаций 12
- Баркова Н.Ю.*
Ключевые информационно-коммуникационные технологии как важный фактор повышения эффективности функционирования цепей поставок в индустрии моды 20
- Быкова Е.А.*
Трансформационные тенденции и инновационные факторы развития оптового и розничного секторов рынка лекарственных средств 27
- Макаренко А.Е.*
Применение технологии тестирования при обучении программированию 36

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Барсегян Н.В.*
Особенности проектирования систем управления предприятиями нефтехимического комплекса 44
- Демин А.В., Рыбальченко И.В., Милькина И.В.*
Управленческие приемы снижения административных барьеров при предоставлении государственных и муниципальных услуг в Российской Федерации 51
- Карсанова Е.С.*
Общероссийская гражданская идентичность в официальном дискурсе республик Северного Кавказа 59
- Орлова Л.В., Зобов П.В.*
Мероприятия по снижению дефектности авиaproдукции и оценка эффективности ее внедрения 70
- Федченко Е.А., Бурякова А.О.*
Оценка эффективности государственных программ 76

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Денисова А.И.*
Обоснование структуры комплекса моделей разработки и реализации региональных программ с учетом сопутствующих рисков 87
- Дуненкова Е.Н., Лысова Е.А.*
Венчурные экосистемы России и США: сравнительный анализ 95
- Карп М.В., Захарова А.В., Самodelko Л.С.*
Роль и социально-экологический функционал налогового инструментария в условиях парадигмы «Индустрия 4.0» 103
- Кулигин В.Д.*
Экономическая политика преодоления стагнации после финансового кризиса 112
- Рахмонов А.Х.*
Новые направления трудовой миграции из Таджикистана в страны Персидского залива: тенденции и перспективы развития 119
- Тищенко Т.В.*
Факторы спроса и предложения государства и бизнеса на государственно-частное партнерство 126

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛЮ

- Бекишов Т.Ш.*
Современные подходы к организации финансового обеспечения вооруженных сил Кыргызской Республики 133
- Гладышева А.В., Махонина И.Н., Чепурова И.Ф.*
Стратегия оптимизации внутреннего аудиторского финансового контроля компании в период экономического кризиса 139
- Горбачева Т.А.*
Особенности денежно-кредитной политики зарубежных развитых стран в период пандемии 146

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

- Омельченко Н.А.*
Русский этатизм и русский патернализм в политическом процессе России накануне Петровской Реформации 152

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

- M.E. Kosov*
Factors of growth of the efficiency of public debt management 5

STRATEGIES AND INNOVATIONS

- O.E. Astafieva, A.V. Kozlovsky, N.A. Moiseenko*
The role of innovations in renewal of fixed capital of organizations 12
- N.Yu. Barkova*
Key information and communication technologies as an important factor in improving the efficiency of supply chains in the fashion industry 20
- E.A. Bykova*
Transformational trends and innovative factors in the development of the wholesale and retail sectors of the pharmaceutical market 27
- A.E. Makarenko*
Application of testing technology in program training 36

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

- N.V. Barsegyan*
Design features of management systems enterprises of the petrochemical complex 44
- A.V. Demin, I.V. Rybalchenko, I.V. Milkina*
Management techniques for reducing administrative barriers when providing state and municipal services in the Russian Federation 51
- E.S. Karsanova*
All-Russian civil identity in the official discourse of the republics of Northern Caucasus 59
- L.V. Orlova, P.V. Zobov*
Measures to reduce the defectiveness of aviation products and assessment of the effectiveness of its implementation 70
- E.A. Fedchenko, A.O. Buryakova*
Assessing the effectiveness of government programs 76

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

- A.I. Denisova*
Justification of the structure of a set of models for the development and implementation of regional programs, taking into account associated risks 87
- E.N. Dunenkova, E.A. Lysova*
Venture ecosystem in Russia and the United States: a comparative analysis 95
- M.V. Karp, A.V. Zakharova, L.S. Samodelko*
The role and socio-ecological functionality of tax tools in the context of the Industry 4.0 Paradigm 103
- V.D. Kuligin*
Economic policy to overcome stagnation after the financial crisis 112
- A.Kh. Rakhmonov*
New directions of labor migration from Tajikistan to the Persian Gulf countries: development trends and prospects 119
- T.V. Tischenko*
Supply and demand factors of the state and business on public and private partnership 126

FINANCE AND BANKING

- T.Sh. Bekishov*
Modern approaches to the organization of financial supply of the armed forces of the Kyrgyz Republic 133
- A.V. Gladysheva, I.N. Makhonina, I.F. Chepurova*
Strategy for optimizing internal auditing financial control of the company during the economic crisis 139
- T.A. Gorbacheva*
Features of monetary policy of foreign developed countries during the pandemic 146

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

- N.A. Omelchenko*
Russian etatism and russian paternalism in the political process of Russia on the eve of Peter the Great's Reformation 152

СОДЕРЖАНИЕ

Пряникова Н.И. Конфликтологическая культура специалиста в организационном пространстве	158
Танина М.А., Юрасов И.А., Юдина В.А., Зябликова О.А. Теоретико-методологические основания социально-политического анализа цифровой протестной активности.....	165
Тимохович А.Н., Никурадзе О.И. Анализ развития медиапространств виртуальных фан-сообществ.....	171
Яхшиян О.Ю. Согласованность положений об общероссийской гражданской идентичности, содержащихся в доктринальных документах по государственной национальной политике России и республик – субъектов Федерации .	176

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

Евдокимова Е.Г., Коваленко Е.В. Личностный аспект подготовки студентов-медиков на основе осмысления представлений о психологических трудностях профессии.....	184
---	-----

CONTENTS

N.I. Pryanikova Conflictological culture of a specialist in the organizational space	158
M.A. Tanina, I.A. Yurasov, V.A. Yudina, O.A. Zyablikova Theoretical and methodological foundations of socio-political analysis of digital protest activity	165
A.N. Timokhovich, O.I. Nikuradze Analysis of the development of virtual fan communities media spaces	171
O.Yu. Yakhshiyani Consistency of the provisions on the All-Russian civil identity contained in the doctrinal documents on the state national policy of Russia and the republics-subjects of the Federation	176

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

E.G. Evdokimova, E.V. Kovalenko Personal aspect of medical students' training based on understanding of psychological difficulties of the profession	184
--	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 33 JEL H63

DOI 10.26425/1816-4277-2020-12-5-11

Косов Михаил Евгеньевич
канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Российский экономический универ-
ситет имени Г.В. Плеханова»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1067-0935
e-mail: kosovme@mail.ru

ФАКТОРЫ РОСТА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДОЛГОМ

Аннотация. Государственный долг является неотъемлемой частью государственных финансов различных стран. Процесс управления им, включая формирование, обслуживание и погашение, оказывает мощнейшее влияние на макроэкономическую систему государства. Предмет исследования – государственный долг Российской Федерации. Проведен корреляционно-регрессионный анализ факторов, оказывающих непосредственное влияние на состояние государственного долга России в условиях ограничений, вызванных пандемией коронавирусной инфекции Covid-19, а также последствий данных ограничений. Для анализа использовались вероятностно-статистические методы. Предложена эконометрическая модель, описывающая систему косвенных макроэкономических факторов, которые не имеют непосредственной связи с долговой политикой государства, однако оказывают наиболее сильное влияние на формирование государственного долга в современных реалиях и повышение эффективности управления им, а также отражают качество управления государственными финансами в целом. Сделан вывод о том, что наибольшую степень влияния на эффективность управления государственным долгом оказывают демографическая нагрузка и показатель, отражающий соотношение дефицита бюджета к общему объему доходов бюджета.

Ключевые слова: бюджет, бюджетная политика, государственные финансы, государственный долг, демографическая нагрузка, дефицит бюджета, долговая политика, сбалансированность бюджета

Для цитирования: Косов М.Е. Факторы роста эффективности управления государственным долгом// Вестник университета. 2020. № 12. С. 5–11.

Mikhail E. Kosov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Plekhanov Russian
University of Economics, Moscow,
Russia
ORCID: 0000-0002-1067-0935
e-mail: kosovme@mail.ru

FACTORS OF GROWTH OF THE EFFICIENCY OF PUBLIC DEBT MANAGEMENT

Abstract. Public debt is an integral part of public finances of various countries, the process of its management, including formation, maintenance and repayment has a powerful impact on the macroeconomic system of the state. The subject of the study is the public debt of the Russian Federation. The article performs a correlation and regression analysis of factors that have a direct impact on the state of the Russia's public debt under the conditions of the restrictions caused by the Covid-19 coronavirus infection, as well as the consequences of these restrictions. The paper proposes an econometric model that describes a system of indirect macroeconomic factors that are not directly related to the state's debt policy, but show the strongest influence on the formation of public debt in modern realities and increase the efficiency of its management, as well as reflect the quality of public financial management in general. The author concludes that the demographic burden and the indicator reflecting the ratio of the budget deficit to the total budget revenue have the greatest impact on the effectiveness of public debt management.

Keywords: budget, budget balance, budget deficit, budget policy, debt policy, demographic burden, public debt, public finance

For citation: Kosov M.E. (2020) Factors of growth of the efficiency of public debt management. *Vestnik universiteta*. 1. 12, pp. 5–11. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-5-11

© Косов М.Е., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

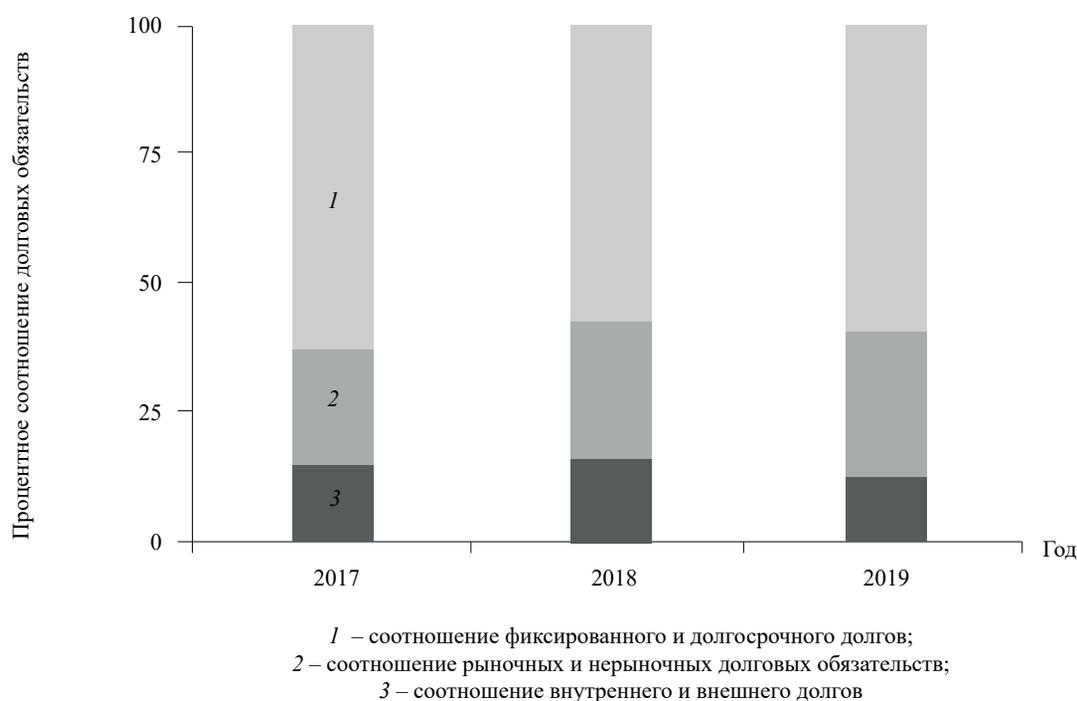
The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Неотъемлемой частью финансов государства является государственный долг, принятие решений по управлению, которым может оказывать как положительное, так и негативное воздействие на экономику государства. Прежде всего, эффективное управление государственным долгом является одним из важнейших элементов управления всей системой государственных финансов. Колоссальные изменения, затронувшие все сферы мировой экономики, а в частности государственный сектор посредством снижения доходов стран при расширении объемов расходов, обострили вопросы, связанные с эффективным управлением государственными заимствованиями. Сложная эпидемиологическая ситуация во многом послужила катализатором кризисных процессов в мировой экономике, приведшая к значительным изменениям в механизме международного взаимодействия, останавливаются процессы глобализации.

Достаточно остро стоит вопрос преодоления пандемии и минимизации ее негативных последствий при некотором уровне неопределенности дальнейшего развития ситуации, что требует колоссальных финансовых вложений [1]. В частности, в Российской Федерации (далее – РФ) из средств бюджета финансируются дополнительные финансовые ресурсы на поддержку системы здравоохранения и стимулирующих выплат медицинскому персоналу, малого и среднего предпринимательства посредством предоставления, в том числе, льготных кредитных ресурсов и государственных гарантий.

Несмотря на многообразие взглядов в части определения государственного долга, как аккумулированной суммы бюджетных дефицитов прошлых лет (К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю), суммы задолженности по непогашенным внутренним государственным займам и финансовых обязательств по отношению к иностранным кредиторам (В. Н. Сутормина, В. М. Федосов). Большинство ученых-экономистов сходятся на том, что в обобщенном виде государственный долг представляет собой результат деятельности государства по привлечению финансовых заимствований, как правило, в целях покрытия дефицита бюджета [4]. Государственный долг оказывает существенное воздействие, как на выделенные отдельно сферы экономики, так и на функционирование всей экономической системы государства. Управление государственным долгом в свою очередь представляет собой совокупность действий РФ или ее отдельных субъектов, регулируемых законодательством и направленных на формирование долговых отношений и погашение обязательств, которые возникают в связи с ними [2]. В целях определения адекватного комплекса мероприятий по управлению государственным долгом в новых условиях ограничений и финансового кризиса необходимо понимать специфику государственного долга, его структуру, а также выявить факторы, оказывающие непосредственное влияние на состояние государственного долга (рис. 1).

Составлено автором по материалам источника [6]

Рис. 1. Показатели эффективности регулирования долга Российской Федерации в 2017–2019 гг.

На протяжении всего исследуемого периода в структуре государственного долга преобладали среднесрочные и долгосрочные обязательства, суммарный объем которых превышал величину краткосрочных обязательств более, чем в 10 раз. Положительным аспектом является преобладание в долговом портфеле государства долгосрочных обязательств, что во многом расширяет возможности по управлению государственным долгом, а также благоприятно сказывается на ликвидности и платежеспособности в текущем периоде. В 2017–2019 гг. наблюдалась неустойчивая динамика соотношения фиксированного и краткосрочного долга. По итогам 2018 г. отмечалось уменьшение данного показателя на три пункта, которое обусловлено тем, что темп роста краткосрочных обязательств опережал темпы роста фиксированного долга. В 2019 г. наблюдалась обратная картина, выражающаяся в увеличении доли фиксированного долга в объеме обязательств со сроком погашения не превышающем один год на отчетную дату. Данное изменение происходило на фоне сокращения абсолютной величины краткосрочного долга в рублевом эквиваленте.

Динамика соотношения внутреннего и внешнего долга в рассматриваемом периоде характеризовалась незначительными колебаниями. В целом, на протяжении периода внутренний долг примерно в 3 раза превышал внешний. Преобладание в долговом портфеле обязательств в национальной валюте позволяет минимизировать риски, связанные с увеличением долговой нагрузки в связи с волатильностью курса рубля, что особенно ярко прослеживается в настоящее время. Учитывая сказанное выше, значение данного показателя, как соотношение внутреннего и внешнего долга, можно оценить как положительное.

Рыночные обязательства на протяжении всего исследуемого периода более чем в 4 раза превышали нерыночные. При этом существенное увеличение показателя, характеризующее соотношение рыночного и нерыночного долга на 2,4 пункта свидетельствовало о высоком уровне эффективности управления государственным долгом. Продолжение данного тренда может благоприятно сказаться на состоянии государственного долга РФ, поскольку стоимость рыночных долговых ресурсов формируется под воздействием спроса и предложения и соответствует текущей макроэкономической ситуации.

На эффективность управления государственным долгом оказывает влияние широкий спектр факторов, не имеющих непосредственной связи с долговой политикой государства. Влияние на уровень государственного долга возможно со стороны воздействия косвенных факторов в целях обеспечения его роста [7]. Для того, чтобы их выявить, необходимо оценить характер взаимозависимости и влияния на уровень государственного долга, эффективность управления им в целом через построение эконометрической модели, в которой результирующим показателем, в основе которого заложена эффективность, предлагается использовать удельный вес государственного долга в валовом внутреннем продукте (далее – ВВП). Этот показатель является одним из индикаторов долговой устойчивости, применяемый как в международных, так и российских методиках. Среди обязательных условий эффективности управления государственным долгом как многофакторного показателя является поддержание долговой устойчивости [8].

В состав списка возможных регрессоров вошли следующие показатели. Это группа показателей, связанных с государственным бюджетом, а именно доходы консолидированного бюджета РФ в процентах ВВП x_1 и расходы консолидированного бюджета РФ в процентах ВВП x_2 , немаловажная составляющая современных условий – доля расходов на здравоохранение в общем объеме x_3 и доля оборонных расходов x_4 , а также доля дефицита бюджета в общем объеме доходов бюджета x_5 . В условиях снижения деловой активности и прогнозируемого снижения общего значения ВВП по итогам 2020 г. до 3,9 %, одним из показателей уровня социально-экономического развития страны является ВВП на душу населения x_6 . Пандемия коронавирусной инфекции внесла свои коррективы в деятельность как предприятий частного сектора, так и государственных органов. Значительно возросла нагрузка на внебюджетные фонды. В связи с этим в качестве одного из показателей выбрана демографическая нагрузка – отношение численности населения в стране в нетрудоспособном возрасте к численности населения, находящегося в возрасте от 15 до 64 лет. Этот показатель имеет высокое значение корреляции такими показателями, как расходы на социальную поддержку, здравоохранение и пенсионное обеспечение, поскольку тесно взаимосвязан с необходимостью дополнительного финансирования государственных внебюджетных фондов со стороны федерального бюджета x_7 . Также выделена группа показателей, представляющих собой составные индикаторы, а именно индекс экономической свободы x_8 . В данном случае эта группа отражает самостоятельный выбор направления имущественной и трудовой деятельности и в рамках анализа состояние экономики в целом. Также в состав регрессоров включен показатель легкости ведения бизнеса x_9 (табл. 1).

**Корреляционная матрица регрессоров и результативного показателя модели
после корректировки исходных данных**

Параметр	y	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8	x_9
y	1,00	-	-	-	-	-	-	-	-	-
x_1	-0,44	1,00	-	-	-	-	-	-	-	-
x_2	-0,15	-0,34	1,00	-	-	-	-	-	-	-
x_3	-0,28	0,88	-0,74	1,00	-	-	-	-	-	-
x_4	-0,49	0,17	0,17	0,26	1,00	-	-	-	-	-
x_5	0,80	0,27	0,43	0,04	0,69	1,00	-	-	-	-
x_6	0,67	-0,11	-0,70	0,26	-0,46	-0,82	1,00	-	-	-
x_7	0,92	-0,38	-0,37	-0,11	-0,41	-0,65	0,83	1,00	-	-
x_8	-0,74	-0,17	-0,37	0,09	-0,28	-0,43	0,75	0,57	1	-
x_9	-0,83	0,35	0,29	0,11	0,21	0,51	-0,64	-0,64	-0,84	1

Составлено автором по материалам исследования

Стоит отметить, что в рамках проведения корреляционного анализа была отмечена мультиколлинеарность регрессоров, что может влечь за собой искажение показателей построенной эконометрической модели. С учетом корректировки первоначальных данных в целях устранения мультиколлинеарности отдельные регрессоры были исключены и отобраны следующие факторы:

- отношение дефицита бюджета к доходам в процентном исчислении;
- ВВП на душу населения;
- демографическая нагрузка;
- индекс экономической свободы.

Таким образом, ни по одной паре регрессоров значение коэффициента корреляции не превышает значения 0,7, что говорит об отсутствии сильной зависимости значений одного фактора от другого. В рамках построения эконометрической модели и проведения оценки влияния косвенных факторов, оказывающих первостепенное влияние на эффективность управления государственным долгом, значения показателей были взяты по состоянию на конец 2019 г. Кроме описанных выше факторов, была введена внешняя переменная, отражающая введение временных ограничительных мероприятий в экономике, для выявления возможной зависимости объема государственного долга от новых условий мировой экономики. Для стран, выбравших более мягкий режим ограничений переменная составляет 0 (Швеция), жесткие ограничения – 2 (Китай), временная приостановка деятельности – 1 (Россия, Великобритания). В целях проведения анализа случайным образом было отобрано 15 стран, исходные данные по которым представлены в таблице 2.

Таблица 2

Данные для построения эконометрической модели за 2019 г.

Страна	Государственный долг, % ВВП	Отношение дефицита бюджета к доходам	ВВП на душу населения, долл. США	Демографическая нагрузка, %	Индекс экономической свободы
Россия	16,49	0,05	11 162	49,81	58,9
Франция	99,31	-0,05	41 761	61,8	63,8
Германия	58,58	0,03	46 564	54,7	73,5
Китай	55,57	-0,14	10 099	41,4	58,4
Швеция	36,92	0,03	51 242	60,83	75,2
США	106,22	-0,23	65 111	53,3	76,8

Страна	Государственный долг, % ВВП	Отношение дефицита бюджета к доходам	ВВП на душу населения, долл. США	Демографическая нагрузка, %	Индекс экономической свободы
Бразилия	91,57	-0,26	87 976	43,4	51,9
Чехия	96,41	-0,08	29 961	52,1	65,7
Япония	237,69	0,09	40 846	68,3	72,1
Индия	69,94	-0,31	2 171	49,3	55,2
Великобритания	85,55	-0,05	41 030	56,7	78,9
Австралия	41,76	0,05	53 825	56,8	80,9
Чехия	31,62	0,04	23 214	55,1	73,7
Норвегия	39,97	0,09	77 975	53,1	73,0
Аргентина	93,30	-0,30	9 888	55,9	52,2

Составлено автором по материалам источника [5]

В качестве формы спецификации модели была выбрана множественная линейная модель, которая описывается уравнением:

$$y_i = a_0 + a_1x_1 + a_2x_2 + a_3x_3 + a_4x_4 + a_5d_1 + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где y_i – эндогенная переменная; x_i – факторы, $i = 1, \dots, 4$; a_i – коэффициенты модели, $i = 1, \dots, 5$; d_1 – внешняя переменная; ε_i – случайное возмущение [8].

Результаты анализа случайных возмущений показали, что в модели отсутствует автокорреляция, остатки нормальны. Однако отмечается гетероскедастичность остатков по одному из регрессоров, которая была устранена с применением коэффициента стандартного отклонения. Таким образом, на основании теоремы Гаусса-Маркова, можно говорить о том, что оценка коэффициентов методом наименьших квадратов способна дать несмещенные значения.

Оцененная модель эффективности государственного долга имеет вид:

$$y_i = -459,09 + 2,99x_1 + 0,51x_2 + 4,52x_3 - 0,44x_4, \quad (2)$$

где y_i – показатель, отражающий эффективность управления государственным долгом, представленный удельным весом государственного долга в ВВП, выраженное в процентах; x_1 – отношение дефицита бюджета к доходам в процентном исчислении; x_2 – ВВП на душу населения; x_3 – демографическая нагрузка; x_4 – индекс экономической свободы.

Внешняя переменная была исключена из модели в связи с тем, что оказалась незначимой. Коэффициент детерминации для полученной модели составляет 0,475, что предопределяется тем, что дисперсия эффективности управления государственным долгом на 46,2 % объясняется моделью. При этом модель является значимой и влечет за собой значимость коэффициента детерминации. Необходимо выделить, что модель объясняет менее половины изменения дисперсии результативного показателя и указанный факт обусловлен тем, что модель представляет собой упрощенную взаимосвязь показателей [4]. В реальных условиях на эффективность управления государственным долгом оказывает влияние множество иных факторов. Помимо макроэкономических показателей на уровень государственного долга и его эффективность оказывают влияние такие характеристики инструментов управления, как: доходность ценных бумаг, структура долгового портфеля, механизм привлечения заемных ресурсов.

Адекватность модели подтверждается методом построения доверительного интервала, который покрывает значения контролирующей выборки, что предопределяет возможность использования рассматриваемой

модели для объяснения влияния указанных выше регрессоров на результирующий показатель, а именно вес государственного долга страны в объеме ВВП страны.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что наибольший уровень зависимости эффективности управления государственным долгом наблюдается от демографической нагрузки, что приобретает особую важность в условиях пандемии Covid-19 при ограничениях передвижения групп лиц старше 65 лет, дополнительных расходов по выплате больничных листов и пособий на детей. Демографическая нагрузка в целом в существенной степени коррелирует с достаточно большим количеством видов расходов бюджета. В том числе от данного показателя будет зависеть объем средств, необходимых для финансирования расходов на здравоохранение, все виды социальной помощи, образование. Наибольшее влияние демографическая нагрузка способна оказать на размер расходов на предоставление межбюджетных трансфертов государственным внебюджетным фондам в целях софинансирования исполнения фондом своих обязательств перед гражданами, включая Фонд социального страхования и Пенсионный фонд России. Рост демографической нагрузки на один процентный пункт при прочих равных условиях приводит к увеличению доли государственного долга в общем объеме ВВП примерно на 4 %. Кроме того, именно трудоспособное население является основным потребителем, предопределяющим доходы бюджета, косвенно – посредством формирования налоговой базы юридических лиц, а также прямо – посредством уплаты налогов [3].

Еще одним фактором влияния является показатель, отражающий соотношение дефицита бюджета к общему объему доходов бюджета. Объем государственного долга и данный регрессор имеют положительную корреляцию, о чем свидетельствует значение коэффициента регрессора. Такая связь объясняется природой возникновения государственного долга, который прежде всего является источником финансирования дефицита бюджета. Исходя из этого, дефицит обусловлен ничем иным, как преобладанием размера совокупных расходов бюджета над совокупным объемом доходов.

Индекс экономической свободы агрегирует в себе десять индикаторов экономической свободы, среди которых: налоговая и денежная свобода, свобода бизнеса, финансовая свобода, свобода от коррупции, свобода торговли, свобода трудовых отношений, свобода от правительства, свобода инвестиций, защита прав собственности. Все упомянутые выше факторы в совокупности являются индикаторами состояния экономики в стране. С ростом экономической свободы увеличиваются и показатели деловой активности, что предопределяет рост объемов ВВП. Помимо этого, увеличение показателей, характеризующих деловую активность, вполне возможно, будет оказывать благотворное влияние на формирование доходов бюджета государства, особенно в современных непростых условиях, когда прогнозируемый объем выпадающих доходов по итогам 2020 г. может достигать 4–5 трлн рублей. В частности, рост деловой активности повлечет за собой повышение финансовых результатов хозяйствующих субъектов, а также увеличение объемов товарооборота, а в данных условиях восстановление ранее достигнутых объемов, что повысит пополняемость доходной части бюджета. Исходя из сказанного выше, при росте уровня экономической свободы снизится необходимость привлечения дополнительных финансовых ресурсов.

Существуют различные взаимосвязи макроэкономических показателей и состояния государственного долга, дальнейшее их изучение целесообразно и значимо в разрезе рассмотрения новых различных методик оценки и эффективности государственного долга с учетом влияния широкого круга макроэкономических факторов на качество его управления. Эффективность управления государственным долгом выступает одним из ключевых показателей, отражающих качество управления государственными финансами в целом. Повышение эффективности управления государственным долгом может представляться своеобразным ключом к росту и сохранению макроэкономической стабильности в государстве.

Библиографический список

1. Бжихатлов, С. Х., Нагаев, А. А. Особенности управления государственным долгом // Актуальные вопросы экономических наук. – 2016. – № 50-2. – С. 11-16.
2. Гужина, Г. Н. Управление государственным и муниципальным долгом в Российской Федерации: монография. – М.: Русайнс, 2019. – 178 с.
3. Косов, М. Е., Шаров, В. Ф., Ахмадеев, Р. Г. Государственный долг. Теоретические и методологические аспекты: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 159 с.

4. Косов, М. Е. Зарубежные практики управления государственным долгом на основе стандарта DSA // Аудиторские ведомости. – 2020. – № 1. – С. 64-68.
5. Слепов, В. А., Чалова, А. Ю. Источники финансирования экономического роста в России: проблемы и перспективы // Плехановский научный бюллетень. – 2017. – № 1 (11). – С. 170-176.
6. Яшина, Н. И. Методические аспекты оценки эффективности управления государственным долгом с учетом определения уровня благосостояния населения разных стран // Финансы и кредит. 2014. – № 3 (579). – С. 2-12.
7. Мировой атлас данных Кноема [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knoema.ru/> (дата обращения: 21.10.2020).
8. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/nationalwealthfund> (дата обращения: 19.10.2020).

References

1. Bzhikhatlov S. Kh., Nagaev A. A. Osobennosti upravleniya gosudarstvennym dolgom [*Features of public debt management*]. Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk, 2016, no. 50-2, pp. 11-16.
2. Guzhina G. N. Upravlenie gosudarstvennym i munitsipal'nym dolgom v Rossiiskoi Federatsii [*State and municipal debt management in the Russian Federation*]. Moscow, Rusains, 2019, 178 p.
3. Kosov M. E., Sharov V. F., Akhmadeev R. G. Gosudarstvennyi dolg. Teoreticheskie i metodologicheskie aspekty [*State debt. Theoretical and methodological aspects*]. Moscow, YUNITI-DANA, 2017, 159 p.
4. Kosov M. E. Zarubezhnye praktiki upravleniya gosudarstvennym dolgom na osnove standarta DSA [*Foreign public debt management practices based on the DSA standard*]. Auditorskie vedomosti [*Audit Journal*], 2020, no. 1, pp. 64-68.
5. Sleпов V. A., Chalova A. Yu. Istochniki finansirovaniya ekonomicheskogo rosta v Rossii: problemy i perspektivy [*Sources of financing economic growth in Russia: problems and prospects*]. Plekhanovskii nauchnyi byulleten', 2017, no. 1 (11), pp. 170-176.
6. Yashina N. I. Metodicheskie aspekty otsenki effektivnosti upravleniya gosudarstvennym dolgom s uchedom opredeleniya urovnya blagosostoyaniya naseleniya raznykh stran [*Methodological aspects of assessing the effectiveness of public debt management, taking into account the determination of the level of well-being of the population of different countries*]. Finansy i kredit [*Finance and Credit*], 2014, no. 3 (579), pp. 2-12.
7. Mirovoi atlas dannykh Knoema [*Knoema World Data Atlas*]. Available at: <https://knoema.ru/> (accessed 21.10.2020).
8. Ofitsial'nyi sait Ministerstva finansov Rossiiskoi Federatsii [*Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation*]. Available at: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/nationalwealthfund> (accessed 19.10.2020).

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

УДК 330.341.11

JEL O32

DOI 10.26425/1816-4277-2020-12-12-19

Астафьева Ольга Евгеньевна

канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Козловский Александр Васильевич

д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

e-mail: av_kozlovsky@guu.ru

Моисеенко Наталья Анатольевна

д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

e-mail: DmitriM@rambler.ru

Olga E. Astafieva

Candidate of Economic Science, docent, State University of Management, Moscow, Russia

e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Alexander V. Kozlovsky

Doctor of Economic Science, Professor, State University of Management, Moscow, Russia

e-mail: av_kozlovsky@guu.ru

Nataly A. Moiseenko

Doctor of Economic Science, Professor, State University of Management, Moscow, Russia

e-mail: DmitriM@rambler.ru

РОЛЬ ИННОВАЦИЙ В ОБНОВЛЕНИИ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. Исследованы современные тенденции развития инновационных систем в России. Данные тенденции обусловлены, с одной стороны, отсутствием четко сформулированного понятия инновационной системы, а, следовательно, невозможностью определения путей ее развития, и с другой стороны, активным использованием незаслуженно забытых программно-целевых методов планирования. Детальный анализ различных позиций и статистических материалов позволил доказать, что вопреки общепринятому мнению, российская модель государственного управления и финансирования инновационной деятельности имеет признаки кластерного и государственно-корпоративного типов. Рассмотрены существующие подходы к управлению инновационно-инвестиционной деятельностью организаций, которая направлена непосредственно на воспроизводственные процессы, в частности, на воспроизводство основного капитала. Обоснована необходимость создания территориально сгруппированных инновационных систем, что объясняется зависимостью отраслей и секторов экономики друг от друга по технологическому принципу и необходимостью создания технологических связей между ними для реализации их потенциальных преимуществ в рамках внедрения и создание инновационных продуктов.

Ключевые слова: воспроизводство основного капитала, венчурный фонд, инвестиции, инвестиционный процесс, инновации, инновационный проект, инновационные системы, основной капитал организации

Для цитирования: Астафьева О.Е., Козловский А.В., Моисеенко Н.А. Роль инноваций в обновлении основного капитала организаций // Вестник университета. 2020. № 12. С. 12–19.

THE ROLE OF INNOVATIONS IN RENEWAL OF FIXED CAPITAL OF ORGANIZATIONS

Abstract. The paper investigates modern trends in the development of innovative systems in Russia. These trends are caused, on the one hand, by the lack of a clearly formulated concept of an innovation system, and, consequently, by the inability to determine the ways of its development, and by the active use of undeservedly forgotten program-target planning methods, on the other hand. A detailed analysis of various positions and statistical materials allowed us to prove that, contrary to the generally accepted opinion, the Russian model of public administration and financing of innovative activities has signs of cluster and state-corporate types. The article considers the existing approaches to the management of innovation and investment activities of organizations, which is aimed directly at reproduction processes, in particular, the reproduction of fixed capital. The authors substantiate the necessity of creating territorially grouped innovation systems, which is explained by the dependence of industries and sectors of the economy on each other on the technological principle and the need to create technological links between them to realize their potential advantages within the framework of the implementation and creation of innovative products.

Keywords: fixed assets of the organization, innovation, innovation systems, innovative project, investment process, investments, reproduction of fixed capital, venture fund

For citation: Astafieva O.E., Kozlovsky A.V., Moiseenko N.A. (2020) The role of innovations in renewal of fixed capital of organizations. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 12–19. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-12-19

© Астафьева О.Е., Козловский А.В., Моисеенко Н.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Современные технологии управления инновационной деятельностью, направленные на воспроизводство основного капитала предприятий и организаций, базируются, как правило, на проектно-ориентированном подходе. Определен инновационный курс развития экономики. Наличие научных и проектных разработок в области производства инновационной продукции и технологий базируется на инвестициях в интеллектуальную собственность, а их внедрение в производство – на вложениях в реальный сектор экономики. Инновационное развитие России будет напрямую зависеть от инновационных возможностей как российских, так и иностранных инвесторов. Существенную роль в инвестиционном процессе продолжает играть государство. Эти средства являются безвозмездными и безвозвратными, что отрицательно сказывается на эффективности их использования [3].

Инновационное развитие предприятий и организаций предполагает сочетание управленческих, проектных, организационных и внедренческих технологий, которые требуют подбора наиболее эффективных моделей финансирования из различных источников. В настоящее время необходима опора на собственные источники финансирования инвесторов, региональные инвестиционные и венчурные фонды, лизинговые компании, государственные отраслевые инвестиционные банки, иностранных инвесторов.

Таким образом, внедрению инноваций предшествует разработка эффективной инвестиционной политики.

Современные технологии внедрения инноваций предполагают использование современных методов менеджмента, четкого взаимодействия по горизонтали и вертикали управления, эффективной работы персонала предприятия и организаций. Очевидно, что не все эти вопросы решены. Организационная модель внедрения в хозяйственную практику инноваций нуждается в более глубокой проработке и модернизации на базе комплексного подхода [4]. Поэтому разработка и внедрение в практику новых инновационных продуктов и технологий продолжает оставаться актуальной задачей на ближайшую и стратегическую перспективу.

В современных экономических условиях на всех уровнях управления от предприятия до правительства признано необходимым дальнейшее развитие экономики на инновационной основе. Перед экономикой Российской Федерации стоит проблема повышения конкурентоспособности в мировой экономической среде, выхода на новые рынки, выпуска новой высокотехнологичной продукции. Государство и государственные органы склонны к формированию инновационной политики в условиях расширения в рамках образования кластеров. При этом происходит приближение инновационного пространства к административным границам тех или иных территорий, обусловленное масштабами занятости, потенциалом экономического роста, политическим весом региона, уровнем инновационного пространства и т. п. Для формирования инновационной политики необходимо преодолеть не только внешние, но и внутренние негативные тенденции развития, обеспечить устойчивый рост объемов производства продукции во всех отраслях экономики [2]. На решение этих и других задач нацелена Концепция долгосрочного экономического развития Российской Федерации до 2020 г., в которую периодически вносятся изменения и дополнения по мере возникновения изменений в экономической среде [1].

Решению поставленных задач во многом мешает высокий уровень физического и морального износа оборудования, машин и механизмов. Введенные против России санкции существенно затруднили доступ на внешние рынки современной техники и оборудования, и на финансово-кредитные рынки. Проблема модернизации, технического перевооружения и реконструкции действующих производств, а также строительства новых инновационных предприятий требует вовлечения в хозяйственный оборот огромных финансовых ресурсов.

Ресурсный (финансовый) потенциал российских предприятий недостаточен для решения современных задач инновационного развития. Господдержка, которую оказывает государство, не бесконечна. Следовательно, внедрение инновационных технологий должно обеспечивать и рост рентабельности производства. В настоящее время средний уровень рентабельности российской промышленности крайне низок и составляет 15–16 %. Такой уровень доходности не может обеспечить новые инвестиционные потребности развития экономики. Разрыв в уровне технического развития российских и зарубежных предприятий, промышленно-технологическое отставание экономики в целом есть результат исчерпания новых научных разработок и патентов, нехватки инвестиционных ресурсов, затрудненных искусственно возможностей привлечения долгосрочных кредитов в обновление основного капитала организаций. По различным экспертным оценкам уровень добавленной стоимости в российской экономике почти в 5 раз отстает от общемирового, что свидетельствует о низком удельном весе продукции с высоким коэффициентом передела, склонности к сырьевой модели [6].

Обновление и модернизация основного капитала организаций должно базироваться на инвестиционно-строительных отраслевых и региональных программах развития. Эти программы на уровне конкретных предприятий и организаций должны обеспечивать максимально эффективное использование каждого рубля, инвестированного в реальный сектор экономики и, как следствие, основной капитал предприятий и организаций всех отраслей. Конкретные цели инвестиционной деятельности – рост объемов производства, реструктуризация основного капитала, максимальная отдача от капитальных вложений, коммерческий и социальный эффект инвестиционной деятельности, переход к новой промышленной модели экономического развития.

Для этого требуются не только огромные инвестиционные ресурсы, но и создание механизма их эффективного использования. Стратегия развития реального сектора экономики определяется и напрямую зависит от эффективной инвестиционной деятельности государства и предприятий. Предъявляются новые качественные требования к бизнес-планам инвестиционно-инновационных проектов. Инвестиции должны обеспечивать достижение высокого синергетического эффекта через внедрение инноваций как конечного результата инвестиционной деятельности.

Современный инновационный процесс учитывает особенности научнотехнического прогресса, включает анализ конъюнктуры внешних и внутренних рынков и требует новых подходов к формированию инвестиционных ресурсов. Необходима адресность, целевое использование, целостность и компетентность, объединяющие интересы государства и инвесторов, обеспечивающих инновационное развитие. Воспроизводственный процесс должен обеспечивать производство продукта, адекватного по стоимости, качеству, техническим характеристикам и удовлетворяющего требованиям конечного потребителя [5].

Развитие систем управления реализацией инновационно-инвестиционных программ должно обеспечивать оценку инвестиционных возможностей, механизм привлечения ресурсов, эффективные результаты работы всех субъектов инвестиционного процесса.

Эффективное использование инноваций на предприятиях и в организациях определяется направлением и уровнем развития научно-технического прогресса в стране, регионе и на конкретном предприятии; долей работников высшей квалификации; концентрацией финансовых и материально-технических ресурсов; долей современных технологий и материалов, используемых при производстве продукции; удельным весом инновационных технологий и оборудования; продолжительностью жизненного цикла производственной продукции; соответствием уровня менеджмента требованиям рынка и конечных потребителей нового продукта; регулируемостью технологий управления внедрением нововведений и перспективных планов обновления основного капитала предприятий. При реализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок на конкретных предприятиях важно правильно определить соответствие механизмов управления приоритетам инновационного развития, формирование эффективных инвестиционных программ развития. Инновационный процесс развития основного капитала организаций базируется на разработке моделей и алгоритмов инновационного обновления основного капитала на основе современной нормативно-методической базы и эффективных технологий планирования и внедрения инноваций (табл. 1).

Таблица 1

Последовательность внедрения инноваций в основной капитал организаций

Этап	Расшифровка
Организация управления процессом внедрения	Оценка рынка инноваций Маркетинг рынка инноваций Определение эффективности (рентабельности) рынка инноваций Выбор инновационных проектов Ранжирование проектов Формирование системы управления нововведениями

Этап	Расшифровка
Инвестиции в основной капитал предприятий	Бюджетное финансирование Государственная финансовая поддержка Частно-государственное партнерство Венчурные и другие инвестиционные фонды Собственные средства предприятий Государственные инвестиционные кредиты Коммерческие инвестиционные кредиты Иностранные инвестиции
Построение эффективных моделей финансирования	Проектное финансирование Инновационно-инвестиционные программы Лизинг оборудования Смешанные схемы финансирования Региональные инвестиционные фонды
Технология внедрения инноваций	Новые архитектурные и конструктивные решения зданий Применение прогрессивных строительных материалов и технологий Новое оборудование Новые технологии производства
Оценка эффективности (продуктивности) инноваций	Традиционные показатели эффективности инвестиций, технологий, продукции Выбор оптимальных моделей воспроизводства основного капитала Эффективность инноваций Система показателей рентабельности

Составлено авторами по материалам исследования

Особенности инвестиций в основной капитал предприятий в рамках внедрения инновационных решений позволяют обеспечить: высокую доходность и конкурентоспособность продукции; расширение существующих и захват новых сегментов рынка; рост производительности труда и снижение себестоимости продукции; оптимизацию состава и структуры основных средств предприятий; надежность и перспективность вложений; возможность получения господдержки; прирост производственных мощностей предприятий; минимизацию конкурентных и других рисков.

Вложение в инновации предполагает участие государства, частных и институциональных инвесторов в различных инновационных проектах. Управление процессом инвестирования в научные исследования, проектно-изыскательские, опытно-конструкторские, производственно-внедренческие и пусконаладочные работы и другие технологические операции предполагает формирование алгоритмов реализации инновационно-инвестиционных проектов. Алгоритм реализации инновационного проекта развития основного капитала предприятия представлен на рисунке 1.

Региональные инновационные программы		Федеральные инновационные программы		Инновационные программы отраслей и предприятий	
Стратегия инновационного развития предприятия					
Выбор инновационных проектов развития предприятия		Подсистема управления инновационной программой		Установление приоритетов реализации инновационных проектов	
Методы управления программой					
Выбор объекта управления	Субъекты управления программой	Участники реализации инвест. программы	Аутсорсинг проектирования инвест. программы	Внедрение, эксплуатация, оценка инвест. программы	
Определение потребности в инвестициях	Управление реализацией инновационно-инвестиционной программы			Планирование	
Подбор источников финансирования инвестиций				Организация	
Заключение контрактов				Стимулирование	
Монтаж инновационного оборудования				Координация	
Внедрение инновационных технологий				Контроль	
Перспективные инновационные проекты	Инвестиции	Качество продукции	Риски	Анализ рынка	
Завершение проекта					

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Алгоритм реализации инновационно-инвестиционного проекта воспроизводства основного капитала

Методические рекомендации по внедрению в практику работы предприятий инновационных решений индексным методом предполагает включение в модель:

j_1 – индекса доли нового оборудования до внедрений инноваций;

j_2 – индекса доли нового оборудования после внедрений новой инновационной техники или технологий;

j_3 – индекса моделирования инноваций, который рассчитывается на основании бизнес планов инновационных проектов, %;

j_4 – инвестиционного индекса (доля инвестиций в основной капитал в % к балансовой стоимости основных средств);

j_5 – индекса эффективности (рентабельности) инвестиций (отношение прибыли от реализации новых видов продукции к балансовой прибыли от основной деятельности предприятия $j = j_1 + j_2 + j_3 + j_4 + j_5$).

Положительная динамика указанных индексов свидетельствует о росте инновационной активности предприятий. Отрицательная динамика индексов свидетельствует о снижении инновационной активности предприятий.

Программы инновационного развития как объект управления реализуют в следующей последовательности:

- формирование программы как результат ранжирования инновационных проектов в условиях лимитированных финансовых ресурсов;
- пошаговое моделирование процесса внедрения программы на основании предложенного алгоритма;
- оценка потребностей всех видов ресурсов, необходимых для реализации программы;
- выбор организационных форм управления реализацией программы;
- оценка соответствия затрат и результатов.

Проблема ориентации российской экономики на инновационный путь развития должна решаться по всей вертикали управления: государство – вертикально-интегрированные компании – крупные предприятия – средний и малый бизнес. Управление производственными связями по горизонтали позволяет создать эффективную систему поставок нового оборудования и комплектующих [7].

Участие государства в инновационном развитии экономики не должно сводиться к оказанию адресной, безвозмездной и безвозвратной помощи коммерческим структурам, пусть даже с долей участия по аналогии с бюджетным финансированием инвестиций. Необходимо создание крупного государственного инновационного банка, который будет финансировать на возвратной основе инновационные проекты. Процентные ставки могут колебаться в диапазоне от 0 до 15 % в зависимости от уровня рентабельности инновационных проектов. На уровне регионов должны создаваться филиалы банка, средства которых могут дополняться из региональных бюджетов.

Инновационные проекты должны ранжироваться по степени важности для российской экономики. Если на уровне крупных вертикально-интегрированных компаний вопросы внедрения инноваций решаются положительно, то этого нельзя сказать о предприятиях малого и среднего бизнеса. Именно у таких предприятий уровень износа основных средств превышает 60 %, оборудование требует замены по причине высокого морального износа, который практически не учитывается и пока этот вид износа можно принять на уровне 50 % от физического.

Амортизационная политика предприятий нуждается в серьезной корректировке. Можно отменить регламентированные государством амортизационные группы или как минимум укрупнить их, дав большую свободу товаропроизводителям. Сроки замены оборудования, машин и механизмов должны определяться не нормами и группами, а жизненным циклом продукции, ее конкурентоспособностью на внешнем и внутреннем рынках. Этими критериями должен определяться и срок окупаемости оборудования с учетом уровня рентабельности продукции, которая выпускается с использованием этого оборудования.

Внедрение инноваций на всех этапах их разработки, внедрения и эксплуатации от научных фундаментальных исследований до промышленного использования невозможно без активной эффективной инвестиционной политики, прежде всего, на уровне предприятий и организаций. Если государство ставит стратегические задачи, то реализуются они на уровне отраслей и предприятий. В инвестиционной политике основной упор следует сделать на собственные средства предприятий, в первую очередь, амортизационные отчисления, размер которых должен позволять практически реализовать инновационные проекты. Для решения этой задачи необходимо минимизировать сферу применения линейного метода расчета амортизационных отчислений; вернуть законодательно строго целевое использование амортизационных отчислений через фонды модернизации и воспроизводства основных средств и прежде всего активной части основного капитала. Для этого необходимо разрабатывать перспективные инновационноинвестиционные программы.

Маркетинг рынка инвестиционных ресурсов позволяет скомпоновать источники финансирования по стоимости и во времени. Анализ рынка финансовых ресурсов показывает, что наиболее дешевые деньги – это деньги собственные. Поэтому при внедрении инноваций следует ориентироваться на прирост инновационной прибыли на единицу затрат на модернизацию или замену оборудования. Для решения этой задачи предлагается использовать алгоритм финансирования инновационноинвестиционных проектов с ориентацией на прирост основного капитала, отраслевые и технологические особенности выпускаемой продукции. Таким образом, прирост основного капитала позволяет относительно определить прирост прибыли на вложенные инвестиции. Необходимо дополнить перечень традиционных показателей эффективности инвестиций показателем рентабельности основного капитала, рентабельности инвестиций в инновации. Для оценки эффективности вложений в инновации можно также использовать критерий полных приведенных затрат.

Диверсификацию источников финансирования инновационных проектов необходимо рассматривать как систему, нацеленную на достижение синергетического эффекта для всех участников процесса.

Если рассматривать инновации как объект инвестирования, то можно выделить следующие основные характеристики: высокая надежность вложений, при квалифицированном уровне обоснования эффективности инновационного проекта; уровень доходности и рентабельность проекта, обеспеченные эффективной системой управлений; защита от инфляции и надежность вложений; решение вопросов собственности; создание новых видов техники и продукции; минимизация рыночных и технологических рисков.

Вложения в инновации имеют не только привлекательные стороны для инвесторов, но и могут вызывать настороженность частных и институциональных инвесторов. Длительность цикла реализации инновационных разработок не всегда позволяет спрогнозировать изменения конъюнктуры рынка новой продукции; достижение планируемого уровня рентабельности проекта. Поэтому эффективная система управления программой инновационного развития предприятия имеет чрезвычайно важное значение. Управленческая модель реализации инновационных программ предприятия может осуществляться в следующей последовательности: отбор проектов в рамках лимита финансирования (согласно инвестиционной программы); ранжирование проектов; планируемый результат проекта; выбор организационных форм реализации проекта; определение потребности в ресурсах; сопоставление результатов и затрат; характеристики жизнеспособности новой продукции; оценка длительности жизненного цикла продукта и определение циклов внедрения последующих инновационных проектов.

Воспроизводственные инвестиционные проекты обеспечивают решение многих социально-экономических задач, к числу которых можно отнести следующие:

- рост объемов выпускаемой продукции;
- реструктуризация производственных мощностей;
- внедрение в массовое производство новых, высокотехнологичных товаров и продуктов;
- рост производительности труда;
- снижение издержек производства;
- достижение положительного инвестиционного эффекта в смежных областях;
- комплексное инвестиционное проектирование;
- проектное финансирование;
- подбор источников финансирования для каждого конкретного инвестиционного проекта в общей схеме модернизации производства и технологических процессов;
- технико-экономическое обоснование принимаемых инвестиционных решений;
- оценка и мониторинг динамики доходов как результат принимаемых инвестиционных решений;
- расчет и корректировка сроков реализации инвестиционных проектов и сроков начала возврата вложенного капитала;
- комплексная оценка эффективности инновационного проекта;
- анализ результатов объектов и субъектов инвестиционной деятельности.

В настоящее время наиболее активными инвесторами в России выступают федеральный и региональные бюджеты, централизованные (в распоряжении правительства) инвестиционные фонды; крупные компании; совместные предприятия, строящиеся и работающие на территории Российской Федерации; внешние инвесторы – нерезиденты.

В заключении следует выделить основные направления инвестиционно-инновационной деятельности. Одним из направлений рекомендуется признать создание инновационного пространства и изменение на его основе номенклатуры выпускаемой продукции; внедрение и дальнейшее использование инновационных технологий; выбор наиболее эффективных инвестиционных проектов; поиск новых, перспективных рынков сбыта выпускаемой продукции; выбор эффективных методов управления реализацией инвестиционно-инновационных проектов.

Библиографический список

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения 09.10.2020).

2. Бурцева, Т. А., Гурова, Е. С. Инвестиционно-инновационная деятельность региона как основа экономического развития зонированной территории // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – Т. 5, № 12. – С. 66-71.
3. Иванова, Р. М., Загидуллина, Г. М. Основные направления активизации инновационной деятельности в инвестиционно-строительной сфере // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17, № 21. – С. 2819-2826.
4. Короткевич, А. И., Шпарун, Д. В., Сюй, Ц. Инвестиционно-инновационные стратегии трансформации национальной экономической системы и реализация стратегии инвестиционно-инновационной деятельности региона // Новая экономика. – 2018. – № 2 (72). – С. 53-58.
5. Максимов, Д. А. Инвестиционно-инновационная деятельность промышленного предприятия // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 2-1. – С. 137-137а.
6. Семина, Л. А., Санду, И. С. Региональный инновационный кластер в системе инвестиционно-инновационной деятельности региона // Вестник алтайской науки. – 2015. – № 2 (24). – С. 253-255.
7. Трошин, А. С. Инвестиционно-инновационная составляющая воспроизводственного процесса в экономике // Наука и образование: Новое время. – 2016. – № 5 (16). – С. 40-47.

References

1. Kontsepsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-р [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020. Approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 1662-r dated on November 17, 2008]. Legal reference system "ConsultantPlus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (accessed 09.10.2020).
2. Burtseva T. A., Gurova E. S. Investitsionno-innovatsionnaya deyatel'nost' regiona kak osnova ekonomicheskogo razvitiya zonirovannoi territorii [Investment and innovation activities of the region as the basis for the economic development of the zoned territory]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and management: problems, solutions], 2017, vol. 5, no. 12, pp. 66-71.
3. Ivanova R. M., Zagidullina G. M. Osnovnye napravleniya aktivizatsii innovatsionnoi deyatel'nosti v investitsionno-stroitel'noi sfere [The main directions of enhancing innovation activities in the investment and construction sector]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship], 2016, vol. 17, no. 21, pp. 2819-2826.
4. Korotkevich A. I., Shparun D. V., Syui Ts. Investitsionno-innovatsionnye strategii transformatsii natsional'noi ekonomicheskoi sistemy i realizatsiya strategii investitsionno-innovatsionnoi deyatel'nosti regiona [Investment and innovation strategies for transforming the national economic system and the implementation of the strategy of investment and innovation activities of the region]. *Novaya ekonomika*, 2018, no. 2 (72), pp. 53-58.
5. Maksimov D. A. Investitsionno-innovatsionnaya deyatel'nost' promyshlennogo predpriyatiya [Investment and innovation activity of an industrial enterprise]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Basic Research], 2016, no. 2-1, pp. 137-137a.
6. Semina L. A., Sandu I. S. Regional'nyi innovatsionnyi klaster v sisteme investitsionno-innovatsionnoi deyatel'nosti regiona [Regional innovation cluster in the system of investment and innovation activities of the region]. *Vestnik altaiskoi nauki*, 2015, no. 2 (24), pp. 253-255.
7. Troshin A. S. Investitsionno-innovatsionnaya sostavlyayushchaya vosproizvodstvennogo protsessa v ekonomike [Investment and innovation component of the reproduction process in the economy]. *Nauka i obrazovanie: novoe vremya* [Science and education: Modern times], 2016, no. 5 (16), p. 40-47.

Баркова Наталья Юрьевна

канд. экон. наук, доцент, ст. преподаватель, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при правительстве Российской Федерации», ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-6583-8950

e-mail: natalya_barkova_1975@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК В ИНДУСТРИИ МОДЫ

Аннотация. Рассмотрены ключевые информационно-коммуникационные технологии, применяемые в цепях поставок индустрии моды. Указанные технологии сегментированы автором на несколько групп, в том числе выделены: программы, обеспечивающие эффективные коммуникации между функциональными отделами компании и звеньями цепочки поставок; программные ресурсы, нацеленные на поддержание операций материально-технического обеспечения, такие как производство, складирование, перевозка грузов; системы операционного и стратегического планирования. Основная цель рассматриваемых информационных технологий – учет специфических характеристик «модного» бизнеса, таких как высокий ассортимент и короткий жизненный цикл продукции, необходимость учета быстро меняющихся требований покупателей товаров индустрии моды, географическое распределение участников цепи поставок. Выполнен обзор ключевых программных продуктов и технологий, повышающих эффективность управления бизнес-процессами в цепях поставок индустрии моды, в том числе системы CAD и CAM, системы ERP на примере SAP AFS, SAP Fashion Management и некоторые другие.

Ключевые слова: блокчейн, индустрия моды, информационные технологии, логистика, одежда, программы, радиочастотная идентификация данных, управление цепями поставок, цифровизация.

Для цитирования: Баркова Н.Ю. Ключевые информационно-коммуникационные технологии как важный фактор повышения эффективности функционирования цепей поставок в индустрии моды// Вестник университета. 2020. № 12. С. 20–26.

Natalya Yu. Barkova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6583-8950

e-mail: natalya_barkova_1975@mail.ru

KEY INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AS AN IMPORTANT FACTOR IN IMPROVING THE EFFICIENCY OF SUPPLY CHAINS IN THE FASHION INDUSTRY

Abstract. The article considers key information and communication technologies used in the supply chains of the fashion industry. The author segmented these technologies into several groups, including selected programs that ensure effective communication between the company's functional departments and supply chain links; software resources aimed at maintaining logistics operations, such as production, warehousing, cargo transportation; operational and strategic planning systems. The main purpose of the considered information technologies is to take into account the specific characteristics of the "fashion" business, such as a high range and a short product life cycle, the need to take into account the rapidly changing requirements of buyers of goods in the fashion industry, the geographical distribution of supply chain participants. The author performs a review of key software products and technologies that improve the efficiency of business process management in the supply chains of the fashion industry, including CAD and CAM systems, ERP systems on the example of SAP AFS, SAP Fashion Management and some other software resources and technologies.

Keywords: blockchain, clothing, digitalization, fashion industry, information technologies, logistics, programs, radio frequency identification of data, supply chain management

For citation: Barkova N.Yu. (2020) Key information and communication technologies as an important factor in improving the efficiency of supply chains in the fashion industry. *Vestnik universiteta*. 1. 12, pp. 20–26. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-20-26

Индустрия моды – отрасль, нацеленная на организацию эффективной системы производства и дистрибуции одежды, обуви и аксессуаров [1]. Многие годы в России индустрия моды не являлась серьезным объектом научных исследований, тем не менее сегодня ситуация меняется. Сегодня уже открыты специальные университетские программы (например, в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики»), которые призваны повысить квалификацию отечественных специалистов и руководителей компаний индустрии моды, что вызвано новыми требованиями рынка.

К компаниям индустрии моды относят: производственные компании – собственников производственных мощностей; компании, являющиеся владельцами брендов одежды и обуви (Adidass, Indesit, Puma, Benetton, Mango и другие); дистрибьюторов и ритейлеров, осуществляющих оптовую и розничную продажу товаров индустрии моды [1]. Объем сегмента глобального рынка индустрии моды сегодня составляет 0,1 трлн долл. США [6]. Несмотря на серьезные вызовы 2020 г., связанные с коронавирусом, временным закрытием розничных магазинов и снижением покупательского спроса в отрасли, индустрия моды осталась одной из самых крупных и прибыльных отраслей промышленности в мире [9]. По данным «Организации экономического сотрудничества и развития» индустрия моды по объемам продаж продукции и уровню ее потребления входит в число ведущих мировых отраслей промышленности [2; 7]. В России есть колоссальный потенциал для развития данного сектора экономики. Розничный рынок товаров индустрии моды Российской Федерации является крупнейшим в Восточной Европе [6]. Несмотря на это, современные вызовы заставляют владельцев компаний индустрии моды искать новые пути повышения эффективности работы компаний, в том числе на базе применения современных информационных технологий.

Подиум с моделями в модной одежде – это лишь внешняя сторона индустрии моды, за которой скрывается высокая конкуренция, постоянно растущие и быстро меняющиеся требования потребителей, необходимость создавать новые и оригинальные изделия значительно быстрее, чем это происходило раньше. Все это вынуждает компании индустрии моды делать ставку на инновации, оптимизировать и модернизировать бизнес-процессы, быть более гибкими.

Следует выделить следующие особенности работы данного сектора экономики.

1. Товары индустрии моды в основном имеют короткий жизненный цикл, то есть моральное устаревание продукции происходит значительно быстрее, чем в других отраслях экономики. Также для отрасли характерно быстрое и сложно прогнозируемое изменение покупательских предпочтений, высокий ассортимент продукции [1].

2. Участники цепей поставок в индустрии моды часто географически распределены, основные производители находятся в странах Юго-Восточной Азии, а основные покупатели в развитых странах Европейского союза и США.

3. Материальный поток в отрасли обычно сопровождается информационным потоком, содержащим большой объем разнородной информации (как текстовой, так и графической), к скорости передачи которой предъявляют высокие требования. Создание продуктов индустрии моды является творческим процессом, что требует привлечения специализированных программных ресурсов, позволяющих создавать и хранить большие объемы информации. Особенности работы в отрасли обуславливают необходимость в создании эффективных каналов коммуникации и использовании различных информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и программных ресурсов.

В эпоху быстрого развития ИКТ компании индустрии моды испытывают растущую потребность в координации деятельности компаний в цепочках поставок. В дополнение к высоко автоматизированным операциям на производственных площадках и в распределительных центрах, как это происходит в компаниях Benetton и Mango, новые технологические решения предоставили предприятиям совершенно новые способы обработки транзакций и обмена информацией между участниками цепей поставок. Такие технологии дают возможность получения данных об актуальном спросе на товары индустрии моды и уровнях запасов по всей цепи поставок. Без таких технологий индустрия моды просто не могла бы существовать в современных условиях.

Основными областями, в которых активно используются ИКТ, являются сбор информации, доступ к данным и анализ и организация эффективного взаимодействия между партнерами по цепочке поставок. Для решения этих проблем существует широкий спектр модулей, которые можно разделить на несколько категорий на основе по их функциональности:

- 1) системы связи для облегчения обмена информацией между функциональными областями внутри компании и между звеньями цепочки поставок;
- 2) системы для поддержания операций материально-технического обеспечения, таких, как складирование и перевозка грузов;
- 3) системы планирования, которые, как правило, можно подразделить на подсистемы:
  - стратегического планирования, то есть те, которые фокусируются на решении долгосрочных вопросов;
  - тактического планирования, которые фокусируются на решении краткосрочных оперативных вопросов.

Рассмотрим некоторые технологии, которые с успехом могут быть применены в данном сегменте.

1. *Планирование ресурсов предприятия (ERP)*. Планирование ресурсов предприятия (англ. enterprise resource planning, далее – ERP) является системой, которая объединяет автономные программные модули вместе с целью формирования единой структуры, обеспечивающей «прозрачность» по всей логистической цепочке от процесса проектирования изделий до поступления товара на полки магазина.

Обычно ERP включает такие модули, как планирование производства, управление закупками, запасами, маркетингом и продажами, учетом и управлением персоналом. Многие поставщики ERP разрабатывают специализированные решения для удовлетворения потребностей определенных отраслей. Такие же отраслевые решения созданы для компаний индустрии моды, например программа SAP AFS, SAP Fashion Management [12].

AFS (Apparel & Footwear Solution) – клиентское решение SAP, разработанное компанией для удовлетворения особых потребностей швейной и обувной промышленности [12]. Его функциональные возможности были включены в функциональный диапазон SAP мирового класса. Итогом стала разработка комплексного решения для швейной и обувной отрасли, отвечающая специфическим для данной отрасли требованиям к управлению цепями поставок.

Решение SAP для одежды и обуви (AFS) предназначено для улучшения функций планирования, выбора поставщика, функции распределения, пополнения запасов [12].

Многие компании индустрии моды принимают решение использовать именно такие программы, которые учитывают специфические особенности работы в отрасли. Например, компания Benetton приняла решение о переходе от старых устаревших систем и выбрала систему ERP SAP AFS.

Такое программное решение ERP было установлено в логистических центрах и на производственных предприятиях Benetton. Оно включает три функции, отличающие SAP AFS от стандартной системы ERP. Это дополнительные опции: сетки, категории и сезонное планирование. Такие опции помогают справляться с большими объемами данных и управлять большим количеством товарных характеристик высокого разнообразия продуктов в индустрии моды.

Сетки представляют собой трехмерные структуры, используемые для дифференциации товаров на основе критериев (например, размер, цвет и фасон). Комбинируя эти переменные, пользователи создают уникальное значение сетки для каждого SKU (идентификатора товарной позиции или единицы учета запасов).

«Категории» оптимизируют процесс заказа материалов, позволяя пользователям сегментировать производителей по уровням качества, ценовым сегментам и странам происхождения. Производственное планирование в SAP AFS использует опцию «сезон», благодаря которой пользователи могут определять сезоны на товары или даже коллекции товаров. Продукты индустрии моды могут быть классифицированы по сезонам, так что если конкретный сезонный признак присвоен какому-либо товару, то такой товар может быть добавлен в производственный план только в предварительно определенный период времени, например сезон «весна-лето».

Основное предназначение SAP AFS – ее использование на производственных предприятиях индустрии моды. Для компаний, чья деятельность распространяется также на розничную торговлю, возникает необходимость управлять всей цепочкой поставок от производства товаров до организации продаж товаров в розничных магазинах, компания SAP предложило новое решение – программу SAP Fashion Management. SAP Fashion Management – интегрированное решение, которое сводит бизнес-процесс производства и розничной торговли к единому вертикальному решению, что позволяет вертикально интегрированным компаниям индустрии моды управлять своими бизнес-процессами, работая в одной программе.

2. *Программы CAD/CAM и PLM*. Проектирование одежды – первый этап производства одежды. Достижения 3D-технологий и компьютерной графики изменили современный способ проектирования одежды. Прежде дизайн одежды выполнялся с использованием эскизов, нарисованных на бумаге, но в настоящее время модельеры

используют программные средства для визуализации своих идей. Использование виртуального 3D-манекена в основном заменило использование физического манекена в индустрии моды. Автоматизированное проектирование (CAD) и производство (CAM) относят к программно-аппаратным средствам, которые помогают реализовать идеи конструкторов в готовой продукции.

Термин CAD (англ. computer-aided drafting, design) можно трактовать как просто «компьютерное черчение», и как «компьютерное проектирование» [3]. CAD в индустрии моды – не просто альтернатива традиционному рисованию карандашом на бумаге, которая помогает конструкторам товаров индустрии моды с созданием концептуальной идеи изделий. При помощи таких программных ресурсов можно подобрать цвет изделия и ткань, создать выкройку изделия, оптимизировать раскрой ткани для экономного использования материала, создать демонстрационный виртуальный зал для показа коллекций, передавать макеты изделий другим участникам процесса разработки коллекций. После завершения первоначального чертежа проектировщики могут менять цвета и ткани у модели и даже создавать 3D-прототип изделия для того, чтобы понять, как данный предмет будет выглядеть на живом человеке.

Кроме того, пользователи могут сохранить шаблоны или лекала изделий, доступ к которым можно получить позднее для повторного использования конкретной детали или лекала. При этом шаблонные детали могут даже трансформироваться в совершенно новый стиль. Это значительно ускоряет этап создания новых прототипов изделий. По данным разработчика программного продукта компании Optitex использование ресурса позволяет экономить до 60 % времени на производство образцов, при этом точность создания 3D-прототипа составляет 95 % [10].

Сегодня некоторые программные продукты, например Marvelous Designer, осуществляют процесс моделирования одежды на основании уникальных требований и размеров покупателей. Таким образом, ресурс предлагает простой, точный способ проектирования для потребителей, желающих купить одежду, изготовленную по индивидуальным размерам.

Разрабатывая коллекцию одежды, дизайнер может создавать модели на одной конструктивной основе с различными видами элементов изделий. Для этого необходимо создать базу элементов изделий, которые будут храниться совместно со всеми относящимися к ним комплектами лекал. Работа с такими базами данных позволяет дизайнеру комбинировать изделие, меняя его части.

В дальнейшем на базе эскизов создают образцы, которые при помощи программ CAM запускают в серийное производство. Группа программ CAM (англ. Computer-Aided Manufacturing) связана с технологией производства [3]. Программы типа CAM автоматизируют производственный процесс, оптимизируя повторяющиеся трудоемкие задачи – выкройку, шитье и крашение.

Международные компании индустрии моды активно практикуют совместное использование CAD/CAM программ. Например, компания «Манго» подписала контракт с Lectra, ведущим поставщиком ИТ-решений для индустрии моды для решения вопросов, связанных с управлением жизненным циклом изделий (PLM), которое подразумевает совместное использование ресурсов CAD/CAM программ. Решения PLM интегрируют CAD/CAM модули в одну систему, обеспечивая бесперебойный процесс разработки и производства изделий на основе совместной работы всех участников производственно-сбытовой цепочки.

Важная задача внедрения таких программных ресурсов – увеличение эффективности глобальных цепей поставок, в которых продукты разрабатывают в одной стране, производят в другой, а продают в третьей. Это требует нового уровня точности в области выстраивания международной коммуникации в случае со сложными дизайнами, подбором и соответствием цветов и тканей.

3. *Системы POS-терминалов.* Системы POS-терминалов (англ. Point Of Sale – точка продажи) терминалов были созданы для оптимизации управления запасами и обработки транзакций о продажах товара клиентам и передачи этой информации из торговых точек по цепи поставок заводам производителям, распределительным центрами и другим участникам цепи поставок. Помимо повышения скорости оформления заказа, такие системы позволяют отследить, какой товар хорошо продается и, соответственно, какой товар необходимо заказать повторно. Оборудование POS-терминала терминала включает компьютеры, сенсорные экраны, сканеры штрих-кодов или RFID-сканеры, считыватели карт и PIN-адреса. В систему POS также входит специально разработанное программное обеспечение для хранения и анализа информации со встроенными функциями лояльности клиентов (подарочные карты, купоны).

Некоторые компании, например Zara, используют персональные цифровые ассистенты (PDA) – карманные компьютеры, облегчающие быстрый ввод информации, например, отзывы клиентов, полученные на месте продаж, задавая вопросы: «подходит ли Вам данный товар?» или «нравится ли вам цвет изделия?» после примерки клиентом одежды и обуви в примерочных. В дальнейшем такая информация передается по сети.

После анализа эти данные опросов отображаются в системе вместе с информацией о продажах, и это помогает лучше понять потребности потребителей, анализируя не только факты продаж, но и учитывая отзывы клиентов. Выполнение таких задач имеет решающее значение для привлечения и повышения лояльности клиентов. Полученные данные могут быть учтены при разработке новых коллекций изделий индустрии моды.

4. RFID-технология. RFID-технология – метод радиочастотной идентификации данных, который основан на применении специализированных меток, что позволяет осуществлять бесконтактную идентификацию большого объема данных различных объектов, в том числе изделий или упаковок с товарами индустрии моды. Сегодня технология RFID проникла во многие сферы деятельности компаний различных отраслей, среди которых можно выделить тяжелую промышленность, автомобилестроение, транспортную и складскую логистику, системы обслуживания клиентов, медицину и многие другие [4; 5]. RFID-метки – чипы небольшого размера, встраиваемые в различные объекты, например, липкие этикетки [2]. Они могут быть изготовлены в двух различных видах:

- в виде пассивной метки, питающейся от радиоволн, передаваемых считывателем;
- в виде активной метки, которые имеют свою собственную батарею [2].

Компании индустрии моды также активно используют систему штрихкодирования товара для идентификации данных. Разница между RFID и штриховыми кодами заключается в том, что штриховые коды можно сканировать только в тех случаях, когда товары находятся в прямой видимости от сканера, в то время как при использовании RFID-технологии имеет больший охват и сканеры могут получать информацию, даже если товар находится далеко или за препятствием.

Применение RFID-технологии ускоряет процесс проверки, поскольку сотрудникам не требуется сканировать штрих-код каждого элемента или каждого изделия, как в случае штрихкодирования.

Преимущества использования технологии включают сокращение ручного труда на 30 % и сокращение времени, затрачиваемого на инвентаризацию. Точность учета товарно-материальных запасов при применении технологии составляет 99 % [2]. Технология RFID позволяет увеличить точность учета запасов в магазине до 98 % [2; 13]. При этом данные статистики показывают, что при 3 % улучшении точности учета запасов можно ожидать 1 % увеличения продаж в магазинах [2; 10].

Самое главное, RFID-технология позволяет увеличить продажи благодаря улучшению контроля и отслеживания материальных потоков, что дает 14 %-ный рост продаж.

Многие крупные международные компании индустрии моды сейчас активно тестируют системы слежения за перемещением товаров при помощи технологии блокчейн, которая используется совместно с RFID-технология. Такая система позволяет повысить прозрачность в цепи поставок, делая покупателям доступной информацию об актуальном статусе товаров, о месте производства, используемых материалах. Например, компания стартап Provenance совместно с дизайнером М. Ярлгардом уже тестирует проект fashion-blockchain, основанный на основе технологии блокчейн [11]. Потенциал совместного использования технологий RFID и блокчейн значителен, что связано в первую очередь с тем, что концепция «управления материальными и информационными потоками в индустрии моды» трансформируется в связи с изменяющимися потребностями покупателей [2].

5. Платформы электронной коммерции. Электронная торговля товарами индустрии моды становится все более популярной во всех странах мира, в том числе в России. По данным РБК в 2019 г. продажи товаров индустрии моды в России увеличились на 32 % [8]. Такая динамика роста наблюдается несколько лет, что мотивирует ритейлеров индустрии моды к развитию интернет-торговли. Компании индустрии моды активно открывают собственные интернет-магазины или начинают сотрудничать с маркетплейсами [8]. В 2018–2020 гг. Свои интернет-магазины открыли такие компании, как M. Reason, Стокманн, Cacharel, Gloria Jeans, GANT, Anta Sports, Sandro, Alpha Industries, Сударь, Gap, Elis, MODIS, Serginnetti, Tom Farr, Uniqlo и др. [8].

Платформы электронной коммерции сегодня также трансформируются. При помощи таких платформ сегодня осуществляется не только продажа товаров индустрии моды. Они позволяют выстраивать необходимый уровень взаимодействия с потенциальными покупателями, в том числе получать информацию о предпочтениях покупателей, оценивать новые коллекции моделей, использовать потенциальных покупателей для разработки

новых коллекций одежды. Некоторые из новых инструментов позволяют ритейлерам общаться с покупателями товаров индустрии моды с помощью потокового видео: 5G позволяет создавать новые форматы потокового мультимедиа с графикой высокой четкости.

Таким образом, клиенты могут «примерить» понравившееся изделие, прежде чем делать свои покупки. Некоторые бренды, например Tommy Hilfiger и Gucci, предлагают цифровые шоу-румы, чтобы лучше понимать запросы покупателей. Некоторые компании индустрии моды, например, такие как Taylor Stitch, предлагают клиентам предварительно заказать цифровые проекты моделей, и только после этого товары включаются в производственный план, что позволяет компании избежать перепроизводства изделий.

Исторически сложилось так, что прогнозирование тенденций в индустрии моды опиралось исключительно на динамику продаж прошлых периодов. Сегодня новые программы, основанные на применении искусственного интеллекта, такие как Neuritech, могут выделить группы покупателей-новаторов, которые способны формировать новые тренды в индустрии моды. Чтобы предсказать будущие модные тенденции, программа применяет технологию распознавания изображений элементов одежды по опубликованным в социальных сетях фотографиям таких покупателей при помощи нейронной сети. Нейронная сеть изучает предпочтения покупателей-новаторов или законодателей моды в разрезе стиля, цвета и текстуры изделий. После этого выявленные стилевые предпочтения пользователей могут быть использованы для создания новых дизайнов одежды.

Быстрая покупка понравившегося изделия – важная для современных потребителей индустрии моды возможность. Современные технологии при применении их на электронных платформах компаний индустрии моды или маркетплейсах позволяют купить понравившуюся по фотографии одежду или обувь в один клик. Программное решение компании Snapchat позволяет распознать и найти нужный предмет одежды или обуви на Amazon по фотографии. Система позволяет мгновенно распознать изделие, на которое указывает пользователь; далее создается цифровой портрет изделия и в дальнейшем производится поиск похожего или того же самого товара.

В настоящее время многие онлайн-магазины и поисковые системы могут применять рекомендательные функции, показывающие товары, которые похожи на те, которые покупатели покупали или просматривали ранее. Искусственный интеллект, используемый в таких программах, способен проанализировать не только историю просмотров товаров, но и провести анализ данных о предпочтениях, увлечениях потенциального покупателя.

Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод, что на рынке присутствует большое разнообразие программных ресурсов, которые могут повысить эффективность работы компаний индустрии моды, позволят выиграть в высококонкурентной борьбе в этой отрасли. С каждым годом в связи с активным развитием цифровых технологий, таких как блокчейн, интернет вещей, появляются новые программные продукты, предназначенные для индустрии моды. Тем не менее, выбор программного обеспечения должен основываться на специфических особенностях работы компании, сфере деятельности и других аспектах бизнеса.

Результаты статьи могут быть полезны участникам цепей поставок индустрии моды: ритейлерам и дистрибьюторам, производителям, собственникам брендов индустрии моды, ведь совместное использование программных ресурсов всеми участниками цепи поставок – залог успеха работы компаний в этой отрасли.

Библиографический список

1. Баркова, Н. Ю. Применение робототехники в индустрии моды // Вестник университета. – 2020. – № 2. – С. 85-91.
2. Баркова, Н. Ю. Технология радиочастотной идентификации данных: потенциал использования в цепях поставок индустрии моды // Вестник университета. – 2020. – № 8. – С. 65-82.
3. Беднаржевский, В. С. Добротина, Г. Б. Обзор CAD/CAM/CAE-систем для моделирования и проектирования энергомашиностроительного оборудования // Известия Алтайского государственного университета. – 2002. – № 8. – С. 118-121.
4. Бобцов, А. А., Камнев, Д. А., Кремлев, А. С., Топилин, С. А. Технология радиочастотной идентификации. Перспективы использования и возникающие проблемы // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2007. – № 3. – С. 242-247.
5. Смирнов, А. С. Применение технологии радиочастотной идентификации в системах контроля безопасности транспортировки радиоактивных материалов // Спецтехника и связь. – 2013. – № 13. – С. 35-36.
6. Концепция дорожной карты Fashionnat / Национальная технологическая инициатива. Агентство стратегических инициатив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ivgpu.com/images/docs/nauka/dokumenty/dorozhnaya-karta-fashionnet.pdf> (дата обращения: 12.10.2020).

7. Седых И. А. Индустрия моды / Национальный исследовательский университет. Высшая школа экономики. Центр развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dcenter.hse.ru/data/2019/06/03/1495959454/Индустрия%20моды-2019.pdf> (дата обращения: 05.10.2020).
8. Исследование рынков // Новый обзор РБК: где предел роста онлайн-продаж fashion-ритейла? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oborot.ru/articles/novyy-obzor-rbk-gde-predel-rosta-onlajn-prodazh-fashion-retejla-i117479.html> (дата обращения: 05.10.2020).
9. Global fashion industry statistics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fashionunited.com/> (дата обращения: 10.10.2020).
10. Optitex [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://optitex.com/> (дата обращения: 19.10.2020).
11. Roberty, M. Why the “experts” don’t recommend RFID [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rfidjournal.com/why-the-experts-dont-recommend-rfid> (дата обращения: 10.10.2020).
12. SAP [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.sap.com/industries/fashion-apparel.html?btp=20835309-627a-4d2b-bf95-56f7c5c88818> (дата обращения: 19.10.2020).
13. Wood, J. 7 powerful examples of how RFID technology can be used in retail [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medium.com/qash/7-powerful-examples-of-how-rfid-technology-can-be-used-in-retail-e3f5a711eb85> (дата обращения: 10.10.2020).

References

1. Barkova N. Yu. Primenenie robototekhniki v industrii mody [*Application of robotics in the fashion industry*]. Vestnik universiteta, 2020, no. 2, pp. 85-91.
2. Barkova N. Yu. Tekhnologiya radiochastotnoi identifikatsii dannykh: potentsial ispol'zovaniya v tsepyakh postavok industrii mody [*Radio frequency data identification technology: potential for use in fashion supply chains*]. Vestnik universiteta, 2020, no. 8, pp. 65-82.
3. Bednarzhevskii V. S. Dobrotina G. B. Obzor CAD/CAM/CAE-sistem dlya modelirovaniya i proektirovaniya energomashinostroitel'nogo oborudovaniya [*Overview of CAD/CAM/CAE systems for power engineering equipment modeling and design*]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of Altai State University], 2002, no. 8, pp. 118-121.
4. Bobtsov A. A. Kamnev D. A., Kremlev A. S., Topilin S. A. Tekhnologiya radiochastotnoi identifikatsii. Perspektivy ispol'zovaniya i vznikayushchie problemy [*Radio frequency identification technology. Use prospects and emerging issues*]. Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki [*Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics*], 2007, no. 3, pp. 242-247.
5. Smirnov A. S. Primenenie tekhnologii radiochastotnoi identifikatsii v sistemakh kontrolya bezopasnosti transportirovki radioaktivnykh materialov [*Application of radio frequency identification technology in safety control systems for transportation of radioactive materials*]. Spetstekhnika i svyaz', 2013, no. 13, pp. 35-36.
6. Kontseptsiya dorozhnoi karty Fashionnat [*The concept of the Fashionnat roadmap*]. Natsional'naya tekhnologicheskaya initsiativa. Agentstvo strategicheskikh initsiativ [*National Technology Initiative. Agency for Strategic Initiatives*]. Available at: <https://ivgpu.com/images/docs/nauka/dokumenty/dorozhnaya-karta-fashionnet.pdf> (accessed 12.10.2020).
7. Sedykh I. A. Industriya mody [*Fashion industry*]. Natsional'nyi issledovatel'skii universitet. Vysshaya shkola ekonomiki. Centr razvitiya [*National Research University. Higher School of Economics. Centre of Development*]. Available at: <https://dcenter.hse.ru/data/2019/06/03/1495959454/Industriya%20mody-2019.pdf> (accessed 05.10.2020).
8. Issledovanie ryнков [*Market research*]. Novyi obzor RBK: gde predel rosta onlain-prodazh fashion-reiteila – 2020? [*A new survey of RBC: where is the limit of growth in online sales of fashion retail – 2020?*]. Available at: <https://oborot.ru/articles/novyy-obzor-rbk-gde-predel-rosta-onlajn-prodazh-fashion-retejla-i117479.html> (accessed 05.09.2020).
9. Global Fashion Industry Statistics. Available at: <https://fashionunited.com/> (accessed 10.10.2020).
10. Optitex. Available at: <https://optitex.com/> (accessed 19.10.2020).
11. Roberty M. Why the “experts” don’t recommend RFID. Available at: <https://www.rfidjournal.com/why-the-experts-dont-recommend-rfid> (accessed 10.10.2020).
12. SAP. Available at: [https://www.sap.com/industries/fashion-apparel.html? btp = 20835309-627a-4d2b-bf95-56f7c5c88818](https://www.sap.com/industries/fashion-apparel.html?btp=20835309-627a-4d2b-bf95-56f7c5c88818) (accessed 19.10.2020).
13. Wood J. 7 powerful examples of how RFID technology can be used in retail. Available at: <https://medium.com/qash/7-powerful-examples-of-how-rfid-technology-can-be-used-in-retail-e3f5a711eb85> (accessed 10.10.2020).

Быкова Екатерина Александровна
аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления»
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3245-777X
e-mail: abpk@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИННОВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ОПТОВОГО И РОЗНИЧНОГО СЕКТОРОВ РЫНКА ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. Обсуждаются важные особенности тенденций трансформации оптового и розничного звеньев российского лекарственного рынка России в условиях инновационного развития фармацевтической промышленности России. Дана общая оценка влиянию государственного регулирования предельных отпускных цен на препараты списка жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов на рентабельность рынка. Представлена упрощенная институциональная схема взаимодействия дистрибьюторов с другими участниками рынка. Обсуждаются важные аспекты и тактические шаги дистрибьюторского и аптечного звеньев российского фармацевтического рынка. Приведены рейтинги ведущих дистрибьюторских фармацевтических компаний в России и проанализированы особенности их структурных изменений под влиянием факторов инновационного развития. Приведены рейтинги ведущих аптечных сетей и проанализированы особенности новых структурных образований – ассоциаций. Предложен термин «поляризация» для оптовых и розничных компаний.

Ключевые слова: дистрибуция лекарств, инновационная трансформация, инновационные факторы, научно-инновационные исследования, разработки в здравоохранении, разработки в фармации, рынок лекарственных средств, фармация в России

Для цитирования: Быкова Е.А. Трансформационные тенденции и инновационные факторы развития оптового и розничного секторов рынка лекарственных средств//Вестник университета. 2020. № 12. С. 27–35.

Ekaterina A. Bykova
Postgraduate student, State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3245-777X
e-mail: abpk@yandex.ru

TRANSFORMATIONAL TRENDS AND INNOVATIVE FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF THE WHOLESALE AND RETAIL SECTORS OF THE PHARMACEUTICAL MARKET

Abstract. The article discusses important features of trends in the transformation of the wholesale and retail level of the Russian medicinal market in the context of innovative factors in the development of the pharmaceutical industry in Russia. The paper gives a general assessment of the impact of state regulation of the maximum selling prices for medicines from the list of vital and essential medicines on the profitability of the market. The author presents a simplified institutional scheme of interaction between distributors and other market participants. The study discusses important aspects and tactical steps of the distribution and pharmacy level of the Russian pharmaceutical market. The article gives the ratings of the leading distribution pharmaceutical companies in Russia and analyses the peculiarities of their structural changes under the influence of innovative development factors. The paper gives ratings of leading pharmacy chains and analyses the features of new structural formations – associations. The author proposes the term of “polarization” for wholesale and retail companies.

Keywords: developments in pharmacy, medicines distribution, innovative transformation, innovative factors, medicines market, pharmacy in Russia, scientific and innovative research

For citation: Bykova E.A. (2020) Transformational trends and innovative factors in the development of the wholesale and retail sectors of the pharmaceutical market. *Vestnik universiteta*. 1. 12, pp. 27–35. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-27-35

Важными вопросами для детального исследования в области трансформации лекарственного рынка фармацевтической промышленности представляют недостаточно изученные вопросы усилившихся в 2010-х гг. отраслевых дисбалансов: ослабления роли транснациональных компаний; роста доли и влияния российских производителей на отрасль; трансформации товаропроводящей цепочки «производитель – дистрибьютор – аптека – потребитель» [2; 9].

Методологической и теоретической основой проведения исследования трансформации оптового и розничного звена лекарственного рынка стали научные труды в области теории институциональной трансформации социально-экономических систем. Особое внимание уделено авторами работам В. Ю. Кириченко [10], Д. С. Лебедева [13], С. В. Любимцевой [14], В. И. Кушлина [12] и В. Ю. Яковца [15]. Также были изучены множественные нормативно-правовые акты и данные аналитических агентств отрасли.

Аккумулируя изученные источники, можно сделать вывод, что за последнее двадцатилетие для дистрибьюторского звена российского фармацевтического рынка в целом, так и для всех его участников, характерны общие тенденции развития: сначала стремительный рост числа юридических лиц, особенно в регионах, и затем постепенная их консолидация в рамках слияния и поглощения, ведение бизнеса в условиях усиления государственного контроля [9; 21].

Дистрибьюторский бизнес, в особенности в фармацевтической отрасли, характеризуется низкой рентабельностью, и это обуславливает стремление дистрибьюторских компаний наращивать продажи и оборот фармацевтической продукции, чтобы увеличивать валовую прибыль.

Важным толчком к разнонаправленной трансформации фармацевтического сектора стало государственное регулирование предельных отпускных цен на жизненно необходимые и важнейшие лекарственные препараты (далее – ЖНВЛП). Ежегодно Правительством Российской Федерации утверждается перечень лекарственных препаратов для медицинского применения, обеспечивающих приоритетные потребности здравоохранения в целях профилактики и лечения заболеваний, в том числе преобладающих в структуре заболеваемости в России [3]. Меры по государственному регулированию предельных отпускных цен на препараты списка ЖНВЛП были приняты после кризиса 2008 г. с целью сдерживать удорожание лекарств вследствие девальвации национальной валюты.

По данным аналитических агентств, дистрибьюторский сектор фармацевтического рынка России насчитывает порядка 900 организаций, при этом первые 20 компаний федерального значения, оставшиеся компании ведут свою деятельность в отдельно взятых регионах [16; 18]. Упрощенная институциональная схема взаимодействия дистрибьюторов с другими участниками рынка лекарственных средств показывает [8], что дистрибьюторские компании – промежуточное звено между производителем продукции и конечным ее потребителем. Дистрибьюторское звено всегда играло важную роль в развитии фармацевтического рынка России и доминировало в товаропроводящей цепочке. Основным документом, регулирующим работу этого звена, является Приказ Министерства здравоохранения России (далее – Минздрав РФ) от 15 марта 2002 г. № 80 (ред. от 28.03.2003) «Об утверждении Отраслевого стандарта «Правила оптовой торговли лекарственными средствами. Основные положения» [6], где детально прописаны все операции, касающиеся организации деятельности и поддержания режима на фармацевтическом складе.

Анализ динамики доли основных дистрибьюторов в динамике последних 10 лет показал, во-первых, значительную разнонаправленную ротацию внутри рейтинга, и во-вторых, наряду с наращиванием присутствия одних компаний другие компании-дистрибьюторы вовсе выбыли из рейтинга (табл. 1).

Таблица 1

Динамика доли крупнейших оптовых компаний за 2009 г., 2015 г. и 2019 г.

Наименование поставщика	Доля дистрибьютора на фармрынке, %		
	2009 г.	2015 г.	2019 г.
ЦВ Протек	17,8	18,3	14,8
Пульс	5,0	10,3	14,1
Катрен НПК	11,3	19,9	13,6

Наименование поставщика	Доля дистрибьютора на фармрынке, %		
	2009 г.	2015 г.	2019 г.
РОСТА	11,0	10,8	5,1
Р-Фарм	4,8	7,3	4,4
Аптека – Холдинг	4,9	7,8	3,4
Биотэк	4,0	2,0	2,7
СИА Интернейшнл	17,8	9,0	2,4
Генезис	3,2	1,5	1,0
Морон	2,7	1,1	0,9
Хелс-М	1,7	1,0	0,8
Итого ТОП 10	79,2	89,0	63,7

Составлено автором по данным источников [16; 17; 18; 19]

К 2015 г. рынок дистрибуции стал более консолидированным – на топ 10 компаний пришлось около 90 % всего объема поставок. Это обусловлено тем, что число сравнительно мелких дистрибуторов, которые стояли между производителем и аптекой, сократилось в связи с тем, что сложно было поделить допустимую постановлением оптовую наценку (например, 20–30 %) между всеми участниками товаропроводящей цепочки. Кроме того, розничные цены на перечень ЖНВЛП регулируются законом: отпускные цены и размер торговых надбавок зафиксированы приказами местных органов управления здравоохранением в рублях и обновляются не чаще чем раз в год. Эти препараты должны быть обязательно включены в ассортимент аптек.

Важно отметить в списке первых десяти ведущих дистрибуторских компаний «Р-Фарм» и ФК «Пульс», которые значительно нарастили свое присутствие на фармацевтическом рынке в результате активного участия в тендерных закупках по льготным рецептам. В рамках значительного наращивания объемов государственных закупок за счет федерального и регионального бюджетов в период 2014–2019 гг. «Р-Фарм» и ФК Пульс специализируются на госпитальных поставках, в том числе инновационной продукции компаний «Генериум», «Биокад» и т. д.

Растущие объемы реализации, пристальное внимание государственных регуляторных органов за последние 10 лет привели к существенным трансформационным сдвигам внутри дистрибуторского звена. Прежде всего, необходимо сказать несколько слов о трансформации части дистрибуторов в слой логистических операторов. Логистические операторы – это прежде всего транспортные компании, которые функционируют во многих потребительских сегментах. В общем понимании, это организация-представитель, защищающая интересы владельца груза, оказывающая ему услуги по доставке (логистике) какого-либо груза по определенному маршруту. Однако с момента введения Отраслевого стандарта № 80 фармдистрибутор в основополагающем понимании компании, основная компетенция которой заключалась в организации эффективной логистики фармпрепаратов, частично трансформировалась в логистического оператора или компанию, которая помимо транспортировки лекарственных средств берет на себя финансовые риски производителя, связанные с реализацией лекарств аптечным сетям.

Еще более значимую роль в дальнейшем инновационном развитии сектора фармдистрибуции сыграло введение «Правил надлежащей практики хранения и перевозки лекарственных препаратов для медицинского применения», утвержденным Приказом Минздрава РФ № 646н от 31 августа 2016 г. [7] и внесло существенные коррективы в организацию работы фармацевтических складов. В частности, на таком объекте в обязательном порядке должно быть шесть зон, отвечающих определенным требованиям: приемки лекарственных товаров; основного хранения; экспедиции; хранения лекарственных препаратов, требующих особые условия; хранения фальсифицированных, недоброкачественных товаров; карантина (возвращенные в организацию лекарственные средства, поступившие в бракованной таре, без сопроводительных документов и т. д.).

Исследование нормативно-правовой базы позволили выделить несколько чрезвычайно важных аспектов. Во-первых, лекарственные средства – особый товар, транспортировка которого имеет не только высокое

социальное значение, но и ряд особенностей, в том числе требования к организации специализированной инфраструктуры и множество сопроводительной документации. Среди последних важно отметить систему оптимизацию транспортировки и развозки продукции, количественная и качественная приемка, строгие рамки хранения, управление запасами, обработка заказов, пополнение ассортимента, отгрузка, документальное оформление и мн. др. [11].

Из этого следует, что в случае, если дистрибьютор фармацевтической продукции, не имеющий возможности организовать транспортировку лекарственных средств в соответствии с надлежащей практикой согласно Приказу Минздрава РФ № 646н, обращается к услугам логистических операторов. В результате, количество звеньев товаропроводящей цепочки растет, а рентабельность бизнеса дистрибьюторов как торговых компаний становится крайне низкой. Еще одним важным шагом, с одной стороны, государственного регулирования и, с другой стороны, управления развитием сектора фармдистрибуции со стороны государства стало принятие Постановления Правительства № 1081 «О лицензировании фармацевтической деятельности» от 22 декабря 2011 г. [4], который обязывает компании получать лицензию на оптовую фармацевтическую деятельность и соответствовать требованиям по помещениям, наличию необходимого оборудования, соблюдению температурных режимов хранения и т. д.

Второй важный аспект связан организацией импорта лекарств в Россию и роли дистрибьюторов как промежуточного звена между зарубежной компанией и аптечным сектором. Зарубежный производитель лекарственных средств может осуществлять свою хозяйственную деятельность в России в двух режимах. Первый вариант – как представительство без образования юридического лица и, соответственно, без собственного склада с товаром. Второй вариант, когда зарубежная компания регистрирует российское ЗАО, получает лицензию на фармдеятельность, формирует в России «предоптовый» склад и сама распределяет товар по дистрибьюторам. Благодаря такому подходу импортер может поставлять товар не только крупным, но и мелким дистрибуторским компаниям или даже напрямую аптечным сетям. А чем больше возможностей для сбыта, тем «лучше» цена продукта. Это позволяет наращивать объемы продаж, не прибегая к скидкам, которых обычно требует крупный дистрибьютор. Важно продемонстрировать, что принятие Законопроекта Федерального закона № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. [1] ускорило трансформацию товарных потоков в поставках импорта лекарственных средств в течение всего следующего десятилетия, вплоть до 2020 гг. и привело к дополнительным существенным изменениям в структуре импорта и в долевого присутствия национальных дистрибьюторов и дочерних компаний зарубежных производителей. Законопроект ФЗ № 61 предполагает, что максимальная наценка для всей товаропроводящей цепочки, включая розницу, не должна превышать 30 %. В частности, на оптовое звено отводится всего 10 %, что обусловило последующий активный рост прямых поставок дочерних предприятий и одновременный переход российских фармдистрибьюторов на прямые поставки лекарств из-за рубежа, минуя одно из звеньев товаропроводящей цепочки в виде российских «дочек» западных производителей. Исследование, проведенное ранее настоящим автором по аналитическим данным периода 2008–2009 гг. подтвердило, что поставки дочерних компаний зарубежных производителей выросли на 9,7 % в долларовом эквиваленте, вследствие чего их доля в общей структуре импорта по итогам анализируемого периода выросла на 6 % [8; 16]. Наибольшее увеличение объемов поставок на рубеже 2010-х гг. продемонстрировали представительства компании «Пфайзер» (в 10,2 раза), «Берлин-Хеми» (в 2,2 раза) и «Новартис» (в 1,5 раза).

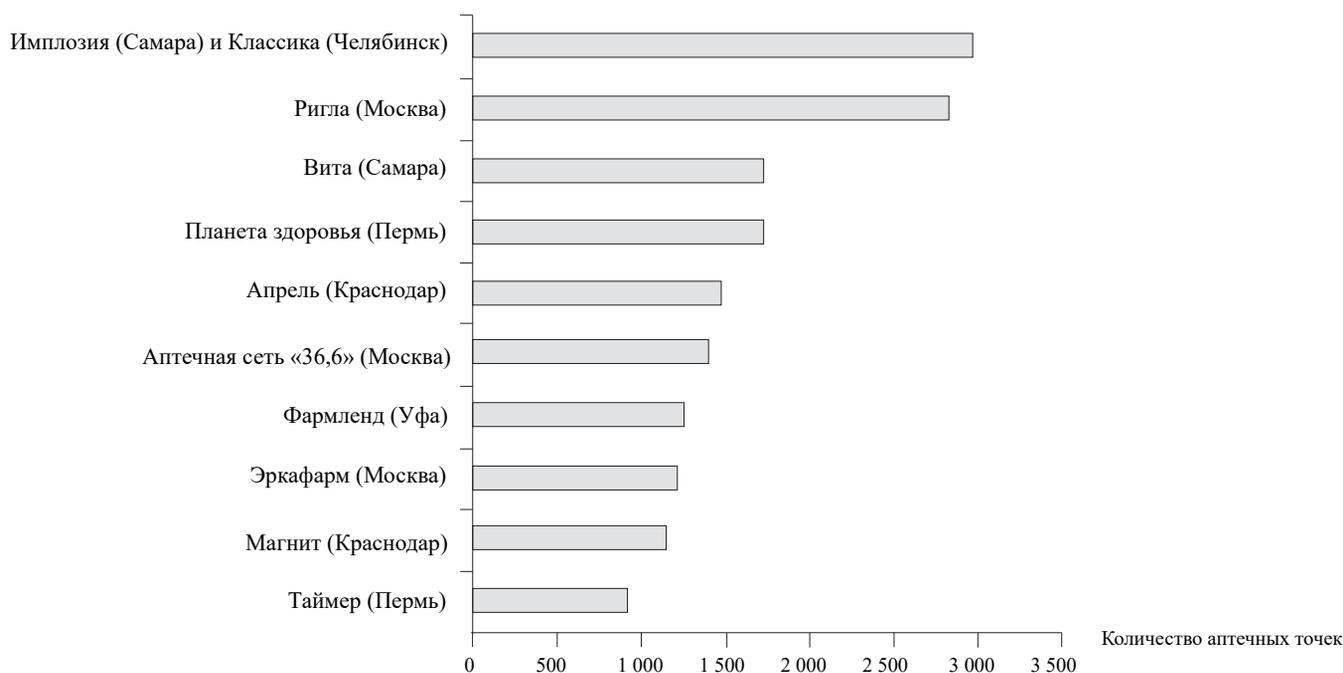
Таким образом, особенности организации импорта лекарств в Россию, сопутствующие ей законодательные инициативы и объективные рыночные факторы обусловили сразу несколько важных тенденций последнего десятилетия 2010–2020 г., характерных российского оптового рынка лекарственных средств:

- попытки увеличения прямого импорта в целях сохранения прежнего уровня рентабельности [5];
- увеличение в структуре закупок доли дорогих лекарственных средств и соответствующее сокращение сегмента более дешевых, в том числе ЖНВЛП, где и по большей части представлены отечественные препараты;
- активные сделки слияния и поглощения, приобретение крупными федеральными дистрибьюторами региональных поставщиков, их широкая региональная экспансия.

Аккумулируя все изложенное выше, мы приходим к третьему важному аспекту трансформации дистрибуторского звена – наряду с общей закономерной концентрацией оптовых компаний можно отследить

разнонаправленную вертикальную интеграцию как в сторону производства, так и в сторону розничной деятельности. Крупнейшие поставщики начали активно расширять бизнес и создавать холдинги с собственным производством и/или аптечными сетями, искать новые рынки сбыта. Подобная диверсификация помогает многим фармдистрибьюторам в текущих рыночных условиях увеличивать рентабельность бизнеса. ЦВ «Протек» владеет аптечной сетью «Ригла» [21], производством ФармФирма «Сотекс»; НПК «Катрен» владеет сетью «Мелодия здоровья» и т. д.

Аптечный бизнес в России относится к малому бизнесу, и потому многие из тенденций малого бизнеса ему присущи. В кругу маркетологов фармацевтической отрасли не дано четкого критерия, какое число точек является минимальным для того, чтобы учитывать объединение аптек как сеть, другие. Одни аналитические агентства считают три и более точек как сеть, другие – шесть и более точек, третьи – по-иному. Чаще всего аптечной сетью считают такую сеть аптек, которая насчитывает три и более точки, и функционирует под одной вывеской.

Источник: [19]

Рис. 1. Топ-10 аптечных сетей с наивысшей выручкой одной точки в 2019 г.

На начало 2019 г. в стране насчитывалось около 68 000 аптечных учреждений, включая аптечные пункты и киоски [17]. Несмотря на это, анализируя рейтинг, представленный на рисунке 1, отметим, что в этом списке указаны лишь три аптечные сети со штаб-квартирой в Москве: «Ригла», Аптечная сеть «36,6», «Эркафарм». Это свидетельствует о том, что аптечный бизнес в России в отличие от дистрибьютерского не полностью консолидируется в центральном регионе, что, безусловно, положительно сказывается на общем экономическом развитии регионов. При этом справедливо полагать, что аптечные учреждения в Московском регионе имеют более высокую проходимость, оборот и выручку в связи с более высокой покупательской способностью населения: в первой «пятерке» по среднемесячной выручке находятся сети Москвы: «Здоров.ру», «еАптека», «Ваша № 1», «Витафарм».

Организационный и структурный анализ аптечного звена позволяет сформулировать отличительные особенности современного аптечного рынка:

- в условиях государственного регулирования торговых надбавок на ЖНВЛП аптечные учреждения находятся в узких рамках формирования ассортимента и выполнения требований к ценообразованию: с одной стороны, как уже упоминалось выше, до 40 % ассортимента аптек составляют препараты ЖНВЛП, с другой – аптеки стараются дополнить ассортимент полочками препаратами, цены на которые не регулируются (БАД, парафармация, средства гигиены и ухода за кожей, дорогостоящие препараты). Таким образом, аптечные учреждения находятся в поисках баланса между выполнением требований и удержанием рентабельности бизнеса;

- те аптечные учреждения, которые не смогли работать в текущих рыночных условиях и удержать баланс, попадают под сделки слияния и поглощения, которые ежегодно проходят между ее участниками;
- неструктурированные аптечные учреждения, т. е. аптеки, не входящие в аптечные сети, активно вступают в маркетинговые партнерства и франчайзинговые объединения (табл. 2).

Таблица 2

**Крупнейшие маркетинговые партнерства и франчайзинговые объединения
на аптечном рынке, 2019 г.**

Наименование	Общий объем продаж в 2019 г., млрд руб.	Прирост по сравнению с 2018 г.	Общее количество аптечных точек
АСНА	179,9	8,4	9 332
Проаптека	81,9	23,8	5 794
Медико-фарм. объединение	69,5	47,6	4 411
Созвездие	26,5	63,1	3 213
Весна	18,4	18,8	1 664
Советская аптека	3,6	15	270

Источник: [19]

Вступление в подобные ассоциации и партнерства позволяет вести переговоры с дистрибьюторскими компаниями по вопросу закупок лекарственных средств от имени партнерства, дают привилегии и скидки, позволяют проводить совместные акции и мероприятия на выгодных условиях, заключать контракты на закупку по более низким ценам. Такие партнерства также работают под одной «вывеской», но не под одним юридическим лицом, в отличие от аптечной сети.

Если мы посмотрим на цифры количества аптечных учреждений, которые на конец 2019 г. вошли в состав партнерств, то их число достигло 22 000, т. е. порядка 30 % неструктурированных аптечных учреждений входят в состав ассоциаций [19].

Таким образом, под влиянием инновационного развития отрасли оптовое и розничное звенья фармацевтического рынка трансформировались в достаточно развитые экономические системы, которые довольно успешно взаимодействуют между собой. Подчеркнем, что, как оптовые, так и розничные предприятия ведут эффективную деятельность в конкурентных условиях рынка, учитывают особые условия ценообразования в условиях государственного регулирования оптовых надбавок на ЖНВЛП. Как оптовые, так и розничные предприятия самостоятельно формируют продуктовые линейки и ведут ассортиментную политику, стремясь выполнить условия государственных регуляторов и одновременно с этим повысить рентабельность.

Становится логичным заключить, что трансформационные изменения оптового и розничного звена российского фармацевтического рынка в условиях инновационных факторов развития приводят к «вынужденной поляризации» участников рынка, с точки зрения ассортимента. Это новое явление означает следующее. С одной стороны, с целью повышения рентабельности и доходности бизнеса часть оптовых компаний первыми на фармацевтическом рынке взяли на себя инициативу создания собственных дополнительных подразделений в розничном секторе и секторе производства, в сфере предоставления информационно-технологических услуг на фармацевтическом рынке, в сфере подбора кадров, в сфере обучения персонала и повышения квалификации и т. д. С другой стороны, пристальное внимание государства к вопросам импортозамещения посредством разработки и производства российских инновационных лекарственных средств сместило интерес оптовых компаний в сторону наращивания поставок и участия в тендерах на поставку больничных и государственных закупок. Это обусловило появление в списке оптовиков, работающих, как правило, с розничными аптечными учреждениями, достаточного количества специализированных дистрибьюторов исключительно госпитального направления.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации № 832 «О концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/179112/> (дата обращения 17.10.2020)
2. Постановление Правительства РФ от 29.10.2010 г. № 865 «О государственном регулировании цен на лекарственные препараты, включенные в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12179966/> (дата обращения 23.10.2020).
3. Постановление Правительства РФ № 1081 от 22.12.2011 г. «О лицензировании фармацевтической деятельности» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70120008/> (дата обращения 14.10.2020).
4. Постановление Правительства РФ «О порядке ввоза и вывоза лекарственных средств, предназначенных для медицинского применения» № 438 от 16.07.2005 г. // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/5431684/> (дата обращения: 23.10.2019).
5. Приказ № 80 «Об утверждении отраслевого стандарта «Правила оптовой торговли лекарственными средствами. Основные положения», от 12.03.2003 г. // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/992099/> (дата обращения 12.10.2020).
6. Приказ Министерства здравоохранения РФ № 646н «Об утверждении Правил надлежащей практики хранения и перевозки лекарственных препаратов для медицинского применения» от 31.08.2016 г. // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71482808/> (дата обращения 14.10.2020).
7. Федеральный закон от 27.12.2019 г. № 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» и Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71482809> (дата обращения 27.10.2020).
8. Быкова, Е. А. Сулягин, В. С. Исследование современного фармацевтического рынка России // Научные труды: ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 9. – 2011. – С. 296-308.
9. Быкова (Паутова), Е. А., Денисова, М. Н. Фармацевтический рынок России в первом полугодии 2009 г. // Ежемесячный специализированно-аналитический журнал «Ремедиум». – 2010. – № 5 (Апрель). – С. 24-25.
10. Кириченко, В. Ю. Рыночная трансформация экономики: теория и опыт // Российский экономический журнал. – 2000. – № 11-12. – С. 34-35.
11. Колипова, Ю. В. Российская дистрибуция: особый путь развития // Ремедиум. – 2003. – № 12. – С. 71-73.
12. Кушлин, В. И. Государственное управление научно-инновационным развитием: новое в мировой практике: монография. – М.: Проспект, 2019. – 272 с.
13. Лебедев, Д. С. Институциональная трансформация социально-экономических систем: теория, методология анализа, практика применения во внешней торговле России: монография. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2017. – 192 с.
14. Любимцева, С. В. Трансформация экономических систем: монография. – М.: Экономистъ, 2003. – С. 18.
15. Яковец, В. Ю. Глобальные экономические трансформации XXI века. – М.: Экономика, 2011. – 382 с.
16. Данные аналитической компании IQVIA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iqvia.com/> (дата обращения 07.10.2020).
17. Данные аналитической компании RNC pharma [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rncph.ru/> (дата обращения 05.10.2020).
18. Данные аналитического агентства ЦМИ Фармэксперт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pharmexpert.ru/> (дата обращения 22.10.2020).
19. Данные аналитического агентства VM-Навигатор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vmnavigator.ru/> (дата обращения 12.10.2020).
20. Данные Федеральной таможенной службы, 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://customs.gov.ru/folder/521/> (дата обращения: 10.10.2020).
21. Масляева, М. Логистика в фармацевтике // Московские аптеки. – Выпуск от 11.12.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mosapteki.ru/material/logistika-v-farmaceutvike-segodnya-i-zavtra-10673> (дата обращения 14.10.2019).
22. Официальный сайт федерального дистрибьютора лекарственных средств «Центр Внедрения Протек» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.protek.ru/> (дата обращения 12.10.2020).

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii № 832 "O kontseptsii innovatsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na 1998-2000 gody" [*Resolution of the Government of the Russian Federation "On the Concept of Innovation Policy of the Russian Federation for 1998-2000" No. 832*]. Legal reference system "Garant". Available at: <https://base.garant.ru/179112/> (accessed 17.10.2020.)
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.10. 2010 g. № 865 "O gosudarstvennom regulirovanii tsen na lekarstvennye preparaty, vkluchennyye v perechen' zhizненно neobkhodimyykh i vazhneishikh lekarstvennykh preparatov" [*Resolution of the Government of the Russian Federation "On State Regulation of Prices for Medicinal Preparations Included in the List of Vital and Essential Medicinal Preparations" No. 865, dated on October 29, 2010*]. Legal reference system "Garant". Available at: <https://base.garant.ru/12179966/> (accessed 23.10.2020)
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF № 1081 ot 22.12.2011 "O litsenzirovanii farmatsevticheskoi deyatel'nosti" [*Resolution of the Government of the Russian Federation "On Licensing of pharmaceutical activities" No. 1081, dated on December 22, 2011*]. Legal reference system "Garant". Available at: <https://base.garant.ru/70120008/> (accessed 14.10.2020).
4. Postanovlenie Pravitel'stva RF "O poryadke vvoza i vyvoza lekarstvennykh sredstv, prednaznachennykh dlya meditsinskogo primeneniya" № 438 ot 16.07.2005 [*Resolution of the Government of the Russian Federation "On the Order of Import and Export of Medicinal Products intended for Medicinal Use" No. 438, dated on July 16, 2005*]. Legal reference system "Garant". Available at: <https://base.garant.ru/5431684/> (accessed 23.10.2019).
5. Prikaz № 80 "Ob utverzhdenii otraslevogo standarta "Pravila optovoi trgovli lekarstvennymi sredstvami. Osnovnye polozheniya", ot 12.03.2003 [*Order "On Approval of the Industry Standard "Rules for Wholesale Trade in Medicinal Products. Fundamentals" No. 80, dated on March 12, 2003*]. Legal reference system "Garant". Available at: <https://base.garant.ru/992099/> (accessed 12.10.2020).
6. Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya RF № 646n "Ob utverzhdenii Pravil nadlezhashchei praktiki khraneniya i perevozki lekarstvennykh preparatov dlya meditsinskogo primeneniya" ot 31 avgusta 2016 g. [*Order of the Ministry of Health of the Russian Federation "On Approval of Rules of Good Practice of Storage and Transportation of Medicinal Preparations for Medical Use" No. 646n, dated on August 31, 2016*]. Legal reference system "Garant". Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71482808/> (accessed 14.10.2020).
7. Federal'nyi zakon ot 27 dekabrya 2019 g. № 462-FZ "O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "Ob obrashchenii lekarstvennykh sredstv" i Federal'nyi zakon "O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "Ob obrashchenii lekarstvennykh sredstv" [*Federal law "On Amendments to the Federal law "On Circulation of Medicinal Products" No. 462-FZ, dated on December 27, 2019 and Federal law "On Amendments to the Federal law "On Circulation of Medicinal Products"*]. Legal reference system "Garant". Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71482809 (accessed 27.10.2020).
8. Bykova E. A. Sutyagin V. S. Issledovanie sovremennogo farmatsevticheskogo rynka Rossii [*Research of the modern Russian pharmaceutical market*]. Nauchnye trudy: in-t narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN [*Scientific Articles: Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences*], 2011, vol. 9, pp. 296-308.
9. Bykova (Pautova) E. A., Denisova M. N. Farmatsevticheskii rynek Rossii v 1m polugodii 2009g. [*Russian pharmaceutical market in the 1st half of 2009*]. Ezhemesyachnyi spetsializirovanno-analiticheskii zhurnal "Remedium" [*Monthly Specialized Analytical Journal "Remedium"*], 2010, no. 5, (April), pp. 24-25.
10. Kirichenko V. Yu. Rynoch'naya transformatsiya ekonomiki: teoriya i opyt [*Market transformation of the economy: theory and experience*]. Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal [*Russian Economic Journal*], 2000, no. 11-12, pp. 34-35.
11. Kolipova Yu. V. Rossiiskaya distrib'yutsiya: osobyi put' razvitiya [*Russian distribution: a special way of development*]. Remedium, 2003, no. 12, pp. 71-73.
12. Kushlin V. I. Gosudarstvennoe upravlenie nauchno-innovatsionnym razvitiem: novoe v mirovoi praktike: monografiya [*State management of scientific and innovative development: new in the world practice: monograph*]. Moscow, Prospekt, 2019, 272 p.
13. Lebedev D. S. Institutsional'naya transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: teoriya, metodologiya analiza, praktika primeneniya vo vneshnei trgovle Rossii: monografiya [*Institutional transformation of socio-economic systems: theory, methodology of analysis, practice of application in Russian foreign trade: monograph*], 2-e izd. Moscow, Prospekt, 2017, 192 p.
14. Lyubimtseva S. V. Transformatsiya ekonomicheskikh sistem: monografiya [*Transformation of economic systems: monograph*]. Moscow, Ekonomist', 2003, p. 18.
15. Yakovets V. Yu. Global'nye ekonomicheskie transformatsii XXI veka [*Global economic transformations of the XXI century*]. Moscow, Ekonomika, 2011, 382 p.
16. Dannye analiticheskoi kompanii IQVIA [*Data from the analytical company IQVIA*]. Available at: <https://www.iqvia.com/> (accessed 07.10.2020).

17. Dannye analiticheskoi kompanii RNC pharma [*Data from the analytical company RNC pharma*]. Available at: <https://rncph.ru/> (accessed 05.10.2020).
18. Dannye analiticheskogo agentstva TsMI Farmekspert [*Data from the analytical agency Center for Marketing Research Pharm-Expert*]. Available at: <https://pharmexpert.ru/> (accessed 22.10.2020).
19. Dannye analiticheskogo agentstva VM-Navigator [*Data from the analytical agency VMNavigator*]. Available at: <http://vmnavigator.ru/> (accessed 12.10.2020).
20. Dannye Federal'noi tamozhennoi sluzhby, 2019 [*Data of the Federal Customs Service, 2019*]. Available at: <http://customs.gov.ru/folder/521/> (accessed 10.10.2020).
21. Maslyeva M. Logistika v farmatsevtike [*Logistics in pharmaceutical industry*]. Moskovskie apteki, Vypusk ot 11.12.2018. Available at: <http://mosapteki.ru/material/logistika-v-farmacevtike-segodnya-i-zavtra-10673> (accessed 14.10.2019).
22. Ofitsial'nyi sait federal'nogo distrib'yutora lekarstvennykh sredstv "Tsentri Vnedreniya Protek" [*Official website of the Federal distributor of medicinal products "CV Protek"*]. Available at: <https://www.protek.ru/> (accessed 12.10.2020).

Макаренко Анна Евгеньевна

канд. тех. наук, доцент, ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-6663-8339**E-mail:** dfkmc@mail.ru**ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ТЕСТИРОВАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРОГРАММИРОВАНИЮ**

Аннотация. Цель работы – совершенствование методик использования тестовых технологий в образовательном процессе и выработка оптимального графика проведения тестов в высшей школе при обучении языкам программирования. Рассмотрены преимущества и недостатки тестовых технологий. Исследована результативность единовременного и поэтапного тестирования и изучена роль тестирования на разных этапах образовательного процесса. В ходе исследования использовались письменная и компьютерная формы тестирования. Показано, что поэтапное тестирование эффективнее единовременного. Выявлена целесообразность проведения тестирования, предшествующего выполнению практических работ. Результаты исследования позволяют выработать оптимальный график проведения тестов, что способствует повышению качества освоения учебного материала и усилению мотивации учащихся.

Ключевые слова: график тестирования, информационные технологии, образовательный процесс, обучение программированию, педагогический тест, тестирование, тестовая система, тестовая технология, языки программирования

Для цитирования: Макаренко А.Е. Применение технологии тестирования при обучении программированию // Вестник университета. 2020. № 12. С. 36–43.

Anna E. Makarenko

Candidat of Engineering Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6663-8339**E-mail:** dfkmc@mail.ru**APPLICATION OF TESTING TECHNOLOGY IN PROGRAM TRAINING**

Abstract. The purpose of the paper is to improve the methods of using test technologies in the educational process and to develop an optimal schedule for conducting tests in higher education when teaching programming languages. The article considers the advantages and disadvantages of test technologies. The author investigates the effectiveness of one-time and step-by-step testing and studies the role of testing at different stages of the educational process. In the course of the study, the author used written and computer forms of testing. The paper shows that step-by-step testing is more effective than one-time testing. The article identifies the expediency of testing that precedes the implementation of practical work. The results of the study allow us to develop an optimal schedule for conducting tests, which contributes to improving the quality of learning material and increasing students' motivation.

Keywords: information technologies, educational process, pedagogical test, programming languages, teaching programming, test schedule, test system, test technology, testing

For citation: Makarenko A.E. (2020) Application of testing technology in program training. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 36–43. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-36-43

Современное образование трудно представить себе без такого инструмента, как тестирование. И это не удивительно, поскольку оно объективно, дает возможность с минимальными затратами учебного времени оценить уровень знаний в большой группе, может сочетаться с другими образовательными технологиями. Подготовка к тесту, как и к любой проверочной работе, способствует усвоению учебного материала. Тестирование применимо в преподавании большинства дисциплин. Тем не менее, методу присущи и недостатки. В числе основных можно указать следующие.

1. Разработка тестов высокого качества требует значительных затрат времени и сил. В случае итогового контроля знаний по дисциплине выходом может служить стандартный тестовый пакет (если он на данный момент уже существует), однако для текущего контроля каждому преподавателю приходится разрабатывать собственный комплект тестов – с учетом индивидуальной методики преподавания.

© Макаренко А.Е., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

2. Нередко при подготовке к испытанию учащиеся не стремятся лучше изучить материал, выбирая вместо этого путь «натаскивания» на тест, т. е. запоминая ответы лишь формально. Это приводит к поверхностным и фрагментарным знаниям, причем даже и они, не опираясь на логическую взаимосвязь, очень быстро забываются.

3. Результаты теста не всегда соответствуют реальному уровню знаний.

Одна из частых причин заниженных показателей – непонимание задания, возникающее, если ученик осваивал тему не по рекомендованным материалам, а по альтернативным источникам информации. Также обучающиеся, склонные к тревожности, нередко теряются и «заваливают» тест. Обычная причина завышенного результата – использование при тестировании недопустимых источников информации, в частности всевозможных электронных устройств, большинство из которых имеют встроенные фотокамеры и могут принимать изображения. Достаточно сфотографировать задание, отправить его «группе поддержки», находящейся за пределами аудитории, а потом получить ответ. Противодействовать этому становится все труднее: функциональность мобильных устройств расширяется, они становятся все более компактными, а их дизайн – таким, что их не отличить от обычных наручных часов. Проведение тестирования в специальных аудиториях, исключающих проникновение сотовых сигналов, – из разряда фантастики, поскольку в подавляющем большинстве учебных заведений их просто нет.

4. Тестирование в ряде случаев невозможно или неэффективно.

В первую очередь это касается проверки уровня знаний в областях, предполагающих решение сложных комплексных задач либо связанных с творчеством. Автор разделяет точку зрения, изложенную в статье [8], где утверждается, что тестирование не позволяет получить достоверную информацию о том, насколько хорошо обучающийся умеет на практике использовать полученные знания. Причем это касается самых разных областей знаний: автор упомянутой выше статьи преподает иностранные языки, мы же столкнулись с аналогичной проблемой при обучении программированию и смежным дисциплинам.

Более полно и развернуто достоинства и недостатки технологии тестирования описаны в работах [1; 2; 5; 10]. Практике использования тестовых технологий в образовательном процессе посвящены публикации [3; 4; 9]. В числе основополагающих трудов в отечественной тестологии можно назвать работы В. С. Аванесова [1; 2], затрагивающие практически все аспекты разработки и использования тестов и не утратившие актуальности и в наши дни.

Широкое распространение информационных технологий закономерно привело к разработке большого количества программных приложений, предназначенных для проведения тестирования и обработки его результатов [7; 11]. Безусловными достоинствами компьютерного тестирования являются экономия времени преподавателя, исключение случайных ошибок при проверке, моментальная обработка результатов и удобство их хранения. Вместе с тем, ему присущи и существенные недостатки. Создание тестового комплекта высокого качества – сложная и трудоемкая задача, отнимающая много времени и требующая от разработчика не только безупречной компетентности как специалиста-предметника и педагога, но также глубоких знаний в области тестологии. Существенную проблему представляет низкое качество тестирующих программ и их уязвимость для взлома. При использовании компьютерного тестирования часто приходится сталкиваться и с техническими трудностями – недостаточным количеством компьютеров в аудитории или их неисправность. Наконец, письменная форма тестирования имеет большие возможности по разнообразию ассортимента предлагаемых заданий.

Данное исследование затрагивает два аспекта, связанных с практическим применением тестирования в высшей школе: сопоставлена результативность единовременного и поэтапного тестирования и изучена роль тестирования на разных этапах образовательного процесса. Использование тестовых технологий рассмотрено на примере дисциплин, предполагающих освоение языков программирования, а также – смежных дисциплин. В ходе исследования использовались письменная и компьютерная формы тестирования. Целе направленное их сопоставление не проводилось, но, тем не менее, был сделан ряд полезных наблюдений по предпочтению той или иной формы на разных этапах образовательного процесса.

Проведем сопоставление результативности единовременного и поэтапного тестирования.

Тесты классифицируют по самым разнообразным признакам [6, лекция 1]. В настоящем исследовании особую значимость имеет классификация по целям применения, в числе которых следует выделить информационные, диагностические, обучающие, мотивационные и аттестационные задачи. На каждом этапе обра-

звательного процесса преподаватель должен быть в курсе того, насколько успешно каждый из его учеников усвоил пройденный материал: это важно не только для проведения итоговой и локальных аттестаций, но и для совершенствования авторского курса лекций и методического сопровождения. В свою очередь, студент должен иметь возможность объективно оценивать уровень своих знаний. Подготовка к тесту, как и к любому испытанию, мотивирует учащегося к более серьезной работе по изучению учебно-методического материала. Обучающая функция теста выражается в возможности взглянуть на уже известную задачу под новым углом зрения.

Особенность дисциплин, предполагающих освоение языков программирования, заключается в том, что применение тестирования в аттестационных целях практически невозможно, поскольку цель подобных дисциплин – не просто изучение синтаксиса некоторого языка программирования, а приобретение умения разрабатывать на этом языке программы, что представляет собой сложную комплексную задачу, требующую от студента не только определенных знаний и умений, но также развитого алгоритмического мышления и творческого подхода. Таким образом, проведение аттестации (экзамена или зачета) осуществлялось в форме письменной работы, в ходе которой студентам предлагалось написать несколько программ.

Тем не менее, отказаться от тестирования при обучении программированию было бы неправильным шагом, поскольку для того, чтобы научиться писать сложные программы, необходимо прежде всего надежно усвоить инструментарий, а именно – синтаксис соответствующего языка программирования. И здесь тест может быть прекрасным подспорьем.

Использовать тестирование для выявления текущего уровня знаний студентов мы начали с 1998 г. Традиционно контрольные мероприятия проводятся 2–4 раза в семестр. На начальных этапах предполагалось проводить и аналогичное количество тестирований, осуществляя проверку по всем пройденным темам раздела одновременно. Автором данной публикации было предложено разбить тест по всему разделу на несколько экспресс-тестов по каждой теме. С этой целью было проведено исследование, позволяющее определить, какой подход окажется более результативен. В первом случае студенту предлагалось 20 вопросов по пройденным пяти темам. Во втором случае они подвергались тестированию после прохождения каждой из пяти тем, а каждый блиц-тест содержал по 4 вопроса.

Одним из важнейших условий проведения эксперимента являлась возможность проводить сравнение в параллельных группах, находящихся в равных условиях: как лектор, так и преподаватель, ведущий в этих группах практические занятия, был один и тот же. Это повышало надежность полученных результатов.

Дисциплины, в рамках которых проводился эксперимент, включали языки программирования C++, Pascal и Delphi, Visual Basic for Application (VBA), JavaScript, а также языки HTML и CSS. Эти исследования осуществлялись в 1998–2010 гг. Они позволили сделать определенные выводы, которые впоследствии были проверены и подтверждены при проведении аналогичной работы в рамках смежных дисциплин.

Поток разбивался на две группы: в первой тестирование проводилось поэтапно, во второй – одновременно. При освоении языков программирования особенно эффективно работает тестирование по первому разделу курса, когда студентам необходимо твердо усвоить синтаксис языка, доведя его знание до автоматизма, а задачи еще просты, что делает их идеальным объектом для включения в тестовые задания. При изучении языков HTML и CSS в тесты входили практически все темы.

В обоих случаях по каждой теме студентам предлагалось по 4 вопроса. Отдельной проблеме посвящался конкретный вопрос, причем число вариаций каждого вопроса с каждым годом увеличивалось при сохранении одинаковой степени сложности.

Время проведения теста по отдельной теме составляло 12 минут. При одновременном тестировании студентам предлагалось выполнить 20 тестовых заданий из того же банка вопросов за 60 минут.

Тестирование, в зависимости от обстоятельств, проводилось в письменной форме на специальных бланках либо в электронной форме с использованием компьютера. Было отмечено, что одновременный тест удобнее проводить на компьютере. Это давало возможность автоматизировать проверку, сократив ее время до минимума и исключив возможные ошибки проверяющего. Однако в случае поэтапного варианта значительно удобнее оказалось письменное тестирование. Оно отнимало меньше времени, не возникало проблем в случае недостаточного числа компьютеров в аудитории или их неисправности, а главное – расширяло шкалу оценок. Электронный тест в этом случае сводился к традиционной пятибалльной системе: 5 – все ответы верны; 4 – три верны, один ошибочен; 3 – два верны, два ошибочны; 2 – один верен, три ошибочны; 1 –

все ответы ошибочны.

Говорить о процентах в данном случае нелепо. Кроме того, возникает вопрос, какую оценку считать зачетной: 4 – уровень требований слишком высок, 3 – слишком низок. Вместе с тем, вопросы содержат внутреннее деление, что позволяет оценивать их дробным числом при письменном тестировании. Тогда зачетной можно считать оценку 3,5 и выше. Следует отметить, что предпринимались попытки увеличить число вопросов за счет устранения внутреннего деления. Это привело лишь к дополнительному расходу времени на тестирование в случае поэтапного тестирования. При одновременном тестировании эта проблема стоит не столь остро вследствие значительного количества тестовых заданий, однако, для чистоты эксперимента, и в этом случае проверка осуществлялась с учетом внутреннего дробления вопросов.

Необходимо отметить еще один плюс письменного тестирования: есть возможность изображать схемы, таблицы, списки и т. д., что особенно удобно при проверке качества освоения языка HTML.

Результаты эксперимента отражены в таблице 1. Представлены результаты, показанные обучающимися исключительно при первом прохождении тестов. Для удобства сравнения средние баллы по теме для обеих групп были пересчитаны в проценты.

Таблица 1

Результаты поэтапного (А) и одновременного (В) тестирования

Языки	Группа	Средний результат по группе					
		Тест 1	Тест 2	Тест 3	Тест 4	Тест 5	Среднее арифметическое
Pascal	А	58	65,6	66,8	64,4	61,2	63,2
	В	-	-	-	-	-	58,52
HTML и CSS	А	61,9	67,6	70,5	67,1	63,3	66,08
	В	-	-	-	-	-	62,63
C++	А	59,1	65,5	65,9	61,4	60	62,38
	В	-	-	-	-	-	59,74
VBA	А	58,9	62,6	64,7	62,1	61,9	62,04
	В	-	-	-	-	-	59,41
JavaScript	А	65,4	70,4	64,2	60,4	58,5	63,78
	В	-	-	-	-	-	61,07

Составлено автором по материалам исследования

Анализ таблицы показывает, что во всех пяти категориях прослеживается общая закономерность: результаты одновременного тестирования несколько ниже среднего значения по пяти мини-тестам. В случае языков программирования средние результаты примерно одинаковы, но в случае HTML и CSS они несколько выше. Это объясняется тем, что выполнение тестов по программированию требует не только хорошей памяти, но и умения мыслить логически.

Попутно выявилась еще одна тенденция: студенты, не сдававшие тестов после каждой темы, хуже помнили пройденный ранее материал, что было особенно заметно, когда они выполняли новые лабораторные и практические работы. Это вполне понятно, поскольку учащиеся, регулярно сдававшие тесты, готовились к каждому из них, закрепляя понятия и приемы, с которыми недавно познакомились на лекциях и при решении задач. И случаи «натаскивания» на тест при этом отмечались гораздо реже, чем при подготовке к одновременному тесту: разобраться в небольшом объеме материала проще. Регулярное тестирование заставляет студентов постоянно быть «в тонусе». При этом снижается количество пропущенных занятий, так как тест, не сданный своевременно, в рабочем порядке, чреват неприятностями на зачете.

Поэтапное тестирование предпочтительнее одновременного и с точки зрения оценки знаний студентов, поскольку оно дает возможность исключить ситуацию, когда студент, хорошо зная одни темы, но плохо ориентируясь в других, получает по тесту зачетную оценку. Такое положение вещей недопустимо: невозможно писать полноценные программы, не представляя полностью инструментария.

Есть и еще один аспект. Как правило, всегда находятся студенты, «завалившие» тест. Наиболее пра-

вильным представляется дать им возможность пройти тест еще раз и получить удовлетворительную оценку. Однако повторное прохождение теста, содержащего большое количество вопросов, отнимает слишком много аудиторного времени. Это тем более не рационально, что оно расходуется и на тестирование по хорошо усвоенному материалу. Между тем, тестирование по отдельной теме занимает минимум времени, а работа проводится целенаправленно. Количество тем, объединяемых в этап, может быть различно, но не более трех. Нам представляется, что чем оно меньше, тем лучше.

Таким образом, мы пришли к однозначному выводу: поэтапное тестирование эффективнее единовременного. Необходимо заметить, что поэтапное тестирование в ходе освоения материала не исключает использования большого теста, например, при проведении зачета.

Обсудим применение тестирования и его роль на разных этапах образовательного процесса.

Подход к освоению любого языка программирования (да и не только) может быть разным, но одно, на наш взгляд, справедливо всегда: наилучший результат достигается в том случае, когда к выполнению практического задания студент приступает, освоив теоретический материал. Трудно ожидать эффективной работы, когда исполнитель не владеет инструментарием. К сожалению, как показывает опыт, современные студенты, за редким исключением, работают только в том случае, когда их заставляют. Мы решили проводить предварительную проверку уровня знаний, чтобы побудить их к изучению теоретической базы. Для проверки результативности данного метода был проведен эксперимент. Фиксировались показатели успеваемости в параллельных группах потоков. Группы находились в равных условиях: они изучали один язык программирования, при этом как лектор, так и преподаватель, ведущий в этих группах практические занятия, был один и тот же. В группах А препроверка осуществлялась, в группах В – нет.

Дисциплины, в рамках которых проводился эксперимент, предполагали изучение языков программирования C++ и JavaScript. Выбор пал именно на эти языки, поскольку операторы, изучавшиеся студентами в ходе эксперимента (if, switch, while, for), имеют в этих языках одинаковый синтаксис: это дало возможность увеличить число групп, участвовавших в исследовании.

Мы проследили, насколько быстро студенты выполняют предложенные им практические задания. При этом выделяли следующие ситуации:

- работа сдана строго на том же занятии, когда задание было выдано;
- работа сдана на следующем занятии;
- работа сдана позже, чем на следующем занятии;
- работа не сдана.

Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сопоставление сроков сдачи работ при проведении предварительного тестирования (А) и без него (В)

Язык	Тема работы	Группа	Сдано точно в срок	Сдано на следующем занятии	Хорошая успеваемость	Сдано позже	Не сдано
C++	if	A	41,7	41,7	83,4	8,3	8,3
		B	29,2	37,5	66,7	25	8,3
	switch	A	44,4	38,9	83,3	11,1	5,6
		B	25,0	40,0	65,0	25,0	10,0
	while	A	40,0	33,3	73,3	20,0	6,7
		B	27,8	33,3	61,1	27,8	11,1
	for	A	40,9	40,9	81,8	4,5	13,6
		B	33,3	38,1	71,4	14,3	14,3

Язык	Тема работы	Группа	Сдано точно в срок	Сдано на следующем занятии	Хорошая успеваемость	Сдано позже	Не сдано
JavaScript	if	A	41,2	41,2	82,4	5,9	11,8
		B	27,8	38,9	66,7	22,2	11,1
	switch	A	38,9	44,4	83,3	5,6	11,1
		B	31,6	42,1	73,7	21,1	5,3
	while	A	46,7	33,3	80,0	20,0	0,0
		B	25,0	33,3	58,3	16,7	25,0
	for	A	35,0	45,0	80,0	15,0	5,0
		B	30,4	39,1	69,5	21,7	8,7

Составлено автором по материалам исследования

Столбцы 4, 5, 7 содержат процент студентов, сдавших работу в тот или иной срок, 8 – процент студентов, вообще не сдавших работу. Пересчет в проценты потребовался в связи с тем, что число студентов в разных группах существенно различалось.

По нашему мнению, сдача работы в день выдачи задания либо на следующем занятии – нормальное положение вещей, успеваемость таких студентов можно считать хорошей. Суммарное количество этих студентов приведено в столбце 6.

Анализ таблицы 2 показывает, что процент студентов, сдавших работу без задержки, возрастает, если они проходили предварительную проверку, т. е. приступали к выполнению практического задания, будучи подготовленными. Для проходивших препроверку результат колеблется от 73,3 до 83,4 % (среднее значение 80,94 %), для тех, кто препроверку не проходил – от 58,3 до 73,7 % (среднее значение 66,55 %). При этом видно, что результаты практически не зависят от языка программирования. Большую роль играет тема работы, но и здесь прослеживается устойчивая тенденция: препроверка существенно улучшает показатели успеваемости.

Однако предварительной проверки недостаточно: знание теории стоит мало, если человек не способен применить эти знания на практике. Отсюда вытекает необходимость проведения еще одной проверки – уже после выполнения практической работы. Цели данной проверки шире: во-первых, оценить, насколько студент освоил материал; во-вторых, выявить недобросовестных студентов, которые выполнили задание несамостоятельно. Эта проверка определяет, стоит ли зачесть работу и с какой оценкой.

Рассмотрим особенности пре- и постпроверки при освоении языков программирования.

Препроверка, по нашему мнению, должна включать вопросы, касающиеся владения теорией. Сложных вопросов следует избегать: ведь студент еще не имел возможности применить свои знания на практике. Процедура должна отнимать минимум времени: это касается как собственно выполнения задания, так и его проверки преподавателем. Наиболее удобная в данном случае форма – тест.

Постпроверка предполагает задания, демонстрирующие, насколько хорошо освоен учебный материал в целом. В сравнении с препроверкой, сложность заданий возрастает, усложняется и их форма. В частности, возникает необходимость использования вопросов, предполагающих ответ в свободной форме. Тестовый материал подобного рода крайне непросто в разработке, причем на определенном этапе освоения программирования использование тестов, как было сказано выше, становится невозможно вообще. В связи со сказанным выше, наиболее удобная форма при выявлении уровня освоения языка программирования – письменное задание с элементами теста. В качестве альтернативы может быть предложена контрольная работа на компьютере.

В работе рассмотрены некоторые особенности практического применения тестовых технологий в высшей школе на примере дисциплин, предполагающих освоение языков программирования, а также – смежных дисциплин. Проведенные эксперименты позволили сделать следующие выводы:

- при обучении языкам программирования поэтапное тестирование эффективнее единовременного, однако не исключает использования последнего в качестве составной части зачетной либо экзаменационной работы.

– целесообразно проводить тестирования, предвещающие выполнение лабораторных работ: с практическим заданием подготовленные студенты справляются быстрее и лучше.

Библиографический список

1. Аванесов, В. С. Композиция тестовых заданий. Учебная книга. 3 изд., доп. – М.: Центр тестирования, 2002. – 240 с.
2. Аванесов, В. С. Теория и практика педагогических измерений // Подготовлено ЦТ и МКО УГТУ-УПИ. – 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.charko.narod.ru/tekst/biblio/Avanesov_Teoriya_i_metod_ped_izmer.pdf (дата обращения: 03.11.2020).
3. Буланова, И. Н. Особенности тестирования как средства контроля и оценивания учебных достижений студентов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-testirovaniya-kak-sredstva-kontrolya-i-otsenivaniya-uchebnyh-dostizheniy-studentov> (дата обращения: 03.11.2020).
4. Ганина, Н. В. Тестовый мониторинг и анализ влияния формы тестового задания на результаты тестирования // Наука и школа. – 2016. – № 5. – С. 84-88.
5. Желнин, М. Э., Кудинов, В. А., Белоус, Е.С. Преимущества и недостатки тестирования в сравнении с другими методами контроля знаний // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Педагогические науки. – 2012. – № 1 (21) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-nyedostatki-testirovaniya-v-sravnenii-s-drugimi-metodami-kontrolya-znaniy> (дата обращения: 03.11.2020).
6. Казиев, В. М. Введение в практическое тестирование // Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.intuit.ru/studies/courses/1023/300/info> (дата обращения: 03.11.2020).
7. Лищук, И.В. Использование информационных технологий в системе контроля знаний // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Физико-математические и технические науки. – 2016. – № 4. – С. 82-89.
8. Макара, Л. В. Тестовые технологии в компетентностной модели обучения иностранному языку в техническом университете // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2019. – № 2. – С. 135-143.
9. Пенина, В. И., Афанасьева, О. Ю. Тренировочные тесты как одно из условий повышения эффективности подготовки учащихся к централизованному тестированию // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/trenirovochnye-testy-kak-odno-iz-usloviy-povysheniya-effektivnosti-podgotovki-uchaschihsya-k-tsentralizovannomu-testirovaniyu> (дата обращения: 03.11.2020).
10. Попов, А. В. Тестирование как метод контроля качества знаний студентов // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/testirovanie-kak-metod-kontrolya-kachestva-znaniy-studentov> (дата обращения: 03.11.2020).
11. Турковская, Н. В., Абдрахманова, Г. Ф. Методические аспекты организации компьютерного тестирования как формы педагогического контроля (на примере математического блока дисциплин) // Интерактивная наука. – 2016. – № 2. – С. 72-78.

References

1. Avanesov V. S. Kompozitsiya testovykh zadaniy. Uchebnaya kniga [The composition of the test items. Training book], 3 izd. dop. Moscow, Tsentr testirovaniya, 2002, 240 p.
2. Avanesov V. S. Teoriya i praktika pedagogicheskikh izmerenii [Theory and practice of pedagogical measurements]. Podgotovleno TsT i MKO UGTU-UPI [Prepared by the Center for Testing and Monitoring the Quality of Education of the Ural State Technical University-Ural Polytechnic Institute], 2005. Available at: http://www.charko.narod.ru/tekst/biblio/Avanesov_Teoriya_i_metod_ped_izmer.pdf (accessed 03.11.2020).
3. Bulanova I. N. Osobennosti testirovaniya kak sredstva kontrolya i otsenivaniya uchebnykh dostizhenii studentov [Features of testing as a means of monitoring and evaluating student academic achievements]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki [Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences], 2016. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-testirovaniya-kak-sredstva-kontrolya-i-otsenivaniya-uchebnyh-dostizheniy-studentov> (accessed 03.11.2020).
4. Ganina N. V. Testovyi monitoring i analiz vliyaniya formy testovogo zadaniya na rezul'taty testirovaniya [Test monitoring and analysis of the impact of the form of the test task on the test results]. Nauka i shkola [Science and School], 2016, no. 5, p. 84-88.

5. Zhelnin M. E., Kudinov V. A., Belous E. S. Preimushchestva i nedostatki testirovaniya v sravnenii s drugimi metodami kontrolya znaniy [*Advantages and disadvantages of testing in comparison with other methods of knowledge control*]. Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki [*Scientific Notes. Online Scientific Journal of Kursk State University. Pedagogical Sciences*], 2012, no. 1 (21). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimushchestva-i-nedostatki-testirovaniya-v-sravnenii-s-drugimi-metodami-kontrolya-znaniy> (accessed 03.11.2020).
6. Kaziev V. M. Vvedenie v prakticheskoe testirovanie [*Introduction to practical testing*]. Kabardino-Balkarskii gosudarstvennyi universitet im. Kh. M. Berbekova [*Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov*]. Available at: <https://www.intuit.ru/studies/courses/1023/300/info> (accessed 03.11.2020).
7. Lishchuk I. V. Ispol'zovanie informatsionnykh tekhnologii v sisteme kontrolya znaniy [*The use of information technologies in the knowledge control system*]. Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Fiziko-matematicheskie i tekhnicheskie nauki [*IKBFU's Vestnik Series: Physics, Mathematics, and Technology*], 2016. no. 4, pp. 82-89.
8. Makar L.V. Testovye tekhnologii v kompetentnostnoi modeli obucheniya inostrannomu yazyku v tekhnicheskoi universitete [*Test technologies in the competence model of teaching a foreign language at a technical university*]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika [*Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Pedagogics*], 2019, no. 2, pp. 135-143.
9. Penina V.I., Afanas'eva O.Yu. Trenirovochnye testy kak odno iz uslovii povysheniya effektivnosti podgotovki uchashchikhsya k tsentralizovannomu testirovaniyu [*Training tests as one of the conditions for increasing the effectiveness of preparing students for centralized testing*]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskiye nauki [*Vestnik of the Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*], 2014. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/trenirovochnye-testy-kak-odno-iz-usloviy-povysheniya-effektivnosti-podgotovki-uchaschihsya-k-tsentralizovannomu-testirovaniyu> (accessed 03.11.2020).
10. Popov A. V. Testirovanie kak metod kontrolya kachestva znaniy studentov [*Testing as a method of controlling the quality of students' knowledge*]. Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury, 2013. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/testirovanie-kak-metod-kontrolya-kachestva-znaniy-studentov> (accessed 03.11.2020).
11. Turkovskaya N. V., Abdrakhmanova G. F. Metodicheskie aspekty organizatsii komp'yuternogo testirovaniya kak formy pedagogicheskogo kontrolya (na primere matematicheskogo bloka distsiplin) [*Methodological aspects of the organization of computer testing as a form of pedagogical control (for example, the mathematical block of disciplines)*]. Interaktivnaya nauka [*Interactive Science*], 2016, no. 2, pp. 72-78.

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338; 65.014

JEL M11, O14, O47

DOI 10.26425/1816-4277-2020-12-44-50

Барсегян Наира Вартовна

Ст. преподаватель, науч. сотрудник, ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет», г. Казань, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-1170-1251

e-mail: n.v.barsegyan@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ НЕФТЕХИМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

***Аннотация.** Реструктуризация, перепроектирование или проектирование организационной структуры управления на научной основе на отечественных нефтехимических предприятиях являются инструментами совершенствования системы управления в условиях перехода на новые стандарты управления, что способствует наиболее эффективному достижению целей. В статье обобщены и проанализированы методы и подходы проектирования организационных структур управления и методы их оценки. При стратегии развития нефтехимических предприятий, направленных на ресурсосбережение и разработку новой нефтехимической продукции, рекомендуемыми являются гибкие организационные структуры управления, для проектирования которых требуется применение комплекса методов с интегрированием преимуществ каждого из них. Для правильного принятия управленческих решений необходимо разработать сбалансированную систему показателей, в связи с чем предложены ключевые показатели, характеризующие эффективность системы управления – технологические, управленческие, экономические. Разработана функциональная модель модернизации организационной структуры управления в соответствии со стратегией развития предприятия на основе методологии IDEF0. Предложена модель бережливой стратегии развития организационной структуры управления нефтехимическим предприятием, как интеграция деятельности систем стратегического управления, организации производства и обучения персонала, основанная на проектном подходе управления.*

***Ключевые слова:** логико-информационное моделирование, методология IDEF0, методы проектирования, организационные структуры управления, подходы проектирования, проектирование систем управления, ресурсосберегающие системы, система управления*

Для цитирования: Барсегян Н.В. Особенности проектирования систем управления предприятиями нефтехимического комплекса // Вестник университета. 2020. № 12. С. 44–50.

Naira V. Barsegyan

Senior Lecturer, Researcher, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia

ORCID: 0000-0003-1170-1251

e-mail: n.v.barsegyan@yandex.ru

DESIGN FEATURES OF MANAGEMENT SYSTEMS ENTERPRISES OF THE PETROCHEMICAL COMPLEX

***Abstract.** Restructuring, redesigning or designing the organizational management structure on a scientific basis at domestic petrochemical enterprises are tools for improving the management system in the context of transition to new management standards, which contributes to the most effective achievement of goals. The article summarizes and analyses methods and approaches for designing organizational management structures and methods for their evaluation. In the development strategy of petrochemical enterprises aimed at resource conservation and the development of new petrochemical products, flexible organizational management structures are recommended, the design of which requires the use of a set of methods with the integration of the advantages of each of them. For proper management decision-making, it is necessary to develop a balanced system of indicators, in connection with which the author proposes the key indicators that characterize the effectiveness of the management system – technological, managerial, economic. The paper develops the functional model of modernization of the organizational management structure according to strategy of development of the enterprise based on the IDEF0 methodology. The study proposes the model of lean strategy for the development of the organizational structure of petrochemical enterprise management, as the integration of business strategic management systems, production organization and personnel training, based on the project management approach.*

***Keywords:** design approaches, design methods, IDEF0 methodology, logic and information modeling, management system, management system design, organizational management structures, resource-saving systems*

For citation: Barsegyan N.V. (2020) Design features of management systems enterprises of the petrochemical complex. *Vestnik universiteta*. 1. 12, pp. 44–50. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-44-50

Благодарность. Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-2600.2020.6.

Acknowledgement. The research was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation, No. NSh-2600.2020.6

© Барсегян Н.В., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Среди актуальных научных проблем вопрос организации ресурсосберегающих производственных систем в современных условиях цифровизации промышленности имеет высокое научно-практическое значение. Динамичное развитие экономики, технологическая модернизация, возникновение новых инструментов управления процессами предопределяет регулярные изменения конъюнктуры рынка, диктует предприятиям необходимость качественного совершенствования подходов к управлению производственной системой. Подобная модернизация охватывает совокупность мер по повышению эффективности производственной системы, базирующейся на внедрении средств и инструментов эффективного проектирования.

Целью исследования является выявление особенностей проектирования организационных структур управления ресурсосберегающими нефтехимическими производственными системами, и отрасли в целом, на основе применения различных методов и методик.

Одним из инструментов совершенствования системы управления является организационная структура управления [4; 7]. Необходимость реструктуризации, перепроектирования или проектирования организационной структуры управления на научной основе на отечественных нефтехимических предприятиях, перехода на новые стандарты управления, недостаток квалифицированных руководителей определяют важность и актуальность проблемы выбора оптимальной организационной структуры управления предприятием, способствующей наиболее эффективному достижению целей.

По характеристикам организационных структур управления нефтехимическими предприятиями и их методическим основам становится возможным выбор структуры организации производственных и инновационно-производственных процессов на высоком уровне. Каждому виду производственного процесса соответствует своя структура управления предприятием. При выборе типа организационной структуры управления предприятием нужно учесть ряд факторов: размер предприятия и его специализация; масштабы предприятия; стратегические планы; территориальное размещение; технологии и методы производства; динамизм внешней среды; кадровые ресурсы; организационная культура и др. Следовательно, возникает необходимость оценки для выявления более эффективной и оптимальной организационной структуры, что требует разработки соответствующих методик, или их комплекса. Вопросы изучения проектирования структур управления, методов для их оценки, находят отражение в трудах О. И. Алехиной, Т. П. Барановской, Я. М. Гританса, Н. Г. Леонтьевой, А. И. Шинкевича [1; 8; 2; 5; 6]. В указанных работах проанализированы существующие на сегодняшний день методы и подходы проектирования организационной структуры, системное применение которых позволяет выбрать оптимальную структуру управления, и в соответствии с ней, стратегию развития предприятия.

Основными методами проектирования организационных структур управления выступают: метод аналогий, экспертно-аналитический метод; метод структуризации целей; метод организационного моделирования. С целью эффективного применения указанных методов и определения «узких», проблемных мест в структуре, необходима адаптация данных методов для организационных структур управления ресурсосберегающими системами.

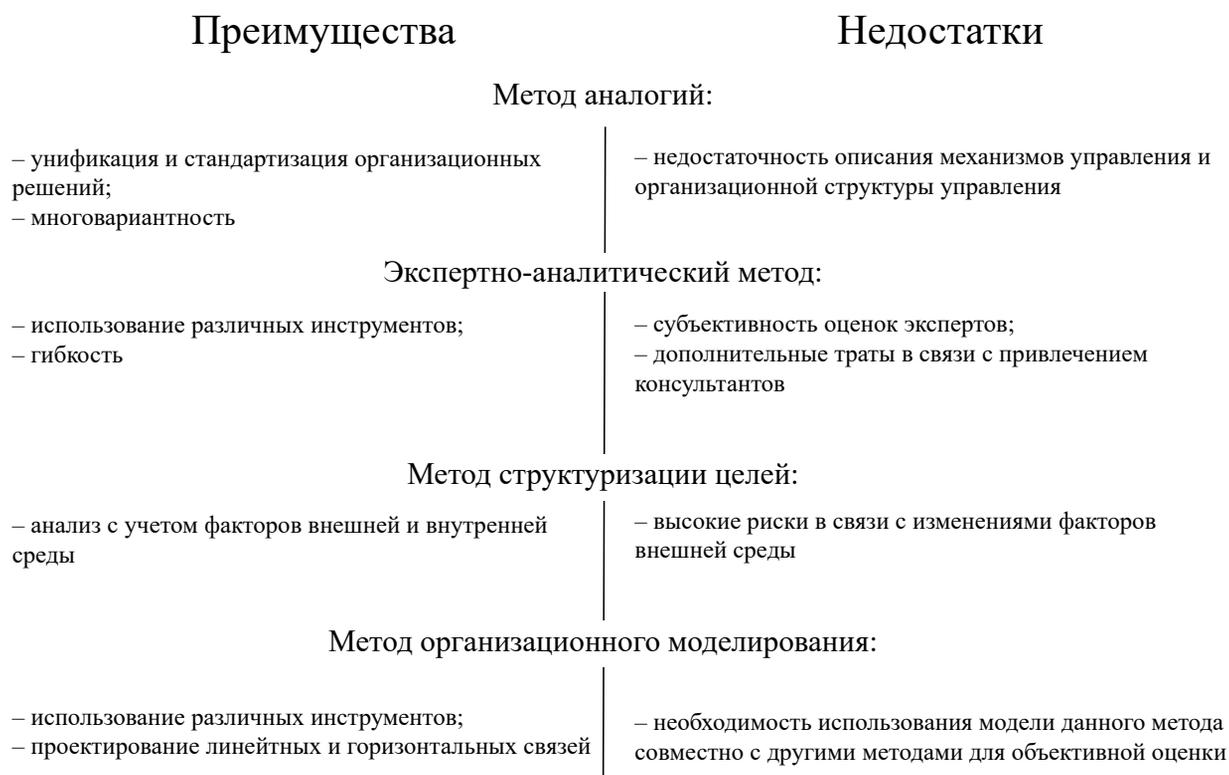
Для определения методики, которая позволит проектировать оптимальную организационную структуру управления, необходимо проводить анализ их преимуществ и недостатков (рис. 1).

При стратегии развития нефтехимических предприятий, направленных на ресурсосбережение, и разработку новой нефтехимической продукции, рекомендуемыми являются гибкие организационные структуры управления, к которым относят дивизиональные, проектные, матричные структуры управления. Для проектирования оргструктур таких типов требуется применение комплекса методов с интегрированием преимуществ каждого из них. Для проверки правильности выбранных методов проектирования и разработки оргструктур необходимо также определиться с методами оценки, проводя их сравнительный анализ.

Мы предлагаем развитие научно-технического механизма на нефтехимическом предприятии посредством синтеза таких организационно-технических решений, как ресурсосберегающие технологии, автоматизация производства, инфраструктурная поддержка, система КРІ и др., что позволит предприятиям достичь целей, а именно будет способствовать повышению результативности и эффективности и оптимизировать процессы.

Успешным опытом внедрения системы КРІ на федеральном уровне обладают ПАО «Газпром» с ключевыми показателями эффективности для достижения финансово-экономических целей, также разработаны отраслевые ключевые показатели, ПАО «Лукойл» с показателями финансовой устойчивости, операционной и финансовой эффективности, ПАО «НК «Роснефть», в котором разработаны общие и частные показатели

эффективности; на региональном уровне проекты цифровизации успешно внедрены в ПАО «Нижнекамск-нефтехиме» в сфере трудовых и финансовых показателей [10; 11; 12].

Составлено автором по материалам источников [2; 6]

Рис. 1. Преимущества и недостатки методов проектирования организационных структур управления

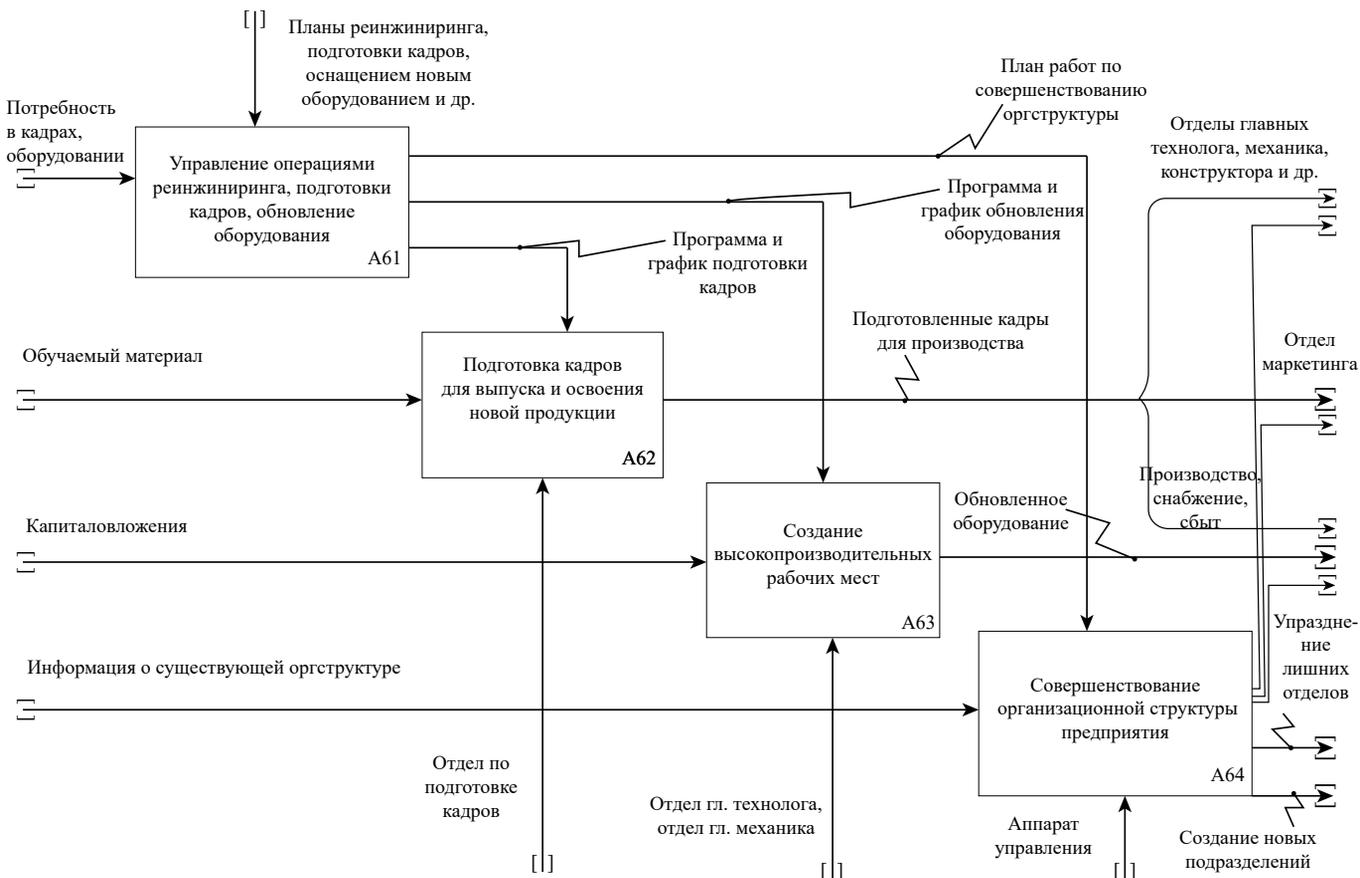
Использование ключевых показателей эффективности дает организации возможность оценить свое состояние и помочь в оценке реализации стратегии. Одним из принципов внедрения ключевых показателей эффективности является согласование производственных показателей со стратегией, они должны быть привязаны к текущим критическим факторам успеха, составляющим сбалансированную систему показателей, и стратегическим целям организации. Сбалансированная система показателей деятельности предприятий нефтехимического комплекса должна включать следующие группы показателей:

- технологические: фондоотдача, фондоемкость, фондовооруженность, материалоемкость, материалоотдача, энергоемкость, производительность труда и др.;
- управленческие: коэффициент управляемости, норма численности, доля персонала, задействованного в инновационных проектах управления, численность промышленно-производственного персонала в расчете на одного работника управления, коэффициент экономичности труда работника аппарата, коэффициент экономической эффективности управленческой деятельности, коэффициент результативности управления производством и реализацией продукции и др.;
- экономические: выход целевого продукта, себестоимость продукции, рентабельность продукции и др.

С целью визуализации производственной структуры и отражения места и роли в ней организационной структуры управления проведено моделирование на основе методологии IDEF0 и результаты представлены на рисунке 2.

Логико-информационное моделирование процессов организации производства нефтехимического комплекса можно рассматривать в рамках языков нотаций IDEF, которые моделируют как процессы организации цепей поставок, так и модели процессов управления качеством. Модели IDEF0 можно преобразовать в динамическую модель IDEF2 и применять для моделирования и управления цепями поставок. Возможно преобразование моделей IDEF0 в модель ресурсов, организационную модель. Емким инструментом моделирования, получившим широкое распространение на практике и интегрирующим комплекс эффективных модулей

управления, является Business Studio. Встроенные нотации IDEF0, «Процесс» и «Процедура», BPMN, EPC позволяют представить алгоритмы управления ресурсосбережением с учетом причинно-следственных связей и временных параметров процессов и возможности процессной декомпозиции, формировать документацию, регламентирующую процессы. Функция имитационного моделирования позволяет оценить сценарии реализации ресурсосберегающих технологий.

Составлено автором по материалам источника [3]

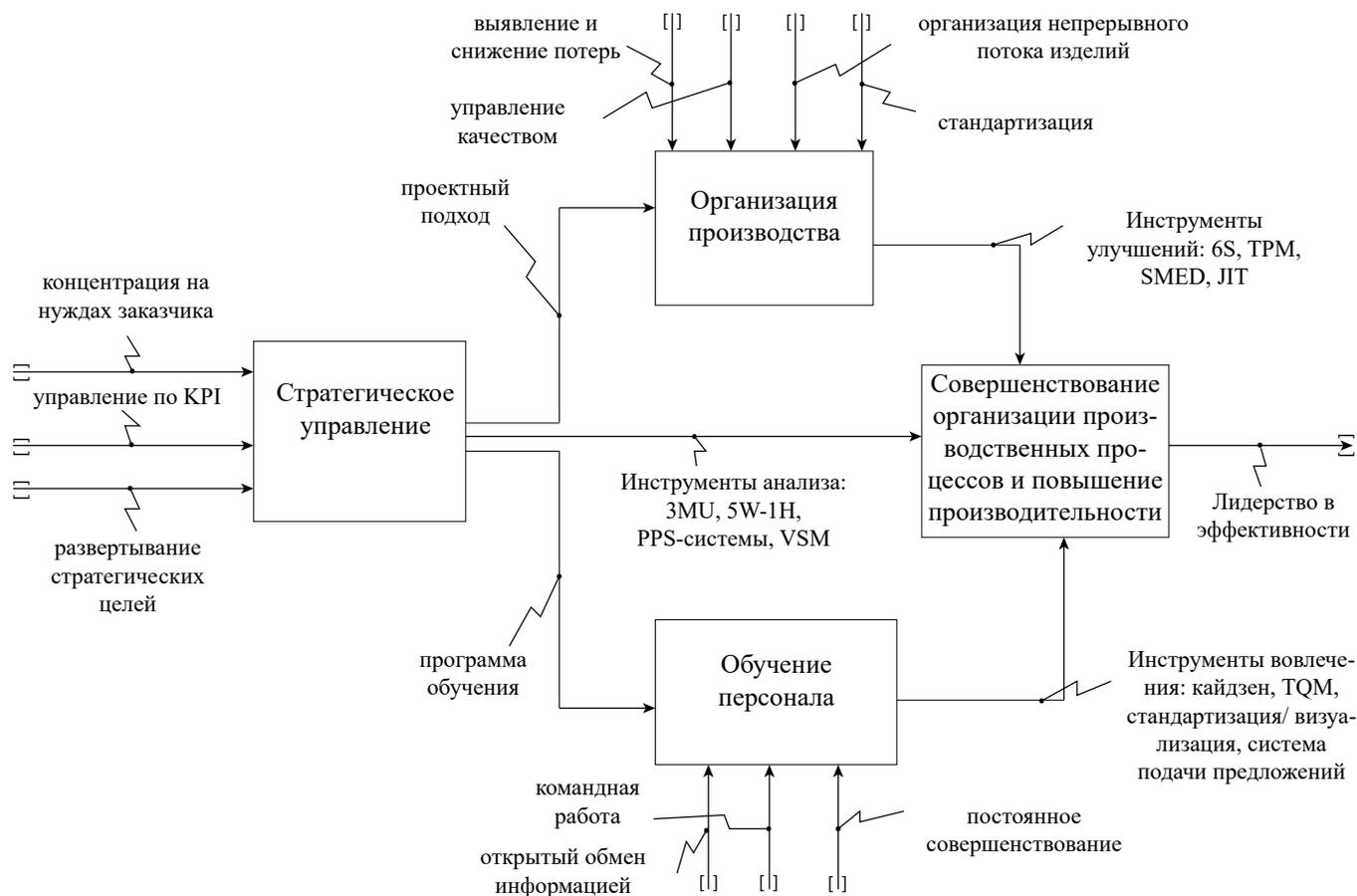
Рис. 2. Функциональная модель «Модернизация организационной структуры управления в соответствии со стратегией развития предприятия» на основе методологии IDEF0

Язык IDEF₀ является обновленной версией методики структурированного анализа и проектирования (SADT), предложенный Д. Россом для структурного анализа систем. Методология IDEF₀ является очень популярным в практике моделирования процессов организации производства. Важно отметить функциональную направленность IDEF₀ – функции системы исследуются независимо от объектов, которые обеспечивают их выполнение. «Функциональная» точка зрения позволяет четко отделить аспекты назначения системы от аспектов ее физической реализации. Модель IDEF₀ включает набор компонентов синтаксиса, необходимых для интеграции процессов производства. Полученные модели позволяют увидеть, как работает система, процесс или организация [9].

Для отечественных промышленных предприятий модель системы бережливого производства можно представить как интеграцию деятельности систем стратегического управления, организации производства и обучения персонала, что сформирована на базе зарубежного и отечественного опыта ведения проектов и совершенствование организации производственных процессов (рис. 3).

Еще одним инструментом, оказывающим влияние на эффективность системы управления и организации производства, выступает информационная поддержка, ориентированная на выполнение текущих вопросов и задач. Основной целью использования информационных технологий по поддержке принимаемых решений в области

стратегии развития нефтехимических производственных систем является их оптимизация, осуществление качественных преобразований в производственных системах, направленных на повышение их эффективности посредством организации рационального использования имеющихся ресурсов с применением современных методов организации производства, уменьшение сроков и стоимости создания и освоения новых видов продукции.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Модель бережливой стратегии развития организационной структуры управления нефтехимическим предприятием, основанная на проектном подходе управления

Обеспечение ресурсоэффективности цепей поставок требует системного подхода к интеграции ряда функциональных подсистем предприятия: производственной, логистической, информационной и т. д. Решение задачи возможно в результате как модернизации организации бизнес-процессов в цепи поставок, так и автоматизации и компьютерного моделирования. В настоящее время существует ряд программ, позволяющих реализовать логико-информационное и экономико-математическое моделирование процессов организации производства и цепей поставок. Эффективность автоматизации и ее успешная интеграция в информационную среду предприятия определяются двумя важными факторами: грамотным описанием основных процессов и корректным описанием организационной структуры управления. Среди крупных поставщиков емких по функциональности информационных систем для крупных нефтехимических предприятий следует отметить SAP/R3, ORACLE, BAAN, ARIS. Последние две охватывают модули, позволяющие описывать организационную структуру предприятия, например, система BAAN в рамках модели организационной структуры BOM обеспечивает возможности для описания подразделений и должностей организации, функциональные взаимоотношения между ними и роли в процессах предприятия.

Большими преимуществами с учетом функционала и современных тенденций автоматизации производственных систем обладает методология ARIS. Ряд модулей данного программного продукта применяется

в интегрированной информационной системе SAP/R3. Подобный комбинированный подход обеспечивает преимущество в виде возможности рационализации ресурсопотребления, оптимизации затрат, минимизации рисков, связанных с утечкой информационных потоков, распространения современных технологий в рамках принятия управленческих решений.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- одним из инструментов совершенствования системы управления является организационная структура, в связи с чем ее проектирование в зависимости от выбранной стратегии развития и целей предприятия видится важной задачей для повышения эффективности;
- обобщены и проанализированы методы проектирования организационных структур управления и методы их оценки;
- предложены ключевые показатели, характеризующие эффективность системы управления;
- разработана функциональная модель модернизации организационной структуры управления в соответствии со стратегией развития предприятия на основе методологии IDEF0;
- разработана модель бережливой стратегии развития организационной структуры управления нефтехимическим предприятием, основанная на проектном подходе управления.

Библиографический список

1. Алехина, О. И. Выбор оптимальной организационной структуры: рыночная, иерархическая структуры и гибридные формы // Стратегический менеджмент. – 2012. – № 3. – С. 212-220.
2. Барановская, Т. П., Лойко, В. И., Вострокнутов, А. Е. Анализ эффективности организационных структур систем управления региональной потребительской кооперацией // Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ. – 2013. – № 09 (93). – С. 1423-1434.
3. Барсегян, Н. В., Шинкевич, А. И. Моделирование организационной структуры управления промышленным предприятием (на примере АО «КВАРТ») // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2020. – Т.22. – №2. – С. 91–99.
4. Барсегян, Н. В., Шинкевич, А. И. Оптимизация организационной структуры управления предприятием с применением теории массового обслуживания // Современные наукоемкие технологии. – 2020. – № 9. – С. 9-15.
5. Гританс, Я. М. Организационное проектирование и реструктуризация (реинжиниринг) предприятий и холдингов. Экономические, управленческие и правовые аспекты. – М.: ВолтерсКлувер, 2005. – 205с.
6. Леонтьева, Н. Г. Организационная структура и структура управления организацией // NovaInfo.Ru. – 2017. – Т. 3, № 58. – С. 67-71.
7. Лубнина, А. А., Шинкевич, А. И., Галимулина, Ф. Ф., Гарипова, Г. Р. Инновационная стратегия развития и планирования организационных структур предприятий нефтегазохимического комплекса // Организатор производства. – 2017. – Т. 25, № 3. – С. 27-36.
8. Шинкевич, А. И. Организация ресурсосберегающего производства в промышленности России и за рубежом // Вестник КГТУ им. А.Н. Туполева. – 2019. – № 2. – С. 33-39.
9. Шинкевич, М. В., Шинкевич, А. И. Институционализация устойчивого инновационного развития мезосистем: модели и технологии управления: монография / Министерство образования и науки России; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский национально-исследовательский технологический университет». – Казань : КНИТУ, 2011. – 331 с.
10. Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2018 г. // Официальный сайт ПАО «Газпром» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazprom.ru/f/posts/72/692465/gazprom-annual-report-2018-ru.pdf> (дата обращения 11.10.2020).
11. Годовой отчет ПАО «ЛУКОЙЛ» за 2018 г. // Официальный сайт ПАО «ЛУКОЙЛ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/445658.pdf> (дата обращения 11.10.2020).
12. Система показателей эффективности Компании // Официальный сайт ПАО «НК «Роснефть» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rosneft.ru/docs/report/2017/ru/strategy/indicator-system.html> (дата обращения 11.10.2020).

References

1. Alekhina O. I. Vybor optimalnoi organizatsionnoi struktury: rynochnaya, ierarkhicheskaya struktury i gibridnye formy [Choosing the optimal organizational structure: market, hierarchical structures, and hybrid forms]. Strategicheskii menedzhment, 2012, vol. 3, pp. 212-220.

2. Baranovskaya T. P., Loiko V. I., Vostroknutov A. E. Analiz effektivnosti organizatsionnykh struktur sistem upravleniya regional'noi potrebitel'skoi kooperatsiei [Analysis of the effectiveness of organizational structures of regional consumer cooperation management systems]. Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal KubGAU [Polithematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University], 2013, vol. 09 (93), pp. 1423-1434.
3. Barsegyan N. V., Shinkevich A. I. Modelirovanie organizatsionnoi struktury upravleniya promyshlennym predpriyatiem (na primere AO "KVART") [Modeling of the organizational structure of industrial enterprise management (on the example of JSC "KVART")]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2020, vol. 22, no. 2, pp. 91-99.
4. Barsegyan N. V., Shinkevich A. I. Optimizatsiya organizatsionnoi struktury upravleniya predpriyatiem s primeneniem teorii massovogo obsluzhivaniya [Optimization of the organizational structure of enterprise management using Queuing theory]. Sovremennye naukoemkie tekhnologii [Modern High Technologies], 2020, no. 9, pp. 9-15.
5. Gritans Ya. M. Organizatsionnoe proyektirovanie i restrukturizatsiya (reinzhiniring) predpriyatii i kholdingov. Ekonomicheskie, upravlencheskie i pravovye aspekty [Organizational design and restructuring (reengineering) of enterprises and holdings. Economic, managerial and legal aspects]. Moscow, VoltersKliver, 2005, 205 p.
6. Leont'eva N. G. Organizatsionnaya struktura i struktura upravleniya organizatsiei [Organizational structure and management structure of the organization]. NovaInfo.Ru. 2017, vol. 3, no. 58, pp. 67-71.
7. Lubnina A. A., Shinkevich A. I., Galimulina F. F., Garipova G. R. Innovatsionnaya strategiya razvitiya i planirovaniya organizatsionnykh struktur predpriyatii neftegazokhimicheskogo kompleksa [Innovative strategy for development and planning of organizational structures of enterprises of the petrochemical complex]. Organizator proizvodstva [Organizer of Production], 2017, vol. 25, no. 3, pp. 27-36.
8. Shinkevich A. I. Organizatsiya resursosberegayushchego proizvodstva v promyshlennosti Rossii i za rubezhom [Organization of resource-saving production in Russia and abroad]. Vestnik KGTU im. A. N. Tupoleva [Vestnik of KNRTU named after A.N. Tupolev], 2019, no. 2, pp. 33-39.
9. Shinkevich M. V., Shinkevich A. I. Institucionalizatsiya ustoichivogo innovatsionnogo razvitiya mezosistem: modeli i tekhnologii upravleniya: monografiya [Institutionalization of sustainable innovative development of mesosystems: management models and technologies: monograph], Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossii, Federalnoe gosudarstvennoe byudzhethnoe obrazovatelnoe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Kazanskii national'no-issledovatel'skii tekhnologicheskii universitet", Kazan, KNITU, 2011, 331 p.
10. Godovoi otchet PAO "Gazprom" za 2018 god [Annual Report of PJSC "Gazprom"]. Ofitsialnyi sait PAO "Gazprom" [Official website of PJSC "Gazprom" for the 2018]. Available at: <https://www.gazprom.ru/f/posts/72/692465/gazprom-annual-report-2018-ru.pdf> (accessed 11.10.2020).
11. Godovoi otchet PAO "LUKOIL" za 2018 god [Annual Report of PJSC "LUKOIL" for the 2018]. Ofitsialnyi sait PAO "LUKOIL" [Official website of PJSC "LUKOIL"]. Available at: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/445658.pdf> (accessed 11.10.2020).
12. Sistema pokazatelei effektivnosti Kompanii [The system of performance indicators of the Company]. Ofitsialnyi sait PAO "NK "Rosneft" [Official website of PJSC "NK Rosneft"]. Available at: <https://www.rosneft.ru/docs/report/2017/ru/strategy/indicator-system.html> (accessed 11.10.2020).

Демин Александр Васильевич

д-р экон. наук, доцент,
профессор, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9415-0023

e-mail: demin@subsident.ru

Рыбальченко Илья Владимирович

аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-1008-0203

e-mail: i.v.rybalchenko@gmail.com

Милькина Ирина Владимировна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-5254-6326

e-mail: iv_milkina@guu.ru

Alexander V. Demin

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9415-0023

e-mail: demin@subsident.ru

Ilya V. Rybalchenko

Postgraduate student, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1008-0203

e-mail: i.v.rybalchenko@gmail.com

Irina V. Milkina

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5254-6326

e-mail: iv_milkina@guu.ru

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СНИЖЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Предмет исследования – административные барьеры при предоставлении государственных услуг физическим лицам и субъектам предпринимательской деятельности в Российской Федерации. Предложены методы анализа качества предоставления государственных и муниципальных услуг населению и хозяйствующим субъектам. Исследована степень открытости органов государственной власти. Предложен системный подход к исследованию причин и условий возникновения административных барьеров, а также действенная универсальная система мер, призванная устранить такие барьеры и повысить качество ответа государства на запросы населения. Методы борьбы с административными барьерами изучались в практическом приложении с установлением главных приемов и способов государственного управления, методологии устранения административных барьеров. Проанализирована роль саморегулирования, профессиональных сообществ и социальных сетей в устранении административных барьеров.

Ключевые слова: административные барьеры, государственное управление, государственные услуги, жилищно-коммунальный комплекс, жилищно-коммунальное хозяйство, менеджмент, муниципальное управление, муниципальные услуги, управление, управленческие приемы

Для цитирования: Демин А.В., Рыбальченко И.В., Милькина И.В. Управленческие приемы снижения административных барьеров при предоставлении государственных и муниципальных услуг в Российской Федерации//Вестник университета. 2020. № 12. С. 51–58.

MANAGEMENT TECHNIQUES FOR REDUCING ADMINISTRATIVE BARRIERS WHEN PROVIDING STATE AND MUNICIPAL SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The subject of the study is administrative barriers in the provision of public services to individuals and business entities in the Russian Federation. The article proposes methods of analysis of the quality of providing public and municipal services to the population and economic entities. The paper investigates the degree of openness of public authorities. The authors propose a systematic approach to the study of the causes and conditions of administrative barriers, as well as an effective universal system of measures designed to eliminate such barriers and improve the quality of the state's response to public requests. The paper studied methods of combating administrative barriers in a practical application with the establishment of the main techniques and methods of public administration, the methodology for eliminating administrative barriers. The authors analyze the role of self-regulation, professional communities and social networks in removing administrative barriers.

Keywords: administrative barriers, housing and communal complex, housing and communal services, management, management techniques, municipal administration, municipal services, public administration, public services

For citation: Demin A.V., Rybalchenko I.V., Milkina I.V. (2020) Management techniques for reducing administrative barriers when providing state and municipal services in the Russian Federation. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 51–58. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-51-58

Административные барьеры – традиционный предмет для пристального изучения в управленческом анализе, прежде всего в теории ренто-ориентированного поведения, затем в теории антимонопольного регулирования. В управленческой реальной практике административные барьеры можно понимать как препятствия

© Демин А.В., Рыбальченко И.В., Милькина И.В., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

(помехи), возникающие в процессе хозяйственной деятельности субъектов предпринимательства. Источником этих помех чаще всего являются либо действующие правила и процедуры, либо действия органов власти (их сотрудников).

Вследствие этого административные барьеры создают либо препятствия для доступа к тем или иным ресурсам и правам собственности (регистрация организации, сложности получения помещения в аренду, недоступность лизинга либо кредитов и др.), либо сложности получения тех или иных разрешений (лицензий, сертификатов, согласований).

Указанная проблема действительно стоит крайне остро, ведь практика регулирования предпринимательской деятельности зачастую требует высоких затрат ресурсов: времени, финансов, нецелевого использования кадров и оборудования для получения нужных справок, выписок, согласований, лицензий или разрешений. Отдельной сложностью является прохождение проверок, которые серьезно мешают основной работе предприятия.

Проблему административных барьеров не следует понимать исключительно как несовершенство правил, процедур и законов, она гораздо сложнее. Случается, что административные барьеры возникают в результате действия правил и процедур, которые сами по себе не только не вредны, но и являются общественно полезными, имеют глубокий рыночный смысл и положительно воздействуют на экономическую ситуацию, например, различные платежи и сборы либо требование депонирования сумм обеспечения (например, в госзакупках) создают барьер для входа на рынок.

В то же время большинство административных барьеров является не следствием установленных платежей в бюджет и не следствием мероприятий, защищающих какой-либо рынок товаров и услуг, а наоборот, результатом непродуманности и неотлаженности действующих правил и процедур. Строго говоря, лучшим способом выявления и исключения административных барьеров является деятельность самих участников рынка.

На первый взгляд, рыночная экономика с развитием института саморегулирования сама отменяет административные барьеры под воздействием профессиональных сообществ. Но означает ли это даже теоретическую возможность полного саморегулирования в этой сфере? Ряд исследователей считает, что так как барьеры установлены какими-либо государственными решениями, то и главным методом устранения их должна стать прежде всего открытость власти, а не деятельность субъектов рынка.

В соответствии с подходом А. Аузана и П. Крючковой, «административные барьеры – это установленные решениями государственных органов правила, соблюдение которых выступает обязательным условием ведения деятельности на рынке, вводящие платежи за прохождение бюрократических процедур» [6, с. 73]. Схожей позиции придерживается А. В. Анисимов, который допускает, что «административные барьеры – это системный процесс накопления связей между органами власти, органами местного самоуправления и хозяйствующими субъектами для осуществления взаимной поддержки в целях создания преимущественных конкурентных условий для ведения бизнеса на рынке, получения ренты» [5, с. 5]. В свою очередь Д. В. Манушин считает, что «под административным барьером следует понимать преграды, поставленные государством перед организациями, затрудняющие их деятельность и не приводящие к улучшениям функционирования государства» [8, с. 52].

В целом в настоящий момент в научной литературе использование термина «административные барьеры» происходит применительно, прежде всего, к сфере экономики. Административные барьеры воспринимаются исследователями как правила, нормы и законы, обязательные для ведения хозяйственной деятельности, и препятствующие ей.

По нашему мнению, определение, данное упомянутыми выше авторами, не может считаться комплексным и системным. Вследствие сказанного выше представляется целесообразным не только методологически, но и законодательно закрепить новое определение понятия. Предметом такого понятия должны стать созданные и создаваемые препятствия, а их квалифицирующим свойством – любое ущемление прав и интересов граждан и бизнеса. И правильным будет исходить из того, что такой барьер – это, прежде всего, определенные действия (или бездействие) уполномоченных органов власти (или их сотрудников). Важно отметить, что такие действия могут и не выходить за определенные правилами и процедурами границы компетенций и полномочий должностных лиц [7]. Важно лишь то, что они осуществляются в отношении граждан или бизнеса при оказании какой-либо государственной функции, прежде всего – государственной услуги.

Обсудим, справедливо ли включать препятствия для граждан в само понятие административного барьера.

Термин «государственная услуга» впервые был упомянут в 2001 г. в Федеральной программе реформирования государственной службы [4]. Введение этого документа преследовало цель достижения более

качественного уровня исполнения должностных обязанностей сотрудниками госорганов. Главная задача состояла в том, чтобы привести население нашей страны к знанию о возможных госуслугах, а государственных служащих – к необходимости качественного выполнения своих обязанностей в отношении граждан. Наконец, еще одна задача состояла в том, чтобы предоставить населению возможность требовать высокий уровень исполнения этих обязанностей. А свое требование граждане могут выражать как раз через запрос, ответом на который и является государственная услуга.

В Указе Президента от 9 марта 2004 г. № 314 появилось второе определение государственной услуги [3]. В документе государственной услугой названа «функция, в рамках которой федеральными органами исполнительной власти (самостоятельно или через подведомственные учреждения) предоставляются безвозмездно или по регулируемым ценам услуги гражданам и организациям в различных сферах жизни, установленных федеральными законами».

Наконец, Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» исчерпывающе определил госуслуги как деятельность уполномоченных госорганов по запросам заявителей [1].

В целом, административные барьеры при получении госуслуг гражданами выглядят совершенно особым классом – они не могут ограничивать рынки товаров и услуг, не влекут краткосрочных экономических последствий. В то же время, чаще всего по эффективности работы института госуслуг, а точнее по степени удовлетворенности граждан процессом их получения, население оценивает качество работы всего государственного аппарата.

Предоставление госуслуг начинается фактически с рождения гражданина Российской Федерации (далее – РФ), когда в ЗАГСе происходит его регистрация. Далее гражданин продолжает взаимодействовать с ЗАГСом в течение своей жизни: там он будет регистрировать брак; затем своих детей; наконец, последняя государственная услуга – свидетельство о смерти, которое получают родственники умершего. Из того, что предоставление госуслуг не прекращается на протяжении всей жизни гражданина, следует, что предоставление этих услуг – важнейшая функция государства. Важно учитывать не только то, что услуги, предоставляемые органами государственной власти гражданам, имеют три важных признака:

- разнообразие;
- регулярность и периодичность;
- постоянство и непрерывность.

Указанная интенсивность взаимодействия человека и государства неизбежно влечет определенные негативные моменты, которые выражаются как в материальных, так и во временных затратах. Итогом является неудовлетворение и даже недовольство от посещения того или иного государственного органа.

Следует учесть, что такое расширенное понимание административных барьеров, а также распространение этого термина (изначально предполагающего только отношения в предпринимательской сфере) на госуслуги, все чаще встречается в нормативных актах, например, в Концепции снижения административных барьеров на 2011–2013 гг. и прилагаемом к ней плане мероприятий, которые были приняты Правительством РФ [2]. Но в последующие годы не было ни анализа эффективности их исполнения, ни новых концепций, мероприятий и программ. Вызывает большие сомнения то, что вопрос снижения таких барьеров был решен первой программой в 2013 г. и не требовал продолжения. Также интерес исследователя вызывает тот вопрос, что в современном законодательстве, как и в упомянутой концепции, само понятие административных барьеров не закреплено.

Таким образом, в настоящее время ни в методической, ни в научной литературе нет строгого определения этого понятия, и сферы его применения.

Проанализировав сегодняшнюю экономическую и правовую ситуацию, накопленный опыт работы с гражданами, получающими государственные услуги, результаты опросов и анкетирований (в частности, регулярные результаты опросов публикуют центры «Мои документы» регионов, Пенсионный фонд РФ, МВД РФ, ФНС, Роспатент и др. органы), авторами предлагается одновременно с общим, ввести существенно более узкое определение понятия административных барьеров при предоставлении государственной услуги, применительно именно к населению: административные барьеры при предоставлении государственной услуги населению – это излишние материальные или временные затраты граждан, необходимые для получения гражданами государственных услуг, либо другие препятствия, затрудняющие надлежащее предоставление государственных услуг получателям.

Опыт изучения данного явления в процессе предоставления госуслуг позволяет авторам выделить в этом понятии шесть отдельных классов наиболее часто встречающихся препятствий:

- временные затраты;
- необходимость нести расходы;
- трудности поиска информации, необходимой для получения услуги;
- уровень культуры работы с гражданами в органах власти;
- некомфортное место предоставления госуслуг, неудобство как доступа, так и пребывания в нем;
- необученность персонала.

Кратко разберем перечисленные классы.

Отнесем к первой группе (временных затрат) такие препятствия:

- ожидание в очереди;
- ожидание обработки заявления;
- ожидание результатов.

Практика авторов по организации предоставления госуслуг говорит, что именно этот, главный класс административных барьеров оценивается гражданами особенно негативно. Теряя время в государственных учреждениях, люди справедливо полагают, что сама система их предоставления не соответствует их ожиданиям (и современным требованиям). Для справедливости следует отметить, что с появлением многофункциональных центров (далее – МФЦ) госуслуг «Мои документы» актуальность этого вопроса значительно снизилась, но не все госуслуги переданы на настоящий момент в МФЦ, например, предоставление гражданам различных льгот на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в настоящее время во многих регионах осуществляется вне МФЦ.

Второй класс административных барьеров связан с различными тратами граждан, связанными с предоставлением госуслуг. При этом к нему относится не только оплата самой услуги, но и косвенные расходы: почта, транспорт, ксерокс, услуги банков по перечислению денежных средств, и т. д. При этом главной проблемой, судя по результатам указанных выше опросов, является отсутствующая возможность бесплатного копирования документов и слишком высокие (по субъективной оценке получателей) государственные пошлины за предоставление госуслуг, а также неудобство оплаты пошлины.

К этому классу следует отнести и незаконные денежные вознаграждения для ускорения рассмотрения либо принятия нужного решения. Однако в последние годы наблюдается падение числа таких жалоб по сравнению с другими барьерами.

К третьему классу административных барьеров следует отнести недостаточную информированность – по сути, отсутствие информационной поддержки при ее предоставлении. Людям может быть неизвестно место предоставления услуги, условия и правила ее предоставления, график работы соответствующего органа, а чаще сама возможность ее предоставления, что особенно важно в части новых услуг, а также мер социальной поддержки. В целом заметим, что к административным барьерам можно отнести и невозможность получения госуслуг дистанционно (через сеть «Интернет» (далее – Интернет)).

Требование комфортных условий предоставления госуслуг, на первый взгляд, может показаться избыточным по сравнению с указанными выше препятствиями, а сам четвертый класс административных барьеров – излишним. Действительно, с точки зрения потребителя услуги, вначале следует решить проблемы с очередями и дороговизной и лишь потом приступать к вопросам комфорта.

К пятому классу административных барьеров (культура обслуживания) следует отнести:

- невежливость и даже грубость ответственных сотрудников;
- отсутствие индивидуального подхода, игнорирование или даже неучет мнения посетителей, их конкретных жизненных обстоятельств, актуальных для них вопросов и т. д.

Шестой класс административных барьеров связан с некомпетентностью и недостаточной подготовкой сотрудников. К нему следует отнести и недостатки административных регламентов, по которым они работают, ошибки в технологических инструкциях, картах предоставления услуги и т. д.

Мы не выделяем в отдельный класс технические трудности: ошибки программ, связанных с предоставлением госуслуг, а также технологические сбои, связанные с межведомственным взаимодействием, обработкой запросов и доступом к базам данных. Эти сложности, действительно, могут существенно увеличивать срок предостав-

ления государственной услуги и резко снижать ее качество, вызывая недовольство у населения. Однако в рамках введенного в настоящей статье понятия «административный барьер» нам представляется, что эти сложности никак не могут быть названы административными барьерами, хотя безусловно и препятствуют получению услуги.

Остановимся на управленческих подходах, необходимых для разработки и внедрения эффективного механизма преодоления административных барьеров при предоставлении госуслуг населению. Для этого, руководствуясь общепринятым научным инструментарием, следует вначале определить причины их возникновения и условия устойчивого сохранения. Вторым шагом должны стать действенные рекомендации по их устранению.

В ходе указанной исследовательской и аналитической работы авторам удалось выявить следующие общие причины возникновения административных барьеров в процессе предоставления госуслуг населению:

- законодательство и административные регламенты предоставления государственных услуг (законы, постановления и указы исполнительных органов власти, правила предоставления госуслуг, технологические инструкции и т. д.) порой не содержат в себе никаких норм, направленных на устранение административных барьеров, связанных с процедурой и порядком их предоставления. В то же время действующие административные регламенты, которые принимаются в последнее время, как правило, уже содержат довольно большое количество норм по их устранению. Серьезным шагом вперед является, например, нормативное регулирование функционирования системы МФЦ «Мои документы». Начавшись как московская городская программа и показав свою пользу, эта система была распространена на всю Россию. В настоящее время создана и функционирует Единая интернет-справочная центров «Мои документы» всей страны (moidокументы.рф);
- недостаточный уровень профессионализма сотрудников, непосредственно осуществляющих предоставление госуслуг. В сфере госуслуг практически отсутствуют механизмы менеджмента качества, свойственные предоставлению коммерческих услуг – внутренние справочные линии, выездные контролеры-наставники, проверка качества работы через онлайн-системы, непрерывная система обучения и тестирования непосредственно на рабочих местах, и т. д.;
- отсутствие финансовых возможностей технического оснащения уполномоченных органов, соответствующего современным требованиям, прежде всего, электронных очередей, систем мониторинга качества обслуживания, систем оценки качества работы специалистов посетителями, и т. д.;
- отсутствие физической возможности качественно и своевременно обработать поступающий поток заявлений (прежде всего это связано с неправильно определенным количеством сотрудников на приеме, но также и с количеством точек приема и их пешей доступностью для населения). Отрицательным результатом этого становится появление очередей;
- недостаточная отлаженность межведомственного документооборота. Иногда сведения или документ, которые могли и должны быть получены, минуя гражданина, прямым запросом в каком-либо государственном органе, приходят с ошибками, пустыми или не приходят вообще.

Понимая указанные причины, следует отметить, что их распространение диктуется специальными условиями, которые были нами выявлены:

- обычное отношение общества к неудобствам, длительным срокам, недостаточному техническому оснащению, неквалифицированному персоналу и низкой культуре персонала как нормальному явлению (а иногда даже к схемам получения государственных услуг с коррупционными рисками);
- зачастую совершенно низкий уровень мониторинга и контроля со стороны властей за порядком и самим процессом оказания государственных услуг;
- часто выявляется незаинтересованность (отсутствие мотивации) руководства государственных органов, как в степени удовлетворенности населения, так и в повышении уровня услуг;
- отсутствие единых правил мотивации (поощрений и наказаний) сотрудников государственных органов за своевременное, качественное и высококультурное выполнение ими своих обязанностей по оказанию государственных услуг [9];
- госорганы не стремятся организовать обучение сотрудников (в том числе прямо на рабочих местах с использованием современных методов), не развивают систему внутреннего отбора и кадрового роста.

При внимательном анализе возможно выявить и иные условия устойчивого сохранения административных барьеров в системе предоставления госуслуг, однако нашей задачей было указать самые распространенные из них без учета специфики конкретного региона или госоргана.

В то же время главным вопросом для изучения и анализа являются не столько причины и условия возникновения, сколько методы борьбы с административными барьерами, попытка создания стройной системы мер универсального применения вне зависимости от органа или региона, которая позволит ликвидировать основные препятствия в получении госуслуг.

Первым и самым существенным мероприятием по исключению административных барьеров стало начало работы 15 декабря 2009 г. в Интернете «Портала государственных слуг Российской Федерации» (на сайте www.gosuslugi.ru). Именно там впервые стало возможно не только подать заявление в электронной форме на получение госуслуги, но и получить значительную часть государственных услуг в электронной форме. Портал госуслуг значительно упростил процедуру их предоставления, однако вплоть до настоящего времени еще не все услуги, которые возможно, переведены на портал. Параллельно этому в регионах идет важный процесс создания региональных и городских порталов госуслуг.

Вторым значимым этапом стало принятие Распоряжения Правительства РФ от 10 июня 2011 г. № 1021-р [2]. В этой концепции систематизированы усилия различных ведомств по повышению доступности госуслуг и снижению административных барьеров в процессе их предоставления. Однако, как было сказано ранее, усилия по систематизации предоставления госуслуг не привели к созданию концепций и программ в дальнейшем, после 2013 г. Одновременно следует отметить, что отказ от дальнейшего развития указанной концепции в последующем периоде, по нашему мнению, является ошибкой. Очень важная работа по преодолению и исключению административных барьеров, начатая в эти годы, должна быть продолжена по единой методологической схеме.

Третьим существенным этапом стала работа по формированию системы межведомственного взаимодействия, которая позволяет освободить гражданина от необходимости предоставления справок и документов, уже присутствующих в различных государственных системах. Практика показывает, что степень удовлетворенности населения очевидно зависит от наличия электронного документооборота, позволяющего уполномоченному органу получать информацию, не требуя от заявителя большого комплекта документов и предоставления дополнительных справок и подтверждений.

Четвертым этапом снижения административных барьеров следует назвать создание центров «Мои Документы», значительно упростившие процедуры оформления различных документов и предоставления государственных и муниципальных услуг.

Сформулируем основные направления мероприятий по снижению административных барьеров (остановимся лишь на тех рекомендациях, которые считаем универсально применимыми и чья действенность уже проверена практикой), разделив их на три группы.

1. Общие мероприятия (такие как: совершенствование административных регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг, прежде всего, в части сокращения списков необходимых для предоставления документов и сокращения сроков рассмотрения заявлений; разработка удобных графиков приема; повышение внимательности рассмотрения обращений граждан; регулярное проведение обучения сотрудников и др.).

2. Мероприятия, основанные на использовании современных технологий (максимальное увеличение доли электронного документооборота, поэтапный перевод всей документации в электронный вид; продвижение новых, существенно повышающих удобство населения, способов получения государственной услуги; внедрение системы «электронной записи»; встраивание порталов уполномоченных органов в систему «электронного правительства» и др.).

3. Мероприятия по повышению прозрачности и открытости (в частности, публикация актуальной информации; информирование населения через интернет-порталы и другие средства массовой информации; активное использование «горячих линий», в том числе для консультации граждан).

В заключении необходимо отдельно указать, что, по нашему мнению, сохраняется необходимость системных и серьезных качественных изменений в самой основе механизма устранения административных барьеров при предоставлении госуслуг населению. В деятельности уполномоченных органов такие изменения должны касаться отнюдь не только администраторов в зале приема, но прежде всего руководителей, обеспечивающих условия приема, систему мотивации и контроля. Степень удовлетворенности населения предоставлением той или иной услуги должна стать прямой причиной вознаграждения либо депремирования руководителя.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 04.11.2020).
2. Распоряжение Правительства РФ от 10.06.2011 № 1021-р «Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных услуг на 2011–2013 годы и плана по реализации мероприятий Концепции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902285276> (дата обращения: 04.11.2020).
3. Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46892/ (дата обращения: 01.11.2020).
4. Указ Президента РФ от 19.11.2002 № 1336 «О Федеральной программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 годы)» // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/185243/> (дата обращения: 01.11.2020).
5. Анисимов, А. В. Экономическое содержание и виды административных барьеров // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2016. – № 3. – С. 5-12.
6. Аузан, А. А., Крючкова, П. В. Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. – 2001. – № 5. – С. 73.
7. Демин, А. В., Рыбальченко, И. В. Современные приемы муниципального администрирования жилищной и коммунальной сферы с учетом возможностей институтов гражданского общественного контроля // Муниципальная академия. – 2019. – № 3. – С. 29-38.
8. Манушин, Д. В. Административные барьеры в российской экономике как условия, способствующие существованию коррупции, и меры по их устранению // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 4 (32). – С. 52-60.
9. Тырышкин, В. В. Административные барьеры в сфере предоставления органами внутренних дел государственных услуг населению // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 2. – С. 242-245.

References

1. Federal'nyi zakon ot 27.07.2010 № 210-FZ "Ob organizatsii predostavlениya gosudarstvennykh i munitsipalnykh uslug" [*Federal law "On the Organization of the Provision of Public and Municipal Services" No. 210-FZ dated on July 27, 2010*]. Legal reference system "ConsultantPlus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (accessed 04.11.2020).
2. Rasporyazheniye Pravitelstva Rossiiskoi Federatsii ot 10.06.2011 № 1021-r "Ob utverzhdenii Kontseptsii snizheniya administrativnykh bar'ero v i povysheniya dostupnosti gosudarstvennykh uslug na 2011–2013 gody i plana po realizatsii meropriyatii Kontseptsii" [*Order of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Concept for Reducing Administrative Barriers and Increasing the Availability of Public Services for 2011–2013 and a Plan for Implementing the Concept's Activities" No. 1021-r dated on June 10, 2011*]. Legal reference system "ConsultantPlus". Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902285276> (accessed 04.11.2020).
3. Ukaz Prezidenta RF ot 09.03.2004 № 314 "O sisteme i strukture federalnykh organov ispolnitel'noi vlasti" [*Decree of the President of the Russian Federation "On the System and Structure of Federal Executive Bodies" No. 314 dated on March, 9, 2004*]. Legal reference system "ConsultantPlus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46892 (accessed 01.11.2020).
4. Ukaz Prezidenta RF ot 19.11.2002 № 1336 "O Federal'noi programme "Reformirovanie gosudarstvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii (2003–2005 gody)" [*Decree of the President of the Russian Federation "On the Federal Program "Reforming the Public Service of the Russian Federation (2003–2005)" No. 1336 dated on November 19, 2002*]. Legal reference system "Garant". Available at: <https://base.garant.ru/185243> (accessed 01.11.2020).
5. Anisimov A. V. Ekonomicheskoe sodержanie i vidy administrativnykh bar'ero v [Economic content and types of administrative barriers]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and business: theory and practice], 2016, no. 3, pp. 5-12.
6. Auзан A. A., Kryuchkova P. V. Administrativnye bar'ery v ekonomike: zadachi deblokirovania [Administrative barriers in the economy: deblocking tasks]. *Voprosy Ekonomiki*, 2001, no. 5, pp. 73.
7. Demin A. V., Rybal'chenko I. V. Sovremennye priemy munitsipal'nogo administrirovaniya zhilishchnoi i kommunal'noi sfery s utchetom vozmozhnostei institutov grazhdanskogo obshchestvennogo kontrolya [Modern techniques of municipal administration of housing and communal services, taking into account the capabilities of civil public control institutions]. *Munitsipal'naya akademiya* [Municipal Academy], 2019, no. 3, pp. 29-38.

8. Manushin D. V. Administrativnye bar'ery v rossiiskoi ekonomike kak usloviya, sposobstvuyushchie korrupsii, i mery po ikh ustraneniyu [*Administrative barriers in the Russian economy as conditions conducive to the existence of corruption, and measures to eliminate them*]. Aktual'nye problemy ekonomiki i prava [*Actual Problems of Economics and Law*], 2014, no. 4 (32), pp. 52-60.
9. Tyryshkin V. V. Administrativnye bar'ery v sfere predostavleniya organami vnutrennikh del gosudarstvennykh uslug naseleniyu [*Administrative barriers in the provision of public services by the internal affairs bodies to the population*]. Probely v rossiiskom zakonodatel'stve [*Gaps in Russian legislation*], 2013, no. 2, pp. 242-245.

УДК 323.11

DOI 10.26425/1816-4277-2020-12-59-69

Карсанова Елена Созрикеевна
 д-р полит. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3000-8009
e-mail: e_karsanova@mail.ru

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аннотация. Рассмотрен вопрос формирования общероссийской гражданской идентичности, актуализированный в отечественном политическом дискурсе. Феномен идентичности рассмотрен как диалогическое и дискурсивное явление. С целью определения профилирующих тенденций в развитии северокавказских республик, исследованы региональные практики реализации Стратегии государственной национальной политики, внутривнутриполитические и межэтнические отношения, миграционные процессы. Подчеркнута необходимость отыскания особых форматов общественно-политической организации субъектов Северокавказского региона, выражающих не только их местные и этнокультурные особенности, но справляющихся при этом с функцией консолидации и кооптации локальных сообществ в общенациональные общественно и политически значимые процессы. В результате анализа проблемы генерации общегражданской идентичности, сделан вывод, что они обусловлены в первую очередь противоречивой дихотомией идентификационных процессов, провоцирующих состязательность и противостояние этнической и гражданской идентичностей. В разных объективно предлагаемых обстоятельствах амбивалентное проявление идентичности у большинства северокавказских народов может выступить как деструктивным фактором, так и фактором роста общероссийской гражданской идентичности.

Ключевые слова: гражданская идентичность, межнациональные отношения, национальная политика, самоидентификация, Северный Кавказ, этническая идентичность, этнополитика, этносоциум

Для цитирования: Карсанова Е.С. Общероссийская гражданская идентичность в официальном дискурсе республик Северного Кавказа//Вестник университета. 2020. № 12. С. 59–69.

Elena S. Karsanova
 Doctor of Political Sciences,
 State University of Management,
 Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3000-8009
e-mail: e_karsanova@mail.ru

ALL-RUSSIAN CIVIL IDENTITY IN THE OFFICIAL DISCOURSE OF THE REPUBLICS OF NORTHERN CAUCASUS

Abstract. The article considers the issue of formation of the all-Russian civil identity, actualized in the domestic political discourse. The paper reviews the phenomenon of identity as a dialogical and discursive phenomenon. In order to determine the main trends in the development of the North Caucasian republics, the author investigates regional practices of implementing the Strategy of State National Policy, internal political and inter-ethnic relations, migration processes. The study emphasizes the necessity of finding special formats of socio-political organization of the subjects of the Northern Caucasus region, expressing not only their local and ethno-cultural characteristics, but coping with the function of consolidation and co-optation of local communities in national socially and politically significant processes. As a result of the analysis of the problem of general civil identity generation the author concludes that these problems are primarily due to the contradictory dichotomy of identification processes that provoke competition and confrontation between ethnic and civil identities. In different objectively proposed circumstances the ambivalent manifestation of identity in the majority of Northern Caucasus peoples can act as a destructive, and a factor in the growth of All-Russian civil identity.

Keywords: civic identity, ethnic identity, ethno-community, ethno-politics, inter-ethnic relations, national policy, Northern Caucasus, self-identification

For citation: Karsanova E.S. (2020) All-Russian civil identity in the official discourse of the republics of Northern Caucasus. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 59–69. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-59-69

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31303.

Acknowledgement. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research under the scientific project No. 20-011-31303.

© Карсанова Е.С., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Ввиду своей сложности, многослойности и диалогичности концепт идентичности стал ключевым для всех гуманитарных наук и предметом дискурсивных стратегий, ориентированных на укрепление общенациональной идентичности граждан России. Формирование комплементарной консолидирующей общероссийской идентичности принципиально важно в этнически мозаичных регионах страны, являющихся очагами межэтнической напряженности с высоким уровнем потенциала возникновения этнополитических конфликтов. Л. М. Дробижева, исследуя формирование национально-государственной идентичности, указывает на два источника ее развития: государственная идентичность как «осознание общности в пределах одного государства» и гражданская идентичность, «складывающаяся через осознание себя в категориях гражданских групп, относительно независимых от государства, но пользующихся его поддержкой и защитой закона» [9, с. 123]. Другими словами, гражданская идентичность, являясь естественно-историческим процессом, в отличие от государственной идентичности не конструируется, а формируется и регулируется активными внеэтническими институтами гражданского типа, объединяющими граждан на основе общероссийских коллективных интересов, доверия, которые появляются в процессе горизонтальных коммуникативных связей и в результате интенсивных социальных взаимодействий россиян. Промедление в отходе от нередко имитационного общероссийского гражданства к «гражданству действия» для российской действительности опасно дальнейшим нарастанием тревожного этнополитического фона, прежде всего, на южных рубежах и в мегаполисах страны.

Рассмотрим, как формировалась общероссийская гражданская идентичность в Северо-Кавказском регионе.

Термин «российская нация» в качестве отправной точки разработки интеграционной стратегии Российской Федерации (далее – РФ) длительный период времени не находил нормативно-правового подкрепления. В тексте Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. «российская нация» трактуется в соответствии с Конституцией РФ 1993 г. и согласно советской интерпретации понятия «многонациональный народ». Понятие «общероссийская гражданская идентичность» корреспондирует с понятием «гражданское самосознание» и понимается как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [1]. Чтобы нивелировать возможность ассимиляционного восприятия 11-го пункта Стратегии («Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты...»), по замечанию Л. М. Дробижевой, документ вносит существенное уточнение относительно содержательного наполнения термина «единый культурный (цивилизационный) код», который охватывает «историческое наследие всех народов Российской Федерации, и вместе с общечеловеческими принципами лучшие достижения народов интегрированы в единую российскую культуру» [9, с. 45].

На федеральном уровне ответственность за практическую реализацию основных направлений Стратегии по консолидации многонационального народа РФ и достижению межнационального согласия несут органы государственной власти, органы местного самоуправления и институты гражданского общества. В том числе для координации взаимодействия государственных и гражданских институтов при Президенте РФ учрежден Совет по межнациональным отношениям, а ответственность за эффективность реализации государственной национальной политики, укрепление межнациональной солидарности и единства всех российских народов возложена на Федеральное агентство по делам национальностей.

На региональном уровне профилирующей деятельностью по обеспечению общероссийского единства является законодательная работа. Как правило, зафиксированные на федеральном уровне нормативно-правовые положения рефлектируются в законодательстве регионального уровня. Исследование опыта регионального законодательства в сфере межнациональных отношений свидетельствует, что множество субъектов РФ в процессе законотворчества избрали для себя модель прямого воспроизведения федеральной конституционно-правовой нормы (Алтай, Адыгея, Дагестан и др.).

Политическая действительность последнего десятилетия демонстрирует стремление федеральной власти к реформатированию и реализации качественно новой стратегии кавказской политики. Еще в сентябре 2010 г. Правительством РФ была утверждена Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского округа до 2025 г. Государственную Программу развития южного региона, после упразднения в январе 2020 г. Министерства по делам Северного Кавказа, предстоит реализовать Министерству экономического развития РФ.

В сравнении с другими федеральными округами Северо-Кавказский федеральный округ (далее – СКФО) отличается рядом особенностей: не включая в свои границы ни одной области, он объединяет шесть республик (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия-Алания, Чеченская республика) и Ставропольский край. Занимая самую меньшую площадь из всех федеральных округов РФ, СКФО имеет высокие показатели роста и плотности населения (57,64 чел./км²). По информации Росстата Ставропольский край – единственный субъект СКФО, где русские составляют большинство. В остальных республиках Северного Кавказа доля русского населения не превышает 9,5 % [18]. В целом из 9 428 826 человек, проживающих в СКФО, русские представлены 30,26 %, чеченцы – 14,17 %, аварцы – 9,8 %, осетины – 5,11 %, кумыки – 4,95 %, ингуши – 4,44 %, лезгины – 4,2 %, карачаевцы – 2,39 %. К числу моноэтнических республик региона следует отнести Ингушетию и Чеченскую республику, где доля титульного населения составляет 93,46 % и 93,47 % соответственно. Остальные республики отличаются пестрым этническим ландшафтом, где доля русского населения представлена в большей степени в Карачаево-Черкессии – 33,65 %, Кабардино-Балкарии – 25,14 %, Северной Осетии-Алания – 20,82 %, Дагестане – 3,57 % от общего состава населения [11].

В большинстве случаев национально-культурные автономии являются образцом продуктивной комбинации государственной поддержки и общественной инициативы. В общероссийском списке ранжирования мест по числу зарегистрированных на территории федерального некоммерческих организаций (в том числе, национально-культурных автономий), СКФО занимает предпоследнюю строчку, уступая лишь Дальневосточному федеральному округу. Но при этом практически в каждом субъекте СКФО достаточно активно функционируют от трех до пяти некоммерческих организаций (далее – НКО), чья деятельность в той или иной степени сопряжена с вопросами национальной политики. В Дагестане это «Международный фонд Расула Гамзатова»; в Чеченской республике – казачий, ногайский, кумыкский, аварский, турецкий и др. национально-культурные центры; в Ингушетии – фонд «Солидарность», Грузинское и Турко-Месхетинское НКО; в Кабардино-Балкарии – «Казачье общество», «Международная черкесская ассоциация», «Духовное управление мусульман»; в Республике Северная Осетия-Алания – «Мир» («Шолом»), Чеченское НКО, Общество «Русь», «Ныхас»; Ставропольский край – туркменская НКА, ногайская НКА, ставропольская греческая НКА и др. [8]. По мнению аналитиков, деятельность НКО на сегодняшний день может развиваться только «благодаря поддержке финансового характера через выделение грантов на реализацию конкретных проектов. Однако направление «Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия» в ряду других векторов деятельности фонда Президентских грантов все еще недостаточно «освоено» региональными НКО (хотя его популярность растет)» [8, с. 120].

Магистральные направления государственной национальной политики РФ находят поддержку практически во всех северокавказских республиках, что подтверждается публичными выступлениями и заявлениями лидеров и/или курирующих данную сферу государственной политики уполномоченных лиц. По словам главы Чеченской республики именно «взвешенная национальная политика позволила достигнуть полного отсутствия межнациональных конфликтов в Чечне» [19]. Показательно, что первый указ Р. А. Кадырова после наделения его президентскими полномочиями Чеченской Республике (далее – ЧР) был предназначен для утверждения республиканской Концепции государственной национальной политики, ставшей политико-идеологической основой этнополитической стабильности и межнационального согласия в республике. Указом Главы ЧР от 05 февраля 2016 г. № 14 утверждена Концепция государственной национальной политики ЧР, в которой в соответствии с основными положениями Стратегии Государственной национальной политики РФ до 2025 г., определены следующие принципы и цели: целостность территории ЧР в составе РФ, содействие процессу совершенствования федеративных отношений с учетом сочетания интересов ЧР и РФ, создание благоприятных условий для сохранения языков и развития этнокультурного многообразия, гармонизация межконфессиональных/межэтнических отношений и др. [4]. Политико-институциональным механизмом реализации национальной политики является деятельность профильных парламентских комитетов, республиканских органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, решающих конкретные задачи и реализующих основные направления Концепции.

К настоящему времени в отдельной взятой северокавказской республике сложились собственная модель баланса и учет факторов, содействующих этнополитической стабильности. Нестандартность республик определяется, прежде всего, этнической структурой, типом взаимосвязей и раскладом региональных политических

сил, а также генезисом и характером деструктивных факторов, которые удастся нивелировать в формате устойчивейшей системы равновесия. На текущий момент ситуация такова, что субъекты РФ, законодательно ответственные за состояние этнополитической ситуации, могут самостоятельно определять магистральные направления и масштаб работы в сфере формирования общероссийской идентичности, гармонизации межнациональных отношений, предупреждения межэтнических конфликтов и противоречий. Соответственно, инструменты, избираемые регионами для реализации государственной национальной политики различаются.

С момента принятия Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в Дагестане был дан старт республиканским государственным программам по реализации основных направлений государственной национальной политики. Сегодня Постановлением Правительства Республики Дагестан (далее – РД) от 13 ноября 2020 г. утверждена республиканская государственная программа «Реализация государственной национальной политики в республике Дагестан», основной задачей которой является «укрепление общероссийской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, проживающих в Республике Дагестан» [4]. Республиканские органы власти РД не первый год тесно сотрудничают с Региональным центром этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН по проведению систематических мониторингов состояния этнополитической ситуации в республике с целью выявления потенциальных очагов напряженности и разработки соответствующих методических рекомендаций. Сегодня научный центр приступил к реализации федерального заказа по созданию этнических паспортов для всех муниципальных образований республики. В ряде городов и районов республики много лет работают комиссии по решению проблем русскоязычного населения. Еще в 2014 г. Указом Главы РД «О Совете при Главе Республики Дагестан по межнациональным отношениям» был сформирован соответствующий Совет [2]. В этом же году было принято Постановление Правительства республики «О дополнительных мерах по изучению русского и родных языков в республике Дагестан» [6]. Алогично, но полиэтничность региона служит фактором, обеспечивающим ему относительную этнополитическую стабильность. С одной стороны, многообразие этнически замкнутых сегментов блокирует возможность развития центробежных тенденций, с другой стороны, политической элиты, стремясь к укреплению своих властных позиций, вынуждены находить опору в консолидированном дагестанском социуме, интеграция которого без русского языка невозможна. Тем не менее, несмотря на заявленные мероприятия в сфере интеграционной и миграционной политики при участии федеральных властей в уже реализованных (например, «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русскоязычного населения») и действующих программах, исследование мотивов, спровоцировавших массовый отток русскоязычного населения из Дагестана отсутствует.

С самым высоким процентом русского населения продолжает оставаться город Кизляр, хотя по данным последней переписи за последние десятилетия этот показатель снизился с 80 % до 40 % [18]. Причины оттока русскоязычного населения может проиллюстрировать республиканский сюжет, имевший место в 2017 г. Лидеры общественной организации «Нижне-терская казачья община» В. А. Старчак и М. П. Горбунов составили и распространили «Аналитическую справку об эффективности мероприятий по сокращению оттока русского и казачьего населения из республики Дагестан, проводимых республиканскими и муниципальными органами власти», которая начинается со следующих слов: «В республике для решения оттока русскоязычного населения принимаются нормативно-правовые акты, созданы Координационный совет по Северному региону РД и Правительственная комиссия по предупреждению оттока русскоязычного населения за пределы Дагестана. Однако работа данных органов положительных результатов не дает. Все принимаемые нормативно-правовые акты, проводимые мероприятия и конференции носят формальный характер, практически результатов не дают, а принимать конкретные меры по поддержке русского, казачьего населения и сокращению его оттока местные власти не хотят или не могут... Перехода к практическим делам по сокращению оттока русского населения до сих пор нет» [16].

Только после распространения по коммуникативным каналам «Аналитической справки» региональные власти РД предприняли ряд мер по предупреждению оттока русскоязычного/казачьего населения: сформирован для местных русскоязычных школьников отдельный класс, пересмотрено решение об отмене статуса государственного для казачьего фольклорного ансамбля [12]. По словам Атамана Нижне-Терского казачества и главы дагестанского отделения Казачьей партии В. А. Старчака, русскоязычное население покидает

Казляр не по причине межнациональных противоречий или притеснений, а скорее по экономическим и политическим основаниям: «Проблема в том, что была принята программа по поддержке русского и казачьего населения, но она не финансировалась, деньги не выделялись», – подчеркивает атаман, указывая на бездействие региональной власти [17].

Действительно, во многом причины изменения этнического баланса и оттока русскоязычного населения из Дагестана (в том числе, из других северокавказских республик) связаны с общим социальным самочувствием нетитульного населения, проблемами занятости и другими социально-экономическими факторами. Эти же причины стимулируют покидать родные места и автохтонные народы в поисках более благоприятных рынков труда и иных социальных и инфраструктурных условий.

Непросто складывается современная ситуация в Дагестане и с переселяющимися из горных районов на равнину автохтонными народами, где противоречиво, а иногда и конфронтационно, разворачивается борьба за занятие ключевых социально-экономических позиций между этно-клановыми лидерами и русскоязычным населением [12]. Еще в 2013 г. на встрече с Президентом РФ и. о. Главы Республики Дагестан Р. Г. Абдулатипов незавуалированно высказался о драматичном развитии региона: «Россия продвигалась к рыночной экономике и демократии, а Дагестан – к феодализму... Я всегда говорил, что проблема не между национальностями, а между культурой и невежеством, его надо побороть» [15]. Эта характеристика республиканской системы взаимоотношений во многом отражает и текущее состояние региона.

Тем не менее, ежегодно проводимые в рамках республиканской государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Республике Дагестан на 2018–2020 годы» социологические исследования на предмет выявления у жителей региона доминирующего типа идентичности, свидетельствуют об интенсификации интеграционных процессов и тенденциях к укреплению общероссийской идентичности [5]. Согласно выводам по итогам социологического опроса, в качестве доминирующего признака государственно-гражданской идентичности «общее государство» отметили 61,6 % респондентов. ... Вторым по значимости элементом российского самосознания дагестанцев отмечен русский язык как «язык межнационального общения» – 27,3 % респондентов указали на него. Отмеченный респондентами в качестве объединительного с общностью «россияне» маркер «ответственность за судьбу страны» отметили 25,7 % опрошенных» [23]. В то же время, анализ особенностей формирования общероссийской идентичности у дагестанцев в сопоставлении с иными типами идентичности, демонстрирует не только многослойность идентичности, но и максимально высокую степень «эмоциональной значимости общинного, этнического и религиозного сознания» [23].

Другими словами, многоуровневая гражданская идентичность в Дагестане по восходящей траектории представляет собой семейную, тукхумную, джамаатскую, этническую, региональную и общероссийскую идентичности. Схожий набор идентичностей можно найти у ингушей, кабардинцев, осетин и других народов Северного Кавказа [28]. В таком веере идентичностей до сегодняшнего устойчивы клановые, семейно-родственные связи, которые следует принимать во внимание при исследовании процесса формирования общероссийской идентичности. Именно этнические, религиозные и территориально-локальные особенности кристаллизации идентичности являются первичным источником самоидентификация и этногруппового единства дагестанских народов и конкретной этничности.

Федеральное агентство по делам национальностей России уже третий год подряд определяет Республику Северная Осетия-Алания лидером рейтинга по итогам конкурсного отбора, проводимого по восьми критериям: «наличие региональной госпрограммы в сфере национальной политики и ее плановое выполнение; развитие в регионе НКО, занимающихся национальной тематикой; проведение укрепляющих общероссийскую идентичность мероприятий в День России и День народного единства; рост числа граждан, довольных состоянием межнациональных отношений» [24].

Государственная программа «Развитие межнациональных отношений в РСО-Алания на 2019–2025 годы» – основной нормативно-правовой документ, согласно которому реализуются основные направления национальной политики в республике, которая обновляется каждые пять лет [7]. На сегодняшний день в Северной Осетии официально зарегистрировано 31 НКО. Согласно данным региональных социологических исследований, конфессиональный состав жителей республики представлен следующими религиями: христианство (православие) – 51,4 %; последователи традиционных верований – 20,3 %; мусульмане – 7,5 %, представители

других религий, в том числе, атеисты, – 20,8 %. Русское население (преимущественно терские казаки) по данным последней переписи занимают вторую строчку по численности после титульного населения (65,07 %) [27].

Необходимо подчеркнуть, что при явном этническом и конфессиональном многообразии Республики Северная Осетия – Алания (далее – РСО–А), многие исследователи отмечают высокий уровень интегрированности североосетинского общества [6]. Хотя в то же время, как и в остальных северокавказских республиках, в РСО–А численность русского населения продолжает снижаться. По словам главы североосетинского национально-культурного общества «Русь» В. Писаренко, первопричинами оттока русского, в том числе, титульного населения, является состояние рынка труда, занятости населения, осложнение экономической ситуации в республике [25]. По данным Комитета по занятости населения РСО–А на процент безработных граждан республики превышает 20 %-ный порог и имеет конец 2020 г. тенденцию к росту [20]. Разрушение военно-промышленных комплексов союзного масштаба, куда ранее массово привлекались специалисты инженерно-технических профессий, после распада СССР привело к их консервации или, в лучшем случае, к перепрофилированию. Драматические события осетино-ингушского противостояния в 1992 г., вооруженный конфликт в соседней Чеченской республике в совокупности с экономическими факторами стали катализаторами интенсивного оттока русского населения из региона.

Известно, что функциональная и прикладная значимости национальных языков уступает совокупной релевантности русского языка как языка осмысления современных социально-экономических и политических процессов и освоения современных технологий. Русский язык на территории Северного Кавказа продолжает оставаться рабочим языком для органов государственной и муниципальной власти, он используется в законодательной практике, делопроизводстве, незаменим в качестве языка межнационального общения и образовательной миграции. Без освоения русского языка, литературы и истории страны формирование основ общероссийской гражданской идентичности обречено на провал. В то же время, во многих северокавказских республиках вызывает беспокойство вопрос снижения доли титульного населения, владеющего родным языком. Именно этим продиктовано стремление национальных республик к внедрению в образовательную систему полилингвальной модели обучения. К примеру, в РСО–А на сегодняшний день функционирует 52 дошкольных и школьных учреждений, где внедрена полилингвальная образовательная система, которая используется параллельно с традиционной. Носители осетинского языка в начальной школе (1 и 2 класс) полилингвальных учебных заведений обучаются на родном языке. Далее доля русского языка увеличивается и, начиная с пятого класса большинство предметов изучается на русском языке, за исключением предметов, по которым не сдается ЕГЭ. Подобная образовательная система довольно успешно функционирует в Германии и Испании. Разработанная в РСО–А полилингвальная система образования после первых пилотных проектов была апробирована и в других северокавказских республиках – Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Чеченской республике, но к 2013 г. была свернута. По данным Росстата (2017/2018 учебный год), еще до вступления в силу закона о добровольном изучении родных языков в «национальных республиках Северного Кавказа, родной язык в школах изучают от 70 до 100 % учащихся. В Чечне и Ингушетии этот предмет изучают 100 % школьников, в Дагестане и Северной Осетии – около 80 %, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии – две трети» [26].

С целью совершенствования механизмов обеспечения статуса русского языка как государственного РФ в 2020 г. в Государственную Думу РФ внесен проект о внесении изменений в ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», который вызвал неоднозначную реакцию в национальных субъектах РФ. В частности, комиссия Общественной палаты РСО–А по вопросам образования и науки, культурного и духовного развития, национальной политики провела независимую экспертизу данного проекта. Профильная комиссия подчеркнула отсутствие в законопроекте «упоминания о существовании государственных языков субъектов РФ и, значит, об их соотношении с «общегосударственным» русским языком – как трактует пункт 1 статьи 68 Конституции (и повторяет законопроект в преамбуле), «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории» [22]. В своем комментарии председатель Общественной палаты Северной Осетии Н. Чиплакова отметила: «Русский язык в мировой иерархии – один из пяти мировых языков, а в России – государственный язык и язык межнационального общения. Тот факт, что его нужно охранять, неоспорим. Именно на это и нацелена одна из новых поправок в Конституцию нашей страны, закрепляющая статус русского языка как связующую нас сущность. Но это не означает ущемления чьих бы то ни было

прав. ... Широкая общественная экспертиза поправок в закон «О государственном языке Российской Федерации» призвана найти баланс между государствообразующим языком и языками многочисленных народов, населяющих нашу огромную страну» [22].

Возрастающее стремление северокавказских народов к сохранению собственных языков во многом можно объяснить и небезосновательными опасениями размывания собственной этнокультурной палитры и исчезновения национального языка. После проведения исследования и публикации в 2010 г. по инициативе ЮНЕСКО «Атласа языков мира, находящихся в опасности» стало ясно, что под угрозой исчезновения находятся 116 языков народов России, в том числе северокавказские языки, которые по прогнозам экспертов ЮНЕСКО к концу XXI века останутся в этнокультурном прошлом этих народов [21]. Несмотря на утверждение авторитетного академика В. А. Тишкова, что утрата национального языка не ставит под вопрос существование народа, поскольку язык является «важной отличительной чертой, но совсем не обязательной» [13, с. 170], сохранение национальной идентичности конкретного народа без сбережения языка представляется невыполнимой задачей. Стремление северокавказских народов к сохранению своих этнолингвистических особенностей, отражающееся в общественном дискурсе и заявлениях лидеров, представляющих тот или иной региональный этносоциум, вряд ли можно рассматривать фактором дальнейшей сегментации единого общероссийского поля гражданской идентификации, поскольку как подчеркивает известный российский ученый, «этническая идентичность способна усиливать необходимость формирования общенациональной, гражданской идентичности. Формирование общероссийской идентичности не требует отказа от этнической. Они вполне могут сочетаться» [14, с. 251].

Таким образом, можно предположить, что облигаторность тождественности северокавказского социума доминирующей общероссийской культуре, «открытому» глобальному миру, с одной стороны, и стремление северокавказских народов к сохранению своей этнокультурной идентичности, с другой, будут сопровождаться незначительными маятниковыми колебаниями этнополитической напряженности в отдельных субъектах региона «в пределах допустимой концентрации». Между тем, проведенный контент-анализ нормативно-правовых источников, заявлений официальных лиц, представляющих северокавказские республики и прочие источники информации, позволяет говорить о наличии укрепляющихся центростремительных и культурно уравнивающих тенденциях в политических и социокультурных процессах региона. Ориентированность северокавказских республик на совместное с Россией будущее, чувство общности исторической судьбы и принадлежности к единому общенациональному Дому, поддерживаемое через стандартизованную/национальную систему образования, официальную историю российской государственности, изучение русского языка/литературы, ежегодное празднование дня Победы и других знаменательных для страны дат, вызывающих глубокие эмоциональные переживания, уже сегодня являются тем ресурсным потенциалом, который может быть успешно задействован при реализации Стратегии Государственной национальной политики РФ. Эффективность реализации национальной политики на Северном Кавказе в направлении формирования общероссийской гражданской идентичности во многом будет определяться готовностью политических лидеров и республиканских элит выступить идеологическими посредниками в процессе утверждения общенациональных культурных доминант, диапазоном их возможностей влияния на общий баланс сил, а также устойчивостью сложившегося порядка равновесия в конкретном субъекте Российской Федерации.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/f30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 10.10.2020).
2. Указ Главы Республики Дагестан от 10.11.2014 г. № 242 «О Совете при Главе Республики Дагестан по межнациональным отношениям» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minnacrd.ru/normativnye_pravovye_aktu (дата обращения: 14.10.2020).
3. Постановление Правительства Республики Дагестан от 13.11.2020 № 247 «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Реализация государственной национальной политики в республике Дагестан» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw3462020-11-20.html/> (дата обращения: 14.10.2020).

4. Указ Главы Чеченской республики от 05 февраля 2016 г. № 14 «О Концепции государственной национальной политики Чеченской Республики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/432867330> (дата обращения: 15.10.2020).
5. Постановление Правительства Республики Дагестан от 19.10.2017 № 250 «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Реализация государственной национальной политики в Республике Дагестан на 2018-2020 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0500201710200001?rangeSize=20> (дата обращения: 14.10.2020).
6. Постановление Правительства Республики Дагестан от 15 октября 2015 г. № 289 «О дополнительных мерах по изучению русского и языков народов Республики Дагестан» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/42453684/> (дата обращения: 14.10.2020).
7. Постановление Правительства Республики Северная Осетия-Алания от 27 ноября 2018 г. № 375 «О государственной программе Республики Северная Осетия-Алания «Развитие межнациональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания» на 2019–2025 годы» (с изменениями на 21 июля 2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/550279321> (дата обращения: 14.10.2020).
8. Буданов, М. А., Зорин, В. Ю. [и др.]. Вопросы реализации государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации. Аналитический отчет и методические рекомендации / коллектив авторов. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. – 282 с.
9. Дробижева, Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. – 2020. – № 8. – С. 37-50.
10. Синанов, Б. А. Оценка современного состояния межэтнических отношений в Республике Северная Осетия-Алания (по материалам экспертного опроса) // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2 (часть 3). – С. 175.
11. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. / Федеральная служба государственной статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – 183 с.
12. Сошин, Ю. А. Дерусификация Северного Дагестана в свете кизлярского расстрела // Вопросы национализма. – 2018. – № 1 (31). – С. 189-196.
13. Тишков, В.А. Языки наций. Пленарное заседание «Современные глобальные вызовы и национальные интересы» // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86. – № 4. – С. 291-303.
14. Фарукшин, М.Х. Этническая идентичность: концепт и практика // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152. – кн.1. – С. 247-252.
15. Абдулатипов рассказал Путину о «феодалном Дагестане» // Агентство политических новостей. 02.02.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=28362> (дата обращения 20.10.2020).
16. Аналитическая справка по сокращению оттока русского, казачьего населения из республики Дагестан, проводимого республиканскими и муниципальными органами власти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.voskres.ru/idea/ntko.htm> (дата обращения: 15.10.2020).
17. Бойко, В., Голубева, А. «Нет такого, чтобы аварцы не давали жить русским». Как живет Кизляр после нападения // Русская служба Би-би-си, Кизляр. 21 февраля 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-43141086> (дата обращения: 18.10.2020).
18. Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальные итоги с расширенными перечнями по национальному составу населения и по регионам // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.10.2020).
19. Кадыров: отсутствие межнациональных конфликтов в Чечне – результат взвешенной нацполитики // ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/4634616> (дата обращения: 12.10.2020).
20. Комитет Республики Северная Осетия-Алания по занятости населения. Статистика на рынке труда на 1 сентября 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trud.alania.gov.ru/activity/statistics> (дата обращения: 21.09.2020).
21. Мозли, К. Атлас языков мира под угрозой исчезновения. – Париж, Издательство Юнеско, 2010 // UNESCO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/languages-atlas/en/atlasmap.html> (дата обращения: 29.09.2020).
22. Пресс-служба Общественной палаты Республики Северная Осетия-Алания. 15.09.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oprf.ru/ru/about/interaction/region_chambers/431/2618/newsitem/54869?PHPSESSID=038m6no877t7jlemvp44bajef1 (дата обращения: 24.09.2020).
23. Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала // Информационно-аналитический журнал Политическое образование [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://www.lawinrussia.ru/content/obshcherossiyskaya-grazhdanskaya-identichnost-v-massovom-soznanii-zhiteley-respubliki> (дата обращения: 18.09.2020).

24. Северная Осетия вновь оказалась в числе лидеров по размеру выделенных на 2020 год субсидий ФАДН России // Официальный сайт министерства Республики Северная Осетия-Алания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minnats.alania.gov.ru/news/998> (дата обращения: 20.09.2020).
25. Скворцов, Г. Почему русские уезжают из Осетии // Кавказ. Реалии. 03.11.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kavkazr.com/a/30927547.html> (дата обращения: 21.09.2020).
26. Сколько языков учат на Кавказе? // Это Кавказ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etokavkaz.ru/infografika/skolko-yazykov-uchat-na-kavkaze> (дата обращения: 22.09.2020).
27. Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stavstat.gks.ru/folder/29899> (дата обращения: 19.09.2020).
28. Формирование гражданской нации в России – процесс естественно-исторический // Информационное агентство «Грозный-информ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.grozny-inform.ru (дата обращения: 20.09.2020).

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 (red. ot 06.12.2018) “O Strategii gosudarstvennoi natsional’noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda” [*Decree of the President of Russian Federation “On the Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 No.1666, dated on December 19, 2012 (as amended, dated on December 6, 2018)*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (accessed 10.10.2020).
2. Ukaz Glavy Respubliki Dagestan ot 10.11.2014 g. № 242 “O Sovete pri Glave Respubliki Dagestan po mezhnatsional’nym otnosheniyam” [*Decree of the Head of Dagestan Republic “On the Council of Inter-Ethnic Relations under the Head of Dagestan Republic” No. 242, dated on November 10, 2014*]. Available at: http://minnacrd.ru/normativnye_pravovye_akty (accessed 14.10.2020).
3. Postanovlenie Pravitel’sтва Respubliki Dagestan ot 13.11.2020 № 247 “Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Respubliki Dagestan “Realizatsiya gosudarstvennoi natsional’noi politiki v respublike Dagestan” [*Resolution of the Government of Republic of Dagestan “On Approval of State Program of Republic of Dagestan “Implementation of State National Policy in Republic of Dagestan” No. 247, dated on November 13, 2020*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw3462020-11-20.html/> (accessed 14.10.2020).
4. Ukaz Glavy Chechenskoj respubliky ot 05 fevralya 2016 goda № 14 “O Kontseptsii gosudarstvennoi natsional’noi politiki Chechenskoj Respubliki” [*Decree of the Head of Republic of Chechnya “On the Concept of State National Policy” No. 14, dated on February 5, 2016*]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/432867330> (accessed 15.10.2020).
5. Postanovlenie Pravitel’sтва Respubliki Dagestan ot 19.10.2017 № 250 “Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Respubliki Dagestan “Realizatsiya gosudarstvennoi natsional’noi politiki v Respublike Dagestan na 2018–2020 gody” [*Resolution of the Government of Republic of Dagestan “On Approval of State Program of Republic of Dagestan “Implementation of State National Policy in Republic of Dagestan” No. 250, dated on October 19, 2017*]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0500201710200001?rangeSize=20> (accessed 14.10.2020).
6. Postanovlenie Pravitel’sтва Respubliki Dagestan ot 15 oktyabrya 2015 g. № 289 “O dopolnitel’nykh merakh po izucheniyu russkogo i yazykov narodov Respubliki Dagestan” [*Resolution of the Government of Republic of Dagestan “On the Additional Steps for Studying Russian and other People’s Languages in Republic of Dagestan” No. 289 dated on October 15, 2015*]. Legal reference system “Garant”. Available at: <http://base.garant.ru/42453684/> (accessed 14.10.2020).
7. Postanovlenie Pravitel’sтва Respubliki Severnaya Ossetia-Alaniya ot 27 noyabrya 2018 goda № 375 “O gosudarstvennoi programme Respubliki Severnaya Ossetia-Alaniya “Razvitie mezhnatsional’nykh otnoshenii v Respublike Severnaya Ossetia-Alaniya” na 2019-2025 gody” (s izmeneniyami na 21 iyulya 2020 goda) [*Resolution of the Government of Republic of Northern Ossetia-Alaniya “On the State Program Of the Republic of Northern-Ossetia-Alaniya “The Development of Inter-Ethnic Relations in the Republic of Northern Ossetia-Alaniya” for 2019-2025” No. 375 dated on November 27, 2018 (with changes for 21 July 2020)*]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/550279321> (accessed 14.10.2020).
8. Budanov M. A., Zorin V. Yu. [et al.]. Voprosy realizatsii gosudarstvennoi natsional’noi politiki v sub’ektakh Rossiiskoi Federatsii. Analiticheskie otchet i metodicheskie rekomendatsii [*The issues of implementation of state national policy in the constituent entities of the Russian Federation. Analytical report and methodological recommendations*], kollektiv avtorov. Moscow, “KDU”, “Universitetskaya kniga”, 2018. 282 p.

9. Drobizheva L. M. Rossiiskaya identichnost': poiski opredeleniya i dinamika rasprostraneniya [*Russian identity: search for definition and dynamics of distribution*]. Sotsiologicheskie issledovaniya [*Sociological Studies*], 2020, no. 8, pp. 37-50.
10. Sinanov B. A. Otsenka sovremennogo sostoyaniya mezhetnicheskikh otnoshenii v Respublike Severnaya Ossetia-Alaniya (po materialam ekspertnogo oprosa) [*The evaluation of modern state of inter-ethnic relations in the Republic of North Ossetia-Alania (on the materials of expert poll)*] Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [*Modern problems of science and education*], 2015, no. 2 (Part 3), pp. 175.
11. Sotsial'no-demograficheskiy portret Rossii: Po itogam Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda [*Social and demographic portrait of Russia: on the results of All-Russian population census 2010*]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [*Federal State Statistics Service*]. Moscow, IITs "Statistika Rossii", 2012, 183 p.
12. Soshin Yu. A. Derusifikatsiya Severnogo Dagestana v svete kizlyarskogo rasstrela [*De-Russification of North Dagestan in the light of the shooting in Kizlyar*]. Voprosy natsionalizma, 2018, no. 1 (31), pp. 189-196.
13. Tishkov V. A. Yazyki natsii. Plenarnoe zasedanie "Sovremennye global'nye vyzovy i natsional'nye interesy" [*The languages of the nations. Plenary session "Contemporary global challenges and national interests"*]. Vestnik Rossiiskoi akademii nauk [*Herald of the Russian Academy of Sciences*]. 2016, vol. 86, no. 4, pp. 291-303.
14. Farukshin M. Kh. Etnicheskaya identichnost': kontsept i praktika [*Ethnic identity: concept and practice*]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki, 2010, vol. 152, Book. 1, pp. 247-252.
15. Abdulatipov rasskazal Putinu o "feodal'nom Dagestane" [*Abdulatipov told Putin about "feudal Dagestan"*]. Agentstvo politicheskikh novostei [*The Agency of Political News*], dated on February 2, 2013. Available at: <https://www.apn.ru/index.php?news-id=28362> (accessed 20.10.2020).
16. Analiticheskaya spravka po sokrashcheniyu ottoka russkogo, kazach'ego naseleniya iz respubliki Dagestan, provodimogo respublikanskimi i munitsipal'nymi organami vlasti [*Analytical reference on the shortening of outflow of Russian and Cossack population from Republic of Dagestan organized by the republican and municipal authorities*]. Available at: <http://www.voskres.ru/idea/ntko.htm> (accessed 15.10.2020).
17. Boiko V., Golubeva A. "Net takogo, chtoby avartsy nedavali zhit' russkim". Kak zhivet Kizlyar posle napadeniya [*There is no matter that the Avarians did not give rights for Russians to live. How lives Kizlyar after attack*]. Russkaya sluzhba Bi-bi-si, Kizlyar [*BBC Russian service. Kizlyar*], dated on February 21, 2018. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-43141086> (accessed 18.10.2020).
18. Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 g. Ofitsial'nye itogi s rasshirennymi perechnymi po natsional'nomu sostavu naseleniya i po regionam [*All-Russian population census. Official results with broadened lists on national composition of the population and on the regions*]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [*Federal State Statistics Service*]. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 12.10.2020).
19. Kadyrov: otsutstvie mezhnatsional'nykh konfliktov v Chechne – rezul'tat vzveshennoi natspolitiki [*Kadyrov: The lack of international conflicts in Chechnya is the result of balanced national policy*]. TASS. Available at: <https://tass.ru/politika/4634616> (accessed 12.10.2020).
20. Komitet Respubliki Severnaya Ossetia-Alaniya po zanyatosti naseleniya. Statistika na rynke truda na 1 sentyabrya 2020 g [*The Committee on Employment of the Republic of Northern Ossetia-Alaniya. Statistics on the labour market for September 1, 2020*]. Available at: <http://trud.alania.gov.ru/activity/statistics> (accessed 21.09.2020).
21. Mozli K. Atlas yazykov mira pod ugrozoi ischeznoveniya [*The Atlas of the languages of the world that are under the threat of vanishing*]. Paris, Izdatel'stvo UNESCO, 2010. UNESCO. Available at: <http://www.unesco.org/languages-atlas/en/atlasmap.html> (accessed 29.09.2020).
22. Press-sluzhba Obshchestvennoi palaty Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [*Press service of the Republic of Northern Ossetia-Alaniya*], dated on September 15, 2020. Available at: https://www.oprf.ru/ru/about/interaction/region_chambers/431/2618/newsitem/54869?PHPSESSID=038m6no877t7jlemvp44bajef1 (accessed 24.09.2020).
23. Regional'nyi tsentr etnopoliticheskikh issledovaniy Dagestanskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra RAN, g. Makhachkala [*Regional Center of Ethno-Political Researches of Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Makhachkala*]. Informatsionno-analiticheskii zhurnal Politicheskoe obrazovanie. Available at: <http://www.lawinrussia.ru/content/obshcherossiyskaya-grazhdanskaya-identichnost-v-massovom-soznanii-zhiteley-respubliki> (accessed 18.09.2020).
24. Severnaya Osetiya vnov' okazalas' v chisel liderov po razmeru vydelennykh na 2020 g. subsidii FADN Rossii [*The Northern Ossetia again is the leader for the sum of given subsidies from the Federal Agency for Ethnic Affairs of Russia for 2020*]. Ofitsial'nyi sait

- ministerstva Respubliki Severnaya Ossetia-Alaniya [*Official website of the Ministry of Northern Ossetia-Alaniya*]. Available at: <http://www.minnats.alania.gov.ru/news/998> (accessed 20.09.2020).
25. Skvortsov G. Pochemu russkie uezzhayut iz Osetii [*Why Russians leave Ossetia*]. Kavkaz.Realii, dated on November 3, 2020. Available at: <https://www.kavkazr.com/a/30927547.html> (accessed 21.09.2020).
26. Skol'ko yazykov uchat naKavkaze? [*How many languages are taught in the Caucasus?*]. Eto Kavkaz. Available at: <https://etokavkaz.ru/infografika/skolko-yazykov-uchat-na-kavkaze> (accessed 27.09.2020).
27. Upravlenie Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Severo-Kavkazskomu federal'nomu okrugu [*Department of Federal State Statistics Service of Northern-Caucasus Federal district*]. Available at: <https://stavstat.gks.ru/folder/29899> (accessed 19.09.2020).
28. Formirovanie grazhdanskoi natsii v Rossii – protsess estestvenno-istoricheskii [*The formation of civil nation in Russia – the natural and historic process*]. Informatsionnoe agentstvo “Groznyi-inform” [*Information agency “Grozny-Inform”*]. Available at: www.grozny-inform.ru (accessed 20.09.2020).

Орлова Лариса Викторовна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Ульяновский Институт Гражданской Авиации имени Главного маршала авиации Б. П. Бугаева», г. Ульяновск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4558-556X
e-mail: orlica1914@gmail.com

Зобов Павел Владимирович
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Ульяновский Институт Гражданской Авиации имени Главного маршала авиации Б. П. Бугаева», г. Ульяновск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6092-3515
e-mail: zobov_pavel@mail.ru

Larisa V. Orlova
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Ulyanovsk Institute
of Civil Aviation named after Chief
Marshal of Aviation B. P. Bugaev,
Ulyanovsk, Russia
ORCID: 0000-0003-4558-556X
e-mail: orlica1914@gmail.com

Pavel V. Zobov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Ulyanovsk Institute
of Civil Aviation named after Chief
Marshal of Aviation B. P. Bugaev,
Ulyanovsk, Russia
ORCID: 0000-0002-6092-3515
e-mail: zobov_pavel@mail.ru

МЕРОПРИЯТИЯ ПО СНИЖЕНИЮ ДЕФЕКТНОСТИ АВИАПРОДУКЦИИ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕЕ ВНЕДРЕНИЯ

Аннотация. Рассмотрены проблемы снижения качества авиапродукции, ведущие к потере конкурентоспособности готовых изделий и увеличению себестоимости. В ходе исследования проанализированы причины возникновения бракованной продукции на предприятии авиастроения. На основании полученной информации с помощью современных методов обработки данных определены основные слабые места рассматриваемого технологического этапа производства авиапродукции. Изучив современные международные стандарты качества в области авиастроения, авторы предложили мероприятия, которые позволят снизить количество бракованной продукции и повысить надежность, конкурентоспособность готовых изделий. Отдельно представлена модель оценки эффективности мероприятий по снижению дефектности авиапродукции. Проведена оценка предлагаемых тактических мероприятий по снижению уровня бракованной продукции, которые позволят повысить экономические показатели производственной деятельности на отдельных участках производства.

Ключевые слова: дефектность авиапродукции, конкурентоспособность, международные стандарты, оценка эффективности, себестоимость, система качества, тактические мероприятия, технология

Для цитирования: Орлова Л.В., Зобов П.В. Мероприятия по снижению дефектности авиапродукции и оценка эффективности ее внедрения//Вестник университета. 2020. № 12. С. 70–75.

MEASURES TO REDUCE THE DEFECTIVENESS OF AVIATION PRODUCTS AND ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF ITS IMPLEMENTATION

Abstract. The article considers the problems of reducing the quality of aviation products, leading to the loss of competitiveness of finished products and an increase in cost price. In the course of the study, the authors analysed the reasons for the appearance of defective products at an aviation manufacturing enterprise. Based on the information received using modern data processing methods, the paper determines the main weaknesses of the considered technological stage of aviation products. Having studied modern international quality standards in the field of aviation construction, the authors proposed measures that would reduce the number of defective products and increase the reliability and competitiveness of finished products. The article presents separately the model for evaluating the effectiveness of measures to reduce the defectiveness of aviation products. The paper carries out assessment of the proposed tactical measures to reduce the level of defective products, which will increase the economic performance of production activities in certain areas of production.

Keywords: competitiveness, cost price, defectiveness of aviation products, efficiency assessment, international standards, quality system, tactical measures, technology

For citation: Orlova L.V., Zobov P.V. (2020) Measures to reduce the defectiveness of aviation products and assessment of the effectiveness of its implementation. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 70–75. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-70-75

Авиационная промышленность формирует важнейший сектор национальной экономики. Благодаря тесной взаимосвязи с другими отраслями, которые косвенно обеспечивают функционирование предприятий авиастроения, ее развитие напрямую влияет на экономическое состояние и развитие страны.

Авиастроение является наукоемкой и высокотехнологичной отраслью промышленности. Конкуренция на данном рынке требует от ее участников применения самых современных подходов управления производством,

© Орлова Л.В., Зобов П.В., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

внедрения и соблюдения международных стандартов. Применение инновационных технологий позволит повысить показатели конкурентоспособности отечественной продукции, улучшить качество и снизить стоимость конечного изделия.

В настоящее время развитие гражданского авиастроения является приоритетной задачей для сегмента авиастроения в целом. В условиях жесткой конкуренции и наличия передовых технологий у иностранных производителей актуальность приобретают вопросы внедрения инновационных подходов, которые позволят усовершенствовать технологию производства, сократить сроки выполнения заказа, повысить производительность процесса, что в целом положительно повлияет на качество, надежность продукции в процессе его эксплуатации.

Одной из ключевых проблем отечественного авиастроения является высокий уровень рекламаций от заказчиков и дефектности изделий. Поэтому целью статьи является разработка рекомендаций по снижению дефектности авиапродукции в целях повышения конкурентоспособности предприятий и в целом отрасли.

В ходе исследования поставлены следующие задачи:

- исследовать нормативно-правовое обеспечение в области регулирования системы качества организаций авиационной промышленности;
- установить причины, влияющие на дефектность продукции;
- разработать комплекс тактических мероприятий, направленных на повышение качества авиапродукции и провести оценку их эффективности.

Особенностью отечественного авиастроения является то, что вопрос о качестве продукции и конкурентоспособности возникает на этапе сборки и сдачи продукции, но в этот момент уже крайне высоки затраты по их устранению. Мы же предлагаем в соответствии с Международными стандартами осуществлять проведение контроля качества на этапе анализа технологической системы проектирования и производства комплектующих на отдельных участках. Наша задача на основании полученной документации по рекламации вывить наиболее слабые места и оперативно разработать мероприятия по их устранению. Комплекс мероприятий, рассматриваемый авторами, предполагает системный подход по оценки технологии производства на отдельном участке, где учитываются внешние и внутренние факторы производства. Новизна работы заключается в том, что авторы рекомендуют практические мероприятия в соответствии с международным и национальным стандартом Российской Федерации ГОСТ Р ЕН 9100-2011, который был переиздан в октябре 2019 г. [1]. Последняя редакция стандарта в настоящее время не нашла должного отражения в локальной регулятивной документации и не реализована. Применение данного стандарта позволит улучшить качество, сократить сроки производства и снизить стоимость продукции в данной отрасли, что наиболее актуально в настоящее время, когда все острее возникает вопрос повышения конкурентоспособности продукции авиастроения.

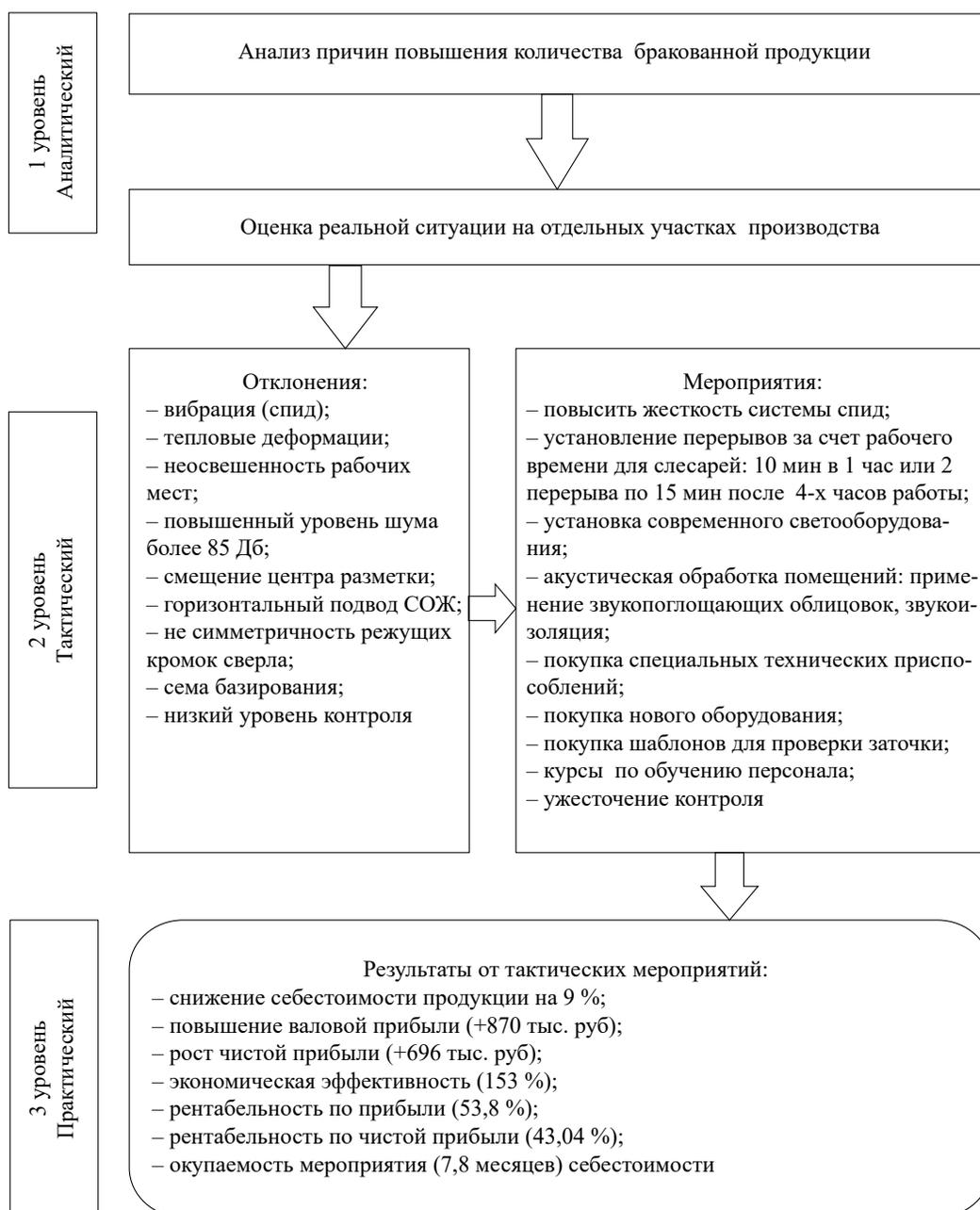
Ключевой задачей сертификации производства является обеспечение единых требований к управлению качеством, контролю на этапах жизненного цикла продукции и процессов. В ходе исследования нами было установлено, что не все подразделения авиационной промышленности активно используют современные подходы [4]. В результате в отрасли складывается следующая ситуация, что, не имея единых правил обеспечения уровня качества, не имея возможности предоставить иностранным партнерам гарантии качества своей продукции, в соответствии с едиными международными стандартами, трудно рассчитывать на успешное включение в международную кооперацию в авиастроении [1]. Вопросы обеспечения качества продукции предприятий авиастроения сегодня являются крайне актуальными.

Рекламации от эксплуатирующих организаций подтверждают то, что для достижения конкурентоспособности и обеспечения качества продукции необходимо провести модернизацию и переоснащение материально-технической базы предприятий в части контроля производственных процессов по всему технологическому циклу, а также улучшить профессиональную подготовку производственных кадров и усилить их персональную ответственность.

В целом процесс разработки мероприятий по снижению дефектности авиапродукции и оценки эффективности их внедрения нами представлен в виде модели на рисунке 1.

Основными особенностями предлагаемой модели оценки эффективности мероприятий по снижению дефектности авиапродукции является то, что при определении причин дефектности авиапродукции, расчете тактических рекомендаций и оценки уровня их эффективности используют три этапа: 1) аналитический; 2) тактический; 3) практический. Первый блок – аналитический, включает в себя анализ информации о существующих

отклонениях в технологическом процессе производства авиапродукции. Полученные результаты на основе объективной информации позволят установить причины возникновения брака, определить долю затрат по устранению внутренних и внешних несоответствий продукции, необходимой для разработки мероприятий на тактическом уровне. Второй этап – тактический, включает в себя разработку мероприятий, основанных на международной практике управления системой качества авиапродукцией. Предлагаемые мероприятия позволят снизить количественное выражение дефектной продукции, повысить качество и конкурентоспособность конечного изделия. Третий этап – практический. Здесь устанавливается перечень показателей оценки эффективности предлагаемых мероприятий в общем сравнении, а также отдельно для каждого из возможных вариантов. Полученные результаты сравнивают с нормативными значениями эффективности использования вложенных ресурсов. Этот этап является составляющим модели оценки и необходим для определения эффективности использования ресурсной базы предприятия и повышения информационного обеспечения выбранного вектора развития.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Модель оценки эффективности мероприятий по снижению дефектности авиапродукции

На основании проведенного нами анализа результатов дефектности продукции, стоит отметить, что наиболее часто встречающимся браком является отклонение размеров. Отклонение вызвано тремя первопричинами: вибрация системы станок–приспособление–инструмент–деталь, производственной средой, тепловыми деформациями [6]. Возникающие при резании нагрузки воспринимаются инструментом и приспособлением, в котором инструмент закреплен, а также деталью и приспособлением, в котором она установлена и закреплена. Возникающие нагрузки передаются приспособлениями на сборочные единицы (узлы) и механизмы станка, благодаря чему образуется замкнутая технологическая система станок–приспособление–инструмент–деталь [2]. Для снижения вибрации необходимо повышать жесткость составляющих системы указанной системы [3].

Основной проблемой в процессе изготовления деталей стало несоблюдение производственно-технологических условий, нарушение которых приводит к таким погрешностям, при которых реальная полученная деталь отличается от геометрии детали заложенной в технологической документации, чертежах.

С помощью сравнительного, факторного анализа, были определены причины, которые могут привести к соответствующим типам дефектов. Для решения выявленной проблемы нами был рассмотрен комплекс тактических мероприятий по предупреждению отрицательных факторов, устранение которых приведет к повышению качества авиапродукции [7].

В модели, представленной на рисунке 1, проанализированы первопричины возникновения брака и на основании нормативов, современных подходов, предложены мероприятия, направленные на их устранение.

После реализации предложений, следует провести оценку эффективности проведенных мероприятий, убедиться в том, что тактические мероприятия целесообразны в качестве мер по улучшению качества авиапродукции.

В таблице 1 представлены показатели оценки предлагаемых мероприятий, которые позволят повысить качество продукции и снизить стоимость конечного изделия.

На основании нормативных документов и описанных процедур по управлению затратами на качество продукции промышленного предприятия, предположим, что снижение дефектности продукции позволит снизить себестоимость продукции в среднем на 9 % [2].

Таблица 1

Оценка показателей внедрения тактических мероприятий по снижению дефектности и повышению качества авиапродукции

Мероприятие, №	Затраты, тыс. руб.		Доход, тыс. руб.	Валовая прибыль, тыс. руб.	Чистая прибыль, тыс. руб.	Эконом. эф-ть, тыс. руб.	Общая прибыль R	Чистая прибыль R	Срок окупаемости, месяцы
	Разовые затраты, тыс. руб.	Текущие затраты, тыс. руб.							
1	444,0	120,0	870,0	426,0	340,8	195,9	53,8	76,7	6,12
2	20,0	8,0	40,0	20,0	16,0	200,0	95,9	80,0	6,00
3	56,0	-	92,0	36,0	28,8	164,3	100,0	51,4	7,20
4	15,0	-	29,0	14,0	11,2	193,3	93,3	74,6	6,12
5	409,0	70,0	850,0	441,0	352,8	207,8	107,8	86,2	5,76
6	15,0	-	33,0	18,0	14,4	220,0	120,0	96,0	5,40
7	160,0	-	453,0	293,0	234,4	283,1	183,1	146,0	4,20
8	70,0	-	120,0	50,0	40,0	171,4	71,4	57,1	6,96
9	-	80,5	-	-	-	-	-	-	-
10	-	150,0	-	-	-	-	-	-	-
Итого	1617,0		2487,0	870,0	696,0	153,8	-	43,04	7,8

Составлено авторами по материалам исследования

Согласно данным БТЗ цеха чистая прибыль до мероприятий в 2018 г. составляла 458 тыс. руб [5]. Рассчитаем коэффициент эффективности K_3 до мероприятий за 2018 г.: $K_3 = 458/(1\ 617-658) = 0,47$. Рассчитаем K_3 после мероприятий за 2019 г.: $K_3 = (696-458)/(959-658) = 0,79$. Как видим, коэффициент эффективности после мероприятий вырос и составил 0,79, что говорит об эффективных мероприятиях [5].

После проведения и оценки всех запланированных мероприятий можно сделать вывод о том, что все предложенные меры являются эффективными.

В 2018 г. цех предприятия имел доход 458 тыс. руб. В результате проведенных мероприятий по снижению уровня дефектности, которые позволят снизить себестоимость, предприятие получит чистые денежные поступления в размере не менее 870 тыс. руб.

В результате проведенного анализа и полученных данных, стоит отметить, что наиболее эффективным методом повышения качества авиапродукции является активное и корректное применение национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р EN 9100-2011 в последней редакции.

Нами было установлено, что производственный процесс нуждается в корректирующих мероприятиях, целью которых являются снижение отклонений и, следовательно, сокращению брака. Результаты метода оценки потенциальных сбоях и последствий помогли определить наиболее уязвимые операции производственного процесса. Вложенные средства на предупреждение брака и снижение его количества, будут способствовать снижению себестоимости продукции, а следовательно, позволят повысить эффективность производства.

Подводя итоги, стоит отметить, что сложившаяся ситуация в отрасли авиастроения требует повышения контроля системы качества и применения единых стандартов, отражающих международные требования мирового рынка авиастроения.

Библиографический список

1. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р EN 9100-2011 «Системы менеджмента качества организаций авиационной, космической и оборонных отраслей промышленности. Требования». Введ. 2010-07-01 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.docs.cntd.ru./document/12000089622> (дата обращения: 02.10.2020).
2. СТП 687.10.0090-2010. Оформление, учет и анализ брака в производстве. Введ. 2010-07-26 // ЗАО «Авиастар-СП», 2010. – 13 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aviastar-sp.ru> (дата обращения: 02.10.2020).
3. Бутенко, В. И. Технологическое обеспечение конкурентоспособности изделий авиастроения (авторский курс). – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2011. – 291 с.
4. Данько, Т. П., Голубев, М. П. Менеджмент и маркетинг, ориентированный на стоимость. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 416 с.
5. Кондратьева, М. Н., Баландина, Е. В. Экономика предприятия. – Ульяновск: УлГТУ, 2011. – 174 с.
6. Кравченко, Н. С., Ревинская, О. Г. Методы обработки результатов измерений и оценка погрешностей в учебном лабораторном практикуме. – Томск: ТПУ, 2017. – 117 с.
7. Серегин, В. Э., Герасимов, Е. Б. Экономический анализ процедур управления затратами на качество продукции промышленного предприятия. – М.: ТгТУ, 2009. – 80 с.

References

1. National`nyi standart Rossiiskoi Federatsii GOST R EN 9100-2011 “Sistemy menedzhmenta kachestva organizatsii aviatsionnoi, kosmicheskoi i oboronnoi otraslei promyshlennosti. Trebovaniya. Vved. 2010-07-01. [National standard of the Russian Federation GOST R EN 9100-2011 “Quality management systems of organizations in the aviation, space and defense industries. Requirements”. Introduction 2010-07-01.]. Available at: <http://www.docs.cntd.ru./document/12000089622> (accessed 02.10.2020).
2. STP 687.10.0090-2010. Oformlenie, uchet i analiz braka v proizvodstve. Vved. 2010-07-26 [STP 687.10.0090-2010. Registration, accounting and analysis of defects in production. Enter. 2010-07-26]. CJSC “Aviastar-SP”, 2010, 13 p. Available at: <http://www.aviastar-sp.ru> (accessed 02.10.2020).
3. Butenko V. I. Tekhnologicheskoe obespechenie konkurentosposobnosti izdelii aviastroeniya (avtorskii kurs) [Technological support for the competitiveness of aviatio products (author’s course)]. Taganrog, Izd-vo TTI Yu.FU, 2011, 291 p.
4. Dan’ko T. P., Golubev M. P. Menedzhment i marketing orientirovanniy na stoimost’ [Value-driven management and marketing]. Moscow, INFRA-M, 2014, 416 p.

5. Kondrat'eva M. N., Balandina E. V. *Ekonomika predpriyatiya [Enterprise economy]*. Ulyanovsk, UIGTU, 2011, 174 p.
6. Kravchenko N. S., Revinskaya O. G. *Metody obrabotki rezul'tatov izmerenii i otsenka pogreshnosti v uchebnoy laboratornoy praktikume [Methods for processing measurement results and assessment of errors in an educational laboratory practice]*. Tomsk, TPU, 2017, 117 p.
7. Seregin V. E., Gerasimov E. B. *Economicheskii analiz protsedur upravleniya zatratami na kachestvo produktsii promyshlennogo predpriyatiya [Economic analysis of cost management procedures for the quality of products of an industrial enterprise]*. Moscow, TgTU, 2009, 80 p.

Федченко Елена Алексеевна
д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ
ВО «Финансовый университет при Пра-
вительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4844-0991
e-mail: fedchenkoea@mail.ru

Бурякова Анастасия Олеговна
студент магистратуры, ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0002-5963-5495
e-mail: anastasiya.buryakova@inbox.ru

Elena A. Fedchenko
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4844-0991
e-mail: fedchenkoea@mail.ru

Anastasiya O. Buryakova
Graduate Student, Financial University
under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5963-5495
e-mail: anastasiya.buryakova@inbox.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

Аннотация. Представлены результаты анализа утвержденной законодательно методики оценки эффективности реализации государственных программ Российской Федерации. Установлено, что методика имеет ряд недостатков в части расчета отдельных показателей, не учитывает отраслевую специфику мероприятий. В целях устранения недостатков действующей методической базы в статье предложена скорректированная методика оценки эффективности, предполагающая использование методов математического моделирования, качественных критериев оценки, модифицированных коэффициентов. Вместе с тем, были пересмотрены весовые коэффициенты основных критериев методики, для их определения предложено использовать метод анализа иерархий Саати. Сформулированные предложения направлены на повышение точности и достоверности результатов оценки эффективности государственных программ.

Ключевые слова: государственные программы, исполнение бюджета, качество планирования, контрольные точки, математическое моделирование, методика, система критериев, эффективность

Для цитирования: Федченко Е.А., Бурякова А.О. Оценка эффективности государственных программ//Вестник университета. 2020. № 12. С. 76–86.

ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF GOVERNMENT PROGRAMS

Abstract. The article presents the results of the analysis of the approved by law methodology for assessing the effectiveness of the implementation of state programs of the Russian Federation. The paper ascertains that the methodology has a number of shortcomings in terms of calculating individual indicators, does not take into account the industry specifics of measures. In order to eliminate the shortcomings of the current methodological base, the authors proposed an adjusted methodology for assessing efficiency, which involves the use of mathematical modeling methods, qualitative assessment criteria, modified coefficients. At the same time, the weighting coefficients of the main criteria of the method were revised – the study proposes to use the method of Saati hierarchies. The developed proposals are aimed at improving the accuracy and reliability of the results of assessing the effectiveness of government programs.

Keywords: budget execution, control points, efficiency, government programs, mathematical modeling, methodology, quality of planning, system of criteria

For citation: Fedchenko E.A., Buryakova A.O. (2020) Assessing the effectiveness of government programs. Vestnik universiteta. I. 12, pp. 76–86. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-76-86

Государственная программа представляет собой документ стратегического планирования, содержащий комплекс мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам, исполнителям, ресурсам и инструментам, призванных обеспечить достижение целей социально-экономического развития [2]. Тем не менее, оформление расходов в программную форму не будет означать автоматического выполнения принципа эффективности использования бюджетных средств. Существует необходимость ежегодной корректировки и уточнения сроков, объемов финансирования, состава мероприятий. Изменения, вносимые в государственную программу, должны быть обоснованы и выполнены на основе объективной оценки хода реализации мероприятий. Подобной объективной оценкой на сегодняшний день является оценка эффективности реализации госпрограмм, что закреплено в статье 179 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – РФ) [1].

К вопросам оценки эффективности госпрограмм обращались многие отечественные авторы. По мнению О. С. Черникин, А. В. Прохорова, основа программного бюджетирования – соблюдение двух условий: принятие качественных государственных программ и наличие действенного инструмента оценки эффективности

© Федченко Е.А., Бурякова А.О., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

их реализации [13]. В свою очередь, О. Г. Аркадьева отмечает, что нормативно-методическое обеспечение программного бюджетирования нуждается в существенной корректировке: «Формирование комплексной и непротиворечивой терминологии и методики расчета базовых показателей будет способствовать реализации изначальной идеи программного бюджетирования» [8, с. 184]. Е. А. Фомина, Ю. В. Ходковская обращают внимание на то, что развитие методического обеспечения должно начинаться с предварительного этапа отбора государственных программ для оценки эффективности, авторы предлагают использовать методы кластеризации для выявления наиболее оптимальных методик оценки эффективности для тех или иных госпрограмм [12].

Целью настоящей работы является совершенствование методической базы оценки эффективности реализации государственных программ РФ. В качестве исследовательского инструментария применялся системный анализ эффективности использования бюджетных средств. При обработке и систематизации информации авторы использовали методы классификации, группировки, сравнительный анализ и методы математического моделирования.

Рассмотрим недостатки существующей общей методики оценки эффективности реализации государственных программ, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 17 июля 2019 г. № 903 [4].

Указанная методика складывается из расчета следующих показателей:

- степень соответствия установленных и достигнутых целевых показателей государственных программ;
- степень соответствия установленных и достигнутых целевых показателей подпрограмм государственных программ;
- степень реализации основных мероприятий государственных программ на основе информации о наступлении контрольных событий;
- степень выполнения расходных обязательств РФ, связанных с реализацией государственных программ;
- оценка деятельности ответственных исполнителей в части разработки и реализации государственных программ [4].

Показатели учитывают в интегральной формуле оценки эффективности реализации определенной государственной программы. Интегральная формула представляет собой сумму произведений показателя на коэффициент.

На заключительном этапе оценки выполняют ранжирование государственных программ по степени эффективности: 1-я четверть – высокая степень; 2-я четверть – выше среднего; 3-я четверть – ниже среднего уровня; 4-я четверть – низкая степень. При этом государственная программа не может быть отнесена к категории «высокая степень эффективности», если результаты интегральной оценки составляют менее 91 %. Точно также государственная программа не может быть отнесена к категории «низкая степень эффективности», если результаты составили более 76 %.

По результатам анализа рассматриваемой методики оценки эффективности нами выявлены следующие недостатки:

- при расчете степени выполнения контрольного события учитывают исключительно долю выполненных мероприятий программы. Значение этого показателя не меняется в случае наступления контрольного события позже срока. Факты непредоставления обоснований в случае невыполнения мероприятий также не учитывают;
- неисполнение показателей по финансовому обеспечению отдельных мероприятий государственной программы не оказывает существенного воздействия на изменение коэффициента кассового исполнения и, как следствие, интегрального коэффициента эффективности государственной программы $K_{\text{ин}}$;
- коэффициент кассового исполнения рассчитывают по отношению к сводной бюджетной росписи, изменения в которую могут вноситься вплоть до 31 декабря финансового года. В начале финансового года сопоставление фактического исполнения с объемами бюджетных ассигнований, заложенными в бюджете, не проводится;
- изменение интегрального коэффициента эффективности на 85 % зависит от уровня достижения целевых показателей по государственной программе, что соответствует категории «результативность». Вклад «экономности» оценивается всего в 5 %;
- результаты интегрального коэффициента эффективности зависят преимущественно от степени достижения целевых показателей по государственной программе. Неисполнение показателей по подпрограммам или отдельным мероприятиям не будет оказывать значительного воздействия на итоговый результат ввиду низких значений коэффициентов K_{10} (коэффициент общей оценки достижения плановых значений показателей подпрограмм) и K_{11} (коэффициент общей оценки эффективности реализации структурных элементов подпрограмм).

Помимо единой методики оценки государственных программ ответственные исполнители вправе выполнять самостоятельную оценку [5]. Например, подобная методика была сформирована Министерством экономического развития для государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» [6]. По результатам анализа установлено, что эта методика не позволяет определить эффективность на основе соотношения категорий «результативности» и «экономности» (формулой предусмотрено нахождение среднего значения между степенью достижения целевых показателей и процентом исполнения). Процент исполнения государственной программы, подпрограмм и мероприятий практически не влияет на итоговый коэффициент.

Таким образом, установлено, что утвержденные законодательно методики оценки эффективности госпрограмм имеют ряд недостатков в части расчета отдельных показателей. Более того, существующая методика является общей и не принимает во внимание отраслевую специфику, в связи с чем нуждается в коррекции. Авторы настоящей статьи предлагают усовершенствованную методику оценки эффективности государственных программ.

В целях устранения недостатков указанной методики реализовано следующее:

- добавлены качественные критерии оценки эффективности государственных программ;
- модифицирован коэффициент финансового исполнения для обеспечения возможности сопоставления фактического исполнения с объемами бюджетных ассигнований, заложенных в бюджете в начале финансового года;
- диверсифицирован коэффициент наступления контрольных событий, обеспечена зависимость коэффициента от своевременности реализации мероприятий и фактов предоставления обоснований в случае неисполнения;
- пересмотрены весовые коэффициенты основных критериев в сторону увеличения доли коэффициента финансового исполнения и коэффициента наступления контрольных событий.

Рассмотрим подробнее предлагаемую методику оценки эффективности государственных программ.

Интегральную оценку эффективности государственной программы Кгп рассчитывают по следующей формуле:

$$K_m = W_1K_1 + W_2K_2 + W_3K_3, \quad (1)$$

где K_1 – коэффициент качества планирования и эффективности реализации государственной программы; K_2 – коэффициент наступления контрольных событий; K_3 – соблюдения установленных требований по разработке и реализации государственных программ; W_1, W_2, W_3 – весовые коэффициенты.

Для расчета весовых коэффициентов W_1, W_2, W_3 , использован метод анализа иерархии Т. Саати, суть которого заключается в попарном сравнении критериев по силе их влияния на ключевое направление в целом [9; 10]. Матрица парных сравнений представлена в таблице 1.

Таблица 1

Матрица интегральной оценки эффективности государственной программы

Критерий	Качество планирования и эффективности реализации госпрограммы	Наступление контрольных событий	Соблюдение требований по разработке и реализации госпрограмм
Качество планирования и результативности реализации госпрограммы	1	2	2
Наступление контрольных событий	1/2	1	3
Соблюдение требований по разработке и эффективности госпрограмм	1/2	1/3	1

Составлено авторами по материалам исследования

Максимальное собственное значение этой матрицы $\lambda_{\max} \approx 3,135$, собственный вектор матрицы, отвечающий $\lambda_{\max}$, имеет вид: $\mathbf{V}_1 = (2,88; 2,08; 1)$. Индекс согласованности матрицы вычисляют по формуле:

$$\text{ИС} = (\lambda_{\max} - n)/(n - 1), \quad (2)$$

где n – размерность матрицы. Таким образом,

$$\text{ИС} = (3,135 - 3)/2 = 0,067. \quad (3)$$

Индекс согласованности сопоставляют с максимально допустимым значением. Принимая во внимания выводы, сделанные А. Н. Тихомировой и Е. В. Сидоренко, полученный результат можно считать допустимым, так как для матрицы 3×3 и матриц более высокого порядка максимально допустимое значение ИС не должно превышать 0,127 [11].

Выполним нормализацию собственного вектора рассматриваемой матрицы:

$$\mathbf{V}_1 = (2,88/5,96; 2,08/5,96; 1/5,96) \Rightarrow \mathbf{V}_1 = (0,48; 0,34; 0,17). \quad (4)$$

Тогда искомое уравнение (1) для критерия интегральной оценки эффективности $K_{\text{гп}}$ примет вид:

$$K_{\text{гп}} = 0,48K_1 + 0,34K_2 + 0,17K_3. \quad (5)$$

Коэффициент качества планирования и эффективности реализации государственной программы K_1 рассчитывают по формуле:

$$K_1 = K_{\text{рез.}} / K_{\text{фин.}}, \quad (6)$$

где $K_{\text{рез.}}$ – коэффициент результативности реализации госпрограммы; $K_{\text{фин.}}$ – коэффициент финансового исполнения госпрограммы. Коэффициент $K_{\text{рез.}}$ вычисляют как

$$K_{\text{рез.}} = 0,6K_{\text{кол.}} + 0,4K_{\text{кач.}}, \quad (7)$$

где $K_{\text{кол.}}$ – коэффициент достижения плановых значений; $K_{\text{кач.}}$ – коэффициент внутренней согласованности и целей, задач, результатов. Коэффициент достижения плановых значений $K_{\text{кол.}}$ рассчитывают по формуле:

$$K_{\text{кол.}} = 0,5K_{\text{рез.}}^{\text{гп}} + 0,5K_{\text{рез.}}^{\text{пп}}, \quad (8)$$

где $K_{\text{рез.}}^{\text{гп}}$ – коэффициент результативности реализации госпрограммы, равный степени достижения плановых показателей по госпрограмме $\text{СД}_{\text{гп}}$, деленной на количество целевых показателей; $K_{\text{рез.}}^{\text{пп}}$ – коэффициент результативности реализации подпрограмм, равный степени достижения плановых показателей по подпрограммам $\text{СД}_{\text{пп}}$, деленной на количество целевых показателей.

Степени достижения плановых показателей по госпрограмме $\text{СД}_{\text{гп}}$ и подпрограммам $\text{СД}_{\text{пп}}$ рассчитывают следующим образом:

$$\text{СД}_{\text{гп/пп}} = \text{ЗП}_{\phi} / \text{ЗП}_{\pi}, \text{ если желаемая тенденция – увеличение,} \quad (9)$$

$$\text{СД}_{\text{гп/пп}} = \text{ЗП}_{\pi} / \text{ЗП}_{\phi}, \text{ если желаемая тенденция – уменьшение,} \quad (10)$$

где ЗП_{ϕ} – значение i -го достигнутого целевого показателя государственной программы; ЗП_{π} – плановое значение i -го целевого показателя подпрограммы.

Коэффициент внутренней согласованности целей, задач, результатов $K_{\text{кач.}}$ определяют по формуле:

$$K_{\text{кач.}} = d_1 X_1 + d_2 X_2 + d_3 X_3 + d_4 X_4 + d_5 X_5, \quad (11)$$

где d_i ($i=1...5$) – весовые коэффициенты; X_1 – согласованность целей и задач госпрограммы; X_2 – согласованность целей и целевых индикаторов госпрограммы; X_3 – согласованность целей и ожидаемых результатов госпрограммы; X_4 – согласованность целей госпрограмм и ожидаемых результатов подпрограмм; X_5 – внутренняя согласованность и достаточность мероприятий подпрограмм. Все X_i ($i=1...5$) выражаются в соответствиях, приведенных в таблице 2.

Таблица 2

Значение	Показатель согласованности				
	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5
1	Все цели и задачи госпрограммы согласованы	Все цели и целевые индикаторы госпрограммы согласованы	Все цели и ожидаемые результаты госпрограммы согласованы	Все цели госпрограмм и ожидаемые результаты подпрограмм согласованы	Мероприятия не дублируются, согласованы с целями подпрограмм, являются достаточными для достижения ожидаемых результатов
0,7	Более 80 % целей и задач госпрограммы согласованы	Более 80 % целей и целевых индикаторов госпрограммы согласованы	Более 80 % целей и ожидаемых результатов госпрограммы согласованы	Более 80 % целей госпрограмм и ожидаемых результатов подпрограмм согласованы	Более 80 % мероприятий не дублируются, согласованы с целями подпрограмм, являются достаточными для достижения ожидаемых результатов
0,5	Более 60 % целей и задач госпрограммы согласованы	Более 60 % целей и целевых индикаторов согласованы	Более 60 % целей и ожидаемых результатов госпрограммы согласованы	Более 60 % целей госпрограмм и ожидаемых результатов подпрограмм согласованы	Более 60 % мероприятий не дублируются, согласованы с целями подпрограмм, являются достаточными для достижения ожидаемых результатов
0,3	Более 40 % целей и задач госпрограммы согласованы	Более 40 % целей и целевых индикаторов согласованы	Более 40 % целей и ожидаемых результатов госпрограммы согласованы	Более 40 % целей госпрограмм и ожидаемых результатов подпрограмм согласованы	Более 40 % мероприятий не дублируются, согласованы с целями подпрограмм, являются достаточными для достижения ожидаемых результатов
0	Менее 40 % целей и задач госпрограммы согласованы	Менее 40 % целей и целевых индикаторов согласованы	Менее 40 % целей и ожидаемых результатов госпрограммы согласованы	Менее 40 % целей госпрограмм и ожидаемых результатов подпрограмм согласованы	Менее 40 % мероприятий не дублируются, согласованы с целями подпрограмм, являются достаточными для достижения ожидаемых результатов

Составлено авторами по материалам исследования

Порядок определения коэффициента внутренней согласованности целей, задач, результатов $K_{\text{кач}}$ приведен в таблице 3.

Таблица 3

Матрица критерия внутренней согласованности

Весовой коэффициент	d_1	d_2	d_3	d_4	d_5
d_1	1	1/3	1/3	1/4	1/4
d_2	3	1	3	1	1/2
d_3	3	1/3	1	1	1/2
d_4	4	1	1	1	3
d_5	4	2	2	1/3	1

Составлено авторами по материалам исследования

Максимальное собственное значение для полученной матрицы $\lambda_{\text{max}} \approx 5,5$. Собственный вектор, отвечающий λ_{max} , имеет вид: $V_2 = (0,24; 0,95; 0,61; 1,23; 1)$. Индекс согласованности, согласно формуле (2):

$$ИС = (5,5 - 4) / 3 = 0,125. \quad (12)$$

Индекс согласованности сопоставляют с максимально допустимым значением (0,127) [11]. По аналогии с (4), выполним нормализацию собственного вектора матрицы:

$$V_2 = (0,24/4,03; 0,95/4,03; 0,61/4,03; 1,23/4,03; 1/4,03) = (0,07; 0,23; 0,15; 0,30; 0,25). \quad (13)$$

Тогда искомое уравнение для коэффициента внутренней согласованности целей, задач, результатов примет вид:

$$K_{\text{кач}} = 0,71X_1 + 0,23X_2 + 0,15X_3 + 0,30X_4 + 0,25X_5. \quad (14)$$

Коэффициент финансового исполнения госпрограммы $K_{\text{фин}}$ рассчитывают по формуле:

$$K_{\text{фин}} = 0,8K_{\text{бюдж}} + 0,2K_{\text{свбр}}. \quad (15)$$

Здесь $K_{\text{бюдж}}$ – коэффициент общего кассового исполнения относительно федерального закона о федеральном бюджете:

$$K_{\text{бюдж}} = \frac{\text{Кассовое исполнение}}{\text{Бюджетные ассигнования, предусмотренные законом о бюджете}}; \quad (16)$$

$K_{\text{свбр}}$ – коэффициент общего кассового исполнения относительно сводной бюджетной росписи:

$$K_{\text{свбр}} = \frac{\text{Кассовое исполнение}}{\text{Показатели, предусмотренные сводной бюджетной росписью}}. \quad (17)$$

Коэффициент наступления контрольных событий K_2 рассчитывают согласно выражению:

$$K_2 = (B - (V_1N_1 + V_2N_2 + V_3N_3 + V_4N_4)) / B, \quad (18)$$

где B – всего контрольных событий государственной программы; N_1 – контрольные события, наступившие позже срока с наличием обоснования; N_2 – контрольные события, наступившие позже срока с отсутствием обоснования; N_3 – не наступившие контрольные события с наличием обоснования; N_4 – не наступившие контрольные события с отсутствием обоснования; V_i ($i=1...4$) – весовые коэффициенты.

Соблюдение установленных требований по разработке и реализации государственных программ K_3 определяют по следующей формуле:

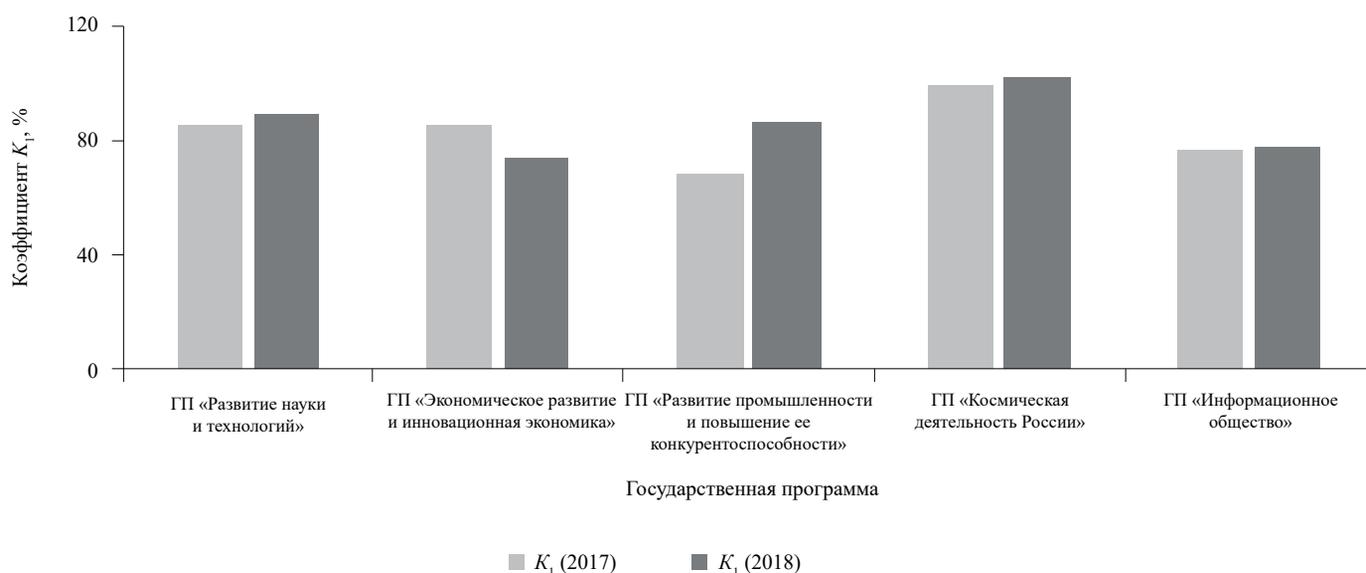
$$K_3 = \left(\sum KP_{\phi} / KP_{\pi} \right) / T, \quad (19)$$

где KP_{ϕ} – фактическое значение критерия оценки соблюдения установленных требований по разработке и реализации государственных программ; KP_{π} – плановое значение критерия оценки соблюдения установленных требований по разработке и реализации государственных программ; T – количество критериев оценки соблюдения установленных требований по разработке и реализации государственных программ.

Оценка эффективности в соответствии с рассмотренной выше методикой была проведена на примере ретроспективных данных для государственных программ, занимающих наибольшую долю в расходах федерального бюджета на инновации в 2018 г.:

- «Развитие науки и технологий» – 37,7 %;
- «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» – 18,8 %;
- «Космическая деятельность России» – 13,2 %;
- «Информационное общество» – 12,3 %;
- «Экономическое развитие и инновационная экономика» – 8,6 %.

Значение коэффициента качества планирования и эффективности реализации K_1 для четырех из пяти государственных программ имело положительную динамику с 2017 г. по 2018 г. (рис. 1).

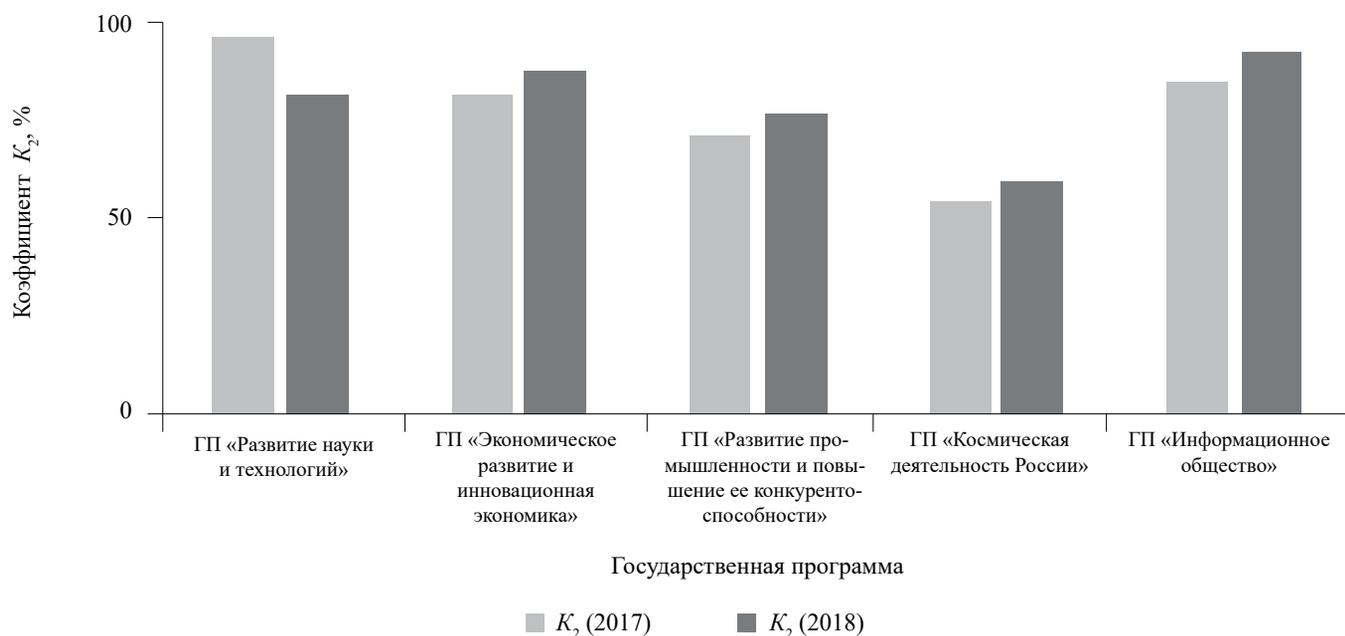
Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Качество планирования и эффективности реализации государственных программ K_1

Существенное снижение значений коэффициента (на 10 %) по государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» было обусловлено превышением коэффициента кассового исполнения над коэффициентом результативности реализации государственной программы. Низкое значение коэффициента результативности в 2018 г. сложилось, в том числе, в результате отсутствия должной согласованности целей, целевых показателей, ожидаемых результатов и мероприятий государственной программы.

Высокие значения K_1 наблюдались по государственной программе «Космическая деятельность России», однако в результате того, что указанная программа содержит сведения ограниченного доступа, не подлежащие раскрытию в сети «Интернет», коэффициент внутренней согласованности рассчитан не был, то есть значение K_1 для этой программы соответствует коэффициенту результативности. Имел место и низкий процент исполнения как относительно сводной бюджетной росписи, так и Федерального закона № 362-ФЗ «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» [3].

Коэффициент наступления контрольных событий K_2 принял достаточно высокое значение для государственной программы «Информационное общество» (рис. 2).

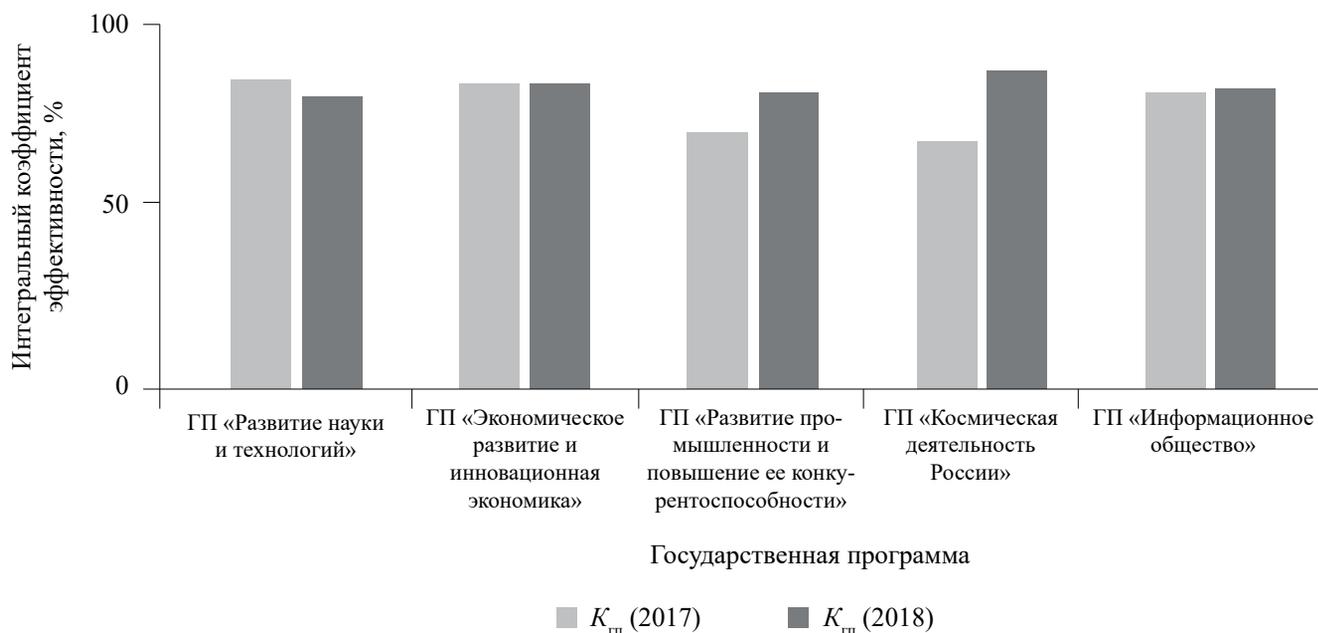

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Наступление контрольных событий K_2

Такая ситуация обусловлена сравнительно невысокой долей не наступивших контрольных событий от общего их количества (6 %). Для сравнения, по государственной программе «Космическая деятельность» данное значение составило 29 %, по программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» – 13 %.

Снижение K_2 для государственной программы «Развитие науки и технологий» связано с увеличением в 2018 г. количества контрольных событий, наступивших позже срока с отсутствием обоснования, и количества не наступивших контрольных событий.

Источник: [7]

Рис. 3. Соблюдение установленных требований по разработке и реализации государственных программ $K_{ин}$

Коэффициент соблюдения установленных требований по разработке и реализации государственных программ значение в 100 % составил только для двух государственных программ. Низкие значения коэффициента были зафиксированы по программе «Развитие науки и технологий» и программе «Космическая деятельность» в 2017 г.

Таким образом, средние значение итогового коэффициента эффективности реализации государственных программ в инновационной сфере сложились в 2017 г. на уровне в 77,4 %, в 2018 г. – 82,8 % (рис. 3).

Положительная динамика имела место для всех из рассмотренных государственных программ, за исключением государственной программы «Развитие науки и технологий». В 2019 г. исполнение этой программы было приостановлено, мероприятия вошли в состав новой государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации».

Таким образом, в целях устранения недостатков действующей методической базы оценки эффективности реализации государственных программ авторами предложена скорректированная методика, предполагающая использование: методов математического моделирования; качественных критериев оценки эффективности государственных программ; модифицированных коэффициентов финансового исполнения, наступления контрольных событий. Вместе с тем, были пересмотрены весовые коэффициенты основных критериев методики. Сформированные предложения направлены на повышение точности и достоверности оценки эффективности, и как следствие, качества принимаемых решений в части управления государственными финансами.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации № 145-ФЗ от 31.07.1998 с изменениями (ред. от 15.10.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 29.10.2020).
2. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ от 29.11.2014 с изменениями 2020 г. (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 28.10.2020).
3. Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» № 362-ФЗ от 05.12.2017 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284360/ (дата обращения: 27.10.2020).
4. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил формирования сводного годового доклада о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» № 903 от 17.07.2019 с изменениями 2020 г. (ред. от 30.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329312/ (дата обращения: 27.10.2020).
5. Приказ Минэкономразвития России «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации» № 582 от 16.09.2016 с изменениями 2017 г. (ред. от 15.03.2017) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205801/ (дата обращения: 27.10.2020).
6. Приказ Минэкономразвития России «Об утверждении Методики оценки эффективности реализации государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» № 351 от 17.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221073/03f265c3af2e7302b72fbc4758da6d0953ae15e5/ (дата обращения: 27.10.2020).
7. Материалы Министерства экономического развития Российской Федерации о распределении государственных программ Российской Федерации по результатам оценки эффективности их реализации в 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/tWquoiCll0TkyTXMSvrK8VTCJtecEcgn.pdf> (дата обращения: 27.10.2020).
8. Аркадьева, О. Г. Оценка эффективности реализации государственных программ: методические аспекты формирования отчетности // Экономический анализ: теория и практика. – 2018. – № 1. – С. 184-200.
9. Варнавский, А. В., Волкова, Е. С., Бурякова, А. О., Климова, Е. А. Модель оценки цифрового лидерства организации // Вестник университета. – 2020. – № 4. – С. 23-32.
10. Саати, Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. – М.: Радио и связь, 1993. – 278 с.

11. Тихомирова, А. Н., Сидоренко, Е. В. Модификация метода анализа иерархий Т. Саати для расчета весов критериев при оценке инновационных проектов // *Современные проблемы науки и образования*. – 2012. – № 2. – С. 261-261.
12. Фомина, Е. А., Ходковская, Ю. В. Программный бюджет: развитие методологии // *Финансы Башкортостана*. – 2016. – № 4. – С. 63-65.
13. Черников, О. С., Прохорова, А. В. Субсидия на выполнение государственного задания как элемент программного бюджета // *Вестник Тверского государственного университета*. – 2016. – № 4. – С. 77-81.

References

1. Byudzhetyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 31.07.1998 № 145-FZ s izmeneniyami (red. ot 15.10.2020) [*Budget code of the Russian Federation No. 145 dated on July 31, 1998 with changes (as amended, dated on October 10, 2020)*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (accessed 29.10.2020).
2. Federal’nyi zakon “O strategicheskom planirovanii v Rossiiskoi Federatsii” № 172-FZ ot 29.11.2014 s izmeneniyami 2020 g. (red. ot 31.07.2020) [*Federal law “On Strategic Planning in the Russian Federation” No. 172, dated on November 29, 2014 with changes of 2020 (as amended, dated on July 31, 2020)*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (accessed 28.10.2020).
3. Federal’nyi zakon “O federal’nom byudzhete na 2018 god i na planovyi period 2019 i 2020 godov” № 362-FZ ot 05.12.2017 [*Federal law “On the Federal Budget for 2018 and for the planning period of 2019 and 2020” No. 362 dated on December 5, 2017*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284360/ (accessed 27.10.2020).
4. Postanovlenie Pravitel’sтва Rossiiskoi Federatsii “Ob utverzhdenii Pravil formirovaniya svodnogo godovogo doklada o khode realizatsii i otsenke effektivnosti gosudarstvennykh programm Rossiiskoi Federatsii, vnesenii izmenenii v nekotorye akty Pravitel’sтва Rossiiskoi Federatsii i priznanii utrativshimi silu otdel’nykh polozhenii nekotorykh aktov Pravitel’sтва Rossiiskoi Federatsii” № 903 ot 17.07.2019 (red. ot 30.05.2020) [*Resolution of the Government of the Russian Federation of “On Approval of the rules for the formation of a consolidated annual report on the implementation and evaluation of the effectiveness of state programs of the Russian Federation and amending some acts of the Government of the Russian Federation and invalidating certain provisions of some acts of the Government of the Russian Federation” No. 903 dated on July 17, 2019 (as amended dated on May 30, 2020)*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329312/ (accessed 27.10.2020).
5. Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii “Ob utverzhdenii Metodicheskikh ukazanii po razrabotke i realizatsii gosudarstvennykh program Rossiiskoi Federatsii” No. 582 ot 16.09.2016 (red. ot 15.03.2017) [*Order of the Ministry of Economic Development of Russia “On Approval of Methodological Guidelines for the Development and Implementation of State Programs of the Russian Federation” No. 582 dated on September 16, 2016 (as amended dated on March 15, 2017)*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205801/ (accessed 27.10.2020).
6. Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii “Ob utverzhdenii Metodiki otsenki effektivnosti realizatsii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii “Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ekonomika” № 351 ot 17.07.2017 [*Order of the Ministry of Economic Development of Russia “On Approval of the Methodology for Assessing the Effectiveness of the Implementation of the State Program of the Russian Federation “Economic Development and Innovative Economy” No. 351 dated July 17, 2017*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221073/03f-265c3af2e7302b72fbc4758da6d0953ae15e5/ (accessed 27.10.2020).
7. Materialy Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii o raspredelenii gosudarstvennykh program Rossiiskoi Federatsii po rezul’tatam otsenki effektivnosti ikh realizatsii v 2018 g. [*Materials of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation on the distribution of state programs of the Russian Federation based on the results of assessing the effectiveness of their implementation in 2018*]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/tWquoiCll0TkyTXMSvrK8VTC-JtecEcgn.pdf> (accessed 27.10.2020).
8. Arkad’eva O. G. Otsenka effektivnosti realizatsii gosudarstvennykh programm: metodicheskie aspekty formirovaniya otchetnosti [*State program performance evaluation: methodological aspects of report generation*]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [*Economic Analysis: Theory and Practice*], 2018, no. 1, pp. 184-200.
9. Varnavskii A. V., Volkova E. S., Buryakova A. O., Klimova E. A. Model’ otsenki tsifrovogo liderstva organizatsii [*Model for evaluating an organization’s digital leadership*]. *Vestnik Universiteta*, 2020, no. 4, pp. 23-32.
10. Saati T. Prinyatie reshenii. Metod analiza ierarkhii [*Making decisions. Hierarchy analysis method*]. Moscow, Radio i svyaz’, 1993, 278 p.

11. Tikhomirova A. N., Sidorenko E. V. Modifikatsiya metoda analiza ierarkhii T. Saati dlya rascheta vesov kriteriev pri otsenke innovatsionnykh proektov [*Modification of T. Saati's hierarchy analysis method for calculating criteria weights when evaluating innovative projects*]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [*Modern problems of science and education*], 2012, no. 2, pp. 261-261.
12. Fomina E. A., Khodkovskaya Yu. V. Programmnyi byudzhet: razvitie metodologii [*Program budget: development of methodology*]. *Finansy Bashkortostana*, 2016, no. 4, pp. 63-65.
13. Chernikin O. S., Prokhorova A. V. Subsidiya na vypolnenie gosudarstvennogo zadaniya kak element programmnoy byudzheta [*Government assignment subsidy as part of the program budget*]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Herald of Tver State University*], 2016, no. 4, pp. 77-81.

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 004, 005, 353

JEL L86, O2

DOI 10.26425/1816-4277-2020-12-87-94

Денисова Анна Игоревна
аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2296-237X

e-mail: a.i.denisova@inbox.ru

ОБОСНОВАНИЕ СТРУКТУРЫ КОМПЛЕКСА МОДЕЛЕЙ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ С УЧЕТОМ СОПУТСТВУЮЩИХ РИСКОВ

Аннотация. Предмет исследования – федеральные программы социально-экономического развития регионов Российской Федерации. Рассмотрен вычислительно-аналитический инструмент для разработки, реализации и поддержки программ развития и показана необходимость его совершенствования. Структура соответствующего программного обеспечения представлена в виде модельного комплекса формирования и оценки вариантов программы регионального развития. Приведены основные показатели, необходимые для расчетов. Рассмотрены способы получения данных для формирования, коррекции и оценки хода реализации программ. В качестве инструмента вариативных расчетов для обоснования устойчивых и удовлетворительных плановых решений предложен аппарат сценарного моделирования. Обоснована необходимость учета влияния рисков в процессе формирования и реализации программ и предложены способы их учета. Предложено использовать онтологическую модель для организации хранения и представления информации об источниках и последствиях рисков.

Ключевые слова: нормативно-методическое обеспечение, онтологическая модель, планирование реализации, региональная программа, реестр рисков, стратегическое планирование, сценарное моделирование, управление рисками

Для цитирования: Денисова А.И. Обоснование структуры комплекса моделей разработки и реализации региональных программ с учетом сопутствующих рисков//Вестник университета. 2020. № 12. С. 87–94.

Anna I. Denisova

Postgraduate Student, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2296-237X

e-mail: a.i.denisova@inbox.ru

JUSTIFICATION OF THE STRUCTURE OF A SET OF MODELS FOR THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF REGIONAL PROGRAMS, TAKING INTO ACCOUNT ASSOCIATED RISKS

Abstract. The subject of the study is Federal programs of socio-economic development of the regions of the Russian Federation. The paper considers the computational and analytical tools for the development and implementation of support for development programs and shows the need for its improvement. The author presents the structure of the corresponding software in the form of a model complex for the formation and evaluation of regional development program options. The article gives the main indicators necessary for calculations. The study considers the methods of obtaining data for the formation, correction, and evaluation of the implementation of programs. The author proposes the scenario modeling apparatus as a tool for variable calculations to justify stable and satisfactory planning solutions. The article justifies the necessity of taking into account the impact of risks in the process of forming and implementing the program and proposes methods of their accounting. The paper proposes to use an ontological model for organizing the storage and presentation of information about the sources and consequences of risks.

Keywords: implementation planning, ontological model, regional program, regulatory and methodological support, risk management, risk register, scenario modeling, strategic planning

For citation: Denisova A.I. (2020) Justification of the structure of a set of models for the development and implementation of regional programs, taking into account associated risks. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 87–94. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-87-94

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №18-010-01151).

Acknowledgement. The paper was performed with financial support by the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 18-010-01151)

© Денисова А.И., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Реализация программ и проектов, преследующих цели социально-экономического развития, отличается высокой степенью неопределенности из-за своей долгосрочности, комплексности, необходимости управляемого воздействия на сложные многоуровневые системы. Реализация региональных государственных программ должна вести к наиболее эффективному достижению целей социально-экономического развития субъекта Российской Федерации (далее – РФ). Результативность исполнения программы во многом определяется качеством ее планирования. Программа, как документ стратегического планирования, должна быть согласована с как региональными, так и федеральными документами более высокого уровня. Кроме того, целевые показатели и ориентиры должны определять получение ожидаемых экономических эффектов, а не просто быть формальными метриками [5].

Исполнение мероприятий программы требует ресурсной обеспеченности, необходимой для достижения целевых значений в установленные сроки, а также согласованных действий всех участников процесса – как органов исполнительной власти, так и коммерческих структур. При планировании и реализации региональных программ и проектов развития неминуемо возникают события, так или иначе влияющие на цели программ и проектов. Негативное влияние неопределенных факторов на цели программы принято называть риском ее реализации. Риски реализации региональных программ, могут быть не только связаны с различными сферами, но и иметь многоуровневый характер. Помимо этого, рискованные события могут возникать в определенной комбинации, которая, в свою очередь, влечет возникновение другого риск-события [6].

Развитие и распространение цифровых технологий в практике государственного управления предполагают, прежде всего, возможность получения и накопления разнородных данных от всех участников процесса реализации программ. Однако объемы получаемых данных, их неоднородность, неполнота, возможная несогласованность существенно затрудняют процесс их анализа и последующего принятия управленческих решений.

Перечисленные аспекты обуславливают необходимость совершенствования специализированного методического и программного обеспечения разработки и реализации программ, в том числе с учетом сопутствующих рисков. Программно-аналитическое обеспечение формирования программных документов должно решать задачи, во-первых, разработки и оценки допустимых планов реализации программ, получения оптимальных или, когда это невозможно, удовлетворительных вариантов решений с учетом существующих ограничений, и, во-вторых, коррекции планов в процессе их исполнения. В связи с этим целями исследования являлись обоснование структуры и содержания подобного модельного комплекса, а также среды его реализации, учитывающего возможность комплексного описания и исследования рисков, сопутствующих реализации региональных программ развития.

Основу разрабатываемого комплекса составляют методы оптимизации плановых решений. В качестве инструмента вариативных расчетов для обоснования устойчивых и удовлетворительных плановых решений используется методология сценарного моделирования. Сценарные расчеты позволяют также получить измерения величины рискованности планов реализации и отдельных рискованных событий. В связи с этим теоретической основой исследования послужили работы в области сценарного моделирования [11; 14; 16], методов оптимизации управления [12; 18; 20], теории и методологии оценки рисков [6; 7; 9; 19], в особенности в области их идентификации, компьютерного моделирования [13], а также научно-практические публикации в сфере анализа и оценки эффективности разработки и реализации государственных программ развития [5; 8; 11]. Во внимание принимались основные нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность в сфере государственного программирования [1; 2; 3].

Выстраивая модельное ядро сценарного комплекса, автор исходил из таких базовых допущений:

- существуют и функционируют официально регламентируемые механизмы взаимодействия между участниками реализации региональной программы разных уровней управления;
- цели программы обоснованы и заданы корректно;
- известны ресурсные и временные ограничения реализации;
- известен план поступления ресурсов на горизонте планирования (считаем также, что в рамках сценарных исследований горизонт сценариев не превышает установленных сроков реализации программы);

Тогда основные задачи комплекса в области планирования должны заключаться в:

- формировании структуры программы из подпрограмм, проектов и мероприятий, исходя из необходимости достижения целевых показателей;

- формировании планов реализации программы в соответствии с принятой последовательностью и структурой с учетом ресурсных ограничений;
- адаптации плана реализации программы в процессе ее исполнения путем коррекции параметров задачи и/или введения ее новых структурных элементов.

Для решения задачи о формировании рациональной структуры программы требуется знать:

- значения целевых показателей эффективности программы;
- вклад проектов (подпрограмм), мероприятий в достижение целевых показателей программы (указывается в паспорте программы);
- содержательное изменение одного из проектов (подпрограмм);
- потребности в инвестициях проектов (подпрограмм) в плановом периоде (в настоящее время отчетность о ходе реализации программ должна предоставляться раз в год);
- взаимосвязь мероприятий и целевых показателей программы;

Для решения задачи о формировании планов реализации программы с учетом ограничений необходимо знать:

- логику и последовательность реализации работ в рамках программы;
- даты начала мероприятий;
- затраты ресурсов на исполнение мероприятий;
- ресурсные ограничения;
- длительность исполнения мероприятий;
- годовые объемы потребности в инвестициях подпрограмм, проектов, мероприятий.

Набор входных данных для решения задачи о коррекции существующего плана реализации аналогичен, но должен быть скорректирован с учетом того, что удалось реализовать и чего достичь на текущий момент времени. Также должны быть формализованы возникшие ограничения, влияющие на ход реализации плана.

Практическая реализация модельного комплекса требует верифицированных источников исходной информации. Основными открытыми источниками, на основании которых можно судить о формировании, коррекции и ходе реализации программ являются нормативно-правовые акты. Разработка и реализация государственных программ РФ регламентируется Постановлением Правительства РФ от 02.08.2010 № 588 (ред. от 09.04.2020) «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» [2]. На уровне субъектов РФ утверждаются аналогичные нормативно-правовые акты, согласно которым порядок и форма предоставления сведений может незначительно отличаться.

Документами федерального уровня установлен следующий перечень сопроводительной информации по государственной программе:

- 1) паспорт государственной программы, включающий:
  - ресурсное (финансовое) обеспечение мероприятиям;
  - перечень целевых показателей и порядок их получения;
  - связь целевых показателей с мероприятиями;
- 2) обоснование государственной программы;
- 3) формы отчетности: текущей (ежегодной) и итоговой [2].

Отметим, что четких требований, сформулированных на федеральном уровне, к обоснованию региональной государственной программы не выдвигается.

Обычно аналитическое обоснование программы включает в себя анализ специфики региона, внешней среды, рисков и т.п. Исполнители программы обязаны ежегодно представлять отчет о реализации. Форма годового отчета утверждается Министерством экономического развития РФ [3]. Правительство субъекта ежегодно принимает план реализации государственной программы, который содержит календарные планы реализации мероприятий и их ресурсное обеспечение, а также отчет о реализации программы, содержащий в разрезе мероприятий планируемый и фактический объемы финансирования, планируемые и достигнутые значения целевых показателей.

Анализ документации по программно-целевому управлению в субъектах РФ, проведенный с использованием материалов портала, позволил выявить ряд вопросов и проблемных зон разного характера [17]. Так, план реализации должен быть принят с началом нового отчетного периода, то есть календарного года. Однако очень часто можно наблюдать задержку с принятием и опубликованием как плана реализации, так и отчета об исполнении за предыдущий период. Можно предполагать, что это, в свою очередь, влияет на плановое

выделение финансирования, что определяет сроки реализации мероприятий. Также можно отметить отсутствие комплексности и целостности представления информации об исполнении программ. Кроме того, мероприятия могут быть указаны в плане реализации, но никак не комментироваться в отчетах об исполнении программы за соответствующий год.

Для более глубокого анализа программы разумно было бы также анализировать стадию разработки программы, как с точки зрения финансовых вложений, так и с точки зрения ориентиров целеполагания и основных направлений реализации; однако собрать информацию об этом в открытом доступе достаточно тяжело.

Для разработки и эффективной реализации программы требуется располагать распределенной информационной базой о возможных рисках, возникающих на различных стадиях реализации. Общепринятым способом представления и хранения такой информации является реестр рисков [4]. Запись в реестре должна содержать сведения о причинах возникновения риска и возможных последствиях. Эти данные необходимы для планирования способов обработки риска и оценки его величины. Реализация программы развития осуществляется в несколько этапов, каждому из них соответствует свой набор рисковых событий, которые, в свою очередь, могут относиться к разным сферам деятельности, иметь разные источники возникновения и следствия.

Разнообразие рисковых событий и необходимость учета множества комбинаций, порождающих дополнительные риски (между рисками и источниками их возникновения, последствиями, взаимосвязями самих событий и др.) требуют соответствующего программно-аналитического сопровождения. Для решения задачи управления пространством знаний о рисковых событиях, их источниках, последствиях и взаимосвязях может быть использован инструментарий онтологического моделирования [15].

Основные подходы к учету оценки и последствий рисков реализации региональных программ на стадии их формирования чаще всего могут быть сведены к:

- оценке вероятности наступления рискового события и его последствий;
- формированию и коррекции гибких, адаптивных и, прежде всего, устойчивых планов развития так, чтобы по возможности нивелировать негативное влияние неизвестных факторов;
- формированию и коррекции планов с учетом влияния сопутствующих рисков (комбинация двух предыдущих подходов).

Проблеме оценки вероятности и последствий рисковых событий в проектном управлении посвящено достаточное количество исследований, в частности [9; 10; 19]. Из которой можно сделать вывод о том, что, как правило, здесь широко используются методы обработки экспертных оценок, что, в отличие от математического и компьютерного моделирования, не требует наличия статистической информации достаточного объема, но характеризуется субъективностью выводов.

Основными методами планирования реализации проектов и программ являются алгоритмы эвристической оптимизации, в частности, алгоритмы сетевого моделирования [10]. В качестве альтернативы этому подходу разрабатываются различные способы формирования оптимальных плановых решений с помощью математического и, в частности, целочисленного программирования [12; 18]. Планирование на основе методов математического программирования оказывается более эффективным для объемного и календарно-объемного планирования. В условиях относительно небольшой размерности задач оно позволяет получить математически обоснованное оптимальное решение. Кроме того, полученная модель позволяет не только иметь представление об оптимальном плане с учетом ограничений, но и получить оценки диапазонов устойчивости входных параметров программы.

Для составления вариантов планов реализации с учетом влияния сопутствующих рисков необходимо определить способ формализации этого влияния. В литературе встречаются следующие способы:

- построение плана исходит из оптимизации стратегий реагирования на различные проявления волатильности среды [20];
- риск для одного из компонентов плана (мероприятия, работы, подпроекта, проекта и т.п.) вводится в задачу как отдельное ограничение [18];
- риск оценивается как критические значения основных показателей работы, проекта или программы (временных, ресурсных, целевых) [10; 19];
- риск оценивается как возможность выхода за границы диапазона устойчивости оптимального плана параметров проекта или программы [7].

Исходя из того, на каком этапе и какой из описанных подходов был использован, может быть получен разный результат. Для сравнения результатов можно использовать оценку базовых проектных временных и финансовых показателей.

Помимо формирования детерминированного плана программы, в задачи комплекса моделирования также входит обоснование плановых решений с учетом влияния неопределенных факторов, воздействия рисков. Для учета вариативности предполагается использовать аппарат сценарного моделирования. Генерация сценариев может осуществляться двумя способами:

- рассматривают различные варианты реализации планов с условием включения в план заранее идентифицированных рисков событий на разных стадиях и ведущих к разным последствиям;
- рассматривают изменения входных параметров задачи календарно-ресурсного планирования.

В результате сценарных расчетов, в том числе, формируются интервалы устойчивости основных параметров программы, на основе которых разрабатывается перечень возможных плановых решений. Результаты работы комплекса могут быть использованы для обоснования плана реализации государственной программы и его коррекции.

Отметим, что в рамках комплекса, прежде всего, оценивается возможность возникновения внутренних рисков, то есть тех, на которые можно воздействовать внутри системы. Внешние риски также идентифицируются и могут оцениваться с помощью дополнительных специально разработанных экономико-математических моделей. В общем случае влияние внешних событий может быть интерпретировано в рамках комплекса как «влияние случайных факторов». Важным является не столько, какое событие произошло, сколько то, какое влияние оно оказало. Состояние каждого аспекта деятельности можно охарактеризовать определенным набором статистических показателей. В ряде исследований, например в [8], показано, что можно определить, является ли значение индикатора некритическим, допустимо критическим (напряженность повышается) или предельно критическим.

Изложенные выше соображения делают возможным представить укрупненную схему модельного комплекса формирования и оценки вариантов программы регионального развития (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Схема комплекса вариантного моделирования структуры и параметров программы регионального развития

В заключение отметим, что основной целью совершенствования программно-аналитического инструментария является развитие поддержки принятия управленческих решений с помощью: определения источника риска и формирования удовлетворительной стратегии его обработки; формирования приоритетов планов решений; определение уязвимостей и общей рискованности планов.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации (с изменениями на 31 июля 2020 года)» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 25.09.2020).
2. Постановление Правительства РФ от 02.08.2010 № 588 (ред. от 16.04.2020) «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103481/ (дата обращения: 25.09.2020).
3. Приказ Министерства экономического развития РФ от 07.02.2019 г. № 54 «Об утверждении формы представления сводной информации о ходе реализации государственной программы Российской Федерации на приоритетных территориях, в том числе по субъектам Российской Федерации (за исключением государственных программ, мероприятия которых не имеют территориальной привязки и (или) предмет которых исключает возможность их реализации на приоритетных территориях)» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72109866/> (дата обращения: 04.10.2020).
4. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 51901.22-2012 «Менеджмент риска. Реестр риска. Правила построения (Переиздание) (дата введения – 01.12.2013)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200100075> (дата обращения: 04.10.2020).
5. Агафонов, В. А. Целевой аспект разработки комплексных программ регионального развития и эффективность государственного управления // Экономическая политика. – 2014. – № 10. – С. 3-16.
6. Гамукин, В. В. Комбинаторика рисков бюджетной системы // Финансы и кредит. – 2015. – № 22 (646). – С. 28-39.
7. Гамукин, В. В. Риск-границы несбалансированности региональных бюджетов // Федерализм. – 2012. – № 3 (67). – С. 101-108.
8. Глазьев, С. Ю., Локосов, В. В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4. – С. 22-41.
9. Грачева, М. В., Секерин, А. Б., Афанасьев, А. М. Риск-менеджмент инвестиционного проекта. – М.: Юнити-Дана, 2009. – 544 с.
10. Денисова, А. И. Моделирование рисков разработки и реализации инфраструктурного проекта на основе методов сетевого планирования // Вестник университета. – 2019. – № 12. – С. 56-65.
11. Кульба, В., Ковалевский, С. [ред.] Управление и контроль реализации социально-экономических целевых программ. – М.: Либроком, 2009. – 400 с.
12. Курочка, П. Н., Чередниченко, Н. Д. Задачи ресурсного планирования в строительном проекте // В сборнике: XII всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ-2014. – М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН. – 2014. – С. 4745-4753.
13. Макаров, В. Л., Бахтизин, А. Р. Социальное моделирование – новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели). – М.: Экономика, 2013. – 295 с.
14. Писарева, О. М. Сценарное моделирование в управлении разработкой системы крупномасштабных инвестиционных программ // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2011): Материалы Пятой международной конференции. – Том I. – М.: ИПУ РАН, 2011. – С. 63-66.
15. Писарева, О. М., Медников, Д. Н., Денисова, А. И. Онтологическое моделирование области нормативно-правового обеспечения управления в рамках полномочий ФОИВ/РОИВ // Материалы 1-й международной научно-практической конференции «Шаг в будущее: Искусственный интеллект и цифровая экономика». – Государственный университет управления, 2017. – С. 343-351.
16. Татевосян, Г. М., Писарева, О. М., Седова, С. В. Оптимизация состава и параметров инвестиционных программ развития в условиях многокритериального выбора // Сборник научных трудов: Теория и практика институциональных преобразований в России / под ред. Б. А. Ерзнкяна. – М.: Государственный университет управления, 2011. – Вып. 22. – С. 146-154.
17. Банк данных «Нормативно-правовые акты, зарегистрированные в Министерстве юстиции Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2020).

18. Ono, M., Williams, B. C. Iterative risk allocation: a new approach to robust model predictive control with a joint chance constraint // Proceedings of the 47th IEEE Conference on Decision and Control Cancun. – Mexico, December 9–11, 2008. – Pp. 3427-3432.
19. Seyedhoseini, S. M., Noori, S., Hatefi, M.A. An integrated methodology for assessment and selection of the project risk response actions // Risk Analysis. – 2009. – No. 29 (5). – Pp. 752-763.
20. Zhang, Y., Zhi-Ping, F. An optimization method for selecting project risk response strategies // International Journal of Project Management. – 2014. – No. 32. – P. 412-422.

References

1. Federal'nyi zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ "O strategicheskom planirovanii v Rossiiskoi Federatsii (s izmeneniyami na 31 iyulya 2020 goda)" [*Federal law "On Strategic Planning in the Russian Federation No. 172-FZ dated on June 28, 2014 (as amended, dated on July 31, 2020)"*]. Legal reference system "ConsultantPlus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841 (accessed 25.09.2020).
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 02.08.2010 № 588 (red. ot 16.04.2020) "Ob utverzhdenii Poryadka razrabotki, realizatsii i otsenki effektivnosti gosudarstvennykh program Rossiiskoi Federatsii" [*Resolution of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Procedure for Development, Implementation and Evaluation of the Effectiveness of State Programs of the Russian Federation" No. 588 dated on August 2, 2010 (as amended, dated on April 16, 2020)*]. Legal reference system "ConsultantPlus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103481/ (accessed 25.09.2020).
3. Prikaz Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF ot 7 fevralya 2019 g. № 54 "Ob utverzhdenii formy predstavleniya svodnoi informatsii o khode realizatsii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii na prioritnykh territoriyakh, v tom chisle po sub'ektam Rossiiskoi Federatsii (za isklyucheniem gosudarstvennykh programm, meropriyatiya kotorykh ne imeyut territorial'noi privyazki i (ili) predmet kotorykh isklyuchaet vozmozhnost' ikh realizatsii na prioritnykh territoriyakh)" [*Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation "On Approval of the Form for Submitting Summary Information on the Implementation of the State Program of the Russian Federation in Priority Territories, including for the Constituent Entities of the Russian Federation (with the Exception of State Programs whose Activities do not have a Territorial Reference and (or) the Subject of which Excludes the Possibility of their Implementation in Priority Territories)" No. 54 dated on February 7, 2019*]. Legal reference system "Garant". Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72109866/> (accessed 04.10.2020).
4. Natsional'nyi standart Rossiiskoi Federatsii GOST R 51901.22-2012 "Menedzhment riska. Reestr riska. Pravila postroeniya (Pereizdanie) (data vvedeniya – 01.12.2013)" [*National standard of the Russian Federation GOST R 51901.22-2012 "Risk management. Risk register. Rules of construction (republication) (date of introduction – December 1, 2013)*]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1200100075> (accessed 04.09.2020).
5. Agafonov V. A. Tselevoi aspekt razrabotki kompleksnykh programm regional'nogo razvitiya i effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya [*Target aspect of development of the integrated programs of regional development and public administration efficiency*]. Ekonomicheskaya politika [*Economic Policy*], 2014, no. 10, pp. 3-16.
6. Gamukin V. V. Kombinatorika riskov byudzhetnoi sistemy [*Combinatorics of budget system risks*]. Finansy i kredit [*Finance and Credit*], 2015, no. 22 (646), pp. 28-39.
7. Gamukin V. V. Risk-granitsy nesbalansirovannosti regional'nykh byudzhetov [*Risk-limits of regional budget imbalance*]. Federalizm [*Federalism*], 2012, no. 3 (67), pp. 101-108.
8. Glaz'ev S. Yu., Lokosov V. V. Otsenka predel'no kriticheskikh znachenii pokazatelei sostoyaniya rossiiskogo obshchestva i ikh ispol'zovanie v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem [*Evaluation of extremely critical indicators of the state of Russian society and managing social and economic development with them*]. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*], 2012, no. 4, pp. 22-41.
9. Gracheva M. V. Risk-menedzhment investitsionnogo proekta [*Risk management of the investment project*]. Moscow, Yuniti-Dana, 2009, 544 p.
10. Denisova A. I. Modelirovanie riskov razrabotki i realizatsii infrastruktornogo proekta na osnove metodov setevogo planirovaniya [*Modeling the risks of developing and implementing the infrastructure project based on network planning methods*]. Vestnik Universiteta, 2019, no. 12, pp. 56-65.
11. Kul'ba V., Kovalevskii S. (red.) Upravlenie i kontrol' realizatsii sotsial'no-ekonomicheskikh tselevykh programm [*Management and control of the implementation of socio-economic target programs*]. Moscow, Librokom, 2009, 400 p.

12. Kurochka P. N., Cherednichenko N. D. Zadachi resursnogo planirovaniya v stroitel'nom proekte [*Tasks of resource planning in a construction project*]. V sbornike: XII vsrossiiskoe soveshchanie po problemam upravleniya VSPU-2014 [*In the collection: XII All-Russian Meeting on Management Issues VSPU-2014*]. Moscow, Institut problem upravleniya im. V. A. Trapeznikova RAN, 2014, pp. 4745-4753.
13. Makarov V. L., Bakhtizin A. R. Sotsial'noe modelirovanie – novyi komp'yuternyi proryv (agent-orientirovannye modeli) [*Social modeling is a new computer breakthrough (agent-oriented models)*]. Moscow, Ekonomika, 2013, 295 p.
14. Pisareva O. M. Stsenarnoe modelirovanie v upravlenii razrabotkoi sistemy krupnomasshtabnykh investitsionnykh programm [*Scenario modeling in managing the development of a large-scale investment program system*]. Upravlenie razvitiem krupnomasshtabnykh sistem (MLSD'2011): Materialy Pyatoi mezhdunarodnoi konferentsii. Tom I [*Management of the Large-Scale Systems Development (MLSD'2011): Proceedings of the Fifth International Conference. Volume I*]. Moscow, IPU RAN, 2011, pp. 63-66.
15. Pisareva O. M., Mednikov D. N., Denisova A. I. Ontologicheskoe modelirovanie oblasti normativno-pravovogo obespecheniya upravleniya v ramkakh polnomochii FOIV/ROIV [*Ontological modeling of the field of normative and legal support of management within the framework of the powers of Federal/Regional Executive Authorities*]. Materialy 1-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. "Shag v budushchee: Iskusstvennyi intellekt i tsifrovaya ekonomika" [*Proceedings of the 1-st International Scientific and Practical Conference "Artificial Intelligence and Digital Economy"*]. Moscow, Gosudarstvennyi universitet upravleniya, 2017, pp. 343-351.
16. Tatevosyan G. M., Pisareva O. M., Sedova S. V. Optimizatsiya sostava i parametrov investitsionnykh programm razvitiya v usloviyakh mnogokriterial'nogo vybora [*Optimization of the composition and parameters of investment development programs in conditions of multi-criteria choice*]. Sbornik nauchnykh trudov: Teoriya i praktika institutsional'nykh preobrazovaniy v Rossii [*Collection of scientific papers: Theory and Practice of Institutional Transformation in Russia*], pod red. B. A. Erznkyana, 2011, I. 22, pp. 146-154.
17. Bank dannykh "Normativno-pravovye akty, zaregistrovannye v Ministerstve yustitsii Rossiiskoi Federatsii" [*Data Bank "Normative and legal acts registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation"*]. Available at: <https://minjust.consultant.ru/> (accessed 30.09.2020).
18. Ono M., Williams B. C. Iterative risk allocation: a new approach to robust model predictive control with a joint chance constraint. Proceedings of the 47th IEEE Conference on Decision and Control Cancun. Mexico, December 9-11, 2008, pp. 3427-3432.
19. Seyedhoseini S. M., Noori S., Hatefi M. A. An integrated methodology for assessment and selection of the project risk response actions. Risk Analysis, 2009, no. 29 (5), pp. 752-763.
20. Zhang Y., Zhi-Ping F. An optimization method for selecting project risk response strategies. International Journal of Project Management, 2014, no. 32, pp. 412-422.

**Дуненкова Елена
Николаевна**

канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0414-6560

e-mail: en_dunenкова@guu.ru

Лысова Елизавета

Александровна

студент магистратуры, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1727-5751

e-mail: elizaveta9721@gmail.com

Elena N. Dunenkova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
State University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-0414-6560

e-mail: en_dunenкова@guu.ru

Elizaveta A. Lysova

Graduate Student, State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-1727-5751

e-mail: elizaveta9721@gmail.com

ВЕНЧУРНЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ РОССИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Целью исследования является анализ особенностей развития и текущего состояния основных элементов венчурных экосистем России и США. Для достижения указанной цели выявлены и проанализированы ключевые особенности изучаемых венчурных экосистем. Рассмотрена хронология этапов развития венчурных экосистем обеих стран, определено их текущее состояние, включающее объемы и количество заключенных венчурных сделок, их соотношение по стадиям инвестиционного процесса. Выделены ключевые различия социокультурных факторов и нормативно-правовых баз, регламентирующих и влияющих на деятельность венчурных экосистем. Выявлены основные проблемные моменты развития инновационного потенциала Российской Федерации и причины их возникновения. Проведен сравнительный анализ венчурной индустрии России и США, на его основании выявлены ключевые проблемы, препятствующие развитию венчурной экосистемы России, даны рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: венчурная экосистема, венчурные инвестиции, венчурный капитал, венчурный фонд, высокотехнологичные проекты, инвестиции, инновации, инновационная деятельность, инновационный потенциал, инновационный процесс, Россия, США

Для цитирования: Дуненкова Е.Н., Лысова Е.А. Венчурные экосистемы России и США: сравнительный анализ // Вестник университета. 2020. № 12. С. 95–102.

VENTURE ECOSYSTEM IN RUSSIA AND THE UNITED STATES: A COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The aim of the research is to analyse the features of development and current state of the main elements of venture ecosystem in Russia and the United States. To achieve this goal, the authors reveal and analyse the key features of the studied natural ecosystems. The paper considers the chronology of the stages of development of venture ecosystems in both countries, determines their current state, including the volume and number of concluded venture transactions, their ratio by stages of the investment process. The article highlights the key differences between socio-cultural factors and legal frameworks that regulate and influence the activities of venture ecosystems. The study identifies the main problematic aspects of the development of the innovative potential of the Russian Federation and the reasons for their occurrence. The authors carry out a comparative analysis of the venture industry in Russia and the United States, identify on its basis, the key problems that hinder the development of the venture ecosystem in Russia, and give recommendations for overcoming.

Keywords: high-tech projects, innovations, innovative activity, innovative capacity, innovative process, investments, Russia, USA, venture capital, venture capital ecosystem, venture capital fund, venture capital investments

For citation: Dunenkova E.N., Lysova E.A. (2020) Venture ecosystem in Russia and the United States: a comparative analysis. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 95–102. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-95-102

В настоящее время, в условиях глобализации мировой экономики и ускорения научно-технического прогресса, основными факторами роста конкурентоспособности национальной экономики является стимулирование инновационной деятельности и развитие научно-производственного потенциала. В России этим факторам уделяют особое внимание в рамках реализации стратегических инициатив по переходу от традиционной сырьевой к инновационной экономике. В мировой практике основным источником финансирования инноваций, обеспечивающим приток капитала в развитие инновационной деятельности, являются венчурные инвестиции.

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью проведения детализированного анализа факторов развития венчурной экосистемы в России и США для формулирования выводов и разработки рекомендаций по улучшению отдельных ее элементов в нашей стране. Для этого необходимо провести сравнение основных элементов венчурной экосистемы обеих стран, на основе которого будут выявлены текущие проблемы венчурной индустрии России, и предложить решения для их корректировки на основе американского опыта.

© Дуненкова Е.Н., Лысова Е.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

В ходе исследования применены следующие методы:

- изучение открытых источников информации: научных, деловых и новостных;
- анализ статистических данных с целью получения количественной и качественной оценки мирового опыта формирования венчурной индустрии;
- синтез данных из различных источников, обобщение информации для формирования единого понимания мирового опыта в вопросе влияния институциональной и социокультурной сред на состояние и уровень развития венчурной экосистемы;
- сравнение подходов к формированию отдельных элементов венчурной экосистемы для определения ключевых различий между венчурной индустрией США и Российской Федерацией (далее – РФ);
- моделирование возможных особенностей внедрения практики в России.

Рассмотрим венчурную экосистему США, историю ее развития, текущее состояние, ключевые особенности.

Становление американской венчурной экосистемы происходило с конца 40-х гг. до конца 70-х гг. XX в. Ее началом послужило основание первого венчурного фонда – American Research and Development (ARD), основанного в Бостоне в 1946 г., после окончания Второй мировой войны. Деятельность фонда была преимущественно направлена на приобретение малых высокорисковых компаний, выстраивающих свою деятельность, применяя и адаптируя технологии военного предназначения для потребностей активно развивавшегося в тот период промышленного производства [4]. К середине 1950-х гг. венчурный капитал окончательно закрепился в статусе альтернативного источника финансирования бизнеса. Именно в этот период при помощи привлечения венчурных инвестиций был дан старт многим высокотехнологичным транснациональным компаниям, например, Intel. Однако, несмотря на то, что в указанный период правительство и предприниматели приняли активные шаги по выстраиванию гармоничной венчурной экосистемы (к примеру, была создана Национальная ассоциация венчурного капитала (NVCA) с целью формирования положительного общественного мнения и защиты интересов венчурных капиталистов), малое количество заинтересованных инвесторов и, как следствие, дефицит денежных средств обусловили медленное развитие рынка.

Настоящее развитие венчурная экосистема получила в начале 1970-х гг., и данный процесс, сопровождавшийся институциональными изменениями, направленными как на прямую, так и косвенную поддержку венчурной экосистемы, обусловил ее становление как самой активной системы в мире.

Одним из самых главных институциональных изменений можно считать принятие закона о безопасности пенсионных отчислений, который позволил пенсионным фондам США оперировать частью капитала для инвестиций в венчурную деятельность [8]. Позже аналогичный закон был принят в отношении страховых компаний, благотворительных и некоммерческих фондов. Принятие данных законов позволило привлечь в венчурную индустрию США крупные объемы капитала, что, в свою очередь, отразилось на инвестиционной активности. На данный момент именно пенсионные фонды и страховые компании являются основными держателями венчурного капитала. Другим важным институциональным изменением стало принятие Акта об увеличении акционерного капитала малого бизнеса [4]. Благодаря этому акту инвестиционные компании могли получить отсрочку по выплатам облигационных займов до момента достижения указанного уровня доходности, что обусловило возросшее количество игроков на венчурном рынке.

Среди косвенных элементов поддержки венчурной индустрии США можно выделить три основных направления.

1. Принятие законодательных актов, основной целью которых являлось повышение коммерческой значимости уже ранее финансировавшихся исследований, которые проводились и проводятся в университетах и государственных исследовательских центрах. Среди примеров подобных инициатив можно выделить закон Бэя-Доула, принятый в 1980 г., главная цель которого – стимулировать ученых выходить со своими открытиями на рынок, создавать свои компании или продавать лицензии на технологии другим фирмам.

2. Содействие финансированию научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), производящихся отдельными компаниями, для чего в 1980-х гг. был принят ряд федеральных программ. Финансирование инноваций в США осуществляется исходя из следующих пропорций: 35 % инвестиций – из федерального бюджета; 60 % инвестиций – из собственных средств производственных компаний; 5 % инвестиций – из средств правительств штатов, органов местного самоуправления [5].

3. Программы и законодательные акты (к примеру, снижение ставки налога на прибыль), основной целью которых является финансирование и поддержка малых инновационных предприятий. К подобным программам относят:

- Программу поддержки инновационных исследований малого бизнеса» (The Small Business Innovation Research Program – SBIR);
- Программу по распространению технологий малого бизнеса» (The Small Business Technology Transfer Program – STTR);
- Программу по созданию инвестиционных компаний для малого бизнеса» (The Small Business Investment Company – SBIC).

Указанные программы координируются Администрацией малого бизнеса США и частично финансируются из федерального бюджета [7]. Основной целью программ SBIR и STTR является развитие стратегически важных направлений инновационной деятельности на государственном уровне. Программа SBIR с суммарным годовым бюджетом более 1 млрд долл. США каждый год позволяет реализовать более 950 инновационных проектов. По программе SBIC государство финансирует деятельность молодых компаний, если предприниматель смог привлечь средства частных инвесторов в соотношении 2:1 или 3:1 [7].

Другим немаловажным фактором, обуславливающим высокую активность американской венчурной индустрии, является развитость фондовых рынков. Например, биржа NASDAQ (вторая после Нью-Йоркской), предназначена для торговли акциями преимущественно высокотехнологичных компаний. По состоянию на 2020 г., на бирже представлено 2 649 подобных организаций со всего мира [13].

Основными социокультурными факторами, оказывающими влияние на развитие венчурной экосистемы США, являются, прежде всего, кадровый потенциал, а также высокий уровень финансовой грамотности населения. Вследствие использования специальных центров по подготовке и консультированию специалистов венчурной индустрии (к примеру, Annual Venture Capital Institute), а также высокого уровня образования населения, США обладает большим кадровым потенциалом в области венчурной индустрии. Высокий уровень финансовой грамотности населения также оказывает положительное влияние на венчурный рынок, так как это означает, что как предприниматели, так и остальные граждане страны умеют эффективно применять финансовые инструменты, в том числе и на венчурном рынке. Объем и количество инвестиций в период 2009–2019 гг., осуществленных венчурными фондами США, представлены в Отчете о состоянии венчурной индустрии США в 2019 г. [12, с. 5].

В период 2018–2019 гг. количество сделок с участием американского венчурного капитала показывало активный рост (10,777 сделок в 2019 г. и 10,542 сделки в 2018 г.). Несмотря на то, что объем сделок в 2019 г. снизился по сравнению с 2018 г. (136,6 млрд долл. США и 140,2 млрд долл. США соответственно), в 2019 г. было зарегистрировано 237 мега-сделок, что является значительным увеличением по сравнению с 2018 г. (211 сделок). Нетрадиционные венчурные инвесторы, такие как корпорации, хедж-фонды, инвестиционные банки и т. д., участвовали в более чем 85,0 % подобных сделок [12]. Распределение венчурных инвестиций по стадиям жизненных циклов, финансируемых стартапов в период 2014–2019 гг. представлено в Отчете о состоянии венчурной индустрии США в 2019 г. [12, с. 5].

Из анализа приведенных выше данных следует, что основное количество инвестиций направлено на ранние стадии развития стартапов (4 556 на посевной стадии, 3 600 на ранней и 2 500 на поздней), однако основной объем инвестиций приходится на позднюю стадию – 85 млрд долл. США, тогда как общий объем инвестиций на начальных стадиях составил 51,1 млрд долл. США [12].

Далее, рассмотрим венчурную экосистему России.

Официально зарождение венчурной индустрии РФ датируется 1993 г. Причиной этого события стал саммит Большой Четверки в Токио, на котором были заключены договоренности о создании первых в России региональных фондов поддержки малого и среднего предпринимательства. Основной целью данных фондов стало оказание поддержки компаниям, работающим прежде всего в секторе товаров народного потребления.

Однако фактически венчурная индустрия возникла в 1997 г., что связано с появлением Российской ассоциации венчурного инвестирования (РАВИ), состоящей из двенадцати венчурных фондов, функционирующих на территории РФ [6]. Основной целью ассоциации было заявлено поддержание благоприятного инвестиционного климата. В том же году были созданы первые венчурные фонды, связанные с крупными российскими банками и предприятиями.

В начале 2000-х гг. понятие венчурного финансирования стало использоваться на государственном уровне. В «Основных направлениях развития внебюджетного финансирования высокорисковых проектов в научно-технической сфере на 2000–2005 годы» были впервые даны определения венчурного инвестирования, венчурного предприятия, системы венчурного инвестирования [2].

Дальнейшее развитие венчурной индустрии РФ тесно связано с государством и институтами инновационного развития, такими как ОАО «РВК», ОАО «РОСНАНО», фонд «Сколково» и др. Активная деятельность данных организаций была направлена на разработку и вывод на рынок разнообразных финансовых и нефинансовых инструментов поддержки и развития высокотехнологичного предпринимательства, привлечение иностранных инвесторов на венчурный рынок РФ и формирования интереса к технологическому предпринимательству в целом [6]. Все это послужило мощным толчком для развития российской венчурной экосистемы.

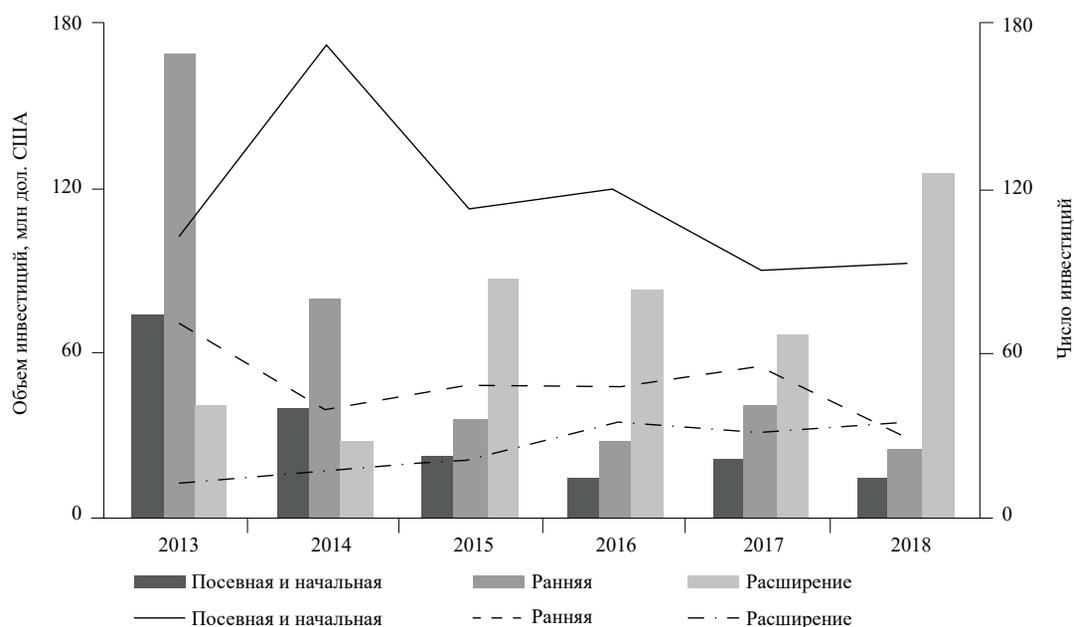
В настоящее время институты развития и государственные инициативы продолжают оказывать положительное влияние на развитие национального венчурного рынка посредством реализации следующих программ.

1. «Цифровая экономика Российской Федерации» [1].
2. Проект Министерства экономического развития РФ «Национальные чемпионы» [11].
3. Межведомственная программа «Национальная технологическая инициатива» и т. д. [10].

Также значимую роль играет «Стратегия развития рынка прямых и венчурных инвестиций в Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу до 2030 года», разработанная РВК [3]. Стратегия предполагает реализацию последовательных шагов, направленных на активизацию венчурной индустрии РФ: модернизация инфраструктуры поддержки высокотехнологичного предпринимательства; мероприятия, направленные на привлечение иностранного капитала в венчурную экосистему РФ; совершенствование нормативно-правовой базы и т. д.

Спад венчурной индустрии в 2014 г. можно считать начальной точкой текущего состояния венчурной индустрии РФ. Такая ситуация была обусловлена сложной макроэкономической ситуацией, возникшей в стране в тот период. Однако начиная с 2017 г. рынок начал постепенно стабилизироваться, приспособившись к непростой экономической и внешнеполитической ситуации и в 2018 г. показал лучшие результаты за последние 4 года [9].

По состоянию на 2018 г. в России функционировало 189 венчурных фондов, общий объем капитализации которых составил 4 173 млн долл. США. Частные фонды составили около 77 % от числа новых фондов в 2018 г. Общий объем венчурных инвестиций составил в 2018 г. 172 млн долл. США, что на 29 % больше, чем в 2017 г. (133 млн долл. США), и является лучшим показателем с 2014 г. Причиной данного роста стало увеличение инвестиций в компании на стадии зрелости (рис. 1).

Составлено по материалам источника: [9]

Рис. 1. Распределение венчурных инвестиций по стадиям жизненного цикла стартапов 2013–2018 гг.

Основной тенденцией 2018 г. стало увеличение объема инвестиций в компании зрелых стадий. С точки зрения количества осуществленных инвестиций 60 % (94 шт.) пришлось на компании на посевной и начальной стадиях, 22 % на стадию расширения и 18 % на раннюю стадию соответственно. Таким образом, сопоставляя данную тенденцию с мировым опытом, можно сделать вывод, что в настоящий момент основные фокусы венчурных инвестиций в США и РФ полностью совпадают.

Однако, несмотря на положительные тенденции развития, венчурная индустрия РФ имеет множество проблем, которые препятствуют ее гармоничному развитию.

Одной из ключевых проблем развития венчурной экосистемы РФ сегодня является несовершенство нормативно-правовой базы. Нормативно-правовая база является ключевым фактором развития венчурной индустрии, так как именно она регламентирует наиболее важные вопросы для венчурных предпринимателей: авторские права, защиту интеллектуальной собственности и т. д. В российском законодательстве эти статьи до конца не проработаны, вследствие чего возникают сложности при регистрации инновации, закреплении прав на нее, внедрении на рынок и пр. По этой причине большое количество предпринимателей регистрируют компании за рубежом, а в России оформляют представительство. Налоговое законодательство также не адаптировано к потребностям венчурной индустрии: отсутствуют механизмы стимулирования малых высокотехнологичных компаний, а иностранные фонды вынуждены платить повышенные налоги. Также большой проблемой является то, что ключевые российские держатели капитала – пенсионные фонды и страховые компании – ведут свою деятельность в условиях нормативных ограничений, не позволяющим им осуществлять инвестиции на венчурном рынке. Этим обстоятельством объясняется дефицит денежных ресурсов в венчурной экосистеме.

Другой проблемой является небольшой объем фондового рынка РФ. Отсутствие механизмов и инструментов для размещения акций малых и средних высокотехнологичных предприятий на бирже, усложняет процесс «выхода» из инвестиционного процесса и снижает ликвидность инвестиций для венчурных инвесторов, а также сужает круг возможностей привлечения капитала для высокотехнологичных компаний.

В качестве других проблем, сдерживающих развитие венчурной экосистемы РФ, можно выделить следующие.

1. Дефицит высококвалифицированных кадров.

Данная проблема обусловлена несколькими факторами: тенденцией к активной утечке перспективных кадров за рубеж, отсутствием программ специальной подготовки специалистов для венчурной индустрии и т. д.

2. Низкий уровень предпринимательской активности и финансовой грамотности населения.

Согласно международным исследованиям, РФ характеризуется одним из самых низких уровней развития предпринимательской активности: доля работоспособного населения, желающего заняться предпринимательской деятельностью, составляет всего 2 %, по данной позиции Россия находится на шестьдесят четвертом месте из шестидесяти четырех возможных [11]. Данная позиция обусловлена тем, что население низко оценивает собственную финансовую грамотность и предпринимательские компетенции. Доля населения, занимающегося предпринимательством, также невелика – 9,6 % среди респондентов в возрасте 25–34 лет (47 место из 64), 6,3 % населения в возрастной категории 35–40 лет (56 место) [3].

На основе приведенной выше информации можно составить сравнительную таблицу элементов венчурной экосистемы РФ и США (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная таблица элементов венчурной экосистемы РФ и США

Показатель	Государство	
	США	РФ
Адаптированность нормативно-правовой базы к потребностям венчурной индустрии	Высокая	Низкая
Налоговая система, адаптированная к потребностям венчурной индустрии	Да	Нет

Показатель	Государство	
	США	РФ
Наличие программ государственной поддержки венчурной индустрии	Да	Да
Преобладающий тип инвестора венчурного капитала	Пенсионные и страховые фонды, частные инвесторы, корпорации	Преобладающая роль государства, частные фонды
Наличие развитых фондовых рынков	Да	Нет
Наличие высокого уровня кадрового потенциала	Да	Нет
Положительное влияние социокультурной среды	Да	Нет

Составлено авторами по материалам исследования

Из данных таблицы следует, что российская венчурная экосистема находится на стадии зарождения и значительно отстает от американской.

Сформулируем первостепенные задачи, решение которых будет способствовать совершенствованию и развитию российской венчурной экосистемы.

1. Адаптация налоговой, патентной и пр. законодательных баз под нужды и потребности венчурной индустрии, а также снятие законодательных ограничений на осуществление инвестиций негосударственными пенсионными фондами и страховыми компаниями, являющимися крупными держателями капитала.

2. Повышение финансовой грамотности и развитие предпринимательских компетенций населения. Этому вопросу необходимо уделить повышенное внимание, так как подобные улучшения носят стратегический характер и оказывают долгосрочное влияние на развитие венчурной экосистемы и инновационного предпринимательства в целом.

3. Развитие внутреннего фондового рынка РФ. Упрощение выхода из инвестиционного процесса, повышение ликвидности инвестиций окажут благотворное влияние на состояние венчурной индустрии РФ.

4. Повышение уровня кадрового потенциала. Необходимо наладить сотрудничество с передовыми зарубежными венчурными фондами для обмена опытом и повышения квалификации специалистов, создать центры, обеспечивающие обучение и поддержку венчурных предпринимателей.

Таким образом, в работе проведен анализ особенностей развития и текущего состояния основных элементов венчурных экосистем России и США, в ходе которого выявлено, что текущие рамочные нормативно-правовые условия, сложившиеся в венчурной индустрии РФ, не соответствуют мировым стандартам в данной области и в сочетании с прочими проблемами сильно замедляют темпы развития отрасли. На основе мирового опыта становления венчурной экосистемы были обозначены направления преодоления главных проблемных моментов венчурного рынка РФ.

Преодоление перечисленных препятствий объективно необходимо для ускорения инновационного развития страны и имеет стратегическое значение для усиления конкурентоспособности национальной экономики.

Библиографический список

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308390/4b8af8bcbffd0a58fc980c11f6e5d2fb12304cf0/ (дата обращения: 15.11.2020).
2. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г. (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15.02.2006 № 1)) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101907/a677e7ba0f4d0b7696c62f326ca9624e1fa18add/ (дата обращения: 15.11.2020).

3. Стратегия развития рынка венчурных и прямых инвестиций в Российской Федерации на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rvc.ru/upload/iblock/898/VC_Market_Development_Strategy_2019.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
4. Аммосов, Ю. П. Венчурный капитализм: от истоков до современности. – СПб.: РАВИ, 2004. – 409 с.
5. Баранов, А. О., Музыко, Е. И., Павлов, В. Н. Оценка эффективности инновационных проектов с использованием опционного и нечетко-множественного подходов. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2018. – 336 с.
6. Овчинникова, Л. С. Формирование механизмов венчурного инвестирования в России // Россия и Америка в XXI веке.– 2016. – № 2.
7. Рыхтик, М. И., Корсунская, Е. В. Национальная инновационная система США: история формирования, политическая практика, стратегии развития // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1). – С. 263-268.
8. Филиппов, А. Г., Груздева, Е. В. Модели венчурных инвестиций в России и США как основной элемент становления инновационных предприятий // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2019. – № 4. – С. 501-515 с.
9. Обзор рынка прямых и венчурных инвестиций за 2018 год (РАВИ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rvca.ru/upload/files/lib/RVCA-yearbook-2018-Russian-PE-and-VC-market-review-ru.pdf> (дата обращения: 15.11.2020).
10. Официальный сайт межведомственной программы «Национальная технологическая инициатива» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nti2035.ru/nti/> (дата обращения: 15.11.2020).
11. Официальный сайт проекта «Национальные чемпионы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://national-champions.ru/> (дата обращения: 15.11.2020).
12. Отчет о состоянии венчурной индустрии США в 2019 г. / NVCA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nvca.org/wp-content/uploads/2020/01/Q4_2019_PitchBook_NVCA_Venture_Monitor.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
13. Официальный сайт NASDAQ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nasdaq.com/market-activity/stocks> (дата обращения: 15.11.2020).

References

1. Programma “Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii” [Program “Digital Economy of the Russian Federation”]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4b-vR7M0.pdf> (accessed 15.11.2020).
2. Strategiya razvitiya nauki i innovatsii v Rossiiskoi Federatsii na period do 2015 goda (utv. Mezhvedomstvennoi komissiei po nauchno-innovatsionnoi politike (protocol ot 15.02.2006 № 1)) [Strategy for the Development of Science and Innovation in the Russian Federation for the Period up to 2015 (Approved by the Interdepartmental Commission on Science and Innovation policy (Protocol No. 1 dated on February 15, 2006))]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101907/a677e7ba0f4d0b7696c62f326ca9624e1fa18add/ (accessed 15.11.2020).
3. Strategiya razvitiya rynka venchurnykh i pryamykh investitsii v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda i dal’neishuyu perspektivu do 2030 goda [Strategy for the development of the venture and direct investment market in the Russian Federation for the period up to 2025 and beyond until 2030]. Available at: https://www.rvc.ru/upload/iblock/898/VC_Market_Development_Strategy_2019.pdf (accessed 15.11.2020).
4. Ammosov Yu. P. Venchurnyi kapitalizm: ot istokov do sovremennosti [Venture capitalism: from its origins to the present]. St. Petersburg, RAVI, 2004, 409 p.
5. Baranov A. O., Muzyko E. I., Pavlov V. N. Otsenka effektivnosti innovatsionnykh proektov s ispol’zovaniem opsionnogo i nechetko-mnozhestvennogo podkhodov [Evaluating the effectiveness of innovative projects using optional and fuzzy multiple approaches]. Novosibirsk, IEOPP SO RAN, 2018, 336 p.
6. Ovchinnikova L. S. Formirovanie mekhanizmov venchurnogo investirovaniya v Rossii [Formation of venture investment mechanisms in Russia]. Rossiya i Amerika v XXI veke [Russia and America in the XXI century], 2016, no. 2.
7. Rykhtik M. I., Korsunskaya E. V. Natsional’naya innovatsionnaya sistema SShA: istoriya formirovaniya, politicheskaya praktika, strategii razvitiya [National innovation system of the USA: history of formation, political practice, development strategies]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]. 2012, no. 6 (1), pp. 263-268.
8. Filippov A. G., Gruzdeva E. V. Modeli venchurnykh investitsii v Rossii i SShA kak osnovnoi element stanovleniya innovatsionnykh predpriyatii [Models of venture investment in Russia and the United States as the main element of the formation of innovative enterprises]. MIR (Modernizatsiya.Innovatsii.Razvitie) [MIR (Modernization. Innovation. Research)], 2019, no. 4, pp. 501-515.

9. Obzor rynka pryamykh i venchurnykh investitsii za 2018 god (RAVI) [*Overview of the private equity and venture capital investment market for 2018 (RAVI)*]. Available at: <http://www.rvca.ru/upload/files/lib/RVCA-yearbook-2018-Russian-PE-and-VC-market-review-ru.pdf> (accessed 15.11.2020).
10. Ofitsial'nyi sait mezhhvedomstvennoi programmy "Natsional'naya tekhnologicheskaya initsiativa" [*Official website of the inter-departmental program "National Technology Initiative"*]. Available at: <https://nti2035.ru/nti/> (accessed 16.08.2020).
11. Ofitsial'nyi sait proekta "Natsional'nye Chempiony" [*Official website of the project "National Champions"*]. Available at: <http://national-champions.ru/> (accessed 15.11.2020).
12. Otchet o sostoyanii venchurnoi industrii v SShA v 2019 g. [*Report on the State of the US Venture Capital Industry in 2019*]. NVCA. Available at: https://nvca.org/wp-content/uploads/2020/01/Q4_2019_PitchBook_NVCA_Venture_Monitor.pdf (accessed 15.11.2020).
13. Ofitsialnyi sait NASDAQ [*Official website of NASDAQ*]. Available at: <https://www.nasdaq.com/market-activity/stocks> (accessed 15.11.2020).

Карп Марина Викторовна
Зав. каф. бух. учета, аудита и нало-
гообложения, ФГБОУ ВО «Госу-
дарственный университет управ-
ления», г. Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0001-7339-9911

e-mail: marvik-09@mail.ru

**Захарова Александра
Вячеславовна**

канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления» г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-4444-1209

e-mail: avzakharova@mail.ru

**Самоделько Людмила
Сергеевна**

Ст. преподаватель, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-6551-5625

e-mail: Samodelko-diplom@yandex.ru

Marina V. Karp

Head of the Department
of accounting, audit and taxation,
State University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7339-9911

e-mail: marvik-09@mail.ru

Aleksandra V. Zakharova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4444-1209

e-mail: avzakharova@mail.ru

Lyudmila S. Samodelko

Senior Lecturer, State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6551-5625

e-mail: Samodelko-diplom@yandex.ru

РОЛЬ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФУНКЦИОНАЛ НАЛОГОВОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ В УСЛОВИЯХ ПАРАДИГМЫ «ИНДУСТРИЯ 4.0»

Аннотация. Налоговая система любого государства призвана обеспечивать и регулировать экономические процессы с целью поддержания развития и решения социально-эколого-экономических задач. Инструментарий налогового законодательства Российской Федерации, являясь в первую очередь механизмом формирования государственных доходов, оказывает воздействие на развитие организаций, производств, отраслей посредством формирования спроса на товары, работы, услуги, регулирования цен и инфляционных процессов, а также поддержания социальной справедливости в обществе. Однако пересмотр действующего налогового инструментария с учетом современных тенденций осуществляется достаточно редко, в то время как при смене парадигм экономического развития требуется постоянное внимание и своевременная корректировка. В статье рассмотрена указанная проблематика и выделены способы выражения социально-экологического функционала налогов в условиях промышленной трансформации. На основе анализа действующего законодательства выделены налоговые инструменты, оказывающие влияние на хозяйствующие субъекты в условиях развития автоматизации и обмена данными, произведена оценка их результативности. Полученные результаты исследования могут быть использованы при адаптации налоговой политики государства в условиях парадигмы «Индустрия 4.0».

Ключевые слова: Индустрия 4.0, налоги, налоговая политика, налоговое законодательство, налоговое регулирование, налоговый инструментарий, промышленная революция, система налогообложения, социально-экологическое регулирование, функции налогообложения

Для цитирования: Карп М.В., Захарова А.В., Самоделько Л.С. Роль и социально-экологический функционал налогового инструментария в условиях парадигмы «Индустрия 4.0» // Вестник университета. 2020. № 12. С. 103–111.

THE ROLE AND SOCIO-ECOLOGICAL FUNCTIONALITY OF TAX TOOLS IN THE CONTEXT OF THE INDUSTRY 4.0 PARADIGM

Abstract. The tax system of any state is designed to ensure and regulate economic processes in order to support development and solve socio-ecological and economic problems. The tools of the tax legislation of the Russian Federation, being primarily a mechanism for generating state revenues, have an impact on the development of organizations, industries, industries by creating demand for goods, works, and services, regulating prices and inflationary processes, as well as maintaining social justice in society. However, the revision of the current tax tools with the analysis of current trends is quite rare, while the change of economic development paradigms requires constant attention and timely adjustment. The article considers the specified problems and selects ways to express the socio-ecological functional of taxes in the context of industrial transformation. Based on the analysis of the current legislation, the authors highlight tax instruments that have an impact on economic entities in the context of the development of automation and data exchange, evaluate their effectiveness. The results of the study can be used to adapt the tax policy of the state in the context of the "Industry 4.0" paradigm.

Keywords: industrial revolution, Industry 4.0, social and environmental regulation, tax functions, tax legislation, tax policy, tax regulation, tax system, tax tools, taxes

For citation: Karp M.V., Zakharova A.V., Samodelko L.S. (2020) The role and socio-ecological functionality of tax tools in the context of the Industry 4.0 Paradigm. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 103–111. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-103-111

Последние десятилетия формировали и актуализировали понятие «Индустрия 4.0», которое на сегодняшний день олицетворяет вектор смены технологического уклада национальных территорий на фоне внедрения цифровых возможностей. Этот тренд появился благодаря стратегическому плану развития немецкой промышленности и, как следствие, повсеместная цифровизация деятельности хозяйствующих

© Карп М.В., Захарова А.В., Самоделько Л.С., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

субъектов стала аргументирующим фактом данного явления – переход на технологии четвертого поколения. Трансформационные процессы в виде автоматизации производственных циклов и формирования информационных платформ пребывают в стадии повсеместного внедрения и апробации в различных отраслевых сегментах [7].

Развитие технологий не могло не затронуть концептуальных основ управления ресурсами и финансами организаций. Трансформация промышленности начинает оказывать прямое влияние на финансовые инструменты регулирования экономических процессов [3]. Налогообложение, как финансовый инструмент экономического механизма регулирования, также не осталось в стороне [5; 6].

Определенному росту спроса на информационные технологии (далее – ИТ) и различные электронные устройства в последнее время поспособствовала эпидемиологическая обстановка в мире. Однако внедрение цифровых технологий на уровне организаций, как процесс, до сих пор остается на стадии оценки и сопоставления ресурсных объемов в результате снижения производственных издержек и потенциальных затрат в виде инвестиционных вложений на их приобретение и внедрение. Немаловажным является решение проблемы формирования результата деятельности компаний на основе прогнозирования прибыли организации в результате спроса на товары, работы, услуги с учетом трансформационных процессов и возможностей индивидуального подхода к их производству. Как следствие, трансформационные процессы хозяйствующими субъектами воспринимаются в качестве маркетинговых и иных возможностей, приводящих к увеличению прибыли (табл. 1). Однако решения возникающих проблем социально-экологической направленности остаются в стороне.

Таблица 1

**Показатели, характеризующие инновационную деятельность и активность
в Российской Федерации**

Показатель	Год					Темп прироста	
	2015	2016	2017	2018	2019	За 5 лет	2020 г.
Удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету, в общем числе домашних хозяйств	72,10	74,80	76,30	76,60	76,90	6,66	0,39
Удельный вес населения – пользователей Интернета в общей численности населения	70,10	73,10	76,00	80,90	82,60	17,83	2,10
Число организаций разрабатывавших передовые технологии	555	608	585	630	713	28,47	13,18
Число организаций, использовавших передовые технологии	16 205	17 729	17 129	18 787	18 202	12,32	-3,11
Число разработанных передовых производственных технологий	1 398	1 534	1 402	1 565	1 620	15,88	3,51
Число используемых передовых производственных технологий	218 018	232 388	240 054	254 927	262 645	20,47	3,03
Интенсивность (доля) затрат на технологические инновации организаций промышленного производства в общем объеме затрат	1,80	1,80	1,70	1,50	1,60	-11,11	6,67
Совокупный уровень инновационной активности организаций промышленного производства	10,60	10,50	17,80 (10,60) ¹	15,60	15,10	-15,172	-3,21

¹ Смена методологии расчета показателя (Приказ Росстата от 27.12.2019) [2]: 17,8 – в новой редакции методологии; 10,6 – в старой редакции методологии

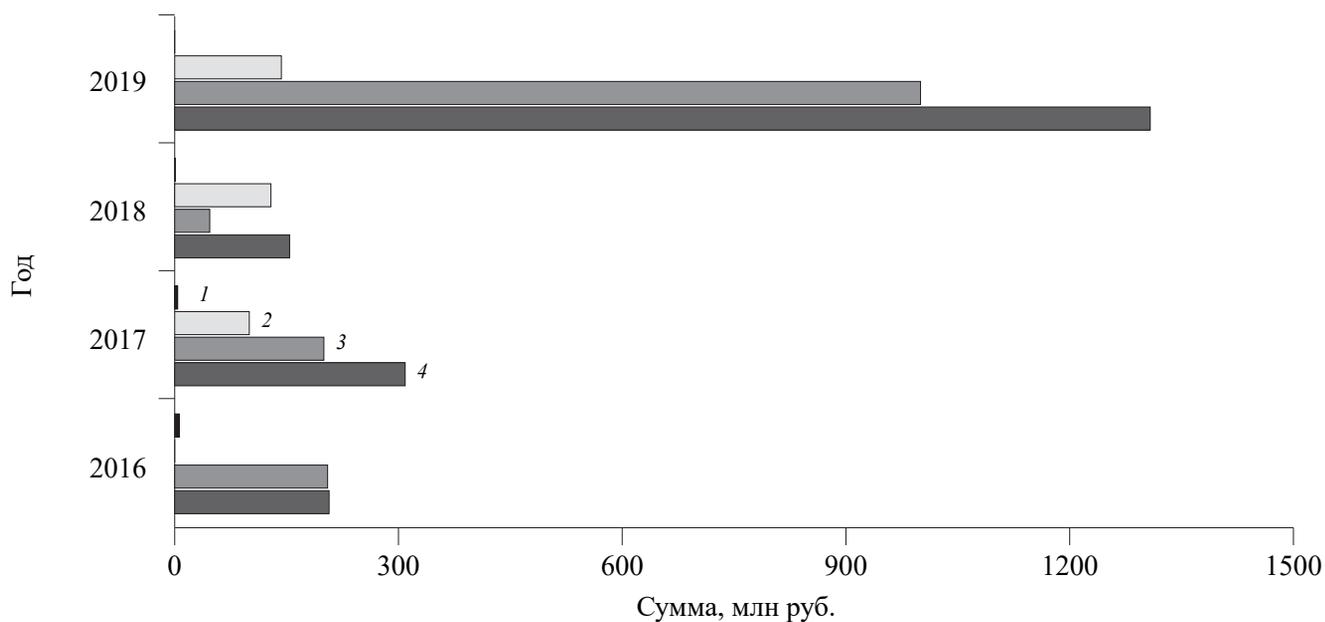
² Показатель рассчитан за трехлетний период, исходя из допустимой сопоставимости

Составлено авторами по материалам источника [8]

В результате изложенного выше возникает потребность перевода курса реализуемой налоговой политики государства с фискального подхода налогообложения к фискально-регулирующему. Такая смена предполагает государственное воздействие на поведение хозяйствующих субъектов и координацию мер в отношении доходов населения посредством принуждения и стимулирования с позиции парадигмы «Индустрия 4.0», в том числе при регулировании социально-экологических процессов.

Определенно, что трансформационные явления последних десятилетий в налоговой системе Российской Федерации выработали, внедрили в фискальное законодательство государства и продолжают апробировать инструментарий регулирования и стимулирования инновационной активности организаций [4]. Однако констатировать эффективность самого механизма регулирования пока не представляется возможным, но факт появления этих инструментов в налоговом законодательстве подтверждает, в частности, начало реформационных процессов в экономике в условиях парадигмы «Индустрия 4.0».

По состоянию на сегодняшний день, к налоговым инструментам регулирования инновационной деятельности и стимулирования инновационной активности необходимо отнести льготы по налогу на прибыль организаций в виде расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (далее – НИОКР), а также возможность применения «амортизационной премии»; инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль; освобождения от уплаты НДС с позиции НИОКР и интеллектуальной собственности; освобождений от уплаты налога на имущество организаций и земельного налога с позиции НИОКР и интеллектуальной собственности; применение специальных налоговых режимов, в том числе в специальных экономических зонах; предоставление инвестиционного налогового кредита (рис. 1) [4].

1 - по местным налогам и сборам; 2 – по региональным налогам и сборам; 3 – по федеральным налогам и сборам

Составлено авторами по материалам источника [10]

Рис. 1. Применение инвестиционного налогового кредита в Российской Федерации

Инвестиционный налоговый кредит (далее – ИНК), появившийся в 1991 г., до сих пор актуален для организаций, осуществляющих капиталовложения в развитие и воспроизводство основных средств. Его применение зависит от направления инвестиций, которые затрагивают достаточно конкретный перечень оснований. Социально-экологический аспект среди них стоит на первом месте и связан, в том числе, что важно, с мероприятиями по трудоустройству инвалидов и снижению негативного воздействия на окружающую среду. Статистические данные об активности инвестиций организаций, а также недостатках в собственных средствах характеризуют возможность высвобождения денежных средств с помощью ИНК, как выгодный инструмент инвестиционного стимулирования. За период 2016–2019 гг. темпы роста суммы отсрочки в виде инвестиционного налогового кредита, предоставляемой налогоплательщикам, возросли в 6,3 раза, причем,

в большей степени за счет налога на прибыль организаций, как основного налога, влияющего на налоговую нагрузку организации (табл. 2).

Таблица 2

Показатели, характеризующие результативность налогового инструментария при регулировании инвестиционной активности по налогу на прибыль организаций в Российской Федерации

Показатель	По состоянию на 1 января					Темп прироста за пять лет	Темп прироста за 2020 г.
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.		
Средний объем расходов на НИОКР, млн руб./ед. всего;	35,42	40,66	53,10	65,09	62,65	76,88	-3,75
в том числе на НИОКР по перечню, установленному Правительством РФ, млн руб./ед.	115,89	103,49	146,49	228,97	192,46	66,07	-15,95
в том числе на НИОКР без учета перечня, установленного Правительством РФ, млн руб./ед.	31,03	36,29	47,20	55,66	53,96	73,90	-3,05
Средний объем расходов на НИОКР, не давший положительного результата, млн руб./ед. всего;	29,27	25,22	16,98	16,53	51,45	75,78	211,25
в том числе на НИОКР по перечню, установленному Правительством РФ млн руб./ед.;	153,25	123,20	19,00	136,00	25,67	-83,25	-81,13
в том числе на НИОКР без учета перечня, установленного Правительством РФ, млн руб./ед.	26,69	22,50	16,93	15,08	51,99	94,79	244,76
Доля расходов на НИОКР, не давшая результатов, %	13,11	9,81	5,19	3,91	11,64	-11,21	197,70
Доля организаций, не давших результатов вследствие расходов на НИОКР, %	15,87	15,81	16,24	15,39	14,18	-10,65	-7,86

Составлено авторами по материалам источника [11]

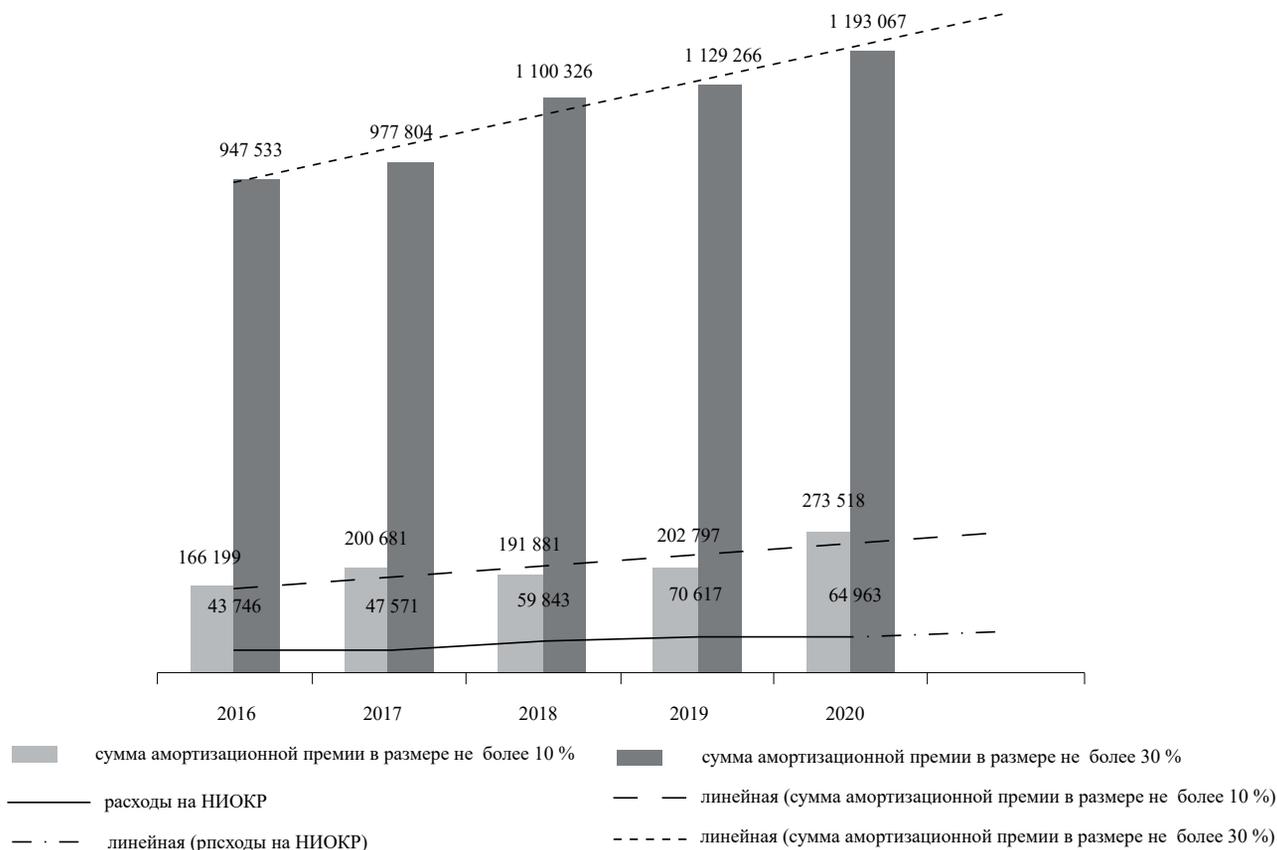
Среди всех налоговых платежей налог на прибыль традиционно выступает как инструмент, регулирующий инвестиционную деятельность организации, благодаря возможностям, заложенным в механизм его исчисления в части окупаемости затрат на приобретение основных средств и других расходов, связанных с их обновлением и модернизацией. В то же время, налогоплательщики не столь активны в использовании предоставляемых послаблений.

Наиболее «популярным» по темпам роста стало применение «30 %-й амортизационной премии», в то время как расходы на НИОКР и нелинейного способа амортизации считаются трудозатратными и долгоокупаемыми (табл. 2, рис. 2).

В связи с указанным выше расходы на НИОКР имеют тенденцию к снижению, а значит организации в ближайшей перспективе не планируют инвестировать средства в свои исследования и разработки. Это свидетельствует о необходимости пересмотра механизма применения налоговых инструментов в отношении указанных расходов организаций. Возможно, новый инвестиционный налоговый вычет в будущем улучшит эту ситуацию.

Анализ законодательных изменений, вступающих в действие с 1 января 2021 г., позволяет утверждать, что трансформационные процессы в налоговом законодательстве продолжаются. С 1 января 2021 г. начнут применяться налоговые инструменты преференциальной направленности для отрасли ИТ. Такие меры направлены в первую очередь на поддержание проектирования и разработку изделий электронной компонентной

базы и электронной (радиоэлектронной) продукции, а также распространяются на организации, выполняющие работы и оказывающие услуги по адаптации, модификации, установке, тестированию и сопровождению программного обеспечения [1].

Составлено авторами по материалам источника [11]

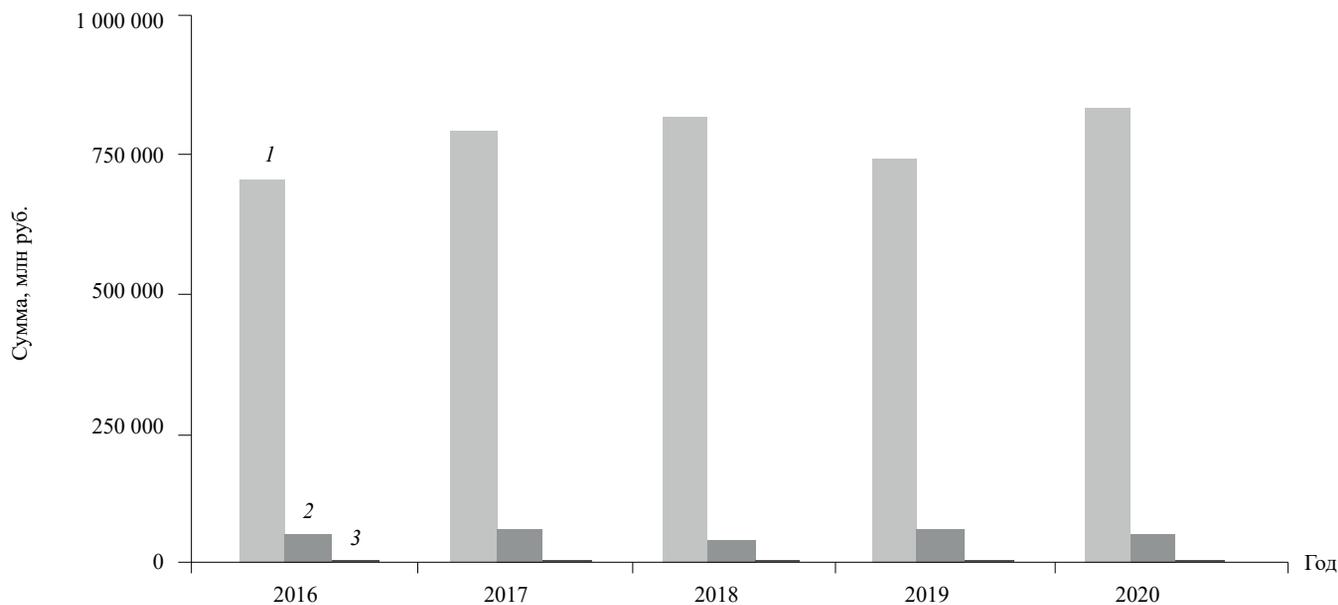
Рис. 2. Применение амортизационной премии по состоянию на 1 января каждого года по налогу на прибыль организаций в Российской Федерации

Изменениям с 1 января 2021 г. подвергнутся и страховые взносы. Будет снижена тарифная составляющая для ИТ-компаний с 14 % до 7,6 %. При этом для ИТ-компаний итак в настоящее время установлены пониженные тарифы по этим платежам. В то же время понизятся тарифы для организаций, которые ведут деятельность по проектированию и разработке изделий электронной компонентной базы и электронной (радиоэлектронной) продукции. Эти компании по состоянию на сегодняшний день уплачивают страховые взносы по обычным тарифам [1].

Законодательно закреплена минимальная ставка по налогу на прибыль в отрасли ИТ, которая с 1 января 2021 г. составит 3 %. Однако сниженную ставку по налогу на прибыль организаций и льготный тариф по страховым взносам смогут применять далеко не все ИТ-компании. Преференциальной составляющей смогут воспользоваться аккредитованные государством компании, со среднесписочной численностью от 7 человек и выше, а также с доходом от реализации ИТ-товаров, работ, услуг не менее 90 %.

Исходя из приведенных фактов законодательных трансформаций в налогообложении, можно констатировать наличие очередного налогового маневра в рамках парадигмы «Индустрия 4.0». Присущая налогам регулирующая функция актуализируется и становится важнейшим рычагом налоговой политики [6].

В то же время, целеполаганием любых промышленных трансформационных процессов с позиции государства являются развитие конкретной отрасли и развитие экономики государства в целом, а с позиции организации – максимизация прибыли и минимизация издержек. Это взаимодействие не предполагает учета социальных и экологических аспектов, ограничиваясь лишь попытками переложения на общество издержек социально-экологического плана.

1 – стоимость реализованных (переданных) товаров (работ, услуг) в результате выполнения НИОКР за счет бюджетных средств и средств специализированных фондов, а также образовательными и научными организациями на основе хозяйственных договоров, без НДС;
 2 – стоимость реализованных (переданных) товаров (работ, услуг) в результате включения в состав НИОКР и технологических работ разработок конструкции инженерного объекта и пр., новых технологий и создания опытных образцов и т.д., без НДС;
 3 – стоимость реализованных (переданных) товаров (работ, услуг) в результате проведения работ (оказания услуг) результатами портовой особой экономической зоны в данной зоне, без НДС

Составлено авторами по материалам источника [9]

Рис. 3. Применение преференций по налогу на добавленную стоимость по состоянию на 1 января каждого года

Однако уже сегодня необходимо задуматься о последствиях и механизмах разрешения потенциальных проблем, затрагивающих концепции управления финансами в условиях четвертой промышленной революции. Смена вектральности экономического развития РФ на фоне глобальных тенденций не может не отразиться на реализуемой государством налоговой политике. Наблюдаемая реальность может привести к следующим последствиям:

- снижение производственных издержек на фоне формирующихся маркетинговых возможностей;
- выпадение налоговых доходов, базирующихся на фонде оплаты труда в связи с потенциальным сокращением рабочих мест;
- рост государственных расходов на переобучение и другие социальнозначимые действия;
- снижение доходов населения и как следствие выпадение государственных доходов в виде налога на доходы физических лиц;
- снижение покупательской способности, оказывающей влияние на поступление косвенных фискальных платежей;
- снижение покупательской способности, оказывающей влияние на поступление косвенных фискальных платежей;
- усиление налоговой нагрузки на юридических лиц с позиции имущественного комплекса организации и пересмотр понятия «имущество организации»;
- рост расходов государства и отмена льгот инновационного характера с целью снижения темпов деиндустриализации при падении спроса и покупательской способности;
- экологические последствия на фоне реиндустриальных процессов и затоваривания ИТ-рынка и др.

Следовательно, экономическая трансформация в условиях четвертой промышленной революции заставляет уже сегодня адаптировать применяемые подходы регулирования хозяйственной деятельности экономических субъектов в рамках налоговой политики государства, определить и учесть сущностное понимание социально-экологических аспектов в новых реалиях.

Реализация налоговой политики РФ в рамках социально-экологического регулирования характеризуется многофункциональностью, что и формирует проблему в данном направлении. С другой стороны, актуальность данного вопроса обосновывается исходя из политических, а подчас и экономических задач различных государств на глобальном уровне в рамках реализации бюджетно-фискального регулирования. Следовательно, можно утверждать, что неизбежно данная проблематика обостряется при минимизации хозяйствующими субъектами производственных издержек. Как следствие происходит переложение на государство обязанности урегулирования социально-экологических вопросов, в том числе в рамках налоговой политики. Так, налоговые инструменты социально-экологического регулирования приобретают актуальность, в том числе и с позиции результативности применяемого инструментария [4; 6].

В свою очередь, налоговый инструментарий, реализующий социальное и экологическое регулирование в налоговом законодательстве РФ, наличествует, но на протяжении длительного периода его эффективности не уделялось должного внимания.

Роль и предназначение социально-экологического налогообложения определяется функциональностью налогового инструментария, направленного на достижение государственных целей в рамках налоговой политики регулирования социально-экологических процессов. Однако, налоговая система до сих пор нацелена на реализацию фискальной функции, в то время как в рамках научного подхода методология учета издержек претерпела существенные изменения: от устранения двойного налогообложения до потребности тотального учета издержек в рамках хозяйственной деятельности налогоплательщиков. Следовательно, формирование налоговых механизмов реализации социально-экологических функций остается наименее исследованным направлением в рамках налоговой политики государства. Однако основной конфликт в рамках налогового регулирования находится в понимании целей государственного развития на фоне социально-экологических особенностей и приоритетах развития с позиции экономики, что подтверждается отсутствием в РФ доктринального подхода к налогообложению [4; 6].

Сегодня регулирование социально-экологических процессов осуществляется посредством:

- системы налогов и сборов;
- преференциальной и льготной составляющей налогообложения;
- механизмов двойного взаимодействия [4].

Считаем, что социально-экологическое налогообложение призвано обеспечить баланс взаимоотношений между хозяйствующими субъектами и обществом при посредничестве государства. Социально-экологическое налогообложение должно в первую очередь регулировать и стимулировать налогоплательщиков к социально-экологоориентированному поведению посредством фискальных инструментов [6].

В свою очередь, единообразия сущностного понимания социально-экологического регулирования в налоговой теории до сих пор не сформировалось и, как правило, зависит от национальных особенностей экономики государства. Следовательно, основная задача государства при формировании концептуальных подходов социально-экологического налогообложения заключается в обеспечении соотношения социально-экологических и экономических интересов общества [4; 6]:

- создании условий научно-технического плана для адаптирования применяемых технологий под государственные экостандарты;
- поддержании хозяйствующих субъектов, применяющих экологоориентированные технологии;
- стимулировании внедрения хозяйствующими субъектами экологоориентированных технологий;
- повышении уровня жизни населения за счет перераспределения доходов;
- мотивация граждан к активному использованию экологических технологий и инвестированию в экологоориентированные отрасли.

В заключение, можно констатировать, что налоговая система РФ подлежит адаптации с позиции фискальной составляющей налогов и сборов, а также регулирования деятельности хозяйствующих субъектов посредством преференциальной и льготной составляющей налоговых платежей в рамках превентивного регулирования, а также применения налоговых механизмов двойного взаимодействия в рамках возмещающего характера.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358732/ (дата обращения: 15.10.2020).
2. Приказ Росстата от 27.12.2019 № 818 «Об утверждении методики расчета показателя «Уровень инновационной активности организаций» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344264/ (дата обращения: 10.10.2020).
3. Авдеева, И. Л., Полянин, А. В., Головина, Т. А. Цифровизация промышленных экономических систем: проблемы и последствия современных технологий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – № 3. – С. 238-245.
4. Захарова, А. В., Самоделко, Л. С. Инструменты налогового регулирования в неофутуристической экономике // Материалы 9-й международной научно-практической конференции «Финансовый неофутуризм – 100 лет теории и практики управления» / Государственный университет управления. – М.: Издательский дом ГУУ, 2019. – С. 68-70.
5. Макарова, И. А. К вопросу о функциях и принципах экологического налога // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2016. – № 3 (35). – С. 147-158.
6. Самоделко, Л. С. Роль и функции экологического налогообложения // Экономика и предпринимательство. – 2019. – №12. – С. 1037-1040.
7. Тарасов, И. В. Индустрия 4. 0: понятие, концепции, тенденции развития // Стратегии бизнеса. – 2018. – № 6 (50). – С. 57-63.
8. Наука и инновации. // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения: 16.10.2020).
9. Форма № 1-НДС «Отчет о структуре начисления налога на добавленную стоимость». // Федеральная налоговая служба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn50/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 10.10.2020).
10. Форма № 4-НМ «Отчет о задолженности по налогам, сборам, страховым взносам, пеням и налоговым санкциям в бюджетную систему Российской Федерации» // Федеральная налоговая служба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn50/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 11.10.2020).
11. Форма № 5-П «Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на прибыль организаций» // Федеральная налоговая служба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn50/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 15.10.2020).

References

1. Federal'nyi zakon ot 31.07.2020 g. № 265-FZ "O vnesenii izmenenii v chast' vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii" [Federal law "On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation" No. 265-FZ dated on July 31, 2020]. Legal reference system "ConsultantPlus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358732/ (accessed 15.10.2020).
2. Prikaz Rosstat ot 27.12.2019 № 818 "Ob utverzhenii metodiki rascheta pokazatelya "Uroven' innovatsionnoi aktivnosti organizatsii" [Rosstat Order "On Approval of the Methodology for Calculating the Indicator "Level of Innovation Activity of Organizations" No. 818 dated on December 27, 2019]. Legal reference system "ConsultantPlus". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344264/ (accessed 10.10.2020).
3. Avdeeva I. L., Polyenin A. V., Golovina T. A. Tsifrovizatsiya promyshlennykh ekonomicheskikh sistem: problemy i posledstviya sovremennykh tekhnologii [Digitalization of industrial economic systems: problems and consequences of modern technologies]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo [Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law], 2019, no. 3, pp. 238-245.
4. Zakharova A. V., Samodelko L. S. Instrumenty nalogovogo regulirovaniya v neofuturisticheskoi ekonomike [Tax regulation tools in the neo-futurist economy]. Materialy 9-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Finansovyi neofuturizm – 100 let teorii i praktiki upravleniya" [Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference "Financial neo-futurism – 100 years of management theory and practice"], Gosudarstvennyi universitet upravleniya. Moscow, Izdatel'skii dom GUU, 2019, pp. 68-70.
5. Makarova I. A. K voprosu o funktsiyakh i printsipakh ekologicheskogo naloga [To the issue on the functions and principles of the environmental tax]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Tomsk State University Journal of Economics], 2016, no. 3 (35), pp. 147-158.

6. Samodelko L. S. Rol' i funktsii ekologicheskogo nalogooblozheniya [*Role and functions of environmental taxation*]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [*Journal of Economy and entrepreneurship*], 2019, no. 12, pp. 1037-1040.
7. Tarasov I. V. Industriya 4.0: ponyatie, kontseptsii, tendentsii razvitiya [*Industry 4.0: concept, concepts, development trends*]. *Strategii biznesa* [*Business Strategies*], 2018, no. 6 (50), pp. 57-63.
8. Nauka i innovatsii. [*Science and innovations*]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [*Federal State Statistics Service*]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (accessed 16.10.2020).
9. Forma № 1-NDS "Otchet o structure nachisleniya naloga na dobavlenuyu stoimost'" [*Form No. 1-VAT "Report on the structure of value added tax calculation"*]. Federal'naya nalogovaya sluzhba [*Federal Tax Service*]. Available at: https://www.nalog.ru/rn50/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (accessed 10.10.2020).
10. Forma № 4-NM "Otchet o zadolzhennosti po nalogam, sboram, strakhovym vzosam, penyam i nalogovym sanktsiyam v byudzhethnyu sistemu Rossiiskoi Federatsii" [*Form No. 4-NM "Report on arrears of taxes, fees, insurance premiums, penalties and tax sanctions to the budget system of the Russian Federation"*]. Federal'naya nalogovaya sluzhba [*Federal Tax Service*]. Available at: https://www.nalog.ru/rn50/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (accessed 11.10.2020).
11. Forma № 5-P "Otchet o nalogovoi baze i structure nachislenii po nalogu na pribyl' organizatsii" [*Form No. 5-P "Report on the tax base and structure of accruals for corporate income tax"*]. Federal'naya nalogovaya sluzhba [*Federal Tax Service*]. Available at: https://www.nalog.ru/rn50/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (accessed 15.10.2020).

Кулигин Василий Дмитриевич
д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО
«Государственный университет управле-
ния», г. Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0002-5859-2649

e-mail: vassily_kuligin@mail.ru

Vassily D. Kuligin

Doctor of Economic Sciences,
Associate Professor, State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5859-2649

e-mail: vassily_kuligin@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ СТАГНАЦИИ ПОСЛЕ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Аннотация. Рассмотрена нисходящая спираль дефляции, ее причины и последствия. Обсуждается сжатие совокупного спроса и последовавшая за ним рецессия. Раскрыто содержание ловушки ликвидности, созданной поведением заемщиков. Обнаружена связь между событиями «потерянных десятилетий» в Японии и стагнацией производства в ведущих странах Запада после мирового финансового кризиса. В обоих случаях масштабное использование фискальных и денежных стимулов не вызвало резкого подъема деловой активности. Сделан вывод о блокировании работы рыночного механизма бюджетной и денежной политикой. Препятствия на пути предпринимательской активности и энергии приводят к потере необходимой информации, генерируемой агентами рынка. Это продлевает стагнацию экономики.

Ключевые слова: долги, дефляция, кредитная экспансия, ловушка ликвидности, рецессия, совокупный спрос, стагнация

Для цитирования: Кулигин В.Д. Экономическая политика преодоления стагнации после финансового кризиса // Вестник университета. 2020. № 12. С. 112–118.

ECONOMIC POLICY TO OVERCOME STAGNATION AFTER THE FINANCIAL CRISIS

Abstract. The article considers the downward spiral of deflation, its causes and consequences. The paper discusses the compression of aggregate demand and the subsequent recession. The study discloses the content of the liquidity trap created by the behavior of borrowers. The author traces the connection between the events of the “lost decades” in Japan and the stagnation of production in leading Western countries after the global financial crisis. In both cases, the large-scale use of fiscal and monetary incentives did not cause a sharp rise in business activity. The paper concludes that the operation of the market mechanism is blocked by budget and monetary policies. Obstacles to entrepreneurial activity and energy lead to the loss of necessary information generated by market agents. This circumstance prolongs the stagnation of the economy.

Keywords: aggregate demand, credit expansion, debts, deflation, liquidity trap, recession, stagnation

For citation: Kuligin V.D. (2020) Economic policy to overcome stagnation after the financial crisis. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 112–118. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-112-118

Мировой финансовый кризис и последовавший за ним коллапс реального сектора в ряде развитых стран заставили обратиться не только к событиям Великой депрессии. Они дали повод к более глубокому осмыслению причин внезапного и резкого торможения экономики Японии в начале 1990-х гг. Вслед за этим страна вошла в фазу беспрецедентной по своей продолжительности рецессии. Ее экономика не реагировала на многие общепринятые меры антикризисной политики и в течение почти трех «потерянных десятилетий» так и не вышла на траекторию устойчивого роста. В статье предпринимается попытка выявить причины, которые на фундаментальном уровне ослабляют действие рыночных сил и тем самым препятствуют выходу из длительной рецессии.

Экономический бум, являющийся следствием доступности кредитов, со временем вызывает эндогенный спад. В какой-то момент цены на спекулятивные активы перестают расти. После падения стоимости активов, кредиты, на которые они были куплены, превращаются в долги. Домашние хозяйства и компании, имеющие отрицательное соотношение активов и пассивов, формально оказываются банкротами. Стихийной реакцией банков становится осторожность в выдаче новых займов либо банкротство части из них. Повышение процентных ставок становится сигналом к прекращению кредитной экспансии. Начатые проекты,

© Кулигин В.Д., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

казавшиеся прибыльными при низких ставках процента, становятся убыточными. Строительство консервируется, а рабочие увольняются. Спрос на факторы производства со стороны частного сектора резко снижается и вслед за ним начинается падение цен. Сокращение инвестиций и снижение потребления влечет за собой стремление сберечь [10].

В то же время опыт Японии 1990-х гг. свидетельствует о том, что после схлопывания пузыря доля сектора домохозяйств, как чистого сберегателя, устойчиво снижалась. Данное обстоятельство, по замечанию Р. Ку, крайне болезненное для пострадавших людей, с макроэкономической точки зрения помогало поддерживать экономику [4]. Похожая ситуация сложилась в США после начала в 2007 г. мирового финансового кризиса [2].

При сокращении платежного спроса цены опускаются ниже своего равновесного уровня. Покупательная способность денежной единицы возрастает. Это заставляет агентов частного сектора увеличивать остатки наличности, воздерживаясь от покупки товаров и услуг. Снижение расходов приводит к дальнейшему уменьшению совокупного спроса. Падающие вслед за этим цены сокращают прибыли и сужают денежные потоки. Это ценовая дефляция, приводящая к возникновению «обратного пузыря» [15]. Если цена товара снижается быстрее, чем уменьшаются долги, то возникает долговая дефляция. Но чтобы цены на продукцию падали быстрее, чем темп погашения долга, нужен постоянный большой объем продаж. Опыт Японии, однако, показывает, что на протяжении всего периода рецессии наблюдалось обслуживание задолженности, но не вынужденные продажи. Вся наблюдавшаяся дефляция была результатом падения совокупного спроса, которое вызывалось погашением корпоративных долгов [4].

Падение цен на спекулятивные активы приводит многих как частных, так и корпоративных заемщиков к отказу от исполнения обязательств по взятым ими ссудам. В этом контексте весьма примечателен опыт Японии 1990-х гг. Когда цены на активы (землю, недвижимость, акции) рухнули, кредиты, на которые они были куплены (или кредиты, где эти активы служили залогом), никуда не делись. Соотношение активов и пассивов компаний стало отрицательным. Формально фирмы становились банкротами. Отметим, что реальное финансовое положение компаний нигде не афишировалось. Это было скрытое банкротство. О нем, как пишет Р. Ку, знали только руководители компаний, которые брали займы, и банкиры, которые выдавали кредиты [4].

Сразу же вслед за этим возникла тенденция к ограничению привлеченных средств. Сокращение задолженности было поистине борьбой за выживание. Фирмы старались как можно скорее выкарабкаться из ситуации отрицательного собственного капитала. «...Частный сектор», – свидетельствует Р. Ку, – «в массовом порядке начинает выплачивать задолженность» [4, с. 37]. Никто не брал кредитов, а заработанные деньги, то есть положительный денежный поток, направлялись на погашение уже имеющейся задолженности. Потенциальные заемщики отсутствовали. И это происходило при краткосрочных процентных ставках близких к нулю. Экономика попала в ловушку ликвидности. Последняя, как отмечает Р. Ку, представляет собой феномен, связанный с поведением заемщиков. Он не имеет никакого отношения к процентным ставкам. Его направляющей силой является минимизация задолженности корпорациями, а не поведение кредиторов, как полагал Дж. Кейнс [4].

То же самое, считает Р. Ку, происходило в США во время Великой депрессии. После резкого падения цен на акции и другие активы у домохозяйств и фирм остались одни кредиты. Частный сектор в массовом порядке приступил к погашению долгов, что привело к обрушению совокупного спроса [4]. В Японии, как говорит Р. Ку, совокупный спрос сократился на величину, равную сумме чистых сбережений домохозяйств и чистой выплаты долгов фирмами. Сберегаемые средства накапливались и складировались в банковской системе. «Когда никто не занимает деньги, а все фирмы стремятся уменьшить долги, несмотря на нулевые процентные ставки, перестает работать фундаментальный экономический механизм, превращающий сбережения домохозяйств в инвестиции корпораций» [4, с. 39]. Желание частного сектора как можно быстрее погасить свои обязательства приводит к устойчивому росту числа компаний, выплачивающих долги. Разрушительная сила «ошибки суммирования» распространяется по всей экономике, поскольку ее действию не препятствуют рыночные силы.

Сжатие кредита, пишет в этой связи Л. Мизес, нарушает ровный ход экономической жизни. «Однако было бы серьезной ошибкой считать дефляцию и сжатие просто зеркальным отражением инфляции и экспансии. ... Дефляция и сжатие», – по его мнению, – «несут с собой меньшее опустошение... Они приводят к менее катастрофическим последствиям. ... Дефляция и ограничение кредита никогда не играли заметной роли в экономической истории» [10, с. 528–529]. Думается, что это утверждение автора нуждается в переосмыслении.

Возможно, что дефляция, как способ кредитно-денежного манипулирования, прежде действительно не играла важной роли. Однако в данном случае речь идет о дефляции не как о способе кредитно-денежного воздействия, а как о естественной реакции на него. Последняя, как нам представляется, симметрична. Факт очевидной симметрии между мирами максимизации прибыли и минимизации долга констатирует в своем исследовании Р. Ку [4]. Как показывает опыт Японии и современного мирового финансового кризиса, дефляция подавляет на длительный период деловую активность, оставляя за собой глубокие раны.

При нормальном ходе событий под влиянием «невидимой руки» А. Смита, направляемой ценовыми сигналами, заемщики следуют за падающими ценами, то есть в направлении обратном предшествующему. При этом в обоих случаях, как при росте цен, так и при их падении, акторами рынка движет, прежде всего, эгоистичная забота о выгоде и эгоистический расчет издержек. «Совместные действия», – по замечанию К. Маркса, – «интересуют каждого лишь до тех пор, пока он благодаря им выигрывает больше, чем без них» [7, с. 212].

Экономика ищет новое равновесие при постоянно сокращающихся расходах. Последнее не будет достигнуто до тех пор, пока не будет ликвидирована избыточная корпоративная задолженность. Начавшееся падение ставок заработной платы должно временно ограничить потребление. Домохозяйства становятся беднее и сбережения начнут уменьшаться. Тем не менее, сокращение потребления начнет инициировать сбережение. Оно обязано стать источником восстановления растрченного в результате ошибочных инвестиций капитала. Цены и заработные платы, реагируя на безработицу, должны упасть настолько низко, что большинство людей будет согласно с тем, что они достигли дна [10]. Цены на товары, процентные ставки и ставки заработной платы должны установиться на естественных уровнях, диктуемых силами свободного рыночного взаимодействия или конкуренции [9]. Только при соблюдении этих условий адекватная рыночному равновесию информационная система может создать предпосылки к восстановлению рыночного порядка и возвращению к «нормальности». Возвращение к нормальности – это путь назад.

«После кризисного прекращения бума есть только один путь назад к положению дел, при котором поступательное накопление капитала гарантирует стабильное улучшение материального благосостояния...» [10, с. 539]. Ключевым условием восстановления, на которое указывает Л. Мизес, является продвигающееся вперед накопление капитала. Аналогичных взглядов придерживался и Ф. Хайек. «То, что требуется для возникновения благоприятных условий восстановления», – писал он, – «это как можно более быстрая и полная адаптация производственной структуры к соотношению между спросом на потребительские и производственные блага, определяемому добровольными сбережениями и расходами» [16, с. 395–396]. Иначе говоря, только выполнение описанных выше условий способно создать обстоятельства для работы самоподдерживающегося фундаментального экономического механизма, превращающего сбережения домохозяйств в инвестиции корпораций.

Общественный порядок капитализма реализует свой смысл и назначение через децентрализованный механизм координации и контроля. Налагаемые на его функционирование ограничения и блокирование рыночного ценообразования не порождают естественного порядка. Напротив, они приводят к хаосу и к экономическому кризису [9]. Падающие цены и возникающие вследствие этого убытки, в сочетании с банкротством финансово несостоятельных компаний, создают возможность ликвидации или радикального снижения долгов. Сложившиеся условия могут стать почвой для возвращения экономики к естественному порядку. Необходимость потенциального сведения на нет задолженности, перед тем как система заработает снова, диктуется рыночной логикой разрешения назревших противоречий. Если позволить кризису безжалостно уничтожить те предприятия, которые не смогли расплатиться по своим обязательствам, пишет Л. Мизес, то все предприниматели, а не только банки, будут осторожнее пользоваться кредитами и выдавать их с гораздо меньшей легкостью [9].

Категоричность этих утверждений можно объяснить следующим обстоятельством. Доведенная подобным образом до сознания акторов рынка информация, надо полагать, подтверждает неизменность действия рыночных принципов и оберегает атрибуты рыночной власти агентов. Она позволяет направить «невидимую руку» к активизации деятельности фирм и максимизации ими прибыли в иных изменившихся условиях. При этом модель поведения субъектов рынка не претерпит существенных изменений и будет сохранена. Несмотря на очевидные издержки такого хода дел, альтернативы сохранению рыночного механизма Л. Мизес не видит. «Однако общественное мнение», – констатирует он – «одобряет спасение безответственных предприятий во время кризиса» [9, с. 82–83]. Еще одним препятствием на пути открытой, с точки зрения

банкротства, экономики, является размер организаций. Ни одна из них не должна достигать очень крупных размеров. «В противном случае», – пишет Х. Мински, – «ее банкротство окажется политически неприемлемым» [11, с. 493]. Налагаемые на деятельность правительства ограничения вынуждают его затормозить и остановить кризис, прежде чем он выйдет из-под контроля. Преимуществом такой стандартной процедуры является то, что она обуславливает доверие ко всей системе. Именно это происходило в Японии после схлопывания пузыря. В интерпретации Р. Ку ситуация выглядит следующим образом.

То, что имело место в Японии, пишет он, не было обычным банкротством. В чем же заключалась странность банкротства? Ведь чистая стоимость спекулятивных активов компаний после падения цен оказалась отрицательной. И таких фирм, по словам Р. Ку, были тысячи, а возможно, даже десятки тысяч [4]. В этом пока что нет ничего удивительного. Нет ничего необычного и в том, что любой руководитель фирмы со здоровым бизнесом и положительным денежным потоком, но неблагоприятным балансом будет использовать денежный поток для того, чтобы как можно быстрее погасить долг. Такое поведение Р. Ку считает не только правильным, но и ответственным [4]. И все же бросается в глаза формулировка, в которой здоровый бизнес почему-то сочетается с неблагоприятным балансом. И далее Р. Ку продолжает. «Поскольку основной бизнес этих фирм в порядке», – говорит он, – «то, если им дать достаточно времени, они, имея стабильный денежный поток, способны устранить долговой навес» [4, с. 35]. Здесь здоровый бизнес отождествляется Р. Ку с основным бизнесом, который находится в порядке. Но находящемуся в порядке «здоровому бизнесу» все-таки нужно дать достаточно времени для устранения долгового навеса. При этом в скорейшей выплате долгов заинтересовано не только руководство фирм, но и их кредиторы и акционеры. Никто из них, разумеется, не хочет банкротства. Объявление компаний несостоятельными – будет означать огромные убытки для них. И все заинтересованные стороны считают, что эта сложная ситуация лечится временем. До тех пор, пока денежный поток остается положительным, проблема со временем будет решена [4]. По мере уменьшения обязательств долговой навес, пишет Р. Ку, постепенно исчезает. В этот момент предприятие вернется в режим максимизации прибыли, рассматриваемый учебниками по экономической теории [4].

В связи с изложенным возникают следующие вопросы. Фирмы в течение длительного периода времени погашают долги. Это значит, что они не реинвестируют выручку, не берут займы и не расходуют генерируемые домохозяйствами средства. Кто будет компенсировать вынужденное сокращение совокупного спроса? Ведь банкротства никто не хочет. Подразумевается, что временное лечение проблем «здорового бизнеса» будет возложено на плечи налогоплательщиков. Но сколько времени потребуется для этого? И кто должен давать это время? Кроме того, считается, что как только долговой навес исчезнет, компании вернуться в режим максимизации прибыли. При этом неявно предполагается, что вмешательство в работу рыночного механизма никак не скажется на его дальнейшем функционировании и не повлечет за собой никаких отрицательных последствий. Но так ли это? Насколько обоснована такая уверенность и согласуется ли она с фактами?

Как было отмечено выше, рецессия в Японии сопровождалась сокращением совокупного спроса на величину, равную сумме чистых сбережений домохозяйств и чистой выплаты долгов фирмами. При этом сберегаемые средства накапливались и складировались в банковской системе. Такое сжатие совокупного спроса грозило падением валового внутреннего продукта (далее – ВВП) до половины или трети уровня, достигнутого на пике пузыря. И это был еще оптимистический прогноз. Катастрофического сценария, по словам Р. Ку, удалось избежать благодаря бюджетному стимулированию экономики, которое в последующем осуществлялось в течение многих лет [4].

Чтобы получить деньги для стимулирования, государство разместило на рынке облигации на сумму, равную сбереженным домашними хозяйствами средств. Взятые займы государством ресурсы были направлены на компенсацию сократившегося спроса частного сектора. Дефицитное финансирование стабилизировало экономику. Но как только через год государственные деньги закончились, спад возобновился. Р. Ку объясняет это тем, что самоподдерживающееся оживление может начаться только после того, как балансы частного сектора будут приведены в порядок и «синдром неприятия долгов» будет преодолен [4]. В течение года компаниям, как пишет Р. Ку, не удалось привести свои балансы в надлежащее состояние. Сколько времени потребуется для этого? Типичным компаниям, по словам Р. Ку, пять лет. Компаниям перегруженных долгами – до двух десятилетий. В течение этого времени они продолжают погашать долги, если будут иметь положительный денежный поток. Это означает, что государство своими деньгами должно покрывать сохраняющийся в совокупном

спросе разрыв. Между тем, ежегодные раунды фискальных стимулов приводят, при дефиците бюджета, к накоплению государственного долга [4]. К 2015 г. его объем составил рекордные для мировой экономики 246 % ВВП [13]. В то же время среднегодовой темп роста ВВП Японии в последние три десятилетия не превышал 1–1,5 % в год с периодически случающимися рецессиями [14]. При этом прогнозы восстановления более высокого устойчивого роста остаются сдержанными.

Выше было показано, что экономика Японии попала в ловушку ликвидности, природа которой обусловлена поведением заемщиков. Страна в течение длительного периода времени была занята погашением долгов. Предполагалось, что после того, как частный сектор выполнит взятые на себя обязательства, ситуация вернется к докризисной. Но этого не произошло, хотя основные долги уже были выплачены. Надежды на то, что экономика вырвется из этой ловушки, в которой она пребывала уже третье десятилетие, не оправдались. В этих условиях центральный банк Японии в 2013–2019 гг. сделал ставку на изменение поведения кредиторов, реализуя амбициозную программу денежного стимулирования. Предполагалось вливать в финансовую систему около 700 млрд долл. США в год. Чтобы ускорить экономический рост и инфляцию, Банк Японии не только покупал облигации, но и таргетировал их доходность. Влияя на спрос и предложение, он управлял программой их скупки, не предупреждая об этом участников рынка [1]. Центральный банк Японии выкупал облигации в таких количествах, чтобы доходность 10-летних бумаг держалась около нуля. При существующей отрицательной доходности это не позволяло банкам зарабатывать прибыль [8]. Однако предпринятый японскими денежными властями самый длительный и радикальный эксперимент со ставками так и не достиг своей цели. Некоторые инвесторы опасались возникновения пузырей и гиперинфляции. Но этого не произошло [5]. Программа денежного стимулирования 2013–2019 гг. не дала возможности поднять инфляцию до 2 % [17]. Денежные запасы японских компаний – почти 2 трлн долл. США, так и не были инвестированы в экономику [5]. Попутно отметим, что на глобальном рынке появилась тенденция роста облигаций с отрицательной доходностью. По словам бывшего министра финансов США Л. Саммерса, это явление может свидетельствовать о начале вечной стагнации или японизации [12]. Возникла ситуация более трудная для разрешения.

Хотя со времени разрыва пузырей на рынках акций и недвижимости прошло почти тридцать лет, Японии так и не удалось преодолеть зависимость от низких или отрицательных процентных ставок. За это время в экономике страны сформировалась новая информационная среда. Выросло целое поколение бережливых людей, не видевших ничего, кроме экономических трудностей, стагнации зарплат и дефляции. Уверенность в том, что дефляция продолжится, настолько укоренилась в сознании людей, что проблемы в денежной политике представляются непреодолимыми. Даже с помощью радикальных мер крайне сложно изменить дефляционный тип мышления. В литературе часто можно встретить утверждения, что проблема Японии связана со старением населения. Однако люди более старшего поколения, которые помнят ситуацию 1980-х гг., хотят покупать новые модные товары. В то же время прошлое для молодых людей, это что-то из области фантастики. Они инстинктивно предпочитают не рисковать и экономить. Их образ мышления укоренился потому, что он рациональный [5]. Возможно, прочно закрепившиеся суждения новых поколений явились своеобразной платой за предотвращение последствий потенциально катастрофической дефляционной спирали. Вследствие этого Японии приходится проводить стимулирующую денежную и фискальную политику уже 25 и даже 30 лет. Жизнь может продолжаться и с гигантским госдолгом. Хорошая новость заключается в том, что пребывающую в таком состоянии страну вряд ли ждет рецессия [14].

События мирового финансового кризиса в значительной степени явились повторением в развитых странах Запада условий, которые когда-то считались уникальными для Японии. Для них характерен хронически низкий уровень процентных ставок, крайне невысокая инфляция и стагнирующий экономический рост. Эти факторы сочетаются с необычно высоким уровнем государственного долга. Во многих из этих стран объем заимствований домохозяйств, компаний и банков намного превышал имевшиеся у них активы, под которые они брали кредиты. После повышения ставок должники оказались не в состоянии выплачивать возросшие проценты, а их баланс ушел в минус [3; 6]. За этим последовал длительный период медленного снижения доли заемных средств, подавленный спрос и низкие темпы роста. Казалось, говорит Э. Гэмбл, что такой ход вещей «отвечал здравому смыслу». «Была убежденность в том, что экономика «выздоровеет», рост восстановится и можно будет вернуться к знакомой модели экономического роста. Главное расхождение касалось

времени» [3, с. 218, 220]. Другими словами, погашение долгов и последующая политика низких процентных ставок автоматически приведут к началу экономического роста. Но этого не случилось.

Непредвиденные и пагубные последствия явились, вероятно, результатом интервенций в ход рыночной координации, балансирующей спрос и предложение. «Вмешательство в процесс послекризисной адаптации посредством новой кредитной экспансии», – подчеркивает Л. Мизес, – «не принесет никакой пользы. В лучшем случае оно прервет, нарушит и продлит исцеляющий ход депрессии, если только не вызовет новый бум со всеми его неизбежными последствиями» [10, с. 539]. Однако в рассматриваемых нами случаях ни фискальная, ни денежная политика не вызвали резкого подъема деловой активности частного сектора. Точно так же замена спроса домохозяйств и корпораций деньгами государства не устранила образовавшиеся в фазе экспансии диспропорции натурально-вещественной структуры производства. Необходимо ясно осознавать, что никакое впрыскивание ликвидности не может стать заменой банкротства в реальном секторе экономики. Финансовая несостоятельность сама по себе не приводит к потере агентами рынка своей рыночной власти. Напротив, антикризисные меры, по всей видимости, вызвали глубинные и необратимые изменения, которые вывели из строя информационный механизм автоматической корректировки, поддерживающий равновесие различных элементов экономической системы.

Проводимые властями меры не просто прервали, нарушили и продлили исцеление. Они на длительное время блокировали действие «невидимой руки» А. Смита, не позволив вернуть экономику к ценам на товары, процентным ставкам и ставкам заработной платы, соответствующим их естественным уровням, диктуемым силами конкуренции. Вследствие этого, глубоких структурных изменений в рыночном механизме так и не произошло. Стимулирующие меры препятствовали падению рынка труда, ограничивая возможности повышения производительности, а неэффективные компании продолжили свою деятельность. «Базовые структуры политической экономии», – констатирует Э. Гэмбл, – «остаются на своих местах» [3, с. 25]. Это разрушало систему понятий того, как должен был функционировать рынок в кризисных условиях. Вслед за падением предпринимательской активности и энергии началась потеря необходимой информации, генерируемой агентами рынка. Эта утрата изменила саму парадигму поведения акторов рынка, оставляя неопределенным срок восстановления нормальных условий их деятельности.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Экономика, имеющая в качестве своей базы разделение труда и специализацию производства, порождает неполноту информации. Деньги, будучи средством обращения, связывая друг с другом акты обмена, частично решают эту проблему. Политика денежных властей должна учитывать информационную роль денег.
2. Многообразное искажающее влияние денег на относительные цены и, следовательно, структуру производства может привести к блокированию рыночных сил самодвижения и стагнации.

В завершение статьи сформулируем следующие дискуссионные вопросы: 1) остается неясным, как интегрировать возникшие на микро- и макроуровнях трудности с запуском экономического роста; 2) решение проблем требует проведения радикальных структурных реформ, о разновидности, очертаниях и содержании которых пока нет отчетливого представления. В качестве перспективного направления научных изысканий в данной области автор предлагает исследование сущности денег как информационной основы, ценность которой широко известна акторам рынка.

Библиографический список

1. Берд, М. Без стимулов и паники // Ведомости. – 2017. – № 124. – С. 5.
2. Браунинг, И. С. По уши в долгах // Ведомости. – 2011. – № 178. – С. 12.
3. Гэмбл, Э. Кризис без конца? Крах западного процветания; пер. с англ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 304 с.
4. Ку, Р. Священный Грааль макроэкономики: уроки великой рецессии в Японии; пер. с англ. – М.: Мысль, 2014. – 434 с.
5. Лайонс, Дж., Инада, М. Вера в дефляцию // Ведомости. – 2017. – № 36. – С. 5.
6. Маккреди, К. Богатство народов Адама Смита; пер. с англ. – Минск: «Попурри», 2010. – 160 с.
7. Маркс, К., Энгельс, Ф. Капитал. Т. 3. – Соч. – 2-изд. – Т. 25, Ч. 1. – 508 с.
8. Месропян, М. Индекс РТС – больше 1000 // Ведомости. – 2016. – № 178. – С. 15.
9. Мизес, Л. фон. Теория экономического цикла; пер. с англ. изд. – Челябинск: Социум, 2012. – 413 с.

10. Мизес, Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории; пер. с 3-го испр. англ. изд. – Челябинск, 2008. – 878 с.
11. Мински, Х. Стабилизируя нестабильную экономику; пер. с англ. – М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 624 с.
12. Невельский, А. Япония заражает США // Ведомости. – 2019. – № 161. – С. 4.
13. Оверченко, М. Япония выбрала рост // Ведомости. – 2015. – № 112. – С. 5.
14. Оверченко, М. Японская болезнь еврозоны // Ведомости. – 2019. – № 46. – С. 5.
15. Рубини, Н., Мим, С. Нуриэль Рубини: как я предсказал кризис: экстренный курс подготовки к будущим потрясениям; пер. с англ. – М.: Эксмо, 2011. – 384 с.
16. Хайек, Ф. Собрание сочинений: в 19 т. Т. 7: Экономические циклы: часть I; пер. с англ. – М., Челябинск: Социум; Мысль, 2018. – 470 с.
17. Хардинг, Р. Банк Японии терпит поражение // Ведомости. – 2018. – № 77. – С. 5.

References

1. Bird M. Bez stimulov i paniki [*Without incentives and panic*]. Vedomosti, 2017, no. 124, pp. 5.
2. Browning I.S. Po ushi v dolgakh [*Up to ears in debt*]. Vedomosti, 2011, no. 178, pp. 12.
3. Gamble A. Krizis bez kontsa? Krakh zapadnogo protsvetaniya [*Crisis without end? The collapse of western prosperity*], per. s angl. Moscow, 2018, 304 p.
4. Koo R. Svyashchennyi Graal' makroekonomiki: uroki velikoi retsessii v Japonii [*The Holy Grail of macroeconomics: lessons from Japan's great recession*], per. s angl. Moscow, 2014, 434 p.
5. Lyons J., Inada M. Vera v deflyatsiyu [*The belief in deflation*]. Vedomosti, 2017, no. 36, pp. 5.
6. Makkredi K. Bogatstvo narodov Adama Smita [*Adam Smith's the wealth of nations*], per. s angl. Minsk, "Popurri", 2010, 160 p.
7. Marx K., Engels F. Kapital, T.3 [*Capital, vol. 3*], Soch., 2-izd., T. 25, part. 1, 508 p.
8. Mesropyan M. Indeks RTS – bol'she 1000 [*The RTS index is more than 1000*]. Vedomosti, 2016, no. 178, pp. 15.
9. Mises L., von. Teoriya ekonomicheskogo tsikla [*Economic cycle theory*]. Chelyabinsk, Sotsium, 2012, 413 p.
10. Mises L., von. Chelovecheskaya deyatel'nost': traktat po ekonomicheskoi teorii [*Human activity: a treatise on economic theory*], per. s 3-go ispr. angl. izd. Chelyabinsk, 2008, 878 p.
11. Minski H. Stabiliziruya nestabil'nuyu ekonomiku [*Stabilizing an unstable economy*], per. s angl. Moscow, St. Petersburg, Izd-vo Instituta Gaidara, 2017, 624 p.
12. Neve'skii A. Yaponiya zarazhaet SShA [*Japan infects the USA*]. Vedomosti, 2019, no. 161, p. 4.
13. Overchenko M. Yaponiya vybrala rost [*Japan chose growth*]. Vedomosti, 2015, no. 112, p. 5.
14. Overchenko M. Yaponskaya bolezn' evrozony [*Japanese Eurozone disease*]. Vedomosti, 2019, no. 46, p. 5.
15. Roubini N, Mihm S. Nuriel' Rubini: kak ya predskazal krizis: ekstrennyi kurs podgotovki k budushchim potryaseniyam [*Nuriel Rubini: how I predicted the crisis: emergency course to prepare for future shocks*], per. s angl. Moscow, Eksmo, 2011, 384 p.
16. Hayek F. Sbranie sochinenii: v 19 t. T. 7: Ekonomicheskie tsikly: chast' I [*Collected works in 19 volumes. vol. 7: Economic cycles: Part I*], per. s angl. Moscow, Chelyabinsk, Sotsium, Mysl', 2018, 470 p.
17. Harding R. Bank Yaponii terpit porazhenie [*Bank of Japan suffers defeat*]. Vedomosti, 2018, no. 77, p. 5.

Рахмонов Абубакр Хасанович
аспирант, мл. науч. сотрудник,
ФГБОУ ВО «Российский универ-
ситет дружбы народов», Инсти-
тут демографических исследований
ФНИСЦ РАН, г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9924-5857
e-mail: abubak.93@mail.ru

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В СТРАНЫ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В настоящее время трудовая миграция из стран Центральной Азии приобретает новые географические и социально-демографические измерения, происходит переориентация миграционных потоков на новые направления и регионы. В статье рассмотрены факторы и масштабы эмиграции из Таджикистана, причины переориентации таджикских мигрантов из России в страны Персидского залива, а также межгосударственные соглашения Таджикистана со странами Персидского залива в сфере регулирования трудовой миграции. В качестве причин изменений названы обстоятельства экономического и геополитического характера: с одной стороны, падение курса рубля и снижение уровня зарплат в рублевом эквиваленте, ужесточение миграционной политики в России и Казахстане вынуждают часть трудящихся-мигрантов искать новые направления для миграции; с другой стороны, все более активным становится участие в процессе трудовой миграции государственных и частных агентов по найму рабочей силы.

Ключевые слова: межгосударственные договоры, ОЭСР, переориентация, Россия, страны Персидского залива, Таджикистан, трудовая миграция, эмиграция

Для цитирования: Рахмонов А.Х. Новые направления трудовой миграции из Таджикистана в страны Персидского залива: тенденции и перспективы развития // Вестник университета. 2020. № 12. С. 119–125.

Abubakr Kh. Rakhmonov
Postgraduate Student, Junior
Researcher, Peoples' Friendship
University of Russia (PFUR), IDR
FCTAS RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9924-5857
e-mail: abubak.93@mail.ru

NEW DIRECTIONS OF LABOR MIGRATION FROM TAJIKISTAN TO THE PERSIAN GULF COUNTRIES: DEVELOPMENT TRENDS AND PROSPECTS

Abstract. Currently, labor migration from Central Asian countries is acquiring new geographical and socio-demographic dimensions, and migration flows are being reoriented to new directions and regions. The article considers the factors and scale of emigration from Tajikistan, the reasons for the reorientation of Tajik migrants from Russia to the Persian Gulf countries, as well as interstate agreements between Tajikistan and the Persian Gulf countries in the field of labor migration regulation. The author cites economic and geopolitical factors as the reasons for the changes: on the one hand, the fall in the ruble exchange rate and the decline in the level of wages in ruble terms, the tightening of migration policies in Russia and Kazakhstan force some migrant workers to look for new directions for migration; on the other hand, the participation of public and private labor agents is becoming more active.

Keywords: emigration, interstate treaties, labor migration, OECD, Persian Gulf countries, reorientation, Russia, Tajikistan

For citation: Rakhmonov A.Kh. (2020) New directions of labor migration from Tajikistan to the Persian Gulf countries: development trends and prospects. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 119–125. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-119-125

The aim of the study was to identify the role of the Persian Gulf countries and interstate agreements in the reorientation of flows of migrant workers from Tajikistan to new geographical directions. In the present study, two methods were used. First, the statistical and mathematical analysis of data on labor migration, socio-economic parameters. Second, the sociological method, the results of opinion polls and expert interviews were analysed (secondary analysis of sociological data). In our study, we used statistical data on the number and structure of labor migration from Tajikistan to the countries of the Persian Gulf. Data were provided by the Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, the National Statistical Service of Tajikistan. Also, data from surveys of international organizations (World Bank, IOM, ILO, and ESCAP) and scientific works on labor migration from Central Asia were used.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-310-90079\19.

Acknowledgement. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-310-90079\19.

© Рахмонов А.Х., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

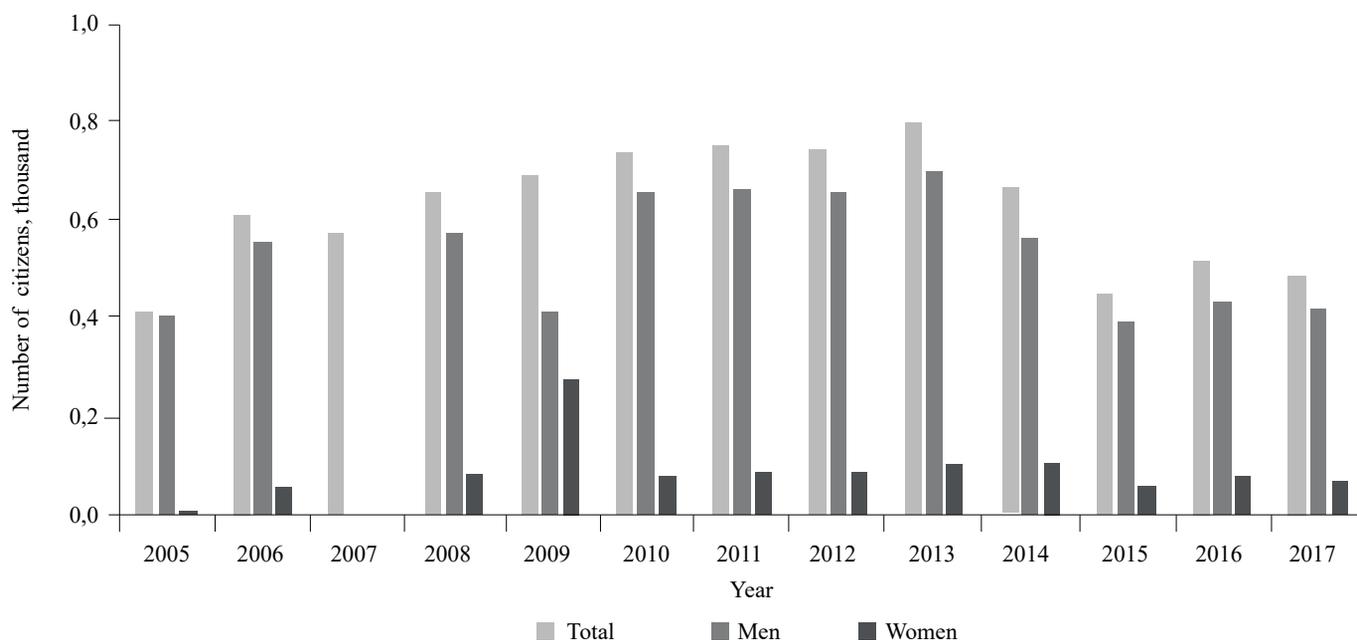
The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Tajikistan is traditionally a country with surplus labor resources. This is primarily due to the fairly high levels of fertility and natural population growth. Today, external labor migration is a factor in reducing social tension in the country and is becoming one of the basic conditions for the formation of a middle class in Tajikistan [3]. For Tajikistan, external labor migration is not only a problem of today, it will remain in the future. Rapid population growth and a shortage of land (if in 1965 there was 0.21 hectares per person, and today it is 0.08 hectares, then according to forecasts, in 2030 this figure will be 0.05 hectares) pose a threat not only to food security of the country, but also contribute to the emergence of a housing shortage and high population density, which today are largely compensated by external labor migration.

The reason for migration is the high level of poverty of the population. There is every reason to believe that with a decrease in the level of poverty, the scale of migration may acquire a downward trend. For a family that is in need of everything, including the threat of hunger, the migration of able-bodied members to work in other countries remains almost the only way out of the situation [4].

According to the Demographic Yearbook of the Republic of Tajikistan (Fig. 1), in 2005–2017, more than 8.11 million Tajik citizens went to work abroad, of which 6.94 million were men and 1.17 million were women. On average, the percentage of labor migrants who left to work in other countries of the total population of Tajikistan for 2005–2017 amounted to 8.1 %.

Source: [17] / Источник [17]

Figure 1. Number of citizens of the Republic of Tajikistan traveling to work in other countries in 2005–2017

Рис. 1. Количество граждан Республики Таджикистан выезжающих на заработки в другие страны в 2005–2017 гг.

The scale of emigration from Tajikistan abroad, according to the Demographic Yearbook of the Republic of Tajikistan, the share of emigration from Tajikistan to other countries began to decline in 2013 (Fig. 1). There was a big decline in 2015 due to the currency crises in the Russian Federation [1].

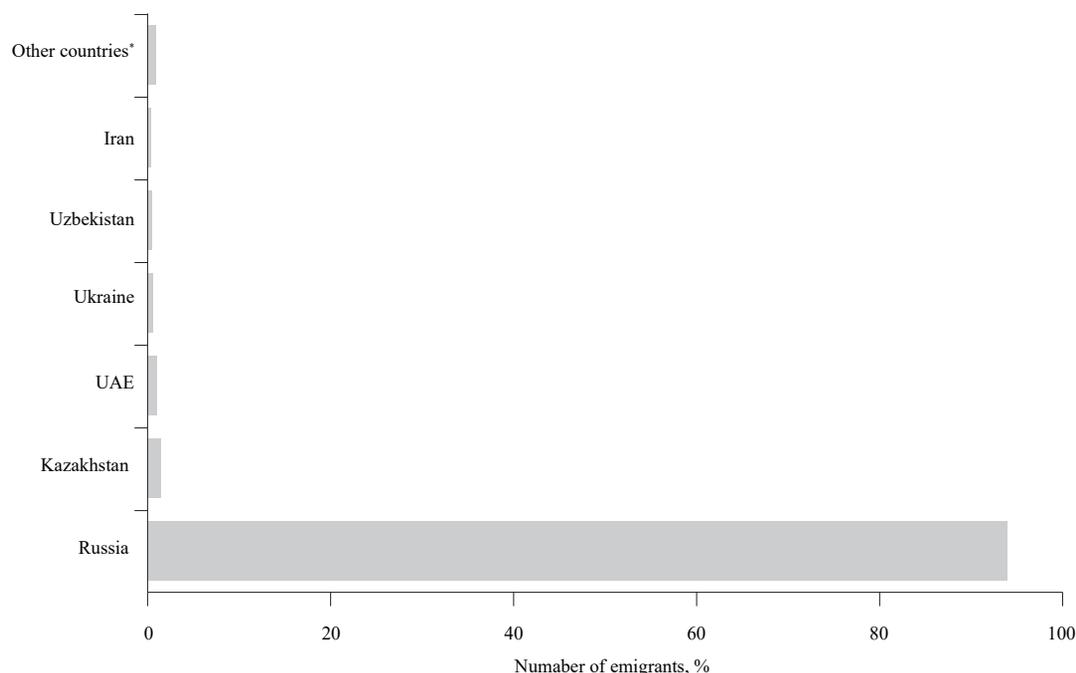
The main channels of emigration for citizens of Tajikistan are Russia and Kazakhstan. As noted by the Minister of Labor, Migration and Employment of the Population of the Republic of Tajikistan, Sumangul Tagoizoda, in 2016 more than 517 thousand people went from Tajikistan to work. According to her, 504.9 thousand of them went to work in the Russian Federation and 12.4 thousand to Kazakhstan [14].

According to the Deputy Minister of Labor, Migration and Employment of the Population Nurullo Mahmaddullozoda, in 2019 more than 530 thousand Tajik citizens left Tajikistan to work in other countries. Of these, 77,000 of them are women. In 2019, citizens of Tajikistan left for work by 13 % more compared to 2018. As he noted, 520 thousand of them left to look for work in the Russian Federation, almost 9 thousand of them left for Kazakhstan [5].

The overwhelming majority of labor migrants from Tajikistan leave for work in the Russian Federation. However, in recent years, there has been a tendency for their reduction in Russia. This is due to structural changes in the migration policy of the Russian Federation and the economic crisis in the country. In 2015, legislative and regulatory legal acts came into force in the Russian Federation, according to which the punishment for illegal stay in this country was toughened. Since January 2015, citizens of all CIS countries that are not members of the Customs Union need to have a passport to enter the territory of the Russian Federation. At the same time, foreigners for legal employment must acquire a patent, the cost of which depends on the region of the country. The next innovation was the introduction of tests for knowledge of the Russian language, history and legislation of Russia, as well as the mandatory purchase of health insurance policies. The reorientation of Tajik migrants from Russia to other countries, including the Persian Gulf countries, is associated with economic disadvantages (i. e., the excess of the costs of migration over the income that it brings); bans on entry and failure to pass tests/lack of necessary permits (patents, certificates). This situation, according to all forecasts, will continue in the near future: the difficult economic situation in Russia plus the difficulties in the paperwork forcing our citizens to look for new directions of migration.

As a result, such new directions of migration as the OECD countries and the Persian Gulf opened up for Tajiks. This fact is recognized at the official level, and moreover, ideas have been repeatedly expressed to diversify the flows of labor migrants to new directions. Minister of Labor, Migration and Employment of the Population of the Republic of Tajikistan Sumangul Tagoizoda: “Migration from Tajikistan to the countries of the Middle East, for example, to Saudi Arabia, Qatar and Bahrain, is becoming more significant” [9]. In recent years, the Tajik government has been systematically making attempts to reorient migration flows from Russia to other countries, primarily to the rich states of the Persian Gulf [13]. Despite their religious affinity, the Persian Gulf countries are not yet attracting labor migrants from Tajikistan. It is obvious that the mentality of Tajiks was formed in other socio-cultural conditions. Currently, Tajiks are not ready to work as servants for wealthy Arab families in the Persian Gulf countries. Tajik scientist R. Ulmasov notes that “the reason for the lack of progress in the search for new destinations for migrants is insufficient qualifications and a language barrier. Qatar, Saudi Arabia and all other countries need highly qualified migrants, we ourselves do not have enough such personnel” [13].

The geography of labor emigration from Tajikistan has a pronounced orientation towards Russia: according to sociological surveys, about 94 % of labor emigrants from Tajikistan worked in Russia. About 1.5 % – in Kazakhstan, 1 % – in the UAE and 0.6 % – in Ukraine (Fig. 2). However, as studies show, emigration from Tajikistan

Source: [19] / (Источник: [19])

Figure 2. Geography of labor emigration from Tajikistan in 2010, %
(Рисунок 2. География трудовой эмиграции из Таджикистана в 2010 г., %)

to OECD countries: Austria, Germany, Greece, Canada, Poland, USA, Turkey, South Korea and Japan is gradually becoming more noticeable. OECD countries can rightfully be considered as new directions of Tajik emigration.

According to the Migration Service under the Government of the Republic of Tajikistan for 2018, the total number of migrants was 877,335, including 124,007 women, which is more than 14.1 % (Table 1).

Table 1

Number of migrants from Tajikistan in some countries of the world in 2018

Country	Total	Men		Women	
		people	%	people	%
Russia	808 664	707 107	87	101 557	13
Kazakhstan	6 899	4 842	70	2 057	30
Ukraine	1 127	712	63	415	37
Iran	6 198	5 317	86	881	14
Turkey	6 354	4 396	69	1 958	31
China	14 076	10 343	73	3 733	27
Germany	13 78	938	68	440	32
Arabic countries of Persian Gulf	6 726	4 531	67	2 195	33
Other countries	25 913	15 142	58	10 771	42

Source: [18]

Таблица 1

Количество мигрантов из Таджикистана в некоторых странах мира в 2018 году

Страна	Общее количество	Мужчины		Женщины	
		человек	%	человек	%
Россия	808 664	707 107	87	101 557	13
Казахстан	6 899	4 842	70	2 057	30
Украина	1 127	712	63	415	37
Иран	6 198	5 317	86	881	14
Турция	6 354	4 396	69	1 958	31
Китай	14 076	10 343	73	3 733	27
Германия	13 78	938	68	440	32
Арабские страны Персидского залива	6 726	4 531	67	2 195	33
Другие страны	25 913	15 142	58	10 771	42

Источник: [18]

The main host country is the Russian Federation, on the territory of which more than 92.1 % of migrants are located, including 11.5 % – make up women [2].

In 2018, about 13 thousand citizens of Tajikistan immigrated to the countries of the Persian Gulf, of which 6,726 people went to the Arabic countries of Persian Gulf and 6,198 to Iran. In 2018, of the total number of Tajik migrants traveling abroad, about 1.5 % was migrants traveling to the Gulf country.

Among the citizens of Tajikistan who traveled to the Persian Gulf country in 2018, 9 848 of them are men (72 %) and 3 076 are women (28 %). But during this period, the share of women migrants from Tajikistan to the country of Arab countries of Persian Gulf was 33 % of the total number of those who went to these countries.

Also in 2018, more migrated from Tajikistan to the Gulf country (13 thousand) than to Kazakhstan (6.9 thousand), 1.5 times more.

Currently, the Republic of Tajikistan has signed bilateral agreements on the regulation of labor migration with the Republic of Kazakhstan, Qatar, the Kyrgyz Republic, the United Arab Emirates, the Republic of Poland, the

Russian Federation, the Turkish Republic, and the Republic of Uzbekistan. A labor agreement with the Republic of Korea should be signed in the near future. At the same time, citizens of Tajikistan can go to work in OECD countries only with a work visa.

A visa-free regime for citizens of Tajikistan exists only with the Republic of Turkey. But you can't work here without a work visa either [12]. According to the agreement, citizens of Tajikistan can stay in Turkey without visas for 90 days every six months (180 days). This decree was signed on November 11, 2018 by Turkish President Rejep Taip Erdogan. Previously, citizens of Tajikistan have been in Turkey without a visa for 30 days. The visa-free regime gives some Tajik citizens a reason to go for employment in Turkey. However, such employment cannot be legal. Despite this, Turkey is confidently becoming a new area of employment for Tajik migrants [11].

On April 16, 2018, a memorandum of understanding in the field of labor resources was signed between the Republic of Tajikistan and the UAE. As noted by the Minister of Human Resources and Depreciation of the United Arab Emirates Nasser Bin Thani Al-Hameli, the Memorandum of Understanding is a sign of the desire of the two countries to strengthen relations in the field of labor supply [8]. In accordance with this memorandum, citizens of Tajikistan can engage in labor activities in the UAE on the basis of a concluded labor contract between the worker and the employer.

On February 5, 2019 in Doha, an agreement was signed on the regulation of the labor force and on the organized recruitment of Tajik citizens for temporary employment abroad between the Republic of Tajikistan and Qatar [6]. Now Tajik migrants can find employment in Qatar on the basis of an employment contract [10]. Qatar will submit to the Agency for Employment Abroad under the Ministry of Labor of the Republic of Tajikistan a list of specialists for whom there is a demand. And Tajikistan, in turn, will prepare and send them to work in Qatar. According to the agreement, Tajik migrants must take an Arabic language course before traveling to Qatar. The dispatch of Tajik migrants will be carried out not through private agencies or firms, but through the Foreign Employment Agency under the Ministry of Labor, based on requests from employers from Qatar. An agreement is concluded between the employee and employers, which will be governed by the Qatari labor code. The agreement also stipulates that the employer must provide the employee with housing, insurance, travel expenses, as well as provide normal working conditions and pay compensation in the event of an accident [7].

Labor migration from Tajikistan increased sharply in 1994–1995 and was associated with the difficult situation after the civil war, the transformation of the economy, a change in the structure of employment and an increase in unemployment. Currently, labor migration is the largest and most dynamic emigration flow from Tajikistan. In fact, there is not a single aspect of the life of the Tajik society that would not be affected by labor migration [15].

The main directions of labor emigration for citizens of Tajikistan are Russia and Kazakhstan, as well as partly Uzbekistan and Kyrgyzstan. Along with the CIS countries, the role of the Gulf country also gradually grew. Against the background of the widespread study of the English language in Tajikistan itself and the reduction of the system of teaching the Russian language, the active development of the system of private and state recruiting of the labor force, the possibility of reorienting a part of labor emigrants to the countries of the Persian Gulf becomes quite real. New communities of Tajiks are actively forming in the Persian Gulf countries, which may become networks of attraction for new migrants from Tajikistan in the near future.

Despite Tajikistan's attempts to more and more actively regulate labor migration on the basis of bilateral agreements with the countries of the Persian Gulf, Russia still remains attractive to Tajik labor migrants. The advantages of Russia are the absence of a language barrier, no need to obtain a visa and work permit, a common mentality, the prospects for obtaining citizenship [16]. However, the rigidity of the migration policy and the fall in wages in Russia can be negative factors that will contribute to the reversal of part of the flows of labor migrants from Tajikistan in favor of the Persian Gulf countries. In these conditions, Russia should reduce the unreasonable pressure of migration control on Tajik migrants in terms of registration procedures and checks by the police. Otherwise, the active participation of intermediaries in the employment of migrants, as well as an active policy of attracting labor migrants from Central Asia to the Persian Gulf countries, will lead to the loss of a significant part of Russia's migration potential.

Библиографический список

1. Коситов, О., Абдусатторова, Р. Ш. Социально-экономические последствия миграционных процессов в Республике Таджикистан // *Экономика и парадигма нового времени*. 2018 г. – № 3. – С. 5-10.

2. Полетаев, Д. В. Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию // Народонаселение. – 2018. – Т. 21, № 4. – С. 68-78.
3. Рязанцев, С. В., Рахманов, А. Х., Пономарев, Е. С., Акрамов, Ш. Ю. Эмиграция из Таджикистана в странах ОЭСР: тенденции, последствия, перспективы // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2018. № 3-4. – С. 22-34.
4. Храмова, М. Н., Рязанцев, С. В., Рахмонов, А. Х., Касымов, О. К. Влияние денежных переводов из-за рубежа на социально-экономическое развитие Таджикистана // Центральная Азия и Кавказ. – Т. 23, № 4. – С. 85-103.
5. В Министерстве труда рассказали, как изменился миграционный поток из Таджикистана // Sputnik Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/migration/20200206/1030670764/migraciya-russia-tajikistan.html> (дата обращения: 18.10.2020).
6. В Министерстве труда рассказали, как изменился миграционный поток из Таджикистана // Sputnik Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/migration/20200206/1030670764/migraciya-russia-tajikistan.html> (дата обращения: 23.10.2020).
7. Зарифи, А. “Работать в Катаре”: летом первая группа таджикских мигрантов уедет в арабскую страну // Радио Озоди Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.ozodi.org/a/29752137.html> (дата обращения: 16.10.2020).
8. Знайкин, Н. ОАЭ и Таджикистан создадут биржу труда // Русские Эмираты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russianemirates.com/news/uae-news/uae-i-tadzhikistan-naladyat-obmen-rabochey-siloy> (дата обращения: 19.10.2020).
9. Работа в пустыне: чего ожидать мигрантам из Таджикистана в богатых арабских странах // Sputnik Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/analytics/20170721/1022884718/migranty-persidskiy-zaliv-usloviya-truda-tadzhikistan.html> (дата обращения: 19.10.2020).
10. Таджикистан и Катар подписали соглашение о трудовых мигрантах // Regnum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2566229.html> (дата обращения: 22.10.2020).
11. Турция продлила срок безвизового пребывания граждан Таджикистана // Sputnik Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/world/20181112/1027388677/turkey-uvelichila-srok-bezvizovogo-prebyvaniya-tajikistan.html> (дата обращения: 18.10.2020).
12. Раджабов, Х. Мигрантская перспектива: граждане Таджикистана ждут работы в Польше и Турции // Sputnik Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/migration/20200207/1030675358/migrant-tajikskaya-rabochaya-sila-Poland-Turkey.html> (дата обращения: 17.10.2020).
13. Хуррамов, Х. Переориентация мигрантов: Катар вместо России? // Радио Озоди Таджикистан. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rus.ozodi.org/a/30188795.html> (дата обращения: 18.10.2020).
14. Число таджикских мигрантов, выезжающих в Россию, сократилось на 6 % // Информационное агентство Авеста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://avesta.tj/2017/01/19/kolichestvo-tadzhikskih-migrantov-vyvezhayushhih-v-rossiyu-umensilos-na-6/> (дата обращения: 20.10.2020).
15. Akramov, Sh. Yu., Akramov, F. Sh. Consequences of labour migration from Tajikistan to Russia: About the contemporary socio-economic state of Tajik Families // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – № 6 (3). – Pp. 231-236.
16. Olimova, S. The impact of labour migration on human capital: the case of Tajikistan // Migrations en Asie Centrale et au Caucase. – 2010. – V. 26, No. 3. – Pp. 181-197.
17. Data from the Demographic Yearbook of the Republic of Tajikistan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.wv.tj/publications/June2019/demographic-yearbook-2018.pdf> (дата обращения: 18.10.2020).
18. Data of the Migration Service under the Government of the Republic of Tajikistan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://migration.tj/ru/> (дата обращения: 17.10.2020).
19. Migration and development in Tajikistan – emigration, return and diaspora // ILO, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_308939.pdf (дата обращения: 22.10.2020).

References

1. Kositov O., Abdusattorova R. Sh. Sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya migratsionnykh protsessov v Respublike Tadjikistan. [Socio - economic consequences of migration processes in the Republic of Tajikistan]. Ekonomika i paradigma novogo vremeni, 2018, no. 3, pp. 5-10.
2. Poletaev D. V. Zhenskaya trudovaya migratsiya iz Tadjikistana i Kirgizii v Rossiyu [Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia]. Narodonaselenie [Population], 2018, vol. 21, no. 4, pp. 68-78.

3. Ryazantsev S. V., Rakhmanov A. Kh., Ponomarev E. S., Akramov Sh. Yu. Emigratsiya iz Tadzhiqistana v stranakh OESR: tendentsii, posledstviya, perspektivy [*Emigration from Tajikistan to OECD countries: trends, consequences, prospects*]. Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo, 2018, no. 3-4, pp. 22-34.
4. Khramova M. N., Ryazantsev S. V., Rakhmonov A. Kh., Kasymov O. K. Vliyaniye denezhnykh perevodov iz-za rubezha na sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Tadzhiqistana [*The impact of remittances from abroad on the socio-economic development of Tajikistan*]. Tsentral'naya Aziya i Kavkaz [*Central Asia and the Caucasus*], vol. 23, no. 4, pp. 85-103.
5. V Ministerstve truda rasskazali, kak izmenilsya migratsionnyy potok iz Tadzhiqistana [*The Ministry of Labour told how the migration flow from Tajikistan has changed*]. Sputnik Tadzhiqistan. Available at: <https://tj.sputniknews.ru/migration/20200206/1030670764/migratsiya-russia-tajikistan.html> (accessed 18.10.2020).
6. V Ministerstve truda rasskazali, kak izmenilsya migratsionnyy potok iz Tadzhiqistana [*The Ministry of Labour told how the migration flow from Tajikistan has changed*]. Sputnik Tadzhiqistan. Available at: <https://tj.sputniknews.ru/migration/20200206/1030670764/migratsiya-russia-tajikistan.html> (accessed 23.10.2020).
7. Zarifi A. "Rabotat' v Katare": letom pervaya gruppya tadhikskikh migrantov uedet v arabskuyu stranu [*"To work in Qatar": in summer the first group of Tajik migrants will leave for an Arab country*]. Radio Ozodi Tadzhiqistan. Available at: <https://rus.ozodi.org/a/29752137.html> (accessed 16.10.2020).
8. Znaikin N. OAE i Tadzhiqistan sozdadut birzhu truda [*The UAE and Tajikistan will establish a labor exchange*]. Russkie Emiraty [*Russian Emirates*]. Available at: <https://russianemirates.com/news/uae-news/uae-i-tadzhiqistan-naladyat-obmen-rabochey-siloy/> (accessed 19.10.2020).
9. Rabota v pustyne: chego ozhidat' migrantam iz Tadzhiqistana v bogatykh arabskikh stranakh [*Work in the desert: what to expect for migrants from Tajikistan in rich Arab countries*]. Sputnik Tadzhiqistan. Available at: <https://tj.sputniknews.ru/analitics/20170721/1022884718/migranty-persidskiy-zaliv-usloviya-truda-tadzhiqistan.html> (accessed 19.10.2020).
10. Tadzhiqistan i Katar podpisali soglasheniye o trudovykh migrantakh [*Tajikistan and Qatar signed an agreement on labor migrants*]. Regnum. Available at: <https://regnum.ru/news/2566229.html> (accessed 22.10.2020).
11. Turtsiya prodlila srok bezvizovogo prebyvaniya grazhdan Tadzhiqistana [*Turkey has extended the period of visa-free stay for citizens of Tajikistan*]. Sputnik Tadzhiqistan. Available at: <https://tj.sputniknews.ru/world/20181112/1027388677/turkey-uvelichila-srok-bezvizovogo-prebyvaniya-tajikistan.html> (accessed 18.10.2020).
12. Radzhabov Kh. Migrantskaya perspektiva: grazhdane Tadzhiqistana zhdu raboty v Pol'she i Turtsii [*Migrant perspective: Tajik citizens are waiting for work in Poland and Turkey*]. Sputnik Tadzhiqistan. Available at: <https://tj.sputniknews.ru/migration/20200207/1030675358/migrant-tajikskaya-rabochaya-sila-Poland-Turkey.html> (accessed 17.10.2020).
13. Khurramov H. Pereorientatsiya migrantov: Katar vmesto Rossii? [*Reorientation of migrants: Qatar instead of Russia?*]. Radio Ozodi Tadzhiqistan. Available at: <https://rus.ozodi.org/a/30188795.html> (accessed 18.10.2020).
14. Chislo tadhikskikh migrantov, vyezhayushchikh v Rossiyu, sokratilos' na 6 % [*The number of Tajik migrants leaving for Russia decreased by 6 %*]. Informatsionnoye agentstvo Avesta [*Information Agency Avesta*]. Available at: <http://avesta.tj/2017/01/19/kolichestvo-tadhikskikh-migrantov-vyezhayushchikh-v-rossiyu-umenshilos-na-6/> (accessed 20.10.2020).
15. Akramov Sh. Yu., Akramov F. Sh. Consequences of labour migration from Tajikistan to Russia: About the contemporary socio-economic state of Tajik families. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, no. 6 (3). pp. 231-236.
16. Olimova S. The impact of labour migration on human capital: the case of Tajikistan. *Migrations en Asie Centrale et au Caucase*, 2010, vol. 26, no. 3, pp. 181-197.
17. Data from the Demographic Yearbook of the Republic of Tajikistan. Available at: <http://stat.wv.tj/publications/June2019/demographic-yearbook-2018.pdf> (accessed 17.10.2020).
18. Data of the Migration Service under the Government of the Republic of Tajikistan. Available at: <https://migration.tj/ru/> (accessed 18.10.2020).
19. Migration and development in Tajikistan – emigration, return and diaspora. ILO, 2010. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_308939.pdf (accessed 22.10.2020).

Тищенко Татьяна
Владимировна

канд. экон. наук, ст. науч.
сотрудник, ФГБОУ ВО

«Российская академия народно-
го хозяйства и государственной
службы при Президенте
Российской Федерации»,
ORCID: 0000-0002-2675-0075
e-mail: tatyana-kat@yandex.ru

ФАКТОРЫ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА НА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Аннотация. Предмет исследования – государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) в современной экономике Российской Федерации. Рассмотрены экономические факторы, влияющие на востребованность механизмов ГЧП в России со стороны государства и бизнеса. Проведена сравнительная оценка спроса и предложения ГЧП и альтернативных механизмов взаимодействия государства и бизнеса. Выявлено, что ГЧП не имеет существенных преимуществ, по сравнению с традиционными государственными закупками или арендой. По результатам исследования сделан прогноз, что в ближайшей перспективе следует ожидать существенного сокращения объемов частного и государственного софинансирования проектов, реализуемых на основе ГЧП. Повысить спрос на ГЧП со стороны бизнеса может принятие государством на себя дополнительных обязательств по финансированию проектов в случае отсутствия бюджетных ограничений.

Ключевые слова: аренда, бюджетные ограничения, государственно-частное партнерство, инвестиции, институциональная среда, закупки, приватизация, экономические факторы

Для цитирования: Тищенко Т.В. Факторы спроса и предложения государства и бизнеса на государственно-частное партнерство//Вестник университета. 2020. № 12. С. 126–132.

Tatyana V. Tischenko

Candidate of Economic
Sciences, Senior Researcher,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administrational, Moscow,
Russia

ORCID: 0000-0002-2675-0075
e-mail: tatyana-kat@yandex.ru

SUPPLY AND DEMAND FACTORS OF THE STATE AND BUSINESS ON PUBLIC AND PRIVATE PARTNERSHIP

Abstract. The subject of the study is public-private partnership (hereinafter – PPP) mechanisms in the modern economy of the Russian Federation. The article considers economic factors affecting the demand for PPP mechanisms in Russia from the state and business. The paper carries out a comparative assessment of the supply and demand of PPP and alternative mechanisms of interaction between the state and business. The study reveals that PPP does not have significant advantages in comparison with traditional public procurement or leasing. According to the results of the study, the author makes a forecast that in the near future we should expect a significant reduction in the volume of private and public co-financing of projects implemented on the basis of PPP. Assumption by state additional obligations to finance projects in the absence of budget restrictions can increase the demand for PPP on the part of business.

Keywords: budget constraints, economic factors, institutional environment, investments, leasing, privatization, procurement, public-private partnership

For citation: Tischenko T.V. (2020) Supply and demand factors of the state and business on public and private partnership. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 126–132. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-126-132

Факторы развития государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) рассматривались неоднократно в работах отечественных исследователей, в том числе, до принятия основных законодательных актов в сфере ГЧП [6]. В последующих публикациях рассматривались такие вопросы, как общая проблематика развития данного механизма, специфика правового регулирования или проводился анализ факторов развития государственно-частного партнерства в отдельных отраслях [4; 5]. Однако тема не раскрыта полностью, а некоторые выводы нуждаются в дополнительном обосновании.

В работе [2, с. 78] делается вывод, что «ГЧП в сфере здравоохранения позволяют разделить риски с частным сектором, обеспечивая более точный прогноз итоговой стоимости проекта, а также более эффективно инвестировать средства налогоплательщиков», что не подтверждается выводами зарубежных исследователей. В развитие выводов, представленных в статье [3] о важности эффективной нормативно-правовой базы для развития ГЧП в России, в настоящей статье представлены данные, свидетельствующие об увеличении числа соглашений ГЧП, заключенных по инициативе частного инвестора после принятия этого закона в 2015 г. Кроме того, нами существенно расширены выводы автора, что во многих открытых источниках

© Тищенко Т.В., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

«раскрываются только интересы бизнеса, и что подобное заблуждение и приводит к низким темпам развития государственно-частного партнерства в России» [1, с. 116].

В качестве основной гипотезы принято предположение о существовании единых факторов, стимулирующих или ограничивающих интерес бизнеса и государства к участию в проектах ГЧП. Для анализа использовались теоретические методы исследования, включая системный анализ, методы обобщения. Источниками данных для исследования являются официальные сайты органов власти, включая сайт Российской Федерации для размещения информации о проведении торгов, публикации российских и зарубежных исследователей и экспертов.

Рассмотрим три категории факторов, влияющих на спрос и предложение государства и бизнеса на ГЧП.

1. Внешние факторы. Эти факторы оказывают влияние на все механизмы взаимодействия государства и бизнеса, включая ГЧП, аренду, приватизацию/продажу имущества, закупки. Эта группа факторов включает экономические факторы, такие как уровень экономического развития и конкуренции, инфляция, и финансовые факторы, такие как инфляция, развитость рыночных финансовых инструментов. Так, изменение в 2007 г. статуса Внешэкономбанка (ВЭБ) как финансового института развития, решил ряд проблем с предоставлением гарантий и страхованием рисков проектов ГЧП, а также доступность долгосрочных кредитов для финансирования проекта частными инвесторами. Экономические факторы являются в рассматриваемом контексте влияния на спрос первичными, а финансовые – вторичными, поскольку развитие финансовых инструментов происходит в ответ на позитивные изменения в экономических факторах. В этом случае именно рост спроса частного сектора на инвестиции и создает предложение со стороны финансового сектора.

Экономические факторы трудно поддаются эмпирической оценке их влияния на востребованность механизмов взаимодействия государства и бизнеса, не только в рамках ГЧП, но и аренду и продажу имущества. Определенные выводы можно сделать на основе сравнительного анализа участия частного сектора в торгах по аренде, продажи государственного имущества, и по контрактам ГЧП. Делается предположение, что благоприятная экономическая среда, оказывает положительное влияние на инвестиционную активность предприятий реального сектора, и, как следствие, спрос на объекты государственной собственности со стороны частного сектора. Анализ был проведен в период до 2015 г., включительно, и в период с 2016 г. до сентября 2020 г. Выбор 2-х временных периодов связан с необходимостью оценки влияния закона о ГЧП в 2015 г. и динамикой по объемам инвестиций в основные средства с наибольшим снижением, после кризиса 2009 г., в 2015 г. на 89,9 % к предыдущему году [10].

Для анализа были использованы данные, представленные на портале государственных закупок по количеству торгов, связанных с оборотом государственного имущества, включая:

- аренду, безвозмездное пользование, доверительное управление имуществом, иные договоры, предусматривающие передачу прав владения и пользования в отношении государственного и муниципального имущества (далее аренда);
- продажу государственного имущества (далее продажа имущества);
- государственно-частное партнерство [9].

Анализ данных выявил, что из общего количества торгов по объектам, предлагаемых в аренду до 2015 г. (17,3 тыс. ед.) и в период 2016–2020 гг. (35,2 тыс. ед.), признаны не состоявшимися по причине отсутствия допущенных участников 974 и 8140 конкурса соответственно, или 5,6 % и 23,1 % соответственно от общего количества торгов. Аналогичная ситуация и с продажей государственного имущества, где доля отмененных торгов из-за отсутствия участников, отвечающих квалификационным требованиям, составила 9,0 % для конкурсов, проведенных до 2015 г. и 31,6 % для конкурсов 2016–2020 гг. Таким образом, можно признать, что после 2015 г. интерес бизнеса к аренде и покупке государственного имущества, существенно снизился. В отношении ГЧП до 2015 г. компании реального сектора были допущены как участники во всех торгах, но в последующие 2015–2020 гг., торги по объектам ГЧП стали менее привлекательны для частного сектора, и доля несостоявшихся конкурсов по причине отсутствия допущенных участников составила 8,7 % от общего количества торгов. Таким образом, можно признать, что экономические факторы являются основным фактором спроса частного сектора на инвестиции, в том числе, осуществляемые в рамках ГЧП.

Институциональные факторы обеспечивают правовую и организационно-методологическую основу для реализации проектов ГЧП. Принятие пакета законов о ГЧП в 2015 г. определило основные принципы ГЧП, такие

как: открытость и доступность информации о проектах ГЧП, обеспечение конкуренции, справедливое распределение рисков и обязательств между сторонами; был существенно расширен перечень объектов ГЧП. Кроме рамочных законов о ГЧП и концессиях, следует отметить и принятие поправок в 2004–2005 гг. к Налоговому и Земельному Кодексам, предусматривающие создание дифференцированного механизма взимания платы за земельные участки, а также законодательство в отношении платных дорог, что также оказало стимулирующее влияние на спрос со стороны бизнеса на проекты ГЧП. К организационно-правовым факторам следует отнести разработку стандартизированных процедур и рамочных форм концессионных соглашений, апробированных на уже реализованных проектах, что позволило обеспечить баланс обязательств и прав участников проектов.

Институциональные факторы являются косвенными, которые снимают возражения или ограничения на использование механизма ГЧП, но напрямую не влияют на спрос и предложения со стороны государства и бизнеса.

Оценка влияния институциональных факторов на развитие ГЧП была сделана на основе анализа количества объектов государственной собственности, предлагаемых для использования бизнесом в период до 2015 г. и 2016–2020 гг. По результатам анализа были сделаны выводы, что совершенствование нормативно-правовой основы и формирование других инструментов в сфере ГЧП, снимающих институциональные ограничения, не оказало существенного влияния на изменение структуры договорных отношений государства и частного сектора. До 2015 г. из общего количества объектов, предлагаемых бизнесу (27,6 тыс. ед.) для аренды было выставлено 17,3 тыс. ед. и для продажи 32,3 тыс. ед., в то время как для ГЧП всего 280 ед. (1,0 % в общем объеме объектов). В период 2016–2020 гг. увеличилась доля объектов, предлагаемых для продажи, из общего объема объектов 85,7 тыс. ед., на торги для продажи имущества было выставлено 49,2 тыс. ед. или около 57 % общего количества объектов, в то время как в аренду предлагалось 32,3 тыс. ед. объектов, для ГЧП предлагалось 1,4 тыс. ед. или 1,6 % в совокупном объеме объектов, предлагаемых в аренду, для продажи, ГЧП.

Однако нельзя преуменьшать значимость институциональных факторов, которые по сути являются «катализатором» развития ГЧП, поскольку их влияние в большей мере проявляется в ситуациях неработающих экономических факторов. Этот тезис подтверждается и практикой реализации ГЧП до 2015 г., которая показала, что в отсутствие эффективных инструментов обеспечения обязательств частного партнера, государство вынуждено было компенсировать все риски завершения проекта за счет собственных средств, таким образом, все преимущества ГЧП для государства нивелировались. Повышение качества институциональной среды позволило существенно снизить риски частного бизнеса и государства при реализации ГЧП-проектов. Как следствие, если до 2015 г. не было объявлено ни одного конкурса по предложению инвестора, то в 2016–2020 гг. из общего количества конкурсов 7 587 ед., были признаны завершенными по предложению инвесторов 2 072 конкурса. Кроме того, развитие институциональной основы оказало влияние и на другие финансовые и экономические инструменты, влияющие на результативность ГЧП, например, страхование, гарантии, кредиты.

Управляемые факторы, или внутренние, определяют предложения государства на проекты ГЧП, реализуемые для предоставления общественно-значимых услуг или выполнения других полномочий/функций органов государственной власти. Государство устанавливает, какими механизмами/инструментами эти услуги и функции будут осуществляться, и в данном контексте, именно государство формирует предложение на ГЧП. К управляемым факторам относят бюджетные ограничения и баланс преимуществ/рисков альтернативных механизмов взаимодействия государства и бизнеса.

Бюджетные ограничения считают основным фактором, снижающим выгоды ГЧП для государства. Принимая обязательства по софинансированию проектов ГЧП государство должно учитывать не только видимые последствия, такие как рост дефицита бюджета, но долговременный характер обязательств на срок до 30 лет и более, и тот факт, что достоверная оценка бюджетных рисков, связанных с исполнением обязательств, не всегда возможна. Страхуя долгосрочные риски, государство отказывается брать на себя обязательства по финансированию большого количества проектов ГЧП с отложенными платежами, так как в результате дефицит бюджета может возрасти до такого уровня, что ни один проект не будет закончен, как раз по причине отсутствия бюджетных средств в нужном объеме. В то же время, бюджетные обязательства повышают привлекательности ГЧП со стороны частного партнера, тем самым государство компенсирует негативное воздействие экономических факторов за счет финансирования расходов по проекту. В этом контексте следует признать наличие факторов, снижающих или повышающих интерес государства к развитию ГЧП, однако, в разной степени влияния в зависимости от отрасли и уровней государственного управления.

По разделу «дорожное хозяйство» расходы региональных бюджетов по концессионным платежам составили (максимальное и минимальное значение в 2016–2019 гг. в процентах от общего объема расходов по данному разделу ФКР): г. Санкт-Петербург от 0,8 до 2,3 %, Удмуртская Республика от 3,4 до 13,4 %, Хабаровский Край от 2,9 до 54,6 %, Республика Башкортостан: от 4,8 до 6,0 %, Пермский край от 2,3 до 16,3 %, Новосибирская область от 2,4 до 8,0 % [8]. По разделу «жилищно-коммунальное хозяйство» расходы бюджетов субъектов РФ по концессионным платежам в каждом году в период 2016–2019 гг. не превысили 300 млн руб. и не оказали влияния на структуру бюджетных расходов. Исключением стал Ямало-Ненецкий АО, из бюджета которого в 2019 г. были осуществлены платежи по концессионным соглашениям в объеме 1,4 млрд руб., что составляет 3,2 % от общего объема расходов по этому разделу.

Таким образом, фактор бюджетных ограничений наиболее значим в отрасли дорожного хозяйства и для регионов, которые принимают «повышенные» обязательства по финансированию ГЧП-проектов. К таким регионам, по данным расчета, приведенного выше, можно отнести Хабаровский край, дефицит бюджета которого в 2019 г. составил 3,9 млрд руб., а расходы по концессионным платежам только по разделу «дорожное хозяйство» – 7,9 млрд руб.

По объемам бюджетных инвестиций, направляемых из бюджетов субнационального уровня по концессионным соглашениям, отмечается, что значительная часть проектов финансируется из региональных бюджетов; их доля составила 92,5 % в общем объеме бюджетных инвестиций консолидированных бюджетов субъектов РФ. Для местных органов власти бюджетные ограничения являются значимым фактором баланса спроса и предложения для развития муниципальных проектов ГЧП в секторе жилищно-коммунального хозяйства. Расходы бюджетов городских округов по концессионным соглашениям на инвестиции в коммунальное хозяйство составляют, в среднем, около 80 % в общем объеме расходов городских округов по разделу «жилищно-коммунальное хозяйство» [9]. Таким образом, рост дефицита бюджета городских округов, приведет к необходимости сжатия расходов, что снизит возможность для софинансирования проектов ГЧП.

Кроме бюджетных ограничений, к управленческим факторам, влияющим на предложение государства на проекты ГЧП, следует отнести и наличие альтернативных механизмов взаимодействия с бизнесом, баланс преимуществ и рисков закупок, аренды и продажи государственного имущества в сравнение с ГЧП.

Анализ преимуществ и недостатков ГЧП в сравнение с традиционными закупками или с бюджетным финансированием предоставления общественно-значимых услуг, выявил диаметрально противоположные мнения относительно эффективности данного механизма в сравнение с другими механизмами взаимодействия государства и бизнеса. В исследовании [11] делается вывод, что ГЧП является дорогим и не эффективным способом финансирования инфраструктуры и предоставления услуг, используется для защиты частных корпоративных интересов. Бизнес забирает наиболее рентабельные типы объектов и виды услуг, обеспечивая постоянный долгосрочный источник доходов за счет платежей из бюджета или от потребителей услуг. Например, в Европе за счет ГЧП финансируются платные дороги на существующих загруженных магистралях, но частный бизнес не готов инвестировать в дороги в сельской местности с низким трафиком.

В работе [13] говорится, что сложно найти научные доказательства, что ГЧП является более эффективным механизмом, чем традиционное финансирование в отрасли здравоохранения. Это связано с тем, что частные и государственные учреждения здравоохранения подчиняются единым правилам в отношении доступа пациентов, ведения больных и соблюдения стандартов оказания медицинской помощи. Наличие единых тарифов не позволяет оценить различия в затратах, а отсутствие достоверных оценок результатов лечения невозможно оценить и различия в эффективности ГЧП относительно традиционных механизмов финансирования. Вывод сделан на основе анализа опыта финансирования за счет государства (страны Европы) общественных услуг, предоставляемых частными некоммерческими и коммерческими больницами, специалистами, аптеками, скорой помощью, и другими, с различными типами контрактов и соглашений.

В руководстве Министерства финансов Северной Ирландии [14] указано, что ГЧП является одним из видов закупки. Для оценки выгод используется метод наиболее выгодного сочетания стоимости, качества и устойчивости для удовлетворения требований клиентов (VFM). Стоимость учитывают на протяжении всего срока эксплуатации объекта, а устойчивость означает экономические, социальные и экологические выгоды с точки зрения соответствия целям правительства. Большая часть инвестиций осуществляют традиционным методом закупки, ГЧП применяют исключительно для обеспечения эксплуатации объекта

на протяжении всего срока использования (контракт жизненного цикла) при объемах инвестиций не менее 50 млн фунтов стерлингов по каждому объекту.

В работе [12] отмечается несомненное преимущество ГЧП, основанных также на контрактах жизненного цикла по сравнению с государственными закупками в Австралии. Было выявлено, что по заключенным контрактам ГЧП на 4,9 млрд долл. США перерасход затрат составил всего 58 млн долл. США, в то время как по проектам традиционных закупок на 4,5 млрд долл. США перерасход за это же период составил 637 млн. долл. США срока строительства, в частности, увеличение фактического срока сдачи объекта относительно плановых. По ГЧП проектам отмечалось, что сдача объекта произошла в более ранние сроки, чем было установлено соглашением на 3,4 % случаев, в то время как традиционные контракты были сданы с опозданием 23,5 %, что можно считать статистически значимым результатом. Отмечалось, что большинство сданных раньше срока объектов ГЧП были небольшими по объему финансирования, в то время как задержка с вводом традиционных проектов не зависела от его стоимости.

Кроме того, в рамках традиционных контрактных отношений, государство может передать часть функций на аутсорсинг частному бизнесу вне ГЧП, или не осуществлять строительство объекта в рамках ГЧП, а заключить контракт на аренду объекта у частного собственника, и осуществлять эксплуатацию этого объекта для оказания услуг или выполнения функций. Примерами таких контрактов является здание больницы, построенное за счет частного инвестора, и предоставлено в аренду государству для предоставления медицинских услуг. В рамках арендного соглашения, частный сектор как арендодатель обеспечивает техническое обслуживание здания. Оценить преимущества таких контрактов в сравнение с ГЧП в России, не представляется возможным, выгоды и риски зависят от отрасли и конкретных условий контракта на аренду или аутсорсинг.

В отношении предоставления государственного имущества для использования частным сектором преимуществ ГЧП для государства также неочевидны. Как и в рамках ГЧП, так и при передаче активов в аренду, государство может снизить бюджетные расходы на управление и содержание имущества, переложив их на частного партнера, без необходимости выделения средств из бюджета. Плюсом такой передачи, в сравнение с продажей, является сохранение контроля над объектом, когда концессионер не может изменить назначение объекта, что обеспечивает доступность общественных услуг, и экономия расходов на эксплуатацию объекта. Однако, в условиях снижения интереса частных инвесторов к аренде и покупке государственного имущества после 2015 г., государство стало более заинтересовано в передаче неиспользуемого имущества в концессию. Возможно, что этим и объясняется, что в концессию стали передавать бани стадионы, парки, и прочие объекты, не характерные для традиционных инфраструктурных проектов ГЧП.

Преимущества ГЧП по сравнению с приватизацией зависят от условий соглашений. В случае приватизации государство полностью теряет контроль над имуществом и его использованием, в то время как частный сектор в ГЧП ограничен в праве изменять назначение объекта и виды оказываемых услуг, большинство из которых относятся к общественно-значимым. В отличие от приватизации, когда в бюджет поступает единовременный платеж, при реализации проектов ГЧП бюджеты могут иметь постоянный источник доходов от управления объектом концессии, если это предусмотрено условиями соглашений.

В ближайшей перспективе следует ожидать существенного сокращения объемов частного и государственного софинансирования капиталоемких инфраструктурных проектов, реализуемых на основе ГЧП. Спрос со стороны частного сектора на ГЧП будет низким из-за возможной рецессии. По мнению Всемирного банка, даже при предстоящем положительном росте валового внутреннего продукта в 2021 г. темпы роста в 2022 г. едва достигнут уровней, отмечавшихся до пандемии Covid-19. Компенсировать снижение инвестиций частного сектора в ГЧП за счет бюджетного софинансирования невозможно из-за налагаемых бюджетных ограничений. По прогнозам Мирового банка в 2020–2022 гг. консолидированный бюджет Российской Федерации будет сведен с дефицитом в размере 7,2 %, 1,6 % и 0,5 % валового внутреннего продукта, соответственно [7]. Переломить ситуацию и увеличить объемы финансирования ГЧП можно посредством привлечения иностранных инвестиций, однако для этого необходимо изменить институциональные факторы ГЧП, но и при этом, вряд ли можно ожидать быстрого, в течение следующих 3-х лет, эффекта от таких изменений.

Библиографический список

1. Астафьева, О. Е., Диких, В. А. Возможности привлечения инвестиций и распределения рисков при реализации проектов с использованием механизма государственно-частного партнерства // Вестник университета. – 2017. – № 2. – С. 114-119.
2. Дабагян, Е. К. Факторы и современные тенденции развития ГЧП в здравоохранении на примере зарубежного опыта // Человеческий капитал и профессиональное образование. – 2016. – № 2. – С. 75-78.
3. Зубаха, П. А. Совершенствование законодательства в сфере государственно-частного партнерства // Вестник университета. – 2017. – № 10. – С. 16-21.
4. Поспелов, С. В. Специфика правового регулирования механизмов формирования государственно-частных партнерств в Российской Федерации // Вестник университета. – 2017. – № 1. – С. 14-18.
5. Пухова, М. М. Особенности согласования интересов публичных или частных партнеров при реализации проектов государственно-частного партнерства при выполнении государственного оборонного заказа // Самоуправление. Вольное экономическое общество. – 2020. – № 3. – С. 366-369.
6. Фёдорова, Е. А., Довженко, С. Е., Гурина, В. А. Анализ факторов, влияющих на эффективность государственно-частного партнерства в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2013. – № 13. – С. 2-15.
7. Доклад об экономике России // Всемирный банк в России. – 2020. – Вып. 43 (6 июля) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rer> (дата обращения 13.10.2020).
8. Информация об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ // Федеральное Казначейство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения 03.11.2020).
9. Официальный сайт Российской Федерации для размещения информации о проведении торгов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.torgi.gov.ru/lotSearch1.html?bidKindId=6>. (дата обращения 15.10.2020).
10. Официальный сайт Росстата. Инвестиции в основной капитал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения 10.10.2020).
11. Hall, D. Why public-private partnership don't work. The many advantages of the public alternative // Public Services International Research Unit First. University of Greenwich, UK. – Latest update February. – 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.world-psi.org/sites/default/> (дата обращения: 13.10.2020).
12. Lee, H., Kim, K. Traditional procurement versus public-private partnership: a comparison of procurement modalities focusing on bundling contract effects / Asian Development Bank // ADB Economics Working Paper. – Series No. 560. – September 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adb.org/publications/traditional-procurement-versus-ppp> (дата обращения: 19.10.2020).
13. Marušič, D. From Outsourcing to Public-Private Partnership. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aacihhealthcare.com/blog/from-outsourcing-to-public-private-partnership/> (дата обращения: 09.11.2020).
14. The Department of Finance website / Procurement issues including conventional and PFI/PPP procurement [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finance-ni.gov.uk/articles/public-private-partnerships-ppp-projects-and-procurement-issues#toc-0> (дата обращения: 02.11.2020).

References

1. Astaf'eva O. E., Dikikh V.A. Vozmozhnosti privlecheniya investitsii i raspredeleniya riskov pri realizatsii proektov s ispol'zovaniem mekhanizma gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [*Opportunities for attracting investments and sharing risks when implementing projects using the mechanism of public-private partnership*]. Vestnik Universiteta, 2017, no. 2, pp. 114-119.
2. Dabagyan E. K. Faktory i sovremennyye tendentsii razvitiya GChP v zdravookhranении na primere zarubezhnogo opyta [*Factors and current trends in the development of PPP in healthcare on the example of foreign experience*]. Chelovecheskii kapital i professional'noe obrazovanie [*Human Capital and Professional Education*], 2016, no. 2, pp. 75-78.
3. Zubakha P. A. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva v sfere gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [*Improvement of legislation in the field of public-private partnership*]. Vestnik Universiteta, 2017, no. 10, pp. 16-21.
4. Pospelov S.V. Spetsifika pravovogo regulirovaniya mekhanizmov formirovaniya gosudarstvenno-chastnykh partnerstv v Rossiiskoi Federatsii [*Specificity of legal regulation of mechanisms for the formation of public-private partnerships in the Russian Federation*]. Vestnik Universiteta, 2017, no. 1, pp. 14-18.
5. Puhova M. M. Osobennosti soglasovaniya interesov publicznykh ili chastnykh partnerov pri realizatsii proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva pri vypolnenii gosudarstvennogo oboronnoogo zakaza [*Features of the coordination of the interests*

- of public or private partners in the implementation of public-private partnership projects in the implementation of a state defense order*]. Samoupravlenie. Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo, 2020, no. 3, pp. 366-369.
6. Fedorova E. A., Dovzhenko S. E., Gurina V. A. Analiz faktorov, vliyayushchikh na effektivnost' gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii [*Analysis of factors affecting the efficiency of public-private partnership in Russia*]. Finansovaya analitika: problemy i resheniya [*Financial Analytics: Science and Experience*], 2013, no. 13, pp. 2-15.
  7. Doklad ob ekonomike Rossii [*Report on the Russian Economy*]. Vsemirnyi bank v Rossii [*The World Bank in Russia*], 2020, issue 43 (July 6). Available at: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rer> (accessed 13.10.2020).
  8. Informatsiya ob ispolnenii konsolidirovannykh byudzhetrov sub"ektov RF [*Information about the execution of the consolidated budgets of the RF subjects*]. Federal'noe Kaznacheistvo [*The Federal Treasury*]. Available at: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (accessed 03.11.2020).
  9. Ofitsial'nyi sait Rossiiskoi Federatsii dlya razmeshcheniya informatsii o provedenii torgov [*Official website of the Russian Federation for posting information on bidding*]. Available at: <https://www.torgi.gov.ru/lotSearch1.html?bidKindId=6> (accessed 15.10.2020).
  10. Ofitsial'nyi sait Rosstat. Investitsii v osnovnoi kapital [*Official site of Rosstat. Fixed capital investments*]. Available at: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (accessed 10.10.2020).
  11. Hall D. Why public-private partnership don't work. The many advantages of the public alternative. Public Services International Research Unit First. University of Greenwich, UK, Latest update February, 2015. Available at: <http://www.world-psi.org/sites/default/> (accessed 13.10.2020).
  12. Marušič D. From outsourcing to public-private partnership. Available at: <https://aacihealthcare.com/blog/from-outsourcing-to-public-private-partnership/> (accessed 09.10.2020).
  13. Lee H., Kim K. Traditional procurement versus public-private partnership: A comparison of procurement modalities focusing on bundling contract effects. Asian Development Bank, ADB, Economics Working Paper, Series No. 560, September, 2018. Available at: <https://www.adb.org/publications/traditional-procurement-versus-ppp> (accessed 19.11.2020).
  14. The Department of Finance website / Procurement issues including conventional and PFI/PPP procurement. Available at: <https://www.finance-ni.gov.uk/articles/public-private-partnerships-ppp-projects-and-procurement-issues#toc-0> (accessed 20.11.2020).

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

УДК 338.245.4 JEL G31

DOI 10.26425/1816-4277-2020-12-133-138

**Бекишов Талантбек
Шабданбекович**

Адъюнкт, ФГКВОУ ВО «Военный университет Министерства обороны Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-3286-9344

e-mail: talant87@list.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В статье выполнен аналитический обзор по вопросам преобразований в государственном устройстве Кыргызской Республики и ее военной организации. Военная реформа рассмотрена как необходимая составная часть политических и социально-экономических реформ, одно из определяющих условий их успеха, действенный фактор обеспечения обороны и безопасности Кыргызстана, его активной и конструктивной роли в современном мире. Отмечена необходимость, с точки зрения оборонных интересов Кыргызстана, в разработке и принятии принципиально новых методов организации финансового обеспечения Вооруженных Сил Кыргызской Республики. При этом создаваемый механизм организации должен быть нацелен, прежде всего, на оптимизацию размеров и структуры Вооруженных Сил, их соответствие финансово-экономическим, научно-техническим и иным возможностям страны обеспечить ее военную безопасность с наименьшими затратами ресурсов.

Ключевые слова: Вооруженные Силы, Кыргызская Республика, организация, подходы, реформы, структура, финансовое обеспечение, центр финансового обеспечения

Для цитирования: Бекишов Т.Ш. Современные подходы к организации финансового обеспечения вооруженных сил Кыргызской Республики//Вестник университета. 2020. № 12. С. 133–138.

Talantbek Sh. Bekishov

Postgraduate officer, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3286-9344

e-mail: talant87@list.ru

MODERN APPROACHES TO THE ORGANIZATION OF FINANCIAL SUPPLY OF THE ARMED FORCES OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Abstract. The article performs an analytical review on the issues of reforms in the state structure of the Kyrgyz Republic and its military organization. The paper considers military reform as a necessary component of political and socio-economic reforms, one of the determining conditions for their success, an effective factor in ensuring the defense and security of Kyrgyzstan, its active and constructive role in the modern world. The author notes the necessity, from the point of view of the defense interests of Kyrgyzstan, in the development and adoption of fundamentally new methods of organizing the financial support of the Armed Forces of the Kyrgyz Republic. At the same time, the created mechanism of the organization should be aimed, first of all, at optimizing the size and structure of the Armed Forces, their compliance with the financial, economic, scientific, technical and other capabilities of the country to ensure its military security with the least expenditure of resources.

Keywords: approaches, Armed Forces, Kyrgyz Republic, financial support, financial support center, organization, reforms, structure

For citation: Bekishov T.Sh. (2020) Modern approaches to the organization of financial supply of the armed forces of the Kyrgyz Republic. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 133–138. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-133-138

Кыргызская Республика (Кыргызстан) – суверенное, демократическое, правовое, светское, унитарное, социальное государство.

Кыргызстан претерпевает модернизацию, чтобы обрести международный авторитет и занять достойное место в мировом сообществе, также войти в систему мировых хозяйственных связей через реструктуризацию своей внутренней политической жизни, управления и системы управления, удовлетворение и реализацию социально-экономических потребностей своего народа, сохранение и укрепление суверенитета

© Бекишов Т.Ш., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

и целостности государства. Этот процесс сопровождается положительными и отрицательными изменениями во внешней и внутренней среде.

Конституцией Кыргызской Республики вопросы оборонной деятельности и связанные с ней вопросы отнесены к исключительной компетенции Кыргызской Республики. В целях обороны с применением средств вооруженной борьбы создаются Вооруженные Силы Кыргызской Республики (далее – Вооруженные Силы) – государственная военная организация, составляющая основу обороны Кыргызской Республики. Вооруженные Силы предназначены для обеспечения надежной защиты государственного суверенитета, территориальной целостности, конституционного строя, общества и граждан Кыргызской Республики и выполнения обязательств в соответствии с международными договорами.

При этом для обеспечения обороноспособности и военной безопасности государства средства из бюджета выделяются Государственному комитету по делам обороны Кыргызской Республики (далее – ГКДО), другим государственным органам в соответствии со стоящими перед ними задачами с учетом экономических возможностей государства. Вместе с тем в соответствии с законом Кыргызской Республики «Об обороне и Вооруженных Сил Кыргызской Республики», финансирование оборонной деятельности государства обеспечивается за счет средств республиканского бюджета [1].

Помимо средств бюджета, выделяемых на содержание государственных органов, участвующих в обеспечении обороноспособности страны, дополнительным источником финансирования выступают внебюджетные средства.

Внебюджетными источниками финансирования расходов на оборону могут быть поступления от законодательно установленных приносящих доходы видов деятельности (оказание платных услуг, сдача имущества и объектов недвижимости в аренду, сдача отходов лома черных и цветных металлов) [6].

Главной целью финансового обеспечения является своевременное и полное удовлетворение потребностей военной организации, Вооруженных Сил и других воинских формирований в финансовых средствах, материально-технических ресурсах, вооружении и военной технике и создание условий для поддержания оборонного потенциала на уровне оборонной достаточности [3; 4].

Вместе с тем выделение средств на оборону из республиканского бюджета, представляющего собой общегосударственный денежный фонд, является сложным распределительным процессом, в результате которого образуется большое количество фондов различного целевого назначения. Использование фондов денежных средств – это, прежде всего продолжение распределительного процесса в виде дробления фондов, формирования фондов более узкого назначения. При этом, не всегда происходит образование новых целевых фондов, а внутри фонда продолжается распределительный процесс, связанный с распределением денежных средств на более конкретные цели [5].

Кроме этого, увеличивая или уменьшая общий объем ассигнований на оборону, можно стимулировать или ограничить развитие Вооруженных Сил, а также того или иного вида Вооруженных Сил, рода войск [2].

Основным в деятельности сотрудников финансовых органов от центрального аппарата до воинской части является обеспечение целевого, экономного и рационального использования средств, выделяемых на оборону государства, а также минимизация финансовых нарушений. В Государственном комитете по делам обороны Кыргызской Республики постоянно анализируются структура финансовой службы Вооруженных Сил и ее деятельность по финансовому обеспечению войск, затраты на содержание Вооруженных Сил, рассматривается и изучается опыт финансового обеспечения вооруженных сил других стран.

С 2018 г. в Государственном комитете по делам обороны Кыргызской Республики начата трансформация структуры финансовой службы Вооруженных Сил посредством централизации финансового обеспечения ряда оперативных командований, которая продолжается и в настоящее время.

В результате упразднены финансовые органы соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил (далее – воинские части). В оперативных командованиях созданы и функционируют центральные финансовые органы.

Для обеспечения правовой основы функционирования финансовой деятельности оперативных командований:

– изданы приказы об утверждении Положения о центральных финансовых органах оперативного командования; об учетной политике; по организации финансового планирования; по организации государственных закупок и закупок за счет собственных средств;

- получен целый ряд необходимых регистрационных документов, установленный в законодательстве Кыргызской Республики, для осуществления казначейского и банковского обслуживания;
- оформлены и выданы банковские корпоративные дебетовые карточки (для обеспечения экстренно возникающих хозяйственных нужд и для обеспечения положенными выплатами личного состава, у которых временно отсутствуют карт-счета).

В настоящее время финансирование повседневной деятельности, боевой подготовки, а также мобилизационной готовности войск и обеспечение денежным довольствием военнослужащих подчиненных воинских частей и соединений оперативного командования осуществляется из центра финансового обеспечения.

Центр финансового обеспечения предназначено для:

- централизованного финансового обеспечения мероприятий по оперативной, боевой и мобилизационной подготовке, хозяйственных и культурно-бытовых нужд воинских частей как в мирное, так и в военное время;
- организации взаимодействия по финансово-экономическим вопросам с должностными лицами ГКДО, Вооруженных Сил и иных государственных организаций;
- осуществления финансового планирования и обеспечения потребностей воинских частей в денежных средствах;
- организации финансового учета, составления и представления финансовой, статистической, налоговой и иной отчетности в соответствии с законодательством Кыргызской Республики;
- методического руководства финансовой деятельностью в соответствующих командованиях;
- финансового регулирования закупок;
- обеспечения личного состава денежным довольствием, заработной платой и иными выплатами;
- осуществления внутреннего финансового контроля, проверки сметно-плановых, договорных и расчетных документов в процессе финансового планирования, расходования выделенных денежных средств, последующего контроля за ранее произведенными начислениями личному составу денежного довольствия, заработной платы и иных выплат;
- принятия мер по предупреждению недостач, незаконного расходования денежных средств, а также контроля за своевременным возмещением вреда, устранением нарушений и недостатков, установленных в ходе проверок финансово-хозяйственной деятельности;
- проведения экономического анализа расходования денежных средств, сверок взаиморасчетов с организациями, учреждениями, предприятиями за приобретение товаров (работ, услуг);
- осуществления административных процедур по вопросам, относящимся к компетенции финансово-экономического управления.

Для обмена документами между центром финансового обеспечения и воинскими частями организована защищенная локальная VPN сеть на базе существующей телефонной сети. Ответственные должностные лица воинских частей в соответствии с графиком документооборота (приложение к учетной политике) направляют в центр финансового обеспечения документы (выписки из приказов, табеля учета рабочего времени, акты и т. п.), необходимые для начисления денежного довольствия, заработной платы и других выплат личному составу. Это позволяет значительно сократить время на их доставку и оперативно производить начисления положенных выплат личному составу.

Подготовка справок по финансовым вопросам осуществляется на основании устных заявлений граждан или поступивших в центр финансового обеспечения на электронный адрес. Оформленные справки высылаются по почте на адрес, указанный в заявлении. Кроме того, справку можно получить на руки в центре финансового обеспечения.

Очередным этапом в совершенствовании и развитии финансовой системы Вооруженных Сил Кыргызской Республики стало внедрение в финансовых органах Вооруженных Сил электронного документооборота.

Внедрение электронного документооборота позволило:

- упростить и ускорить рассылку документов между воинскими частями и центром финансового обеспечения;
- осуществлять быстрый и удобный поиск зарегистрированных документов по различным реквизитам;
- автоматизировать передачу документов внутри по локальной сети, что значительно упростило обмен

информацией и взаимодействием между должностными лицами центра финансового обеспечения, канцелярии и отдела кадров, а также значительно сократило время на доведение документов до исполнителей;

- снизить до минимума количество бумажных документов;
- повысить оперативность контроля за исполнительской дисциплиной.

Кроме этого, обеспечение военнослужащих и гражданского персонала денежным довольствием, заработной платой и иными выплатами осуществляется централизованно путем зачисления денежных средств на карт-счета, открытые личному составу в едином подразделении ОАО «РСК Банк». Реализация указанного мероприятия исключает необходимость переоформления банковских карточек при переводе военнослужащего (работника) к новому месту военной службы (работы), в том числе в другие населенные пункты. Тем самым, военнослужащий не отвлекается от мероприятий повседневной деятельности для посещения учреждения банка, в том числе уменьшается его отрыв от занятий по боевой подготовке.

До настоящего времени в Вооруженных Силах Кыргызской Республики доведение расчетных листков до военнослужащих и гражданского персонала осуществлялось финансовыми органами на бумажных носителях.

В условиях развития информационных технологий совершенствуется порядок доведения до военнослужащих и гражданского персонала расчетных листков в электронном виде с использованием программно-технической инфраструктуры и систем дистанционного банковского обслуживания (далее – «интернет-банкинг») посредством их размещения в информационных окнах (сообщениях) счетов клиентов, к которым осуществляется выдача банковских платежных карточек.

Государственным комитетом по делам обороны Кыргызской Республики совместно с ОАО «РСК Банк» принято решение о рассылке в системе «интернет-банкинг» сообщений с содержанием расчетных листков, доступ к данным которых будут иметь только владельцы банковских платежных карточек. Размещение сообщения в виде расчетного листка осуществляется с помощью передачи финансовым органом исходного файла, созданного в программном комплексе, посредством каналов программного комплекса «Клиент-банк (web)».

Доведение сведений о причитающихся выплатах посредством интернет-банкинга позволяет сократить время на формирование и выдачу расчетных листков; уменьшить расходы на подготовку расчетных листков в бумажном варианте (ранее более 40 тысяч расчетных листков ежемесячно необходимо было печатать на бумажных носителях); ускорить способ доставки расчетных листков до получателей, что актуально в условиях централизации финансового обеспечения войск; сохранить конфиденциальность информации о размерах и видах выплат каждого военнослужащего (работника).

Принято решение об эмиссии платежных банковских карт с индивидуальным дизайном «Вооруженные Силы» и по подключению к данной карте определенного набора сервисов, скидок и бонусов. Покупая товары, оплачивая услуги в организациях подведомственных Государственному комитету по делам обороны Кыргызской Республики, военнослужащие так же будут пользоваться определенными скидками.

Для оперативности решения вопросов связанных с оплатой различных услуг, возвратов авансов на командировочные расходы и других платежей центре финансового обеспечения подключено в едином расчетном информационном пространстве Кыргызской Республики (ЕРИП) к автоматизированной информационной системе «Расчет» (далее – АИС «Расчет»).

С использованием АИС «Расчет» имеется возможность оплачивать услуги и производить возвраты. Например, возврат излишне выплаченных сумм, аванса на командировки, возврат от держателя дебетовой карты, за личные телефонные переговоры, услуг общежития, возмещение средств за обучение, оплата за выданную трудовую книжку, аренду объектов недвижимости, водительскую комиссию, медицинские услуги и игру оркестра и многое другое.

В результате проведенных мероприятий по централизации финансовых органов повысилась эффективность управленческих решений должностными лицами, а также сократилось время, необходимое для подготовки и исполнения различных документов и финансово-хозяйственных операций. Из процесса планирования и истребования ассигнований исключены ряд звеньев. В ходе исполнения бюджетной сметы Государственного комитета по делам обороны Кыргызской Республики, к примеру, весь процесс рассмотрения документов воинской части и их оплаты выполняется одним должностным лицом финансового управления, в обязанности которого входит исполнение функций по данному направлению (раньше были задействованы все начальники финансовых служб воинских частей).

Результаты централизации финансового обеспечения оперативного командования позволили:

- создать оптимальную структуру финансовой службы, с точки зрения управляемости;
- содержать численность финансовых работников сопоставимую со служебной нагрузкой;
- снизить затраты на содержание войск в связи с оптимизацией количества личного состава финансовой службы;
- закрепить за финансовыми работниками центра финансового обеспечения узкоспециальные участки работы, повысить уровень контроля за подчиненным личным составом. Это привело к росту производительности труда финансовых работников в полтора раза, позволило повысить качество финансового обеспечения и уменьшить количество финансовых нарушений;

Справочно: по результатам первого проведенного мониторинга нарушения в области оплаты труда сократились в среднем на 30–40 %.

- сократить финансовую, статистическую, налоговую отчетность и иную служебную переписку;
- исключить функции руководства и организации финансовой деятельности с командиров воинских частей и перераспределить их служебное время в интересах боевой, мобилизационной и оперативной подготовки, а с отдельных должностных лиц воинской части – функции по организации закупок.

Отметим, что до оптимизации для осуществления закупок в интересах механизированной бригады было задействовано до 15 человек – в настоящее время вопросами закупок в воинской части не занимаются.

Кроме того, с командиров подразделений сняты функции по выплате денежного довольствия военнослужащим срочной военной службы (все выплаты зачисляются на карт-счета).

Организация закупок на поставку товаров (работ, услуг), заключение договоров и оплата по ним осуществляются также централизованно должностными лицами созданных в оперативных командованиях отделов закупок. Основными задачами должностных лиц отдела закупок являются: планирование закупок, организация и проведение процедур закупок, заключение договоров и контроль за их исполнением.

Централизация закупок для обеспечения воинских частей позволила:

- сократить количество договоров поставки товаров (работ, услуг) (более чем в 5 раз);
- минимизировать количество нарушений при организации закупок (за счет уменьшения количества должностных лиц, участвующих в организации и осуществлении закупок) и, как следствие, снизить коррупционные риски;
- объединять закупки однородных товаров и за счет снижения цены экономить государственные средства.

Вопросами закупок товаров и услуг стали заниматься профессионалы, что позволило силами отдела закупок проводить более глубокий анализ товарных рынков. Как результат – в среднем до 40 % экономии государственных средств за счет заключения договоров с непосредственными производителями и официальными дистрибьюторами товаров (работ, услуг).

Кроме этого, проведенные в течение 2020 г. рабочие встречи с представителями финансовых органов Вооруженных Сил Российской Федерации, Республики Казахстан показали, что одним из вопросов, к которому проявляли интерес зарубежные коллеги, являлась централизация системы финансового обеспечения Вооруженных Сил Кыргызской Республики. Это в очередной раз подтверждает правильность проводимой реформы финансовой системы Вооруженных Сил Кыргызской Республики.

Таким образом, цели, которые определялись в самом начале мероприятий по совершенствованию системы финансового обеспечения Вооруженных Сил, и способы их реализации были выбраны верно. Система финансового обеспечения, структура и численность специалистов финансовой службы Вооруженных Сил способна обеспечить выполнение задач по предназначению.

Библиографический список

1. Закон Кыргызской Республики «Об обороне и Вооруженных Силах Кыргызской Республики» от 24 июля 2009 г. № 242 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202668> (дата обращения: 25.09.2020).
2. Викулов, С. Ф. Экономика военного строительства: эволюция взглядов на проблемы, методы, решения. – М.: Издательская группа «Граница», 2013. – 458 с.
3. Закутнев, С. Е. Финансы Вооруженных Сил. Часть 2: учебное пособие. М.: ВУ, 2015. – 256 с.
4. Левчаев, П. А. Финансы организаций: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2010. – 304 с.

5. Смирнов, М. К. Сущность и функции финансов Вооруженных Сил: Лекция. – М.: ВФЭФ, 1997. – 18 с.
6. Финансовое обеспечение военного строительства в Российской Федерации: современная организация и перспективы развития: монография. – М.: ВУ, 2018. – 158 с.

References

1. Zakon Kyrgyzskoi Respubliki “Ob oborone i Vooruzhennykh Silakh Kyrgyzskoi Respubliki” ot 24 iyulya 2009 g. № 242 [*Law of the Kyrgyz Republic “On Defense and Armed Forces of the Kyrgyz Republic” No. 242 dated on July 24, 2009*]. Available at: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202668> (accessed 25.09.2020).
2. Vikulov S. F. *Ekonomika voennogo stroitel'stva: evolyutsiya vzglyadov na problemy, metody, resheniya* [*The economy of military construction: the evolution of views on problems, methods, solutions*]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa “Granitsa”, 2013, 458 p.
3. Zakutnev S. E. *Finansy Vooruzhennykh Sil. Chast' 2: uchebnoe posobie* [*Finances of the Armed Forces. Part 2: tutorial*]. Moscow, VU, 2015, 256 p.
4. Levchaev P. A. *Finansy organizatsii: uchebnik* [*Finances of organizations: textbook*], 2-e izd. pererab. i dop. Saransk, Mordov. kn. izd-vo, 2010, 304 p.
5. Smirnov M. K. *Sushchnost' i funktsii finansov Vooruzhennykh Sil: Lektsiya* [*The essence and functions of the finance of the Armed Forces: Lecture*]. Moscow, VFEF, 1997, 18 p.
6. *Finansovoe obespechenie voennogo stroitel'stva v Rossiiskoi Federatsii: sovremennaya organizatsiya i perspektivy razvitiya: monografiya* [*Financial support of military construction in the Russian Federation: modern organization and development prospects: monograph*]. Moscow, VU, 2018, 158 p.

Гладышева Алла Викторовна
канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный универ-
ситет имени Г. Р. Державина», г. Там-
бов, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5232-6828

e-mail: gladysheva_al@mail.ru

Махонина Ирина Николаевна
канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный универ-
ситет имени Г. Р. Державина», г. Там-
бов, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-7905-5498

e-mail: INMakhonina@mail.ru

Чепурова Ирина Федоровна
канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный универ-
ситет имени Г. Р. Державина», г. Там-
бов, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-6731-1925

e-mail: irina-chepurova@yandex.ru

Alla V. Gladysheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Tambov State
University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, Russia

ORCID: 0000-0001-5232-6828

e-mail: gladysheva_al@mail.ru

Irina N. Makhonina

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Tambov State
University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, Russia

ORCID: 0000-0002-7905-5498

e-mail: INMakhonina@mail.ru

Irina F. Chepurova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Tambov State
University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, Russia

ORCID: 0000-0002-6731-1925

e-mail: irina-chepurova@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО АУДИТОРСКОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ КОМПАНИИ В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Аннотация. Рассмотрен процесс стратегической трансформации внутреннего аудита компании как эффективной формы системы финансового контроля, представляющей собой структурно разветвленную совокупность взаимосвязанных звеньев. Проанализированы различные аспекты управления организацией в условиях мировых кризисных явлений в социально-экономической и иных сферах. Предложен комплекс мер по адаптации компании к работе в период влияния пандемии Covid-19 на экономику. Уточнены принципиально новые требования к содержанию функционала специалистов службы внутреннего аудита и характеру их взаимодействия с представителями высшего менеджмента. Изложены перспективы профессионального развития аудитора в современных условиях.

Ключевые слова: аудиторский контроль, антикризисное управление компанией, внутренний аудит, оптимизация аудита компании, стратегия развития аудита, трансформация внутреннего аудита, финансовый контроль, функционал внутреннего аудита

Для цитирования: Гладышева А.В., Махонина И.Н., Чепурова И.Ф. Стратегия оптимизации внутреннего аудиторского финансового контроля компании в период экономического кризиса // Вестник университета. 2020. № 12. С. 139–145.

STRATEGY FOR OPTIMIZING INTERNAL AUDITING FINANCIAL CONTROL OF THE COMPANY DURING THE ECONOMIC CRISIS

Abstract. The article considers the process of strategic transformation of the company's internal audit as an effective form of the financial control system, which is a structurally branched set of interrelated links. The paper analyses various aspects of organization management in the context of global crisis phenomena in socio-economic and other spheres. The author proposes a set of measures to adapt the company to work during the Covid-19 pandemic impact on the economy. The study clarifies fundamentally new requirements to the content of the internal audit service specialists' functionality and the nature of their interaction with top management representatives. The paper outlines the prospects of professional development of the auditor in modern conditions.

Keywords: audit control, audit development strategy, anti-crisis management of the company, financial control, internal audit, internal audit functionality, optimization of the company's audit, transformation of internal audit

For citation: Gladysheva A.V., Makhonina I.N., Chepurova I.F. (2020) Strategy for optimizing internal auditing financial control of the company during the economic crisis. *Vestnik universiteta*. 1. 12, pp. 139–145. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-139-145

Социально-экономические явления и процессы постоянно находятся под влиянием изменений глобальных, национальных и региональных факторов политического, правового, иного статуса, что приводит к безусловной необходимости перестройки механизмов хозяйствования, поддержания стабильности в социальной сфере. Наиболее остро ощутимо данное влияние при возникновении катастрофических явлений, катаклизмов природного, техногенного, политического характеров в мире. С конца 2019 г. весь мир стал очевидцем, участником и ликвидатором негативного воздействия угрозы планетарного масштаба в виде пандемии Covid-19. По оценке ООН, мир и экономика уже никогда не станут прежними, необходимо это принять и как можно скорее выстраивать новейшие институты структуры и инфраструктуры экономики, социума, всех сфер цивилизации [7].

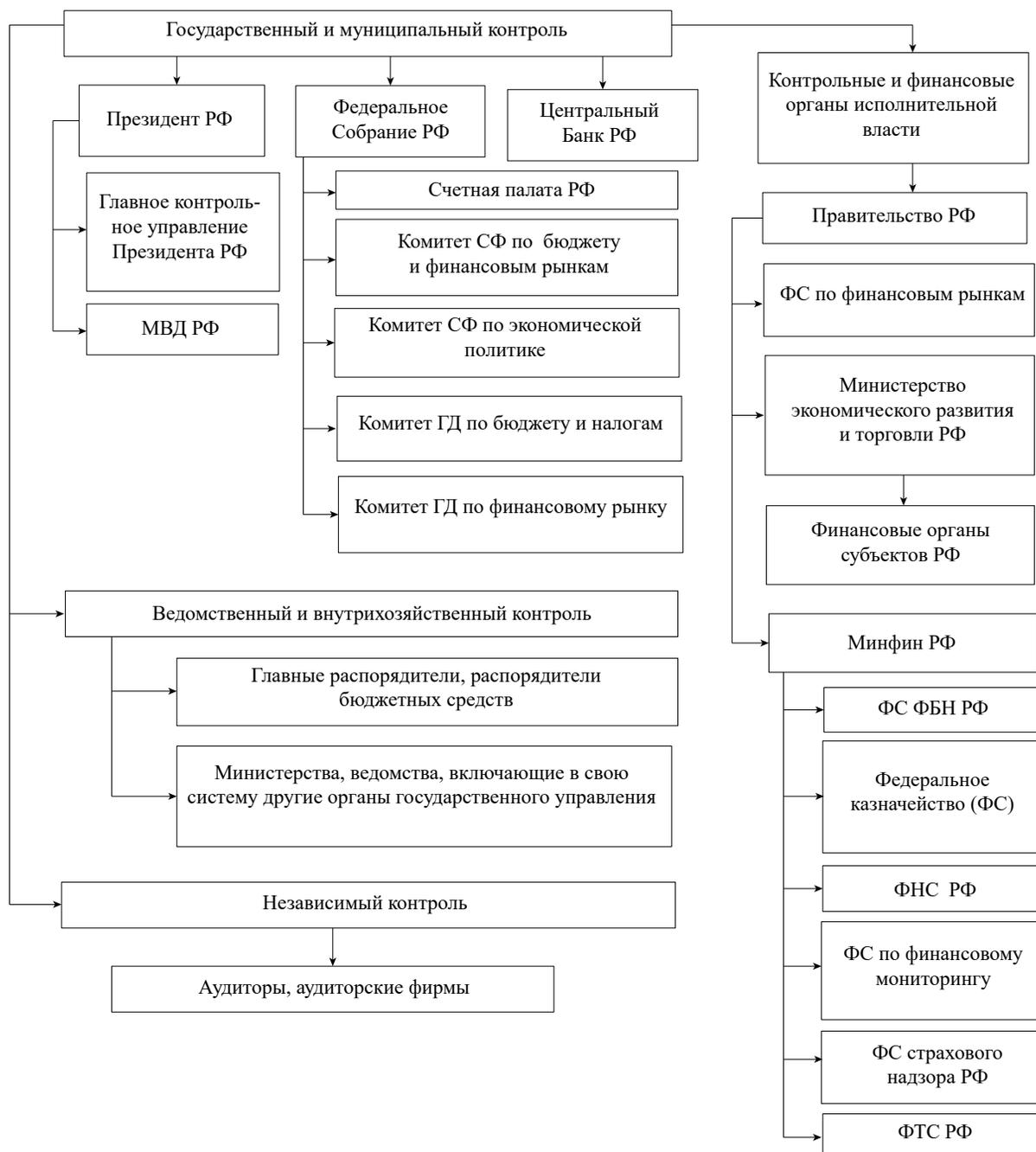
© Гладышева А.В., Махонина И.Н., Чепурова И.Ф., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Усилия руководителей стран в настоящее время направлены на максимальную поддержку стабильности жизни населения, сохранения производств, каналов распределения, устойчивости национальной финансовой системы, внешнеторговых партнерских соглашений, развития технологий ускоренными темпами для обеспечения актуальных потребностей, диктуемых политикой борьбы с пандемией. В таких обстоятельствах важно бережливое ведение хозяйства, рациональное формирование, распределение и перераспределение фондов денежных средств для обеспечения потребностей расширенного воспроизводства, выполнения государственных задач социального, военного, политического, экономического профилей. Поэтому большое внимание уделяется усилению финансового контроля как основного инструмента экономики разных уровней, позволяющего реализовать все указанные цели [11].

В России структура органов, осуществляющих финансово-бюджетный надзор и контроль, имеет разветвленную структуру (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Схема структуры органов, осуществляющих финансово-бюджетный надзор и контроль в России

Такая организация системы финансового контроля в Российской Федерации (далее – РФ) позволяет максимально диверсифицировать риски необнаружения ошибок при проведении контрольных процедур, разделить ответственность и специализацию сфер контроля и, вместе с тем, обеспечить максимальную профессиональную компетентность узконаправленных финансовых контролеров и аудиторов.

Ввиду ограничений, вызываемых пандемией коронавируса, Правительство РФ установило ограничение либо же запрет для проведения финансовых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей с 1 апреля до конца 2020 г. [4]. Вместе с тем, Министерство Финансов РФ уточнило, что для контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере, осуществляемого органами государственного и муниципального финансового контроля не предусмотрено никаких исключений. Такая ситуация явно противоречит целям и задачам государства в сложных условиях борьбы с пандемией, поэтому Министерство финансов России подготовило изменения в форме поправок к утвержденным рекомендациям по мораторию на проверки, чтобы исключить ограничение на осуществление контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере в отношении юридических лиц – участников бюджетного процесса, а также государственных муниципальных бюджетных, автономных учреждений, что призвано обеспечить требуемые рациональность и правовую обоснованность распределения бюджетных средств.

Примечательно, что запрет на проверки не затронул такие эффективные следующие виды контроля [12].

1. Внутренний финансовый аудит – комплекс мероприятий по формированию информации о результатах оценки исполнения бюджетных полномочий государственного распорядителя бюджетных средств, получателя бюджетных средств, заключения о достоверности бюджетной отчетности, предложений о повышении качества финансового менеджмента, заключения о результатах исполнения решений, направленных на повышение качества финансового менеджмента [1, ст. 160.2-1; 5].

2. Внутренний контроль в организациях бюджетной сферы, который осуществляется учреждениями на постоянной основе самостоятельно при совершении фактов хозяйственной жизни [2, ч. 1, ст. 19].

3. Внутренний контроль в организациях в сфере закупок, осуществляемый заказчиком самостоятельно в отношении исполнения контрагентом заключенного контракта [3, ст. 101].

4. Очевиден тот факт, что в складывающихся обстоятельствах роль внутреннего контроля и аудита существенно возрастает [6]. На этот факт обращали свое внимание в разные периоды многие исследователи теоретико-методических вопросов внутреннего аудита и контроля, причем как зарубежные (Р. Адамс, Э. В. Бринк, М. Бенис, Р. Додж, Г. Р. Дженик, Д. Р. Кармайкл, Дж. К. Лоббек, Р. Меллер, Р. Монтомери, Дж. К. Робертсон), так и отечественные (Н. Г. Барышников, Т. А. Битюкова, Н. Д. Бровкина, В. В. Бурцев, О. И. Васильчук, А. Н. Кизилов, Т. А. Корнеева, Н. Т. Лабынцев, М. В. Мельник, В. А. Пискунов, В. В. Пугачев, В. И. Подольский, В. В. Рукин, С. Н. Рябухин, Б. М. Соколов, А. Д. Шеремет). Вместе с тем, в их трудах не рассмотрены прикладные аспекты трансформации стратегии внутреннего аудита в эпоху влияния глобальных кризисов.

Являясь гибким по отношению к предлагаемым условиям осуществления, когда приходится корректировать задачи, подходы к осуществлению, повышать оперативность, именно внутренний аудит становится антикризисным инструментом поддержания стабильности деятельности экономического субъекта в эпоху пандемии и ее последствий.

В настоящее время многие организации внебюджетной сферы активно реализуют свои программы социальной ответственности на основе надлежащего ведения бизнеса и организации условий труда для сотрудников, что является ключевым аспектом сохранения и поддержания экономической стабильности в их бизнесе и в конечном итоге в стране. Все риски компании в условиях пандемии должны быть управляемыми, для чего важно разработать и внедрить эффективный комплекс мер, способный адаптироваться к любым происходящим изменениям факторов макро- и микроуровня [9]. На основе существующих аналитических разработок в данной области, предлагаем комплекс из шести составляющих (рис. 2).

Трансформации подлежит и набор функций внутреннего аудита с переориентацией на приоритет его консультативного компонента, позволяющей провести независимую оценку реакции на кризис, обеспечить оценку и реализацию антикризисных мероприятий, проводимых руководством компаний [13]. Принимая во внимание модель комплекса пяти мер, приведенную выше, целесообразно рассмотреть ключевые ориентиры внутреннего аудиторского контроля. Если до начала пандемии служба внутреннего аудита работала по разрабатываемому ежегодному плану аудита организации, то в новых условиях ведения бизнеса необходимо

отказаться от него, направив усилия на помощь в выживании компании, если, конечно, не идет речь о регулируемых сферах, где отказ от такого плана невозможен с точки зрения законодательства [8]. Это не означает упразднение значения, а лишь перепрофилирование. Специалисты в области аудита обладают разнообразными профессиональными знаниями, практическими навыками, опирающимися на законодательное регламентирование, в области бухгалтерского учета, экономического анализа, планирования, налогового менеджмента, исследования рынка и т. д., которые необходимо применять в консультационном формате [10].

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Комплекс мер адаптации компании к работе в кризисных условиях пандемии Covid-19.

В перечень функций специалиста службы внутреннего аудита теперь должны входить:

- 1) разработка и реализация антикризисного плана и контроль его воплощения;
- 2) диагностика текущего финансового состояния с оценкой проблем ликвидности, платежеспособности, финансовой устойчивости, прогнозирование вероятности наступления банкротства, а также разработка рекомендаций по управлению с целью поддержания стабильности деятельности, устойчивости положения компании. Текущее управление ликвидностью и платежеспособностью очень важно при прохождении пика кризиса, когда вероятность потери устойчивости наиболее высока по причине максимальных рисков неисполнения расчетно-платежной дисциплины;
- 3) оценка достоверности кассового разрыва, причин и времени его возникновения, возможных способов его устранения с позиций эффективности затрат по привлечению средств для покрытия;
- 4) анализ взаимодействия с контрагентами и основным персоналом с целью поиска резервов оптимизации расходов и роста доходов. Следует обратить особое внимание на возможности включения новых каналов сбыта и получения государственной поддержки;
- 5) мониторинг инфраструктуры информационных технологий и контроль за процессом ее укрепления, модернизации, расширения при необходимости перевода сотрудников на удаленный режим работы.

Насколько длительным будет нахождение бизнеса в стрессовом состоянии зависит конечно от прогресса или регресса пандемии. Вместе с тем, приобретенный опыт работы внутренних аудиторов в новых условиях

станет важным этапом их профессионального становления, развития, сможет открыть иные возможности приложения квалификационного опыта после стабилизации хода экономического развития [14]. Естественно, в рамках организации оценку достоверности ввиду приостановления годового плана аудита следует провести на тех участках деятельности и за те периоды времени, когда запланированные процедуры не проводились, но уже с привлечением внешних специалистов для обеспечения объективности проверки. Здесь не идет речи о недоверии к внутренним аудиторам, отвлеченным на время кризиса от своих прямых обязанностях, а имеет место профессиональный подход к эффективности бизнеса, опирающийся на достоверные и объективные оценки. Важно учесть, что высший менеджмент компании должен быть максимально вовлечен в работу антикризисной группы, планы, решения и результаты которой обязательно согласовываются с ним, а, при необходимости, координируются и корректируются. Все действия внутренних аудиторов в их новой роли, которая, как мы указывали ранее, по сути являются консалтингом, находятся под постоянным надзором руководства организации.

Мир меняется, меняются условия жизни, хозяйствования, человеческих взаимоотношений, развития технологий и скорость их внедрения, поэтому и рассмотренный в данной статье финансовый контроль в форме внутреннего аудита так же трансформируется. Имея разветвленное структурное устройство, система финансового контроля включает внутренний аудиторский, на который не распространились введенные государством ограничения по проведению на период пандемии. Однако требования к нему изменились со стороны менеджмента компаний. Специалисты службы внутреннего аудита, имея богатый набор профессиональных компетенций, стали опорой для бизнеса по поддержанию стабильности в период общего экономического кризиса, что, в свою очередь, для самих специалистов данной сферы явилось новым этапом их профессионального совершенствования и открывает перспективы для будущей работы.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 20.10.2020).
2. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 № 402-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 20.10.2020).
3. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 20.10.2020).
4. Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 438 «Об особенностях осуществления в 2020 году государственного контроля (надзора), муниципального контроля и о внесении изменения в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 15 (часть IV). – ст. 2292. – 13 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.szrf.ru/szrf/oglavlenie.phtml?md=1&nb=100&issid=1002020015010> (дата обращения: 20.10.2020).
5. Приказ Минфина России от 21.11.2019 № 196н «Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Определения, принципы и задачи внутреннего финансового аудита» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.12.2019 № 56863) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338586/ (дата обращения: 20.10.2020).
6. Аджиева, А. И., Тхагапсова, С. К-Г. Роль внутреннего аудита в системе экономической безопасности предприятия // Естественно-гуманитарные исследования. – 2020. – № 31 (5). – С. 322-325.
7. Асаева, К. А., Сафина, Р. Р. Применение инновационных технологий в практике внутреннего аудита // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2020. – № 3 (153). – С. 57-62.
8. Будзинская, Е. О., Калиберда, Е. А., Новиков, А. А. Анализ необходимости оптимизации процесса проведения внутренних аудитов интегрированной системой менеджмента // Лёгкая промышленность и сфера сервиса: проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Омск, 2020. – С. 74-77.
9. Султыгова, Х. М. Аудит как фактор эффективности бизнеса // Вестник науки. – 2020. – Т. 4, № 6 (27). – С. 124-128.

10. Феофилова, Т. Ю., Кохан, Р. С., Аитова, Л. К. Внутренний аудит системы внутреннего контроля как метод оптимизации и повышения эффективности бизнес-процесса // Неделя науки СПбПУ. Материалы научной конференции с международным участием. – Санкт-Петербург: Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли. В 3-х частях, 2019. – С. 304-307.
11. Аналитический обзор «Влияние коронавируса COVID-19 на экономику России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/2XBsXX7> (дата обращения: 20.10.2020).
12. Финансовый контроль – 2020: возвращаясь к вопросу о «коронавирусном» моратории на проверки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/1391174/#ixzz6eoVpzHZj> (дата обращения: 20.10.2020).
13. Хасиани, К., Кошима, Ю., Мфомбуот, А., Сингх, А. Контроль за исполнением бюджета в целях снижения риска коррупции в связи с расходами на борьбу с пандемией // Доклад специалистов МВФ от 3 июня 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/covid19-special-notes/Russian/ruspecial-series-on-covid19budget-execution-controls-to-mitigate-corruption-risk-in-pandemic-spendin.ashx> (дата обращения: 20.10.2020)
14. ПА Australia. Internal Audit and Pandemics // ПА Australia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iia.no/internal-audit-and-pandemics> (дата обращения: 20.10.2020).

References

1. Byudzhetyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 31.07.1998 № 145-FZ (red. ot 15.10.2020) [*Budget code of the Russian Federation No. 145-FZ dated on July 31, 1998 (as amended, dated on October 15, 2020)*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (accessed 20.10.2020).
2. Federal’nyi zakon “O bukhgalterskom uchete” ot 06.12.2011 № 402-FZ (v red. ot 26.07.2019) [*Federal law “On Accounting” No. 402-FZ dated on December 6, 2011 (as amended, dated on July 26, 2019)*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (accessed 20.10.2020).
3. Federal’nyi zakon ot 5 aprelya 2013 g. № 44-FZ “O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal’nykh nuzhd” (v red. ot 31.07.2020) [*Federal law “On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs” No. 44-FZ dated on April 5, 2013 (as amended, dated on July 31, 2020)*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (accessed 20.10.2020)
4. Postanovlenie Pravitel’sтва RF ot 3 aprelya 2020 g. № 438 “Ob osobennostyakh osushchestvleniya v 2020 godu gosudarstvennogo kontrolya (nadzora), munitsipal’nogo kontrolya i o vnesenii izmeneniya v punkt 7 Pravil podgotovki organami gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i organami munitsipal’nogo kontrolya ezhegodnykh planov provedeniya planovykh proverok yuridicheskikh lits i individual’nykh predprinimatelei” [*Resolution of the Government of the Russian Federation “On the Specifics of the Implementation in 2020 of State Control (Supervision), Municipal Control and on Amending Paragraph 7 of the Rules for the Preparation by State Control (Supervision) Bodies and Municipal Control Bodies of Annual Plans for Scheduled Inspections of Legal Entities and Individual Entrepreneurs” No. 438 dated on April 3, 2020*]. Collection of Legislation of the Russian Federation, no. 15 (part IV), article 2292, April 13, 2020. Available at: <http://www.szrf.ru/szrf/oglavlenie.phtml?md=1&nb=100&isid=1002020015010> (accessed 20.10.2020)
5. Prikaz Minfina Rossii ot 21.11.2019 № 196n “Ob utverzhdenii federal’nogo standarta vnutrennego finansovogo audita “Opredeleniya, printsipy i zadachi vnutrennego finansovo goaudita” (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 18.12.2019 № 56863) [*Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation “On Approval of the Federal Standard for Internal Financial Audit “Definitions, Principles and Objectives of Internal Financial Audit” No. 196n, dated on November 21, 2019 (Registered with the Ministry of Justice of Russia No. 56863, dated on December 18, 2019)*]. Legal reference system “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338586/ (accessed 20.10.2020).
6. Adzhieva A. I., Tkhangapsova S. K-G. Rol’ vnutrennego audita v sisteme ekonomicheskoi bezopasnosti predpriyatiya [*The role of internal audit in the system of economic security of the enterprise*]. Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya [*Natural humanitarian studies*], 2020, no. 31 (5), pp. 322-325.
7. Asaeva K. A., Safina R. R. Primenenie innovatsionnykh tekhnologii v praktike vnutrennego audita [*Application of innovative technologies in the practice of internal audit*]. Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal [*Economics and Management: Scientific and Practical Journal*], 2020, no. 3 (153), pp. 57-62.
8. Budzinskaya E. O., Kaliberda E. A., Novikov A. A. Analiz neobkhodimosti optimizatsii protsessa provedeniya vnutrennikh auditov integrirovannoi sistemoi menedzhmenta [*Analysis of the need to optimize the process of conducting internal audits by an*

- integrated management system*]. Legkaya promyshlennost' i sfera servisa: problemy i perspektivy. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [*Light industry and service sector: problems and prospects. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*]. Omsk, 2020, pp. 74-77.
9. Sulygova Kh.M. Audit kak factor effektivnosti biznesa [*Audit as a factor of business efficiency*]. Vestnik nauki, 2020. vol. 4, no. 6 (27), pp. 124-128.
  10. Feofilova, T. Yu., Kokhan R. S., Aitova L. K. Vnutrennii audit sistemy vnutrennego kontrolya kak metod optimizatsii i povysheniya effektivnosti biznes-protsessa [*Internal audit of the internal control system as a method of optimizing and improving the efficiency of the business process*]. Nedelya nauki SPbPU. Materialy nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [*Science week Saint-Petersburg Polytechnic University. Proceedings of the Scientific Conference with International Participation*]. St. Petersburg, Institut promyshlennogo menedzhmenta, ekonomiki i trgovli, V 3-kh chastyakh, 2019, pp. 304-307.
  11. Analiticheskii obzor "Vliyanie koronavirusa COVID-19 na ekonomiku Rossii" [*Analytical review "Impact of the coronavirus COVID-19 on the Russian economy"*]. Available at: <https://bit.ly/2XBsXX7> (accessed 20.10.2020).
  12. Finansovyi kontrol' – 2020: vozvrashchayas' k voprosu o "koronavirusnom" moratorii na proverki [*Financial control – 2020: returning to the issue of the "coronavirus" moratorium on checks*]. Available at: <http://www.garant.ru/news/1391174/#ixzz6e-oBpzHZj> (data obrashcheniya: 20.10.2020).
  13. Hasiani K., Kosima Yu., Mfombuot A., Singh A. Kontrol' za ispolnieniem byudzheta v tselyakh snizheniya riska korruptsii v svyazi s raskhodami na bor'bu s pandemiei [*Monitoring budget execution in order to reduce the risk of corruption in connection with the costs of combating the pandemic*]. Doklad spetsialistov MVF ot 3 iyunya 2020 goda [*The Report of International Monetary Fund experts*]. Available at: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/covid19-special-notes/Russian/ruspecial-series-on-covid19budget-execution-controls-to-mitigate-corruption-risk-in-pandemic-spendin.ashx> (accessed 20.10.2020).
  14. IIA Australia. Internal Audit and Pandemics. IIA Australia. Available at: <https://iia.no/internal-audit-and-pandemics> (accessed 20.10.2020).

**Горбачева Татьяна
Александровна**

канд. экон. наук, доцент,
Московский университет
им. С. Ю. Витте, г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3287-6440
e-mail: t-gorbacheva@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ ЗАРУБЕЖНЫХ РАЗВИТЫХ СТРАН В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Аннотация. Предмет исследования – финансовая система и денежно-кредитное регулирование экономики в период пандемии коронавируса COVID-19. Цель статьи – исследование монетарной политики, проводимой национальными центральными банками развитых стран в условиях экономического кризиса, вызванного пандемией. Используются методы сравнительного анализа, системного подхода к изучению информации, а также графический и табличные методы. Рассмотрены инструменты денежно-кредитной политики, используемые национальными центральными банками развитых стран в целях смягчения воздействия пандемии на реальный сектор экономики. Выявлены отличительные особенности антикризисных мер органов денежно-кредитного регулирования.

Ключевые слова: антикризисные монетарные меры, валютная ликвидность, государственные облигации, денежно-кредитная политика, долгосрочное финансирование, залоговое кредитование, корпоративные облигации, операции РЕПО, программы покупки активов, процентная политика, ставка рефинансирования

Для цитирования: Горбачева Т.А. Особенности денежно-кредитной политики зарубежных развитых стран в период пандемии // Вестник университета. 2020. № 12. С. 146–151.

Tatiana A. Gorbacheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Witte Moscow
State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3287-6440
e-mail: t-gorbacheva@bk.ru

FEATURES OF MONETARY POLICY OF FOREIGN DEVELOPED COUNTRIES DURING THE PANDEMIC

Abstract. The subject of the study is the financial system and monetary regulation of the economy during the COVID-19 coronavirus pandemic. The purpose of the article is to investigate the monetary policy pursued by the national Central banks of developed countries in the context of the economic crisis caused by pandemic. The paper uses comparative analysis, a systematic approach to the study of information, as well as graphical and tabular methods. The author considers monetary policy instruments used by national Central banks of developed countries to mitigate the impact of the pandemic on the real sector of the economy. The study reveals distinctive features of anti-crisis measures of monetary regulation bodies.

Keywords: anti-crisis monetary measures, asset purchase programs, collateral lending, corporate bonds, currency liquidity, government bonds, interest rate policy, long-term financing, monetary policy, refinancing rate, REPO operations

For citation: Gorbacheva T.A. (2020) Features of monetary policy of foreign developed countries during the pandemic. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 146–151. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-146-151

Создавшаяся мировая эпидемиологическая ситуация стала глобальным шоком для экономик всех стран мира. Защитные меры привели к внезапной всеобщей остановке экономической деятельности. Сокращение доходов, меры дистанцирования и режим изоляции привели к падению потребительского спроса. Существенно возросли риски неплатежей по потребительским и ипотечным кредитам, а также исполнению своих финансовых обязательств частными компаниями. Обеспокоенность по поводу ликвидности домохозяйств и корпораций в сочетании с повышенной неопределенностью, препятствовала функционированию ключевых сегментов финансового рынка. Крайне важно органам денежно-кредитного регулирования и другим государственным органам координировать свои действия для максимально эффективной реализации мер.

Национальные центральные банки развитых стран оперативно отреагировали на сложившуюся ситуацию, чтобы сохранить стабильное функционирование рынков и бесперебойного действие трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики. Одной из главных задач монетарных властей было смягчение последствий от падения экономической активности и обеспечение бесперебойной работы финансовых рынков. Центральные банки также выполняли свою традиционную роль в кризисных условиях кредитора в последней инстанции [1].

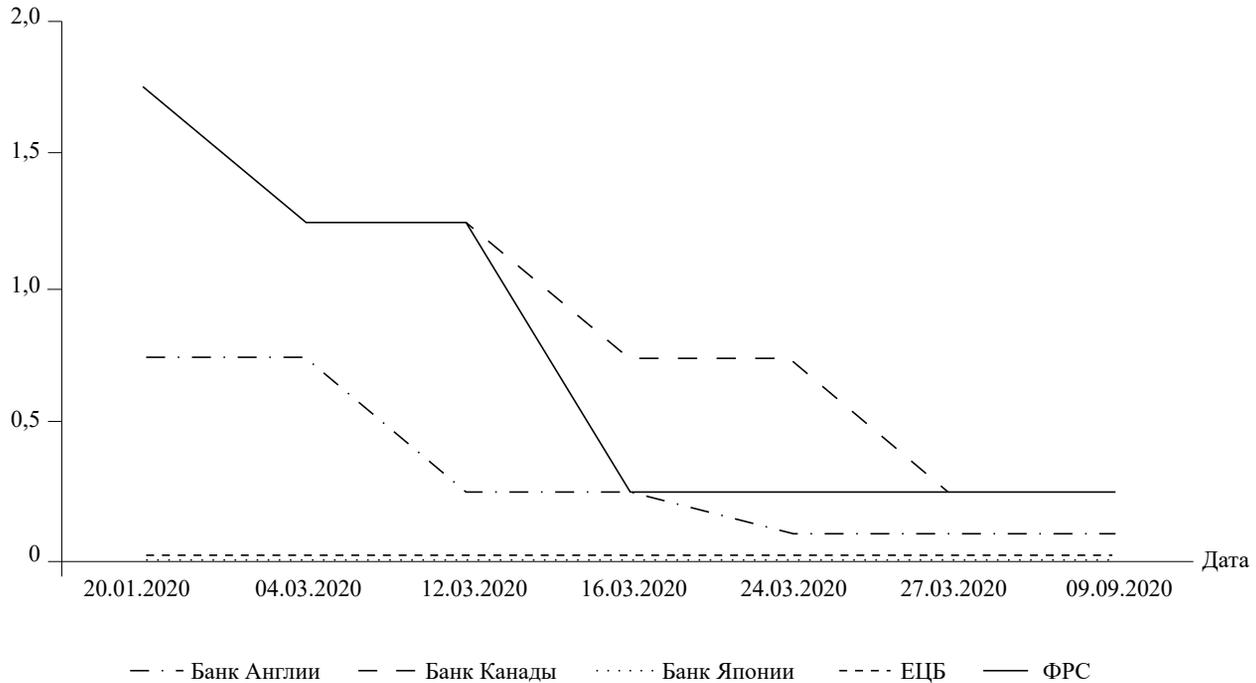
© Горбачева Т.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

В период с марта по апрель монетарные власти таких развитых стран, как США, Канада, Англия, Япония, Еврозона, развернули весь комплект антикризисных мер. Они предлагали новые операции по кредитованию, расширяли или разрабатывали новые программы по покупке активов. Центральные банки вышеуказанных стран также снизили процентные ставки. Федеральная резервная система США, Банк Японии и в меньшей степени Европейский центральный банк увеличили доступность своих своповых линий за рубежом. Следует отметить, что органы денежно-кредитного регулирования учли опыт предыдущего финансового кризиса и меры, реализованные в период 2008-2015 годов были предприняты в течении нескольких недель.

Традиционно в первую очередь была адаптирована процентная политика и снижены ставки процента в целях сокращения расходов на финансирование и поддержание совокупного спроса (рис. 1) [2]. В Еврозоне и Японии, где процентные ставки и так были уже отрицательными, они все равно были еще уменьшены, чтобы достичь их нижней границы меньше, чем за месяц [8; 9].

Составлено автором по материалам исследования [6; 7; 8; 9; 10]

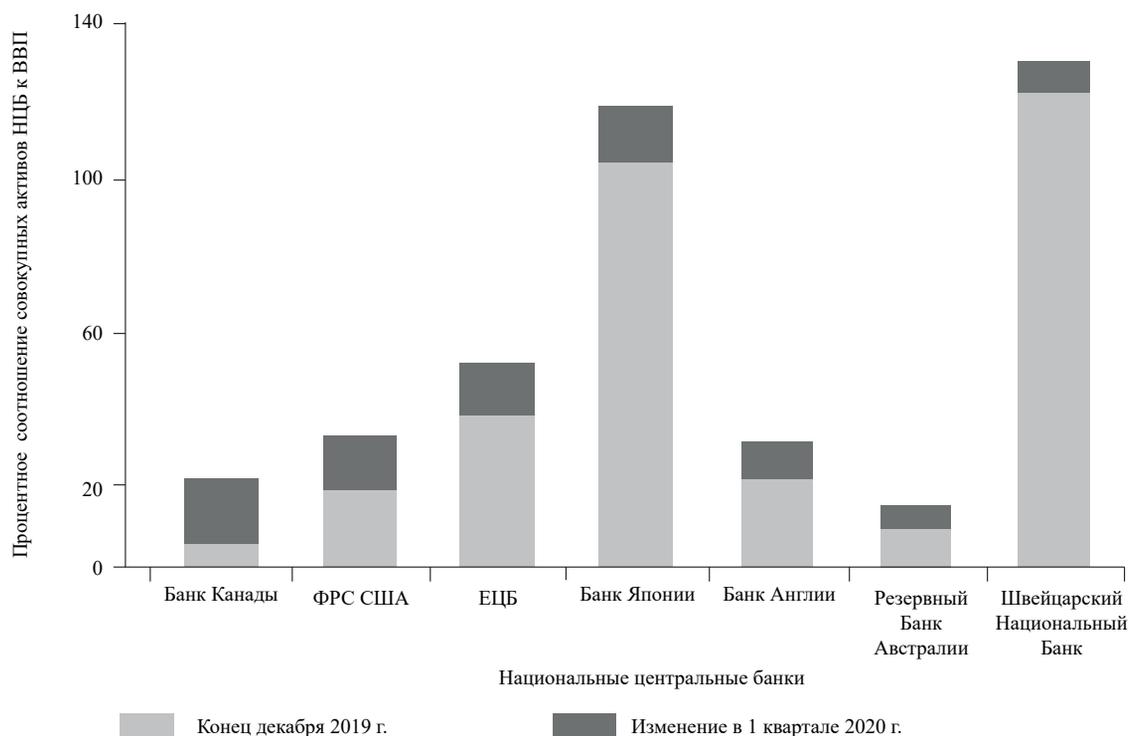
Рис. 1. Изменение ключевых процентных ставок развитых стран за период январь–сентябрь 2020 г.

Затем последовали меры в кредитной политике монетарных властей. Национальные центральные банки расширили краткосрочные операции, чтобы первоначально не допустить дефицит ликвидности и замораживания рынка. Федеральная резервная система (далее – ФРС) США, Банк Японии и Банк Канады увеличили суммы по сделкам РЕПО. Федеральная резервная система США призвала использовать свое, так называемое «дисконтное окно», которым практически не пользовались в последние годы, так как процентная ставка в рамках него превышала ключевую на 0,5 п. п. [12]. При таком соотношении заимствования в экстренных ситуациях у ФРС не имеет смысла, поскольку почти всегда банки могут под меньший процент занять на федеральном фондовом рынке. Для предотвращения трудностей с фондированием для первичных дилеров ФРС начала кредитование под залог инвестиционного долга с рейтингом не ниже BBB по классификации «Стандарт энд Пуэрз». Депозитарные учреждения начали кредитоваться под активы, приобретенные у паевых инвестиционных фондов. Банк Англии и Банк Канады возобновили свои резервные операции РЕПО (Contingent Term Repo Facilities) впервые после их создания в 2015 г.

Ключевой мерой поддержки центральных банков стало распространение долгосрочного финансирования с целью поддержки притока заемных средств для домашних хозяйств и частных компаний. Банк Англии, Банк Японии, ФРС США разработали целевые программы по фондированию с целью обеспечения банков финансовыми средствами на льготных условиях при условии кредитования малого и среднего бизнеса [11]. Монетарные

власти США возобновили программу стимулирования банковского кредитования под залог ценных бумаг (Term Asset-Backed Securities Loan Facility – TALF), впервые организованную в 2008 г. Федеральная резервная система США также учредила программу защиты заработной платы с помощью механизмов повышения ликвидности секьюритизированных активов (Paycheck Protection Program Liquidity Facility, PPPLF) для предоставления кредитов для выплаты заработной платы под гарантии Казначейства [12].

Значительную роль по поддержке финансового сектора сыграли программы покупки активов, хотя в разных странах они преследовали разные цели (рис. 2).

Источник: [4]

Рис. 2. Совокупные активы центральных банков в процентах к ВВП за 4 квартал 2019 г. и изменения в 1 квартале 2020 г.

В США покупка государственных ценных бумаг способствовала обеспечению бесперебойного функционирования казначейского рынка и сохранения его ключевой роли в ценообразовании финансовых активов. Покупки Европейского центрального банка помогли сохранить эффективность трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики, не допуская расширения суверенных спрэдов зоны евро. Дополнительными целями программ покупок активов были восстановление доверия и восстановление совокупного спроса в конце режима изоляции. ФРС США и Банк Японии объявили о безлимитных покупках государственных ценных бумаг. Банк Канады впервые начал реализовывать подобные программы, установив нижний предел закупок в 5 млрд канадских долларов в неделю [4].

Европейский центральный банк расширил существующую программу покупки активов (Asset Purchase Programme, APP), обязавшись приобрести дополнительно частных и государственных ценных бумаг на сумму 120 млрд евро к концу 2020 г. [13].

Банк Канады и Федеральная резервная система США дополнительно впервые разработали программы покупки ценных бумаг, выпускаемых муниципальными образованияами и местными государственными органами.

ЕЦБ, ФРС, Банк Англии, Банк Японии, Банк Канады установили или увеличили объем программ закупок коммерческих ценных бумаг и корпоративных облигаций. Европейский центральный банк также распространил право на покупку ценных бумаг нефинансового сектора. Федеральная резервная система США впервые приобрела облигации у компаний высшего инвестиционного рейтинга и позднее расширил право на покупку облигаций компаний более низкого уровня, так называемых «падших ангелов», либо напрямую или через биржевые фонды. Банк Японии в 4 раза увечил покупки коммерческих ценных бумаг [5]. Банк

Англии объявил, что не менее 10 % из 200 млрд фунтов стерлингов покупок по программе покупки долговых активов на открытом рынке будут связаны с корпоративными облигациями [3].

Меры по поддержке валютной ликвидности сыграли свою значительную роль в минимизации напряженности на валютном рынке (табл. 1).

Таблица 1

Валютные меры поддержки национальных центральных банков

Центральный Банк	Наименование программы	Аббревиатура	Первое объявление	Дата окончания	Контрагенты	Объем
Банк Японии	Yen swap line	Yen SL	31 марта 2020 г.	-	Тайланд	800 млрд йен
ЕЦБ	EUR swap line	EUR SL1	20 марта 2020 г.	-	Дания	24 млрд евро
	EUR swap line	EUR SL2	15 апреля 2020 г.	31 декабря 2020 г.	Болгария, Венгрия	2 млрд евро
Федеральная система США	USD swap line	USD SL1	15 марта 2020 г.	30 сентября 2020 г.	Канада, Швейцария, Великобритания, Япония	30–60 млрд долл. США
	USD swap line	USD SL2	19 марта 2020 г.	30 сентября 2020 г.	Австралия, Бразилия, Дания, Корея, Мексика, Норвегия, Новая Зеландия, Сингапур, Швеция	
	USD repo facility	FIMA RF	31 марта 2020 г.		Владельцы счетов FIMA	

Составлено автором по материалам исследования [8; 9; 10]

Федеральная резервная система США снизила расходы и увеличила срок погашения постоянных линий СВОП с пятью центральными банками. Позднее ФРС вновь открыла своп-линии с другими девятью центральными банками стран, которые были учреждены во время глобального финансового кризиса. Дополнительной поддержкой доступности долларовой валюты для стран, не имеющих своп-линии, стал так называемый механизм FIMA Repo Facilities, который позволит иностранным Центробанкам получать от ФРС американскую валюту, используя в качестве обеспечения казначейские облигации США.

Таким образом, можно увидеть, что национальные центральные банки развитых стран, быстро отреагировали на создавшиеся условия пандемии Covid-19, учтя уроки прошедшего финансового кризиса. В течение нескольких недель были развернуты монетарные антикризисные программы. Главным образом национальные центральные банки сосредоточились на смягчении финансового стресса и бесперебойной поставке ликвидности в частный и нефинансовый сектор. Возобновились многие программы, введенные денежно-кредитными органами регулирования в период кризиса 2008 г. Экстренное кредитование банковского сектора национальными центральными банками развитых стран для обеспечения ликвидности до сих пор находилось в меньшем объеме, чем в результате недавнего мирового финансового кризиса. Монетарные органы быстро создали программы краткосрочного финансирования. В то время как объем покупок государственных активов к концу 2020 г. ожидается выше по сравнению с реализованным объемом в период прошедшего кризиса.

Отличительной чертой реакции на пандемию Covid-19 по сравнению с финансовым кризисом стало использование различных мер поддержки, направленных на приток кредитов домашним хозяйствам и нефинансовым организациям. Развертывание подобных программ было более прямым. И наоборот, широкая поддержка ликвидностью финансового сектора во время глобального кризиса 2008–2009 гг., имела ограниченные масштабы в условиях развития пандемии. Это отчасти отражает различный характер данных двух кризисов. Глобальный финансовый кризис вначале ударил по финансовым рынкам, а затем медленно

распространился на реальную экономику, подрывая доверие и ужесточая условия кредитования предприятий и домашних хозяйств. Пандемия Covid-19, напротив, в условиях жестких ограничительных мер, в первую очередь ударила по реальному сектору, а затем распространилась на финансовый.

Библиографический список

1. Миллер, Р. Л., Ван-Хуз, Д. Д. Современные деньги и банковское дело [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://may.alleng.org/d/econ-fin/econ-fin052.htm> (дата обращения: 03.11.2020).
2. Мишкин, Ф. С. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков, 7-е издание: пер. с англ. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2008. – 880 с.
3. Отчет по монетарной политике Банка Англии. – Август, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/37GA6eP> (дата обращения: 03.11.2020).
4. Отчет по монетарной политике Банка Канады. – Июль, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2020/07/mpr-2020-07-15.pdf> (дата обращения: 03.11.2020).
5. Отчет по финансовой системе Банка Японии. – Апрель, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.boj.or.jp/en/research/brp/fsr/data/fsr200421b.pdf> (дата обращения: 03.11.2020).
6. Официальный сайт Банка Англии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bankofengland.co.uk> (дата обращения: 03.11.2020).
7. Официальный сайт Банка Канады [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bankofcanada.ca> (дата обращения: 03.11.2020).
8. Официальный сайт Банка Японии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.boj.or.jp> (дата обращения: 03.11.2020).
9. Официальный сайт Европейского центрального банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ecb.europa.eu> (дата обращения: 03.11.2020).
10. Официальный сайт Федеральной резервной системы США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.federalreserve.gov> (дата обращения: 03.11.2020).
11. Baudino, P. Public guarantees for bank lending in response to the Covid-19 pandemic // FSI Briefs. – 2020. – No. 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bis.org/fsi/fsibriefs5.htm> (дата обращения: 03.11.2020).
12. De Cos P. H. The role of the European Central Bank’s monetary policy in the COVID-19 crisis // BIS Working Paper, 01.10.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bis.org/review/r201002a.pdf> (дата обращения: 03.11.2020).
13. Ihrig, J., Senyuz Z., Weinbach, G. C. Impementing monetary policy in an “Ample-Reserves” regime: when in crisis (Note 3 of 3), 01.10.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/2M4k3z5> (дата обращения: 03.11.2020).

References

1. Miller R. L., Van Hooze D. D. Sovremennye den’gi i bankovskoe delo [*Modern money and banking*]. Available at: <https://may.alleng.org/d/econ-fin/econ-fin052.htm> (accessed 03.11.2020).
2. Mishkin F. S. Ekonomicheskaya teoriya deneg, bankovskogo dela i finansovykh rynkov [*Economic theory of money, banking and financial markets*], 7e izdanie, per. s ang. Moscow, ООО “I. D. illiyams”, 2008, 880 p.
3. Otchet po monetarnoi politike Banka Anglii – Avgust, 2020 [*Bank of England monetary policy report – August, 2020*]. Available at: <https://bit.ly/37GA6eP> (accessed 03.11.2020).
4. Otchet po monetarnoi politike Banka Kanady – Iyul’, 2020 [*Bank of Canada monetary policy report – July, 2020*]. Available at: <https://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2020/07/mpr-2020-07-15.pdf> (accessed 03.11.2020).
5. Otchet po finansovoi politike Banka Yaponii – Aprel’, 2020 [*Bank of Japan report on financial policy – April, 2020*]. Available at: <https://www.boj.or.jp/en/research/brp/fsr/data/fsr200421b.pdf> (accessed 03.11.2020).
6. Ofitsial’nyi sait Banka Anglii [*Official website of the Bank of England*]. Available at: <https://www.bankofengland.co.uk/> (accessed 03.11.2020).
7. Ofitsial’nyi sait Banka Kanady [*Official website of the Bank of Canada*]. Available at: <https://www.bankofcanada.ca> (accessed 03.11.2020).
8. Ofitsial’nyi sait Banka Yaponii [*Official website of the Bank of Japan*]. Available at: <https://www.boj.or.jp> (accessed 03.11.2020).
9. Ofitsial’nyi sait Evropeiskogo tsentral’nogo banka [*Official website of the European Central Bank*]. Available at: <https://www.ecb.europa.eu> (accessed 03.11.2020).

10. Ofitsial'nyi sait Federal'noi rezervnoi sistemy SShA [*Official web-site of the US Federal Reserve System*]. Available at: <https://www.federalreserve.gov> (accessed 03.11.2020).
11. Baudino P. Public guarantees for bank lending in response to the Covid-19 pandemic. FSI Briefs, no 5. 2020. Available at: <https://www.bis.org/fsi/fsibriefs5.htm> (accessed 03.11.2020).
12. De Cos P. H. The role of the European Central Bank's monetary policy in the COVID-19 crisis. BIS Working Paper, dated on October 1, 2020. Available at: <https://www.bis.org/review/r201002a.pdf> (accessed 03.11.2020).
13. Ihrig J., Senyuz Z., Weinbach G. C. Impementing monetary policy in an "Ample-reserves" regime: when in crisis. (Note 3 of 3), dated on October 1, 2020. Available at: <https://bit.ly/2M4k3z5> (accessed 03.11.2020).

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

УДК 323.113.01(=161.1)

DOI 10.26425/1816-4277-2020-12-152-157

**Омельченко Николай
Алексеевич**

д-р истор. наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5872-1567
e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

РУССКИЙ ЭТАТИЗМ И РУССКИЙ ПАТЕРНАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМАЦИИ

Аннотация. Рассмотрены идейные и политико-культурные предпосылки петровских государственных преобразований, сформировавшиеся, по мнению автора статьи, задолго до петровской реформации и оказавшие значительное влияние на сам ход и саму модель созданного Петром I «регулярного» (военно-полицейского) государства. К числу основных из таких предпосылок отнесены этатизацию (огосударствление) общества и связанный с ней патерналистский характер государственных отношений, составлявших традиционные основы отечественной государственности и усилившиеся в XVII веке условиях выхода России из Смуты и восстановления разрушенной в смутное время национальной государственности. Исследованы причины формирования указанных особенностей развития отечественной государственности, главные из которых предложено искать в цивилизационных и геополитических особенностях формирования и эволюции русского государства, слабости институциональных оснований русской политики, стилиевых особенностях русского православия и ряда других факторов.

Ключевые слова: вотчинная психология, геополитический фактор, институциональная неопределенность, Московское царство, патернализм, политическая культура, российская идентичность, этатизация общества, этатизм

Для цитирования: Омельченко Н.А. Русский этатизм и русский патернализм в политическом процессе России накануне Петровской Реформации//Вестник университета. 2020. № 12. С. 152–157.

Nikolai A. Omelchenko
Doctor of Historical Sciences,
Professor, State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5872-1567
e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

RUSSIAN ETATISM AND RUSSIAN PATERNALISM IN THE POLITICAL PROCESS OF RUSSIA ON THE EVE OF PETER THE GREAT'S REFORMATION

Abstract. The article considers ideological, political and cultural prerequisites of the Peter the Great state reforms that, according to the author, were formed long before the Peter's Reformation, and had a significant impact on the course and model of the "regular" (military- police) state created by Peter the First. Among the main prerequisites are the etatization (nationalization) of society and the associated paternalistic nature of state relations, which formed the traditional foundations of national statehood and strengthened in the 17th century in the context of Russia's withdrawal from the Turmoil and the restoration of the national statehood destroyed in the time of troubles. The paper investigates the reasons for the formation of these features of the development of national statehood, the main of which the author proposes to search in the civilizational and geopolitical features of the formation and evolution of the Russian state, the weakness of the institutional foundations of Russian politics, stylistic peculiarities of Russian Orthodoxy and a number of other factors.

Keywords: etatism, etatization of society, geopolitical factor, institutional uncertainty, Moscow kingdom, paternalism, patrimonial psychology, political culture, Russian identity

For citation: Omelchenko N.A. (2020) Russian etatism and Russian paternalism in the political process of Russia on the eve of Peter the Great's Reformation. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 152–157. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-152-157

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Acknowledgement. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research under the scientific project No. 20-09-42064.

© Омельченко Н.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Долгое время общим местом большинства отечественных и зарубежных исследований российской истории являлись в лучшем случае недооценка, большей частью принижение действительного значения XVII в. в исторической эволюции средневековой Руси на путях превращения ее в современное европейское государство. Принято было принципиально противопоставлять динамичную петербургскую эпоху в истории России отсталому и «неподвижному» московскому царству, казавшемуся заезжим иностранным «гостям» диким и невежественным. Стало прочной традицией и хрестоматийным примером акцентировать внимание на деятельной активности Петра I, которого привычно именуют «революционером на троне», и наоборот, представлять образ его предшественника на троне царя Алексея Михайловича (отца Петра I) как царя «тишайшего».

Заметим, что на фоне обозначившегося в последние годы интереса исследователей к содержанию и особенностям происходивших в XVII в. модернизационных процессов, предшествовавших реформам Петра I, как и к самой петровской реформации, был опубликован целый ряд научных статей, монографий и исторических романов, авторы которых по-разному характеризуют и оценивают значение допетровской и петровской эпохи в развитии России. При этом, если одни исследователи пытаются объективно осмыслить действительное положение вещей, то для других авторов характерно стремление ограничиться «сменой вех»: меняя устоявшиеся в историографии положительные оценки петровских преобразований на противоположные, они часто, без достаточного на то основания, преувеличивают достижения допетровской Руси. С одной стороны, в последние годы опубликовано значительное число работ, авторы которых обращают внимание преимущественно на негативные стороны реформаторской деятельности Петра I, сделавшего Россию, по их мнению, «сырьевым придатком» и «политическими задворками» Европы [1, с. 3]. С другой стороны, появился ряд публикаций, оценивающих реформаторские планы и государственные деяния Петра I исключительно с позиций злого умысла «коронованного палача-маньяка», результаты деятельности которого способствовали превращению богатой демократической Московии в «нищее примитивное рабовладельческое государство» [2], что, безусловно, можно рассматривать как явное упрощение.

Мы придерживаемся здесь той точки зрения, согласно которой процесс исторической эволюции Московского царства в XVII в. был значительно более сложным и неоднозначным. С этой точкой зрения солидарен известный современный историк С. В. Перевезенцев, считающий, что XVII столетие являлось «своего рода переходным временем в истории России — от России древней, традиционной, к России новой». По мнению исследователя, XVII в. «оказался весьма противоречивым и вместе с тем очень динамичным периодом во всей отечественной истории. С одной стороны, в это время своего завершения достигает традиционная русская культура (политическая, экономическая, социальная, бытовая и др.). С другой, — в недрах традиционной культуры, а нередко и вопреки традициям, зарождаются совершенно новые тенденции, во многом связанные с освоением западноевропейского опыта» [6, с. 114–115].

Своего рода попыткой «реабилитации» XVII в., с позиций необходимости переосмысления его места и значения в исторической эволюции российской государственности можно считать научные труды профессора МПГУ, автора ряда публикаций, посвященных самодержавному царству первых Романовых Г. В. Талиной. В них всесторонне исследуется вопрос, насколько реальной была возможность выбора между национальным и европейским путем развития Русского государства в исследуемый исторический период. Рассматривая модели развития государства и властных отношений, которые предлагались в XVII в., Г. В. Талина делает важный вывод, что многое из того, что произвел в системе власти и управления Петр I, было уже в значительной мере произведено в предшествующий петровским реформам период [7].

Совершенно очевидно, что для правильного и объективного понимания предшествовавшей петровской реформации исторической эпохи необходим внимательный и всесторонний научный анализ идейных и политико-культурных оснований, объясняющих специфику и основной тренд развития отечественной государственности в указанный исторический период. Этот анализ не исчерпывается указанием на исторически обусловленную тенденцию к персонификации политики, характерным чертой которой стало преобладание неформальных личностных отношений в системе государственной власти и управления. Не меньшее значение имели сформировавшиеся на заре российской государственности и усилившиеся в XVII в. этатизация (огосударствление) общества и связанный с ней патерналистский характер государственных отношений.

Под понятием «этатизм», как одной из характерных черт отечественной политической культуры, принято понимать преобладающую роль государства и его институтов в жизни общества («этатизацию общества»).

Сформировавшаяся под воздействием ряда объективных и субъективных факторов эта особенность российской политики в течение многих веков определяла основное содержание общественно-политического развития страны. Уже в период Московского царства сформировался ряд характерных для последующего развития черт российской государственности, нашедших, по мнению современных исследователей, свое воплощение, наряду с традиционным для средневековой Руси вотчинным типом правления, в мобилизационном типе развития общества и служилом характере государства.

В значительной мере указанные черты политического развития России объяснялись слабостью институциональных оснований российской государственности. С учетом своеобразия исторических условий формирования и эволюции национальной государственности слабость институциональных оснований государственного развития неизбежно вела к персонификации властных отношений, основу которой составляли неформальные, личностные отношения в системе государственного управления. В перспективе эти особенности властных отношений, отмеченные многими исследователями отечественной государственности, не только предопределили изначальную неустойчивость государственной власти в российском политическом процессе, но и во многом обусловили кризисный потенциал большинства российских модернизаций. Вне зависимости от стремления реформаторов российской государственности ввести в русскую систему власти и управления элементы западноевропейской рациональности, институциональная неопределенность и господство неформальных отношений оставались незыблемыми на всех этапах политического развития России.

В эпоху Московского царства основными факторами такой парадигмы государственного развития являлись, во-первых, изначальная несамостоятельность русской аристократии в лице московского боярства, во-вторых, что не менее важно, неразвитость русских сословий, в первую очередь, городского сословия (среднего класса), не имевшего возможности в отличие от большинства стран Западной Европы, составить реальную оппозицию центральной власти, ограничить ее произвол и бесконтрольность. В сравнении с большинством стран Западной Европы отличительной чертой сословий в Московском царстве являлся их служилый характер: если в странах Европы сословия рано обрели права и сословные привилегии, то в условиях России они различались, как очень тонко подметил В. О. Ключевский не столько правами, сколько повинностями [5, с. 76].

Не в последнюю очередь эти обстоятельства способствовали формированию, как считает ряд историков, «вотчинного» типа московского политического режима, коренившегося в утверждавшейся в условиях привычке московских властей управлять страной с помощью бывших вотчинников, военных слуг, привыкших относиться к государству и его народу как к своей «вотчине», своей личной собственности. В этой вотчинной психологии московской правящей элиты коренились многие причины, создававшие благоприятные условия для злоупотреблений и произвола власти. Все это придавало Московскому царству характер восточного абсолютизма, что по своей сути противоречило объявленным созидательным целям московских государей-объединителей. На это обстоятельство указывал В. О. Ключевский, писавший, что в московских князьях, ставивших целью объединение русских земель, продолжали «бороться вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти». По мнению ученого, острота многих проблем в политическом развитии Московской Руси по большей части объяснялась «этим колебанием, приведшим государство к глубоким потрясениям, а династию собирателей к гибели» [3, с. 195].

Усиливавшемуся произволу власти не в малой степени способствовало отсутствие в общественно-политическом развитии России прочной традиции и развитого института частной собственности. В этой связи нельзя не вспомнить точное наблюдения историка В. О. Ключевского, справедливо заметившего, что в отличие от большинства европейских государств в основе способа производства в России на протяжении всей ее истории находились не проблемы собственности, а проблемы власти, собственность выступала продолжением и функцией власти. Эта специфика русских государственных отношений, основу которых составляла государственная собственность (в некотором смысле обусловленная длительной зависимостью русского государства от Золотой Орды, «монгольским правом на землю», не могла не привести к ставшему преобладающим в политике московских властей административному произволу и деспотическому властвованию, подавлявшим свободу и права личности [8].

Особое место в ряду факторов, обусловивших формирование отмеченных особенностей политического развития предшествовавшего петровской эпохе исторического периода, принадлежит геополитическому фактору формирования отечественной государственности, связанному, в первую очередь, с огромностью пространств,

на которых создавалось и укреплялось русское государство. По меньшей мере трудно согласиться с мнением, согласно которому истоки своеобразия русского исторического процесса следует искать исключительно в полиэтничности и поликонфессиональности русского общества. В известном смысле это своеобразие было изначально заложено «в сочетании распыленности этносов с компактностью их проживания, в отсутствии естественных границ, на которых можно было бы закрепиться» [4, с. 15]. В значительной мере именно необъятными размерами русского государства и его континентальным характером было обусловлено активное вмешательство государства во все сферы общественной и частной жизни, что со временем сформировало особую мобилизационно-распределительную модель государственного управления в России. Вызванная к жизни особыми условиями формирования русского централизованного государства в XVI–XVII вв., эта модель управления обществом основывалась на силовых методах властвования и призвана была мобилизовать распыленные на огромных пространствах материальные и людские ресурсы в стране.

Отдельного разговора заслуживают современные оценки характера русского «патернализма» и патерналистских черт в массовом сознании российского общества, как одной из составляющих русской политической культуры. Трагуемый в привычном смысле слова как «отеческая забота» о незащищенных слоях общества патернализм как социальное явление приобретал в российском историческом контексте специфическую окраску и свое самобытное содержание. Его характер был предопределен обусловлены вековыми традициями самодержавной монархии, воспитавшими в массовом сознании устойчивую веру в высшую справедливость державного правителя, царской милости. Здесь важно отметить два обстоятельства, во многом объясняющие отмеченные особенности. Первое обстоятельство состоит в том, что в сравнении со многими европейскими странами, строивших государственные отношения на принципах формального закона и права, в русской государственной традиции общество не было отделено от государства, глава государства, русский «государь» в этой системе отношений представлялся полновластным хозяином, единовластно управлявшим «своим хозяйством». Не меньшее значение имело также то, что в отличие от западных обществ русские люди иначе относились и к государству, и к его представителям. Эти отношения у русских людей были в большей степени эмоциональными, личностными, чем правовыми, так же как русские люди изначально отличались своей «антикапиталистической» ментальностью, не считавшей европейский принцип частной собственности «священным принципом» (русский человек ментально считал идеалом не богатую, а «святую Русь») [5, с. 74]. Следует также учитывать коллективистский характер русского человека, в рамках которого русские люди всегда отдавали предпочтение общим интересам в ущерб своим личным.

Важное политическое значение в сложном процессе становления и развития российской государственности принадлежало принятию древней Русью православного христианства, положившему начало длительным каноническим и, в известном смысле, политическим отношениям между Русским государством и Византией. Тесное общение с Византией, ускорив процесс консолидации древнерусского общества, способствовало также обретению русской цивилизацией некоторых стилевых особенностей. Эти особенности касались, в первую очередь, самого типа социальных связей в русском обществе, которые существенно отличались от типа социальных связей в западных обществах. Эта мысль была главной в историософии русских славянофилов, противопоставлявших западным обществам, основанным, по их убеждению, на порожденных римским наследием голом рассудке, индивидуализме и эгоизме, древнерусскому обществу, не знавшему эгоистического индивидуализма и сословной ненависти, объединенному духовными скрепами, общинно-семейным характером отношений.

В ряду других основных причин, оказавших влияние на широкое распространение патерналистских традиций в русском обществе, исследователи выделяют события, связанные со смутным временем в истории русского государства. Явившиеся первым в истории страны мощнейшим государственным кризисом, смутное время вызвало к жизни, наряду с сопровождавшим Смуту усилением произвола власти на всех уровнях управления, глубочайший духовный кризис, падение нравственных устоев, что, по мнению специалистов, являлось прямой угрозой православной самоидентификации русского народа. Исторические источники свидетельствуют, что Лжедмитрий I, коронованный в Успенском соборе московского Кремля под видом чудом спасшегося сына Ивана Грозного царевича Дмитрия, не только способствовал наводнению русской столицы польской шляхтой. Тайно перейдя в католичество, кроме обязательства о передаче Польше западных русских территорий, он обещал содействовать распространению в Русском государстве католической веры.

Характерно, что при новом самозванце Лжедмитрии II ряд видных представителей русской аристократии, принадлежавших к тушинскому лагерю, согласились на заключение договора с Польшей, предусматривавшего предварительное избрание на русский престол сына польского короля королевича Владислава (договор содержал условие, сохранявшее самостоятельность Московского царства и православие). Именно эти обстоятельства смутного времени имел в виду русский философ Н. А. Бердяев, заметивший как-то, что в Смуте нашла подтверждение необоснованность национально-религиозного мессианства русского государства, призрачность его претензий быть «третьим Римом».

Все это не могло не отразиться на самочувствии большинства русского населения, в сознании которого росло убеждение о важности государственного порядка и ценности государства как единственного гаранта стабильности и порядка в обществе, защиты прав и обеспечения безопасности личности. Только этим можно объяснить ту активную поддержку, которую находили в широких массах самые непопулярные меры московского правительства, предпринимаемые при выходе из Смуты с целью преодоления ее последствий и восстановления до основания разрушенного государства.

Значительное влияние на развитие патерналистских черт в общественно-политическом развитии Московского царства оказали формирование к середине XVII в. органов полиции и развитие полицейского права (именуемого в то время «полицейстикой»), отразившие общую тенденцию большинства государств того времени по организации внутреннего (полицейского) управления в государстве. По характеру решаемых задач, полицейская деятельность, именуемая в то время «благочинием» (как деятельность по охране порядка и безопасности в государстве), призвана была обеспечить государственную безопасность и благосостояние общества. В концептуальном плане становление полицейстики и полицейской деятельности было обусловлено слабостью институциональных оснований государственной политики и знаменовало утверждение новой модели правового регулирования государственной власти и управления.

Негативным последствием этих процессов стало усиление охранительной роли государства, что в перспективе вело к формированию и укреплению абсолютизма, отличительную черту которого, как известно, составляли этатизация (огосударствление) общества, стремление власти опекать общество, регламентировать все стороны жизни граждан. В этих условиях деятельность полиции приобретала всеобъемлющий характер: под предлогом заботы об общем благе она могла беспрепятственно вмешиваться во все области общественного развития.

Мы рассмотрели основные факторы, сформировавшие идейные и политико-культурные условия для утверждения патерналистских отношений в московском государстве, которые в трансформированном виде в царствование Петра I стали преобладающими, определяя многие стороны жизни государства и общества. В петровской государственной политике патернализму, как основной характеристике отношений народа и власти, отводилось исключительное место, что позволяет говорить о формировании при Петре Великом базовых оснований «патерналистского государства». В петровской модели государственного развития государство становится предметом нового культа, самодостаточным институтом и, по большому счету, новой основой российской идентичности. В этой системе ценностей государственные («державные») интересы занимали господствующее место, встав над интересами общества и личности. Стремление центральной власти к тотальной регламентации всех сфер жизни общества, к повседневной опеке населения страны под многообещающим предлогом заботы об общем благе, равно как и усиление в этот период роли военных в системе государственного управления неизбежно должны были привести к утверждению военно-бюрократического и полицейско-патерналистского характера петровского «регулярного» государства.

Библиографический список

1. Богданов, А. П. В тени Великого Петра. – М.: Армада, 1998. – 329 с.
2. Буровский, А. М. Петр Окаянный. Палач на троне. – М.: Армада, 2013. – 390 с.
3. Ключевский, В. О. О русской истории [Сборник] / Сост., авт. предисл. и примеч. В. В. Артемов; под ред. В. И. Буганова. – М.: Просвещение, 1993. – 576 с.
4. Морозов, С. А. Культура политического управления. – Краснодар, 1999. – 168 с.
5. Омельченко, Н. А. Русский этатизм и «русский нигилизм» в политическом процессе России конца XIX – начала XX вв. // Управление. – 1918. – Т. 6, № 2 (20). – С. 74, 76.

6. Перевезенцев, С. В. Русская история: с древнейших времен до начала XXI века. – М.: Академический проект, 2018. – 571 с.
7. Талина, Г. В. Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII в. – М.: Русский мир, 2010. – 448 с.
8. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 1. – СПб.: Изд-во София, 1991. – 350 с.

References

1. Bogdanov A. P. V teni Velikogo Petra [*In the shadow of Peter the Great*]. Moscow, Armada, 1998, 329 p.
2. Burovskii A. M. Petr Okayannyi. Palach na trone [*Peter the Damned. Executioner on the throne*]. Moscow, Armada, 2013, 390 p.
3. Klyuchevskii V. O. O russkoi istorii / Sbornik [*About Russian history / Collection*], Sost., avt. predisl. i primech. V. V. Artemov, pod red. V. I. Buganova. Moscow, Prosveshchenie, 1993, 576 p.
4. Morozov S. A. Kul'tura politicheskogo upravleniya [*The culture of political governance*]. Krasnodar, 1999, 168 p.
5. Omel'chenko N. A. Russkii etatizm i "russkii nigilizm" v politicheskom protsesse Rossii kontsa XIX – nachala XX vv [*Russian etatism and "Russian nihilism" in the political process of Russia in the late 19th – early 20th centuries*]. Upravlenie, 1918, vol. 6, no. 2 (20), pp. 74, 76.
6. Perevezentsev S. V. Russkaya istoriya: s drevneishikh времен do nachala XXI veka [*Russian history: from ancient times to the beginning of the XXI century*]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2018, 571 p.
7. Talina G. V. Vybor puti: Russkoe samoderzhavie vtoroi poloviny XVII – pervoi chetverti XVIII v [*Choosing a path: Russian autocracy in the second half of the 17th – first quarter of the 18th century*]. Moscow, Russkii mir, 2010, 448 p.
8. Fedotov G. P. Sud'ba i grekhi Rossii [*The fate and sins of Russia*]. Izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury: V 2 t. T. 1 [*Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: In 2 volumes. vol. 1*]. St. Petersburg, Sofiya Publ. House, 1991, 350 p.

Пряникова Наталья Игоревна

логопед, Федеральный научно-клинический центр реаниматологии и реабилитологии, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-4864-795X

SPIN-код: 4614-4725

e-mail: pryankova1968@bk.ru

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СПЕЦИАЛИСТА В ОРГАНИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Предмет исследования – конфликт, его сущность и конфликтологическая культура с точки зрения формирования у сотрудников компаний стиля поведения в конфликтных ситуациях в организационном поле. Рассмотрены составляющие конфликтологической культуры, контексты протекания конфликтов и оптимальные стили поведения личности. В связи с тем, что поведение оппонента является маркером для принятия эффективной стратегии действий, разобрано эффективное управление конфликтом на основе исследования типов поведения оппонента в конфликтной ситуации. Отмечено, что конфликтологическая культура личности в контексте проблемного межличностного взаимодействия выступает интегративным качеством, основанным на экзистенциально-гуманистическом аппарате ценностей, коммуникативной, поведенческой и психологической культурах и проявляется в оптимальной тактике поведения, нацеленной на конструктивное разрешение конфликта. Сделан вывод, что конфликт, как явление, содержит в себе потенциал для развития и совершенствования у сотрудников опыта и навыков разрешения трудных ситуаций.

Ключевые слова: контекст, конфликт, конфликтологическая культура личности, конфликтологическая культура специалиста, организационная культура, психология конфликта, стиль поведения, управление конфликтом

Для цитирования: Пряникова Н.И. Конфликтологическая культура специалиста в организационном пространстве // Вестник университета. 2020. № 12. С. 158–164.

Nataly I. Pryanikova

Speech Therapist, Federal Scientific and Clinical Center of Resuscitation and Rehabilitation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4864-795X

SPIN-код: 4614-4725

e-mail: pryankova1968@bk.ru

CONFLICTOLOGICAL CULTURE OF A SPECIALIST IN THE ORGANIZATIONAL SPACE

Abstract. The subject of the study is conflict, its essence and conflictological culture from the point of view of the formation of the company's employees' behavior style in conflict situations in the organizational field. The article considers components of the conflictological culture, the contexts of conflicts and the optimal styles of behavior of the individual. Due to the fact that the behavior of the opponent is a marker for the adoption of an effective strategy of actions, the author examines effective conflict management based on the study of the types of behavior of the opponent in a conflict situation. The paper notes that the conflictological culture of the individual in the context of problematic interpersonal interaction acts as an integrative quality based on the existential-humanistic apparatus of values, communicative, behavioral and psychological culture, and manifests itself in the optimal tactics of behavior aimed at constructive conflict resolution. The study concludes that conflict, as a phenomenon, contains the potential for the development and improvement of employees' experience and skills in resolving difficult situations.

Keywords: behavior style, context, conflict, conflict culture of the individual, conflict culture of the specialist, conflict management, organizational culture, psychology of conflict

For citation: Pryanikova N.I. (2020) Conflictological culture of a specialist in the organizational space. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 158–164. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-158-164

Конфликты в организационной системе практически неизбежны. Поэтому самая эффективная для компании стратегия – формирование у каждого сотрудника «иммунитета» к конфликтным проявлениям, выработка релевантного понимания сущности их протекания, объектной привязки и некоторого принятия этого явления. С этой целью проводят целенаправленную работу по подготовке к конфликтным проявлениям, развивают определенные поведенческие навыки персонала относительно личностного позиционирования /

© Пряникова Н.И., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

поведения / роли в конфликтной ситуации, а также внутренние личностные качества, обеспечивающие конструктивный выход из проблемы. Наиболее эффективная работа в данном контексте подразумевает личностное развитие сотрудника, повышение профессиональной подготовленности, обеспечение безопасности и психологического комфорта в организационном пространстве.

В психологической науке значительное внимание уделяется проблемным (конфликтным) личностям, конфликтному поведению в организационном поле и не только. При этом фокус исследования направлен на то, как избежать конфликта, не допустить проблемных взаимоотношений, своевременно прогнозировать и предотвращать негативные факторы, являющиеся производными элементами нарастающей проблемы. Только незначительная часть изысканий направлена на идентификацию знаний о том, какими качествами должен обладать сотрудник, чтобы конструктивно решать возникающие проблемы.

Сотрудник с высокой производительностью не обязательно должен быть не конфликтным или наоборот. Гораздо важнее его личный инструментарий, с которым он преодолевает трудности коллективного создания добавочной стоимости в компании. Речь идет об его стиле общения, который является оптимальным в конкретной ситуации с командой, коммуникативной компетентности, психологической, в частности конфликтологической, культуре. По большей части такие навыки могут быть привиты вместе с организационной культурой, а также в процессе профессиональной подготовки.

Развитие конфликтного компетентного уровня не простая, но решаемая задача. Специалист должен проходить несколько уровней конфликтологической подготовки, которые релевантны уровню естественного психологического развития личности. Таким образом, можно говорить о категории психологической / конфликтологической культуры личности как базиса конструктивного решения конфликтов в компании (рис. 1).

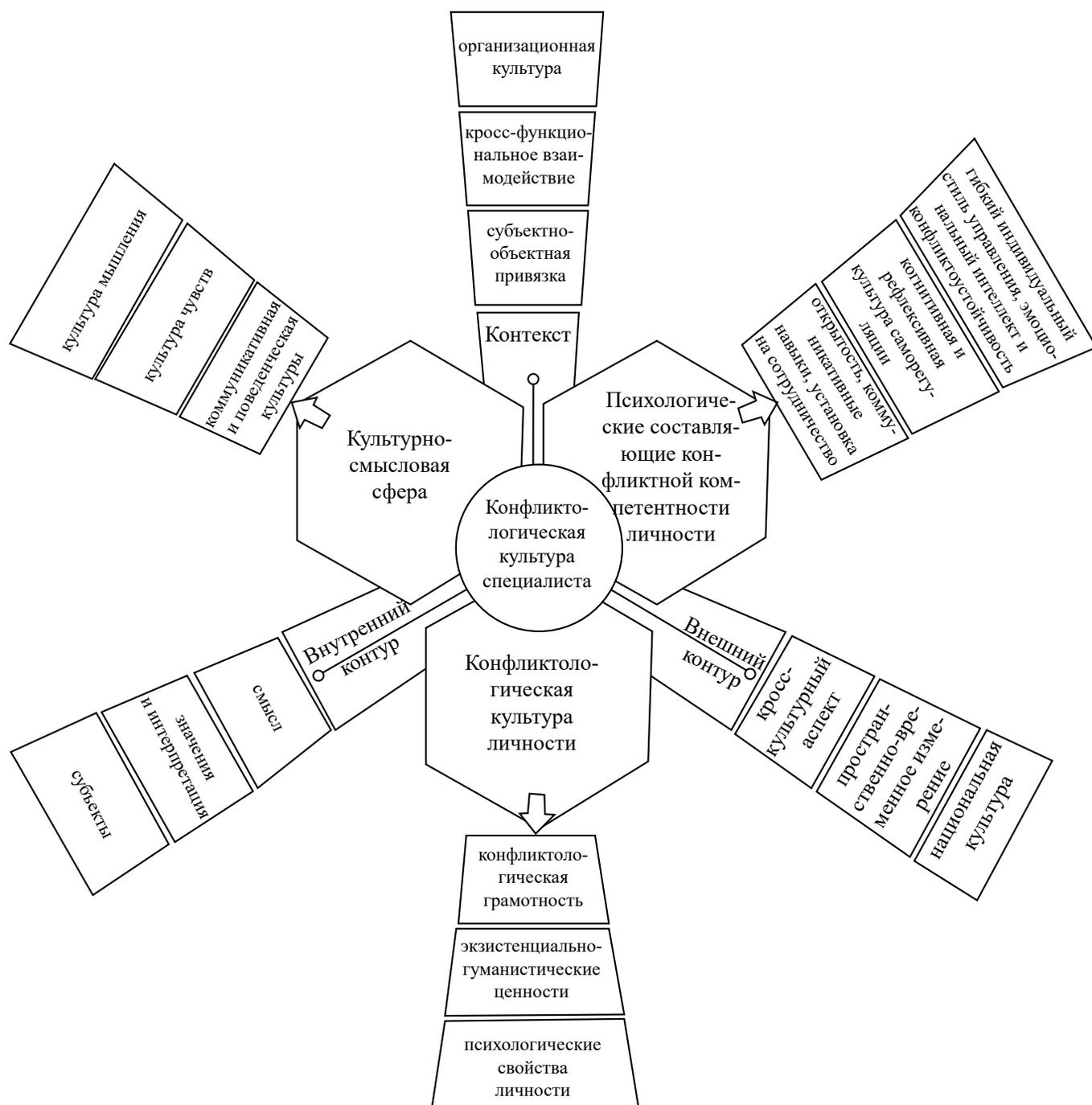
Конфликт представляет собой некоторую проблему с присущей ей противоречием. Сущность любого конфликтного проявления основана на проблемном субъектном взаимодействии. Исходя из понимания того факта, что культура является формой и способом, с помощью которого разрешаются проблемы между людьми, можно говорить о категории конфликтологической культуры личности в контексте проблемного межличностного взаимодействия.

По сути, она отражает коммуникативную модель общения человека в конфликтной ситуации. Качество такого общения идентифицирует сформированность конфликтологической культуры субъекта либо ее отсутствие. Чем она более развита, тем больше у человека стремление эффективно разрешать конфликт, вникать в суть противоречия, причины проблемных проявлений и особенности внутрличностных психологических черт каждого участника.

Многие исследователи разделяют категории конфликтологической культуры на личностную и профессиональную. Н. В. Самсонова основной целью профессионального образования считала выработку конфликтологической культуры специалиста, определяя ведущую роль за регулятивной и преобразующей функцией. Основная задача состояла в достижении оптимального баланса и гармонии в профессиональных взаимоотношениях коллег, согласованности взаимных усилий, обеспечении высокой производительности на местах и в коллективах, развитии профессиональных навыков управления конфликтом, преобразовании конфликтотогенной организационной среды в конструктивную область совместного развития [4].

При всей концептуальной проработке модель развития конфликтологической культуры специалиста по Н. В. Самсоновой не учитывает контекстуальную природу конфликта. Данный пробел может быть заполнен рассмотрением теории контекстного обучения А. А. Вербицкого, согласно которому практически все конфликты могут быть изучены на основе контекста протекания [1]. Для этого следует учитывать принципы контекстуального анализа проблемы: расширения, вариативности и взаимовлияния. К определенным контекстам протекания конфликта можно отнести следующие.

1. *Кросс-культурный*. В рамках конфликта всегда наличествует противостояние определенных культур. Участники конфликта не обязательно должны принадлежать разным национальностям/этносам. В рамках формально моногенной группы всегда имеются субкультурные проявления. Формат взаимодействия и характер устранения конфликта в силу культурного воспитания для одного человека может оказаться совершенно не приемлемым и даже несправедливым с точки зрения его установок. Сотрудничающие, соперничающие и индивидуалистические культуры отражаются на характере и степени удовлетворенности субъектных отношений.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Конфликтологическая культура специалиста

2. *Пространственно-временной.* У каждого конфликта есть временная и пространственная привязка. Особенность его разрешения будет зависеть от временного параметра протекания: завершившийся конфликт требует использования психотерапевтической работы по нивелированию последствий, активный подразумевает посредническую стратегию действий, назревающий – может быть снят за счет снижения напряжения и учета всех интересов на основе компромисса. При этом более широкая пространственная шкала мироприятия субъекта характеризует его меньшее стремление к проявлению и участию в конфликтах.

3. *Внутриличностный.* Конфликт – зеркало внутреннего психической атрибутики человека. Любой дисбаланс и/или противоречие внутренних составляющих субъекта служит производной точкой отсчета для конструктивного разрешения проблемной ситуации. К примеру, низкая самооценка побуждает человека

искать контекст, подкрепляющий его «никчемность», неуверенность всегда сопряжена с присутствием тревоги во всех проявлениях и т. д. Идентифицируя внутреннее противоречие человека можно не только эффективно выйти из конфликта, но и обеспечить прогресс в межличностном взаимодействии. Внутриличностных факторов, оказывающих влияние на поведение в конфликтной ситуации, достаточно много. Условно их можно дифференцировать на две категории: личностно детерминированные и социально обусловленные. Если к первой категории можно отнести ценности, установки, притязания, убеждения и пр., к другой социальная самооценка, образное восприятие других субъектов в целом и их поступков, стрессо- и конфликтостойчивость и пр. Приведенные выше факторы влияют на селективность восприятия, интерпретации и стратегии поведения в конфликте.

4. *Возрастной.* Данный параметр является одним из ключевых при рассмотрении конфликта, вызванного существенной разницей в возрасте. Существует много исследований о возрастной предрасположенности к конфликтам. К разным возрастным группам следует применять дифференцированный инструментарий по урегулированию проблем.

5. *Гендерно-половой.* Каждое общество закрепляет за определенным полом паттерны поведения, предписывая действовать в заданных границах. Таким образом, совокупность социальных и культурных норм становится доминирующим элементом поведенческой стратегии. Как итог, мужские конфликты отличаются от конфликтов в женских коллективах. В нестандартной ситуации женщины и мужчины используют различные тактики. В женском конфликте характерно преодоление противоречия между гендерной и половой ролью (ролевой конфликт «работа – семья») [2].

6. *Коммуникативный.* Вербальная и невербальная коммуникация является связующей основой любого конфликта. Изучение ее характера может выступать диагностическим инструментом идентификации деструктивности/конструктивности конфликтного взаимодействия. Коммуникативная культура личности выражается в использовании слов-конфликтогенов, агрессивных/ассертивных «я-посланиях», коммуникационной компетентности [6].

Таким образом, конфликтологическая культура личности выступает интегративным качеством, которое основывается на экзистенциально-гуманистическом аппарате ценностей, коммуникативной, поведенческой и психологической культурах, проявляясь в оптимальной тактике конфликтного поведения, нацеленного на конструктивное разрешение конфликта.

Поведение оппонента выступает маркером для принятия эффективной стратегии управления конфликтом. Основная цель – выбрать корректирующие действия, направленные на преобразование конфликта (табл. 1). Эффективное разрешение конфликтных ситуаций также предполагает определение контекста протекания, на основе чего выстраивается эффективный стиль поведения. Рассмотрим их более подробно на основе работ К. Томаса и Р. Килменна (табл. 2) [5].

Таблица 1

Типы поведения оппонента в конфликтной ситуации

Тип поведения	Регистрируемые признаки	Вероятностные причины	Эффективное управление конфликтом
Избегание	Низкая вовлеченность в разрешение конфликта, нежелание анализировать суть противоречия и проблемы, уклонение от активных действий, перекладывание ответственности, низкий информационный обмен, утаивание объективно весомых аргументов, отсутствие стратегической линии поведения и требований	Общая усталость от конфликтного сопротивления, отсутствие желания двигаться в сторону решения конфликта	В таком деструктивном взаимодействии есть вероятность неэффективного принятия решений. Самый лучший вариант – прекратить обсуждать проблему, сделать перерыв, перевести коммуникации в нейтральное / позитивное русло

Тип поведения	Регистрируемые признаки	Вероятностные причины	Эффективное управление конфликтом
Эскалация / нагнетание	Длительное обсуждение проблемного взаимодействия, «зацикливание» на личных аргументах/позиции/интересах, угрозы, шантаж и манипулирование, враждебность, усиление градуса недовольства, отсутствие видения выхода из сложившегося кризиса, переход на личности, раскол коллектива и создание групп по интересам	Упадок сил и фрустрация, низкий уровень организационной культуры, неудовлетворенность базовых потребностей, угроза безопасности и статус-кво	Данное деструктивное поведение участников конфликта выражено в отсутствии альтернативности выхода из сложившейся ситуации, наличии взаимоприемлемых решений, затягивание и запутывание ситуации. Нужно дать возможность самым сильным оппонентам выпустить пар, переместить акценты на другие вещи
На сотрудничество	Восприимчивость другого мышления и идей, уважение к коллегам, стремление к реализации совместных задач, ощущение общности интересов, удовлетворенность от коллектива, отсутствие враждебности и умыслов, осознание конструктивности критики	Взаимное уважение, стремление к позитивному общению, положительный настрой и коллективная поддержка	Обоюдовыгодное решение обязательно приведет к конструктивному разрешению конфликта

Составлено автором по материалам исследования

Таблица 2

Стиль поведения в конфликте с учетом контекста

Стиль поведения в конфликте	Присущие личностные переживания	Благоприятные для использования контексты	Не благоприятные для использования контексты
Конкурентное (жесткость в отстаивании личных границ, использование угроз и требований)	Нет интереса к тому, что думают другие. Сформировано единственно правильное решение и понимание ситуации. Отстаивание до конца личной позиции	Результат от разрешения ситуации важнее процесса и подходов к разрешению. Высокий авторитет / властные полномочия управленца обеспечивает лучшее решение. Необходимость быстрого решения/немедленного реагирования	Необходимость поладить с участниками. Установление хороших отношений. Высокая оценка в виде признания коллег. Отсутствие достаточных полномочий/власти
Уклонение (целенаправленное избегание в виде переключения, переключивание решения)	Человеку не нужен конфликт в виду незначительности проблемы или отсутствия времени. Желание переждать, пока ситуация сама не разрешится	Необходимость снижения общей напряженности. Нет объективных причин тратить на конфликт личные ресурсы Конфликт усугубляет без того тяжелую / сложную ситуацию. Осознание правоты другой стороны. Нет оснований продолжать отношения с оппонентом. Нужно выиграть время. Мало полномочий для оптимального решения	Исход крайне важен для участников конфликта. Уверенность решения в собственных интересах. Требуется немедленное решение. Промедление чревато негативными последствиями

Стиль поведения в конфликте	Присущие личностные переживания	Благоприятные для использования контексты	Не благоприятные для использования контексты
Приспособление (уступка в пользу другой стороны)	Решение более важно для другой стороны. Выгоднее уступить нежели противостоять	Необходимо сохранить баланс интересов. Личные потери малы либо отсутствуют. Оппонент прав либо мало шансов на победу. Полезный урок для участников. Смягчение ситуации, восстановление отношений и авторитета. Польза в будущем перевешивает выигрыш в настоящем	Ощущение собственной несостоятельности при жертве личных интересов. Уступка в стратегически важном контексте. Другая сторона не оценит жертвы / не готова поступиться личными интересами
Сотрудничество (переговорные методики)	Выгодно для меня и всех в том числе	Сложный предмет дискуссий, требующие учета всех интересов. Открытый диалог и объективное понимание ситуации. Готовность сторон определить скрытые потребности и мотивы. Удовлетворение интересов важнее компромисса. Доброжелательное отношение сторон. Принятие противоположной точки зрения. Нацеленность на стратегическое, а не временное решение	Неумение / нежелание стороны играть открыто / принимать противоположную точку зрения. Безальтернативность решения, т.к. одни интересы противоречат другим. Отсутствие времени для согласования позиций и выработки совместного направления действий. Перевес властных полномочий. Отсутствие доверия, необходимости учета мнения другой стороны
Компромисс (общее благо на основе взаимных уступок)	Уступлю в обмен на то же.	Простая ситуация, не требующая много ресурсов для разрешения. Возможность временного соглашения. Не критичный характер проблемы. Невозможность использования других стилей поведения. Наличие взаимоисключающих интересов. Необходимость закрепить хоть какой-то результат	Нет области для торга. Оппоненты имеют больше власти. Нет цели сотрудничать и проявлять уступку

Источник: [3]

Формирование конфликтологической культуры специалиста длится на протяжении всей жизни человека. Развитие и совершенствование личностного опыта в области управления конфликтными ситуациями позволяет по-другому оценивать происходящее, идентифицировать истинный смысл и причины, прогнозировать потенциальные проблемы и выработать «иммунный» ответ в процессе их разрешения. Проблема рассматривается не как препятствие на пути достижения цели, а предстает, скорее, как шанс проявить себя в новом качестве, открыть в себе что-то новое, сделать то, что не удалось бы при других обстоятельствах.

Библиографический список

1. Вербицкий, А. А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение. – М.: Исследовательский центр проблемы качества подготовки специалистов, 1999. – 75 с.
2. Грошев, И. В. Гендерные особенности конфликтности на предприятиях и в организациях // Социологические исследования. – 2007. – № 6 (Июнь). – С. 122-130.
3. Грошев, И. В., Давыдова, Ю. А., Басова, М. М. Коэффициент потенциальной конфликтности личности: фактор частоты межличностных конфликтов // Социально-экономические явления и процессы. – 2009. – № 4. – С. 28-30.
4. Самсонова, Н. В. Конфликтологическая культура специалиста и технология ее формирования в системе вузовского образования. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – 308 с.
5. Степанов, Е. И. Современная конфликтология: общие подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту социальных конфликтов. – М.: ЯКИ, 2008. – С. 122-125.
6. ЩербакOVA, О. И. Контексты в конфликтологии. – М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2006. – 80 с.

References

1. Verbitskii A. A. Novaya obrazovatel'naya paradigma i kontekstnoe obuchenie [*New educational paradigm and contextual learning*]. Moscow, Issledovatel'ski tsentr issledovaniya problem kachestva podgotovki spetsialistov, 1999, 75 p.
2. Groshev I. V. Gendernye osobennosti konfliktnosti na predpriyatiyakh i v organizatsiyakh [*Gender features of conflict at enterprises and in organizations*], Sotsiologicheskie issledovaniya [*Sociological Studies*], 2007, no. 6, pp. 122-130.
3. Groshev I. V., Davydova Yu. A., Basova M. M. Koeffitsient potentsial'noi konfliktnosti lichnosti: faktor chastoty mezhlichnostnykh konfliktov [*Coefficient of potential conflictness of personality: the factor of the frequency of interpersonal conflicts*], Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy [*Social-Economic Phenomena and Processes*], 2009, no. 4, pp. 28-30.
4. Samsonova N. V. Konfliktologicheskaya kul'tura spetsialista i tekhnologiya ee formirovaniya v sisteme vuzovskogo obrazovaniya [*Conflictological culture of a specialist and the technology of its formation in the system of higher education*]. Kaliningrad, Izd-vo KGU, 2002, 308 p.
5. Stepanov E. I. Sovremennaya konfliktologiya: obshchie podkhody k modelirovaniyu, monitoring i menedzhmentu sotsial'nykh konfliktov [*Modern conflictology: general approaches to modeling, monitoring and management of social conflicts*]. Moscow, YAKI, 2008. pp. 122-125.
6. Shcherbakova O. I. Konteksty v konfliktologii [*Contexts in conflictology*]. Moscow, MGGU im. M. A. Sholokhova, 2006, 80 p.

Танина Мария Алексеевна

канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Пензенский филиал), г. Пенза, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7311-6280

e-mail: margo10@inbox.ru

Юрасов Игорь Алексеевич

д-р соц. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Пензенский филиал), г. Пенза, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-4884-6422

e-mail: jurassow@mail.ru

Юдина Вера Александровна

канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Пензенский филиал), г. Пенза, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9835-9430

e-mail: vayudina@fa.ru

Зябликова Ольга Александровна

канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Пензенский филиал), г. Пенза, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1624-0071

e-mail: margo10@inbox.ru

Maria A. Tanina

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Penza branch), Penza, Russia

ORCID: 0000-0001-7311-6280

e-mail: margo10@inbox.ru

Igor A. Yurasov

Doctor of Sociological Science, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Penza branch), Penza, Russia

ORCID: 0000-0002-4884-6422

e-mail: jurassow@mail.ru

Vera A. Yudina

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Penza branch), Penza, Russia

ORCID: 0000-0001-9835-9430

e-mail: vayudina@fa.ru

Olga A. Zyablikova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Penza branch), Penza, Russia

ORCID: 0000-0002-1624-0071

e-mail: margo10@inbox.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЦИФРОВОЙ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация. Анализ различных форм протестной активности в виртуальном пространстве становится особенно актуальным в эпоху развития цифровых технологий во всех сферах общественной жизни. Но до настоящего времени не было комплексной работы, посвященной тенденциям, которые вызывают, сопровождают и организуют цифровую протестную активность в мире. Цель настоящей работы – определение теоретико-методологических основ социально-политического анализа цифровой протестной активности в современных социумах. В исследовании решались задачи анализа ценностей провинциальных российских социумов, институциональных матриц, сетевого политического управления и специфических форм виртуальной коммуникации в сетевом пространстве. Выявлены теоретико-методологические основания развития цифровой протестной активности в мире: особенности социальной темпоральности, публичные ценности, специфика доверия, типы социальных связей в городском пространстве; цифровизация, виртуализация и медиатизация, информационное неравенство, цифровая элитарность; институциональные матрицы и институциональные ловушки электронной коммуникации, тенденции в цифровом управлении. Приведенные теоретические основания служат базой моделирования протестной цифровой активности в мегаполисах и провинциальных городах.

Ключевые слова: виртуализация пространства, институциональные ловушки, институциональные матрицы, информатизация социума, полиментальность социума, социальная темпоральность, социальные ценности, цифровизация общества, цифровое управление, цифровой протест

Для цитирования: Танина М.А., Юрасов И.А., Юдина В.А., Зябликова О.А. Теоретико-методологические основания социально-политического анализа цифровой протестной активности // Вестник университета. 2020. № 12. С. 165–170.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF SOCIO-POLITICAL ANALYSIS OF DIGITAL PROTEST ACTIVITY

Abstract. The analysis of various forms of protest activity in the virtual space becomes especially relevant in the era of digital technologies development in all spheres of public life. But until now, there has not been a comprehensive work devoted to the trends that cause, accompany and organize digital protest activity in the world. The purpose of this paper is to determine the theoretical and methodological foundations of the socio-political analysis of digital protest activity in modern societies. The study solved the problems of analyzing the values of provincial Russian societies, institutional matrices, network political management and specific forms of virtual communication in the network space. The authors reveal the theoretical and methodological foundations of the development of digital protest activity in the world: features of social temporality, public values, specifics of trust, types of social connections in urban space; digitalization, virtualization and mediativization, information inequality, digital elitism; institutional matrices and institutional traps of electronic communication, trends in digital management. The theoretical grounds provided are the basis of digital simulation of the protest activity in Megacities and provincial towns.

Keywords: digital management, digital protest, digitalization of society, institutional matrices, institutional traps, informatization of society, polymentality of society, social temporality, social values, virtualization of space

For citation: Tanina M.A., Yurasov I.A., Yudina V.A., Zyablikova O.A. (2020) Theoretical and methodological foundations of socio-political analysis of digital protest activity. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 165–170. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-165-170

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31060 «Протестная активность в сетевом информационном пространстве провинциального города: дискурс, структура, ценности».

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-31060 "Protest activity in the network information space of a provincial city : discourse, structure, values".

© Фамилия Е.М., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Цифровая протестная активность является особой формой организации и самоорганизации населения в сетевом информационном пространстве, которая выражается: в участии в специфических сетевых сообществах, открытых и закрытых телеграм-каналах; обсуждении социально-политических, социально-экономических проблем развития страны и региона; участии распространения и блокирования информации; привлечении широких слоев общества к протестной риторике. До настоящего времени не было комплексной работы, посвященной всем тем тенденциям, которые вызывают, сопровождают и организуют цифровую протестную активность в мире. Существуют отдельные исследования, посвященные развитию цифрового протеста в крупных российских мегаполисах, но нет исследований, анализирующих сетевой виртуальный протест в средних и малых провинциальных городах Российской Федерации. Все изложенное выше указывает на актуальность темы настоящего исследования.

Целью настоящей работы является определение теоретико-методологических основ социально-политического анализа цифровой протестной активности в современных социумах. Цель исследования предполагает постановку следующих задач: анализ ценностей провинциальных российских социумов, исследование институциональных матриц, сетевого политического управления и специфических форм виртуальной коммуникации в сетевом пространстве.

В качестве авторской гипотезы выступает мнение авторов настоящего исследования, что социально-политические и социально-экономические особенности российских мегаполисов и провинции маркируют специфику цифровой протестной активности. Различная социальная темпоральность, отличия в структуре ценностей, особенности ментальности жителей мегаполиса и провинциального города в России выдвигают различные поводы, темы протеста, формируют отличных от мегаполиса лидеров цифровой протестной активности.

Специфика социальной темпоральности мегаполиса и провинции заключается в запаздывании временных периодов в провинции от мегаполиса. Социальная темпоральность российской провинции определяется рядом факторов, а именно, наличием традиционных, индустриальных и постиндустриальных отношений и ценностей одновременно; преобладанием модернизационных процессов в технической сфере при недостаточности, либо малой активными инновационных процессов в социальной сфере; архаизацией общественной жизни и общественных практик, которые формируют ощущение потерь и, как следствие, являются причиной институциональных ловушек; невыразительности архитектурного облика региона, дифференцированности урбанизационных процессов; нарастания неформальной и теневой занятости и «гаражной экономики»; отсутствия уникальности и привлекательности в городском пространстве [1].

Ценности провинции и замедление течения социального времени приводят к возникновению многих местных проблем, формируют институциональные ловушки. Институциональные ловушки представляют собой специфические неэффективные институты, которые могут самоподдерживаться и самовоспроизводиться. Институциональная ловушка, возникающая в трансформируемых социумах, является собой специфическое состояние социальной системы, приводящее ее к трансформационной деградации, которая угнетающее действует на общее социально-психологическое настроение обществ. Неэффективный социальный или взаимовлияние эффективных институтов в социуме могут породить институциональные ловушки. После формирования институциональной ловушки возвращение к начальному, дореформенному, архаическому положению вещей приводит социальную систему в состояние сильной дестабилизации, которая может закончиться более сильной деградацией. В этом случае создается особый «эффект гистерезиса», который выражается в более сильном влиянии архаических ценностей, архаических систем, чем в дореформенной ситуации [11].

Социальные ценности российской провинции были выяснены в ходе авторского исследования, которое проводилось в июле-октябре 2020 г. в 24-х регионах России от Калининграда для Хабаровска. В опросе приняли участие 1 610 человек, из них 56,9 % женщин, 43,1 % мужчин, при этом возраст варьировался от 16 до 83 лет, большинство респондентов (41,7 %) имеют высшее образование.

Самыми важными жизненными ценностями, по результатам социологического исследования являются: здоровье (91,8 %), материальный достаток (82,2 %), семья (69,9 %), дружба, любовь (39,7 %). Инициативность, предприимчивость (8,2 %), самореализация, ценности свободы (4,1 %) не стали базовыми ценностями российских провинциальных социумов. Исследование показало, что материальный достаток жителя российской провинции слабо связан с его активной социально-экономической деятельностью. По мнению респондентов, достаток является следствием внешних, практически не зависящих от человека факторов. Российские

провинциалы в большинстве своем не стремятся к активной целенаправленной деятельности по улучшению своего материального положения [12]. Что касается ценностей семьи, любви и дружбы, то они становятся причинами появления институциональных ловушек. Специфические традиционные, индустриальные, информационных ценности влияют на социальные институты, которые формально могут быть такими же, как и в мегаполисе, но функционируют в различных темпоральных отрезках. Российская «Семья» мегаполиса, кардинально отличается «семья» провинциального города. Семейные отношения российских мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург) больше похожи на семейные отношения развитых европейских городов [3].

В семьях российской провинции культивируются более тесные контакты и коммуникативные связи между членами. Институт семьи, семейные ценности в российской провинции крепче, чем в мегаполисе, но это может отрицательно влиять на поведение молодых людей и их родителей на рынке труда. В российской провинции формируется особый рынок труда, в котором неформализованные практики доминируют над формализованными. Сталкиваясь между собой, эти практики порождают институциональные ловушки, тормозящие экономическое, политическое и социальное развитие. Они усугубляют местные проблемы и негативно влияют на социальное самочувствие его жителей. Это видно на примере анализа престижности профессии в нашей стране. Престижность в российской провинции определяется возможностью перераспределения ресурсов, так как российская экономика является экономикой ресурсно-перераспределительного типа. В этих условиях престижной будет та профессия, которая открывает дорогу к возможностям перераспределения бюджетов различных уровней. И именно неформализованные семейные практики транслируют этот факт. И в этом случае в провинциальном социуме формируется институциональный конфликт между рынком труда и семьей и семейными ценностями.

Что касается цифрового протеста в провинции, то там формируется серьезная институциональная ловушка, когда вся мощь виртуальной протестной активности сводится к троллингу, кибербуллингу в сетевом пространстве, формированию политической пассивности, формированию возможности фальсификации сетевой активности в сети «Интернет» в форме использования специфических киберсимулякров, виртуализации и слэктивизм (термин американского политического публициста русского происхождения Е. Морозова.), Слэктивизм является формой политической сетевой активности, которая не приводит к реальным политическим результатам, а является чем-то вроде средства, укрепляющего комфорт участников сетевой политической дискуссии [2; 4].

Интенсивность цифрового протеста в мегаполисе и провинции зависит также от ментальных особенностей социума, от специфики политической, коммуникационной культуры. Специфически влияет на сетевое политическое управление и на гражданское участия полиментальность российской провинции. В российской провинции, в соответствии с законом поляризации П. А. Сорокина [11], производят разделение членов социума на несколько социальных групп, которые обладают радиально противоположно направленными нормами и нормативами поведения, а также ценностными ориентациями [10]. В структуре российской провинции следует отметить три доминирующие ментальные установки: индивидуалистско-либеральные, коллективистско-социалистические, консервативно-либеральные [8; 9]. Сложный набор этих установок тормозит формирование доверия и взаимопонимания между оппозиционными социальными группами, с странным образом меняет общественные ценности и блокирует гражданское участие и мультиплицирует процессы цифрового протеста.

В российских провинциальных городах с каждым годом крепнут так называемые «сильные социальные связи», под которыми подразумеваются семейные дружеские, родственные ценности. «Слабые ценности» мегаполиса – становятся триггером профессиональной и карьерной мобильности человека. Коммуникация в виртуальном пространстве при наличии слабых связей становится наиболее информативной. В некоторых случаях контекст преобладания слабых связей становится спусковым механизмом формирования крайних антимодерновых проявлений [7].

В провинциальных городских сообществах личности с современной мобильностью хотят потреблять продукты глобальной цивилизации, например, участвовать в сетевом гражданском протесте, принимать участие в сетевой виртуальной коммуникации, к цифровой и реальной протестной активности. А те сообщества, которые прибывают в ситуации модернизационной цивилизации, начинают интересоваться локальной исторической аутентичностью во всех ее формах, включая, архаичные формы общения, традиционные еду и напитки. Историческая память, интерес к самобытности локального социума, к локальным проблемам, к локальной истории и культуре очень зависят от того, как в локальном пространстве приходит динамика

развития цивилизации модерна и глобального города. Это может сильно обмануть ожидания политической элиты от внедрения сетевого политического управления и цифровой демократии, когда в условиях сильных связей будет тормозиться сетевая политическая коммуникация, цифровая протестная активность.

Полиментальность, влияние провинциальной социальной темпоральности, рост недоверия граждан к органам власти парадоксальным образом приводят к атономизации общества, к сегрегации политических ориентаций, а не росту протестных настроений. Институты общественной жизни постепенно ослабевают, людей с различными политическими ориентациями становится проще натравливать друг на друга.

На специфику цифровой протестной активности в российской провинции влияют институциональные матрицы, задающие специфические институциональные рамки развития и блокирующие вестернизированные модернизационные процессы в социуме. Согласно этой теории, социальные, экономические и политические институты являются устойчивыми формальными структурами (законы, инструкции, нормативные правовые акты) и неформальными социально-политическими конструктами (ритуалы, обычаи, правила взаимодействий) [5; 6]. Социальные и политические институты формируются людскими сообществами, и одновременно ограничивают коммуникации людей в социуме. В этом отношении политическая система интерпретируется как самоорганизующаяся структура, целью которой становится воспроизводство социальной жизни в природном, изначальном окружении. Политическая активность организуется матричным способом. Каждая матрица (от лат. *matrix* – матка) выражает константную, исторически сложившуюся систему базовых социально-политических институтов. Эти институты регулируют функционирование основных социальных сфер – экономики, политики и идеологии. X-матрица является системой институтов с централизованной экономикой, унитарной политической системой и коммунитарной, коллективистской идеологией. Y-матрица сформирована институтами рыночной экономики, федеративного политического устройства и субсидарной (с приоритетом индивидуальных личностных ценностей) идеологии.

Пространственное неравенство, особенно характерное Российской Федерации, влияет на цифровое неравенство, на специфику цифровой протестной активности. При этом неравенство регионального развития возникает из-за неравномерного распределения экономических ресурсов по территории страны. В зависимости от распределения и наличия ресурсов в том или ином регионе в России выделяются центральные регионы (мегаполисы), полупериферия (традиционные крупные российские города), периферия (провинция). Причиной неравенства регионального развития могут выступать факторы неравенства первого уровня (климатические и природные условия) и второго уровня (уровень развития промышленного производства, инфраструктуры, человеческий, интеллектуальный и инновационный капиталы, материально-техническая база и др.). При этом в мегаполисах и провинциальных регионах могут происходить противоположно направленные процессы. Для мегаполисов характерно развитие и активизация инновационных процессов и институциональное развитие, а для провинции – преобладание негативных тенденций. Большая часть провинциальных регионов реализует политику догоняющего развития, что приводит к поляризации уровней социально-экономического развития территории страны, формированию цифрового неравенства, возникновению институциональных ловушек.

Использование людьми новых форм электронных, сетевых, социальных взаимодействий приводит к появлению нового типа общества – информационного, сетевого, где главным атрибутом выступает свойство виртуальности. Виртуальные сетевые сообщества одновременно способствуют реализации двух процессов – стиранию традиционного социально-экономического неравенства участников сообщества, а также формированию информационной иерархии и стратификации, которая формирует структурную композицию сообщества, оказывающих влияние на политическое управление, электронное гражданское участие.

В качестве одной из основных причин виртуализации выступает массовое распространение среди населения и в бизнес-среде электронных интернет-коммуникаций, в том числе и сетевых. Интернет-пространство способствует формированию специфических процессов репрезентации пользователей виртуальных сетевых сообществ. Данный процесс обеспечивает обесценивание содержания контента в сетевом интернет-пространстве. Активное применение киберсимулякров в виртуальных сетевых сообществах в сфере политического и гражданского управления способствуют значительному искажению общественного мнения и мнения аудитории, способствует формированию протестного пространства в интернет-сети. Данные процессы приводят к возникновению манипулятивных процессов, нарушают стабильную работу политической системы, национальной безопасности страны с применением интернет-коммуникаций. Негативные последствия сетевой

протестной активности в виде троллинга, кибербуллинга приводят в социумах, обладающих демократией в зачаточном состоянии и ценностями консервативного общества способствуют возникновению значительных отрицательных процессов: «цветных революций», анархии в политической сфере, усилению национализма, контрэлитного популизма. Хаос в сфере взаимодействия в информационном пространстве могут привести к возникновению протестных процессов в социально-политической сфере. Примером может выступить «Арабская весна» 2010–2011 г., способствующая возникновению крайне негативных процессов на Ближнем Востоке.

Возникновение новых форм социальных коммуникаций и их перенос в сетевое интернет-пространство способствуют изменению социальных институтов: возникают принципиально новые ценностные и нормативные ориентации в социуме, отдельные структурные элементы институтов видоизменяются либо теряют свою актуальность. Вместе с тем виртуализация социальных институтов укрепляет институционального порядка и одновременно снижает воздействие формальных правовых механизмов в сфере социальных коммуникаций.

Цифровое политическое управление, формы гражданского протестного участия, сетевые информационно-коммуникационные технологии по-разному реализуются и трансформируются в российском обществе в разных типах городского пространства. В провинциальных городах России формируется специфическая модель цифровой протестной активности. Триггером виртуального протеста становится нарушение местного социально-экономического, реже социально-политического интереса. В исследованных 24 городах российской провинции спусковым крючком начала цифровой, и позже и реальной протестной активности, стало нарушение экономического интереса. Цифровую протестную активность в российской провинции начали «обманутые дольщики» в 2015 г. Протестная риторика была усилена «сильными связями» внутри городского пространства, когда в провинции большинство жителей связаны между собой родственными и дружескими узами. Цифровую и реальную протестную активности в 2015–2020 гг. пытались возглавить лидеры несистемной оппозиции, такие как представители «Левого фронта», политические структуры А. Навального. Но умело решая проблемы обманутых дольщиков, органы официально государственной власти смогли купировать цифровой и реальный протест в провинциальной России. Исключением из этого является цифровой и реальный протест в Хабаровске, когда был нарушен местный политический интерес. Но цифровая политическая активность в Хабаровском крае в силу своей непродолжительности во времени, требует особого анализа и осмысления.

Дав возможность жителям города самостоятельно решать социально-экономические вопросы, руководство провинциальных городов России встает на путь развития механизмов территориального общественно-управления, что позволяет повысить авторитет власти и предотвратить неконтролируемое развитие цифровой и реальной протестной активности.

Таким образом, цифровая протестная активность в провинции России отличается от протестной активности в российских мегаполисах. Теоретико-методологическими основами, структурирующими специфику цифрового протеста в провинциальной России, являются особенности социальной темпоральности, публичные ценности, специфика доверия, типы социальных связей в городском пространстве; цифровизация, виртуализация и медиативизация, информационное неравенство, цифровая элитарность; институциональные матрицы и институциональные ловушки электронной коммуникации, тенденции в цифровом управлении.

Возможными направлениями дальнейших исследований может стать анализ взаимоотношений между цифровой протестной активностью и реальными участниками митингов в мегаполисе и российской провинции, взаимоотношение цифровой протестной активности, вызванной экономическими, политическими и социальными проблемами (проблемами образования и здравоохранения в период пандемии 2020–2021 гг.

Библиографический список

1. Буранчин, А. М. Архаизация как социальная проблема // Политическое образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawinrussia.ru/content/arhaizaciya-kak-socialnaya-problema> (дата обращения: 04.11.2020).
2. Володенков, С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Московский университет, 2015. – 272 с.
3. Зубаревич, Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
4. Ибрагимов, Л. Х. Интернет коммуникации в пространстве современной политики // Вестник ЗаБГУ. – 2016. – Т. 22, № 6. – С. 69-82.

5. Кирдина, С. Г. Институциональные изменения и принцип Кюри // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 1. – С. 19-38.
6. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. – М., СПб.: Нестор-История, 2014. – 468 с.
7. Куренной, В. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? – М.: Strelka Press, 2017. – 216 с.
8. Семенов, В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 477 с.
9. Семенов, В. Е. Духовно-нравственное преобразование общества в контексте концепции российской полиментальности // Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юевич. – М. Изд-во ИП РАН, 2013. – С. 98-112.
10. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М. Политиздат, 1992. – 543 с.
11. Юрасов, И. А., Танина, М. А. Социальное самочувствие жителей провинциального города // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 260-264.
12. Юрасов, И. А., Алехин, Э. В. Население Пензенской области как фактор инновационного развития // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 2. – С. 6.

References

1. Buranchin A. M. Arkhaizatsiya kak sotsial'naya problema [*Archaization as a social problem*]. Politicheskoe obrazovanie. Available at: <http://lawinrussia.ru/content/arhaizatsiya-kak-socialnaya-problema> (accessed 04.11.2020).
2. Volodenkov S. V. Internet-kommunikatsii v global'nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniya [*Internet communications in the global space of modern political governance*]. Moscow, Moskovskii universitet, 2015, 272 p.
3. Zubarevich N. V. Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya [*Regions of Russia: inequality, crisis, modernization*]. Moscow, Nezavisimyi institut sotsial'noi politiki, 2010, 160 p.
4. Ibragimov L. H. Internet kommunikatsii v prostranstve sovremennoi politiki [*Internet communications in the space of modern politics*]. Vestnik ZaBG, 2016, vol. 22, no. 6, pp. 69-82.
5. Kirdina S. G. Institutsional'nye izmeneniya i printsip Kyuri [*Institutional changes and the Curie principle*]. Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii [*Economics of Contemporary Russia*], 2011, no. 1, pp. 19-38.
6. Kirdina S. G. Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu [*Institutional matrixes and development of Russia. Introduction to X-Y theory*]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2014, 468 p.
7. Kurennoi V. Sila slabykh svyazei. Gorozhanin i pravo na odinochestvo [*The strength of weak connections. Citizen and the right to solitude*]. Gorozhanin: chto my znaem o zhitele bol'shogoroda? [*Citizen: what do we know about a resident of a big city*]. Moscow, StrelkaPress, 2017, 216 p.
8. Semenov V. E. Rossiiskaya polimental'nost' i sotsial'no-psikhologicheskaya dinamika na pereput'e epoch [*Russian polymentality and socio-psychological dynamics at the crossroads of epochs*]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2008, 477 p.
9. Semenov V. E. Dukhovno-nravstvennoe preobrazhenie obshchestva v kontekste kontseptsii rossiiskoi polimental'nosti [*The spiritual and moral transformation of society in the context of Russian multi-mentality concept*]. Psikhologicheskie issledovaniya нравственности [*Psychological studies of morality*], Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юевич. Moscow, Izd-vo IP РАН, 2013, pp. 98-112.
10. Sorokin P. A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [*Person. Civilization. Society*]. Moscow, Politizdat, 1992, 543 p.
11. Yurasov I. A., Tanina M. A. Sotsial'noe samochuvstvie zhitelei provintsial'nogo goroda [*Social well-being of residents of a provincial city*]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya [*Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*], 2018, vol. 18, no. 3, pp. 260-264.
12. Yurasov I. A., Alekhin E. V. Naselenie Penzenskoi oblasti kak faktor innovatsionnogo razvitiya [*Population of the Penza region as a factor of innovative development*]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [*Theory and Practice of Social Development*], 2016, no. 2, p. 6.

Тимохович Александра Николаевна

канд. психол. наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5326-5975

e-mail: an_timokhovich@guu.ru

Никурадзе Ольга Ивановна

Руководитель молодежной организации «Диапазон», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1271-0320

e-mail: olyanikuradze@gmail.com

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ МЕДИАПРОСТРАНСТВ ВИРТУАЛЬНЫХ ФАН-СООБЩЕСТВ

Аннотация. Затронута проблематика развития медиапространств виртуальных фан-сообществ. Цель исследования заключалась в выявлении специфики онлайн-коммуникаций виртуальных фан-сообществ с аудиторией. Исследована диалектика понятий «фан-сообщество», «медиапространство», «фандом». Рассмотрены основные подходы к изучению медиапространства российскими и зарубежными авторами. Описаны традиционные коммуникационные офлайн-практики фандомов. Обоснована проблематика существования многообразия каналов коммуникации фандомов с аудиторией (негативная интерпретация контента, ограничения в монетизации и оценке эффективности коммуникационных практик, рост затрат на диверсификацию контента с учетом особенностей разных платформ). Выявлен тренд централизации фанатских сообществ и возможности технологического обеспечения пользовательского опыта на всех стадиях коммуникационного процесса в рамках использования онлайн-платформы. Приведен анализ медиасреды и медиапространств фандомов Южной Кореи. На примере южнокорейского кейса разработки фандомного медиапространства в формате приложения Weverse. Рассмотрены приемы взаимодействия с аудиторией в условиях ограничений офлайн-взаимодействия. Сформулированы выводы о специфике расширенного функционала платформы, о предоставляемых способах организации виртуального фанатского медиапространства с помощью использования платформы; о наступающей тенденции перевода фанатской деятельности в виртуальную среду.

Ключевые слова: аудитория, интернет, каналы коммуникации, коммуникация, медиапространство, мобильное приложение, потребители, сообщество, социальное взаимодействие, социальные сети

Для цитирования: Тимохович А.Н., Никурадзе О.И. Анализ развития медиапространств виртуальных фан-сообществ//Вестник университета. 2020. № 12. С. 171–175.

Alexandra N. Timokhovich

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, State University of Management, Moscow

ORCID: 0000-0001-5326-5975

e-mail: an_timokhovich@guu.ru

Olga I. Nikuradze

Head of the youth organization Diapazon, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-1271-0320

e-mail: olyanikuradze@gmail.com

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF VIRTUAL FAN COMMUNITIES MEDIA SPACES

Abstract. The article deals with the development of media spaces of virtual fan communities. The aim of the research was to reveal the specifics of online communication of virtual fan communities with the audience. The paper investigates the dialectics of the concepts of fan-community, media space, fandom. The article considers the main approaches to studying media space by Russian and foreign authors. The study describes the traditional offline communication practices of the fandoms. The authors substantiate the problem of the existence of a variety of communication channels of the fan communities with the audience (negative interpretation of content, limitations in monetization and evaluation of the effectiveness of communication practices, the growth of costs for the diversification of content, taking into account the features of different platforms). The paper identifies the trend of centralization of fan communities and the possibilities of technological support of user experience at all stages of the communication process as part of the use of online platform. The article gives an analysis of the media environment and media spaces of South Korea's fan communities on the example of the South Korean case of the development of the fandom media space in the format of the Weverse mobile application. The study considers the techniques of interaction with the audience in the offline interaction limitations. The authors formulate conclusions about the specifics of the extended functionality of the platform, about the provided ways of organizing the virtual fan media space with the help of the platform; about the coming trend of transferring fan activities into the virtual environment.

Keywords: audience, communication, communication channels, community, consumers, Internet, media space, mobile application, social interaction, social networks

For citation: Timokhovich A.N., Nikuradze O.I. (2020) Analysis of the development of virtual fan communities media spaces. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 171–175. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-171-175

На протяжении последнего десятилетия активное развитие получили виртуальные фан-сообщества развлекательной направленности. Фан-сообщества или фандомы представляют собой группы фанатов кого-либо или чего-либо [1]. В ходе своего формирования фандомы создают вокруг себя медиапространства. Однако в процессе развития и увеличения фандома процесс отслеживания, контроля и коммуникации с представителями сообщества становится все менее доступным. По этой причине компании, заинтересованные в регуляции медиапространства, вынуждены искать новые подходы к организации упомянутых медиапространств. В настоящей статье рассмотрены реалии формирования медиапространства вокруг представителей развлекательной индустрии Южной Кореи, а также приведем анализ попытки реформации современного виртуального медиапространства фандома через создание независимой корпоративной платформы.

Исследования медиапространства как феномена, зародившегося в XX в., начались в США в конце 70-х гг. XX в. За последнее десятилетие из-за развития социальных сетей и интернет-коммуникации, изучение медиапространств обрело существенно новый вектор развития. На данный момент в большинстве исследований медиапространства рассматриваются через призму социальных сетей. Например, среди российских научных работ можно выделить работы В. Н. Бузина, в рамках которых медиапространства рассматриваются с позиции их управляемости, основываясь на авторской концепции структуры медиапространства [1]. Вопросы специфики творческой деятельности, ее особенностей и проблем изучения в рамках медиапространств анализирует в своих работах О. Н. Ткаченко [4]. Следует отметить, что существуют исследования, в рамках которых медиапространства рассматриваются с социально-философской точки зрения. Например, М. А. Елисеева анализирует различные подходы к исследованию проблематики медиапространств в современном обществе, при этом выделяя общие характеристики обозначенного понятия [2]. В нашей работе также рассматривается фактор загруженности информационного потока представителей членов фан-сообществ. Ранее информационный поток в виртуальном медиапространстве был исследован в работах М. В. Коновалова [3]. Среди иностранных исследований вопросов медиапространств можно выделить работы К. Герлицц, А. Хэлмонд и Т. Искиа [8; 9].

Вопрос фан-сообществ в сравнении с феноменом медиапространств существенно менее исследован в российской научной среде. В основном, существующие исследования затрагивают проблематику существования сообществ футбольных болельщиков. В то же время, среди иностранных исследователей много тех, кто рассматривает в своих работах непосредственно фанатские сообщества развлекательной индустрии. Можно выделить исследования таких авторов как С. Линден и Г. Линден, которые изучают неоднозначную взаимосвязь между фандомами и культурой потребителей, предоставляя критический обзор фанатов, фан-культур и их опыта в связи с экономическими трансформации [12]. Если мы говорим о более профильном изучении фан-сообществ музыкального сектора индустрии развлечений, то можно выделить работы М. Даффета, в которых автор рассматривает идентичности, роли и практики представителей фан-сообществ музыкальной направленности [7].

Так как в настоящей статье приведен анализ медиапространств Южной Кореи, то выделим ряд исследователей, которые изучают тематику корейских фан-сообществ в контексте медиапространств. Стоит отметить, что исследования указанной проблематики в Южной Корее достаточно активно развиваются в последние годы. В научных работах Ким Су А, Чо Ён Хан, Ким Ён Джун, Юн Ё Кван, Ё Су Гён и Чон Ми Сон рассмотрены фан-сообщества в контексте медиапространства Южной Кореи и ее индустрии развлечений [10; 11; 14; 15].

В данной статье медиапространство рассматривается как электронная среда, в которой группы людей могут работать совместно, даже если они не находятся в одном месте, в одно и то же время [13]. В медиапространстве люди могут создавать визуальную и акустическую среду, которая охватывает физически различные области в реальном времени. Более того, пользователи также могут управлять сохранением, доступом и воспроизведением контента из этих сред.

Рассмотрим особенности медиасреды и медиапространств фандомов Южной Кореи. Под культурой фандома понимается феномен, при котором люди добровольно выбирают определенную знаменитость или круг знаменитостей и объединяются, чтобы создать особую культуру «принятия» [6]. История развития фандомов в Корее началась в конце 1990-х гг., тогда ранние фандомы воспринимались как фанатская культура, в которой участвовало несколько фанатиков, поклонников данной культуры. Поскольку в последнее время онлайн-медиа набирают популярность среди населения, все больше фан-групп поп-культуры также широко используют онлайн-медиа как способ потребления контента, связанный с деятельностью своих кумиров.

До настоящего времени фанатские сообщества активно участвовали в различных фанатских мероприятиях и ритуалах традиционными способами, то есть используя офлайн-медиа. Традиционными офлайн-практиками фандома являются посещение концертов, прослушивание музыки, украшение комнат плакатами. В эпоху цифровых технологий любой представитель фанатского сообщества также является активным клиентом, переключающимся между сайтами социальных сетей. В социальной сети Twitter человек может участвовать в обсуждениях и изучать публикации исполнителя, в Facebook – создавать группы и формировать сообщества, а, например, на YouTube, наслаждаться музыкой и другим видеоконтентом. Чтобы купить товары и билеты на концерты, потребитель может воспользоваться поисковой системой Google. В то же время, в Республике Южная Корея существует широкий выбор региональных платформ, входящих в медиaprостранство фандомов: Nate Pann, DaumCafe, Interpark, KakaoTalk, VLive и другие сервисы Naver.

Из-за подобной диверсификации каналов коммуникации у развлекательных компаний Южной Кореи возникает проблема контроля и регуляции взаимодействия фанатских сообществ с публикуемым и генерируемым контентом. В ходе более глубокого изучения можно выделить следующие негативные последствия подобного дробления аудитории на разные каналы.

1. Открытые платформы социальных сетей позволяют представителям широкой общественности получать доступ к контенту. Можно сказать, что подобная доступность часто порождает ситуации преднамеренно негативной интерпретации контента, что может приводить к деформации образа представителя развлекательной индустрии.

2. Возникает вопрос монетизации контента и отслеживания статистических показателей аудитории, так как большинство социальных сетей не позволяет компаниям получать доступ к персональным данным пользователей, а следовательно, заметно сокращаются возможности прямой коммуникации с потенциальными потребителями.

3. Перед компаниями встает вопрос диверсификации контента для разных платформ, что, в свою очередь, также ведет к росту издержек в пунктах расходов на SMM-деятельность. В целом можно сказать, что наличие большого количества различных каналов взаимодействия фанатских сообществ с аудиторией, большого количества площадок размещения фанатского контента также ведет к снижению уровня вовлеченности аудитории, так как внимание аудитории направляется на различные каналы, вместо максимизации его на основном содержании коммуникации.

Возникновение пандемии в начале 2020 г. поставило под угрозу физический аспект связи фандомов с артистами, обычно укрепляемый офлайн турами и фан-встречами. В сложных обстоятельствах, с которыми столкнулись фанаты, артисты и корпорации, развлекательная компания Big Hit Entertainment и южнокорейские разработчики компании BeNX увидели возможность инновационного взаимодействия посредством синергии и конвергенции с помощью приложения Weverse.

Выведенное на рынок в 2019 г. мобильное приложение Weverse представляет собой уникальный пример интеграции мировой фандомной культуры, это единственная в своем роде глобальная фандомная платформа, которая позволяет выйти на качественно новый уровень медиaprостранств фанатских сообществ. Это приложение обеспечивает тесное общение фанатов и артистов, также предоставляет возможность в интегрированной среде осуществлять все виды фанатской деятельности. Прямая связь Weverse с Weverse Shop делает покупку товаров, фанатской атрибутики более удобной. На данный момент приложение содержит страницы 12 артистов компаний, подведомственных Big Hit Entertainment.

Следует отметить, что приложение включает отличительные особенности социальных сетей и бизнес-сайтов, от создания персональных сообщений, просмотра историй артистов до покупки и просмотра контента. Однако, для того чтобы платформа была динамичной и эффективной, она способствует не только взаимодействию участников платформы, но и стимулирует развивающийся процесс взаимодействия между пользователями, компаниями и организациями. Приложение уравнивает отношения фанатов, которые касаются четырех сфер вовлеченности (развлечение, бегство от реальности, образование и эстетика), способствует повышению качества опыта фанатов в использовании медиaprостранства. Особенно актуальным использование приложения становится в период распространения Covid-19 и ограничений на проведение массовых мероприятий.

Содержание термина «коммуникация» может быть разделено на промежуточные действия с позиции использования виртуальных платформ, такие как подключение, просмотр, обучение и покупка [5]. Стоит остановиться на том, каким образом платформа способствует осуществлению этих действий. Можно рассмотреть

приложение как компонент динамического формирования новых форм общения между поклонником и его окружением (артистом и компанией). Так, подобная медиасреда является точкой соприкосновения пользователя и его окружения.

Помимо инициирования социального взаимодействия в медиапространстве, исследуемая платформа преобразует взаимодействие пользователей в числовые показатели, которые позже используются для проведения анализа. Платформу Weverse отличает от крупных социальных платформ отсутствие участия третьих сторон, то есть Weverse является полностью независимой платформой. В марте, когда вступили в силу карантинные ограничения, компания Big Hit Entertainment представила образовательный раздел на Weverse Media под названием «Учите корейский с BTS». В августе общее количество людей, которые взаимодействовали с образовательным контентом, составило 2,19 млн человек из 200 стран и регионов. Результаты измерения вовлеченности способствовали созданию нового сегмента компании – Big Hit Education, что расширило медиапространство сообщества. Из этого следует, что при наличии регулируемой компанией медиасреды могут быть использованы более сложные методы анализа аудитории и ее предпочтений, что приводит к улучшению качества сервиса и предлагаемой продукции.

Приложение обеспечивает автоматический перевод на 10 языков и подключено к магазину товаров Weverse Shop. BeNX также планирует использовать машинное обучение, чтобы предлагать пользователям более широкий спектр услуг и привлекать большее число потребителей. В приложении фан-сообщества Weverse, по состоянию на июль 2020 г., зафиксировано более 10 млн загрузок в 200 странах мира. По состоянию на март 2020 г. у Weverse было 1,4 млн активных пользователей в день, а у Weverse Shop – более 1,8 миллиона активных пользователей в день. Данная статистика еще раз подтверждает актуальность и востребованность создания обособленных медиапространств для взаимодействия фанатских сообществ в современном мире.

Таким образом, приложение Weverse не только создает пространство для прямого общения фанатов и артистов, но и предоставляет новые возможности для общения в личной, коллективной и деловой сферах. Технологическая платформа приложения способствует динамичному расширению медиапространства, которое окружает фан-сообщества.

По итогам рассмотрения примера функционирования приложения Weverse как новой формы организации виртуального фанатского медиапространства, можно сделать вывод, что на данный момент медиапространства, образующиеся вокруг представителей развлекательной индустрии Южной Кореи, проходят через процесс реформации, который включает в себя централизацию сообществ и технологическое обеспечение пользовательского опыта на всех стадиях коммуникационного процесса.

Можно сделать предположение, что в будущем виртуальные медиапространства фан-сообществ будут преобразовываться в формат мобильных приложений, предоставляющих широкие возможности для коммуникации пользователям. Подобная форма организации медиапространства позволяет фанатским сообществам получать требуемый контент в оптимальной форме. В то же время, компании получают больше возможностей контроля за взаимодействием аудитории с контентом, что в свою очередь приводит к улучшению качества предоставления услуг и коммуникации.

Библиографический список

1. Бузин, В. Н. Гуманизация социума как императив управления медиапространством // Коммуникология. – 2020. – Т. 8, № 2. – С. 168-180.
2. Елисеева, М. А. Медиапространство: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, №1. – С. 4-7.
3. Коновалова, М. В. Эвокация в интернет-медиадискурсе. – Челябинск: ЧГУ, 2017. – 276 с.
4. Ткаченко, О. Н. Специфика творчества в медиапространстве // Омский научный вестник. – 2015. – № 1 (135). – С. 91-94.
5. Филенко, С. С., Филенко, Ц. С. Блогинг VS традиционные медиа: точки соприкосновения и различия // Сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей с международным участием «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации – Социальный инженер 2019». – М.: ФГБОУВО «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2019. – С. 244-247.
6. Verbiguier, M., Cho Y. Understanding the Korean Fandom of the K-pop: Focusing on Its Perspectives on Foreign Fans // Korean Journal of Communication & Information. – 2017. – No. 81. – Pp. 272-298.

7. Duffett, M. Popular music fandom: identities, roles and practices. – London: Routledge, 2014. – 233 p.
8. Gerlitz, C., Helmond, A. The like economy: social buttons and the data-intensive web // *New Media & Society*. – 2013. – № 15 (8). – Pp. 1348-1365.
9. Isckia, T., Reuver M., Lescop, D. Digital Innovation in Platform-Based Ecosystems: An Evolutionary Framework // *MEDES'18: Proceedings of the 10th international conference on management of digital ecosystems*. – ACM Press, 2018. – Pp. 149-156.
10. Kim, E. Fandom and new cultural intermediary in new media era: focusing on the case of BTS. // *Journal of the Korea Contents Association*. – 2020. – No. 20 (1). – Pp. 378-391.
11. Kim, S. The dynamics of fandom in the age of social media // *Journal of Cybercommunication Academic Society*. – 2014. – No. 31 (1). – Pp. 45-94.
12. Linden, H., Linden, S. Fans, Fan Cultures. – UK: Palgrave Macmillan, 2017. – 234 p.
13. Timokhovich, A. N., Filenko, S. S. Social media as a tool for youth involvement // *Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research. XXIII International Conference named after professor L. N. Kogan. Yekaterinburg*. – 2020. – Pp. 192-196.
14. Yeo, S. K., Chung, M. S. Through the analysis of the combined influence of BTS fandom, brand activation method study // *The Korean Society of Science & Art*. – 2019. – No. 37 (3). – Pp. 295-307.
15. Yoon, Y.-K. Analysis of the global fandom and success factors of BTS // *Journal of the Korea Entertainment Industry Association*. – 2019. – No. 13 (3). – Pp. 13-25.

References

1. Buzin V.N. Gumanizatsiya sotsiuma kak imperativ upravleniya mediaprostranstvom [*Humanization of society as an imperative for managing media space*]. *Kommunikologiya [Communicology]*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 168-180.
2. Eliseeva M.A. Mediaprostranstvo: sotsial'no-filosofskii analiz [*Media space: socio-philosophical analysis*]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 4-7.
3. Konovalova M.V. Evokatsiya v internet-mediadiskurse [*Evocation in Internet media discourse*]. Chelyabinsk, ChGU, 2017, 276 p.
4. Tkachenko O. N. Spetsifika tvorchestva v mediaprostranstve [*The specifics of creativity in media space*]. *Omskii nauchnyi vestnik [Omsk Scientific Bulletin]*, 2015, no. 1 (135), pp. 91-94.
5. Filenko S. S., Filenko Ts. S. Bloging VS traditsionnye media: tochki soprikosnoveniya i razlichiya [*Blogging VS traditional media: points of contact and differences*]. *Sbornik materialov Vserossiiskoi konferentsii molodykh issledovatelei s mezhdunarodnym uchastiem "Sotsial'no-gumanitarnye problemy obrazovaniya i professional'noi samorealizatsii – Sotsial'nyi inzhener 2019" [Collection of Proceedings of the All-Russian Conference of Young Researchers with International Participation "Socio-Humanitarian Problems of Education and Professional Self-realization – Social Engineer 2019"]*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi universitet im. A. N. Kosygina (Tekhnologii. Dizain. Iskusstvo), 2019, pp. 244-247.
6. Berbiguier M., Cho Y. Understanding the Korean fandom of the K-pop: focusing on its perspectives on foreign fans. *Korean Journal of Communication & Information*, 2017, no. 81, pp. 272-298.
7. Duffett M. Popular music fandom: identities, roles and practices. London, Routledge, 2014, 233 p.
8. Gerlitz C., Helmond A. The like economy: social buttons and the data-intensive web. *New Media & Society*, 2013, no. 15 (8), pp. 1348-1365.
9. Isckia T., Reuver M., Lescop D. Digital innovation in platform-based ecosystems: An evolutionary framework. *MEDES'18: Proceedings of the 10th International Conference on Management of Digital EcoSystems*. ACM Press, 2018, pp. 149-156.
10. Kim E. Fandom and new cultural intermediary in new media era: focusing on the case of BTS. *Journal of the Korea Contents Association*, 2020, no. 20 (1), pp. 378-391.
11. Kim S. The dynamics of fandom in the age of social media. *Journal of Cybercommunication Academic Society*, 2014, no. 31 (1), pp. 45-94.
12. Linden H., Linden S. Fans, fan cultures. UK, Palgrave Macmillan, 2017, 234 p.
13. Timokhovich A. N., Filenko S. S. Social media as a tool for youth involvement. *Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research. XXIII International Conference Named After Professor L. N. Kogan. Yekaterinburg*, 2020, pp. 192-196.
14. Yeo S. K., Chung M. S. Through the analysis of the combined influence of BTS fandom, brand activation method study. *The Korean Society of Science & Art*, 2019, no. 37 (3), pp. 295-307.
15. Yoon Y.-K. Analysis of the global fandom and success factors of BTS. *Journal of the Korea Entertainment Industry Association*, 2019, no. 13 (3), pp. 13-25.

Яхшиян Олег Юрьевичканд. ист. наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация**ORCID:** 0000-0003-0097-5193**e-mail:** yakshshiy@mail.ru**СОГЛАСОВАННОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ ОБ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И РЕСПУБЛИК – СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье содержится сравнительный анализ доктринальных документов в сфере государственной национальной политики федерального и регионально-республиканского уровней на предмет согласованности положений о российской нации и общероссийской гражданской идентичности. Подробно рассматривается толкование соответствующих положений в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Привлечены публикации отечественных этнополитологов, в которых исследуется практика политизации титульной этнической и региональной идентичностей. Обращение к корпусу концепций (стратегий) национальной политики в республиках – субъектах РФ позволило выявить принимаемые положения об общероссийской гражданской идентичности, содержащиеся в федеральной Стратегии, и республиканско-этнические акценты в ее толковании, и пока не подхваченные положения. В частности, анализ доктринальных документов республик показал, что одно из важнейших положений федеральной Стратегии о сохранении русской культурной доминанты (единого культурно-цивилизационного кода), присущей всем народам России, как основы общероссийской гражданской идентичности не получило отклика в концепциях (стратегиях) российских республик.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность, государственная национальная политика, российская нация, титульная этническая идентичность, республики – субъекты Российской Федерации, республиканско-региональная идентичность, русская культурная доминанта, государственные программы

Для цитирования: Яхшиян О.Ю. Согласованность положений об общероссийской гражданской идентичности, содержащихся в доктринальных документах по государственной национальной политике России и республик – субъектов Федерации // Вестник университета. 2020. № 12. С. 176–183.

Oleg Yu. Yakshshiy Candidate of Historical
Sciences, Associate
Professor, State University
of Management, Moscow,
Russia**ORCID:** 0000-0003-0097-5193**e-mail:** yakshshiy@mail.ru**CONSISTENCY OF THE PROVISIONS ON THE ALL-RUSSIAN CIVIL IDENTITY CONTAINED IN THE DOCTRINAL DOCUMENTS ON THE STATE NATIONAL POLICY OF RUSSIA AND THE REPUBLICS-SUBJECTS OF THE FEDERATION**

Abstract. The article contains a comparative analysis of doctrinal documents in the field of state national policy at the federal and regional-republican levels for consistency of provisions on the Russian nation and all-Russian civil identity. The paper considers in detail the interpretation of the relevant provisions in the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025. The author draws on the publications of Russian ethnopolitologists, which study the practice of politicizing the titular ethnic identity in a number of republics of the Russian Federation with the prospect of identifying ethnic and regional identities. Reference to the corpus of concepts (strategies) of national policy in the republics – subjects of the Russian Federation allowed us to identify the accepted provisions on the all-Russian civil identity contained in the federal Strategy, and the republican-ethnic accents in its interpretation, and the provisions that have not yet been picked up. In particular, the analysis of doctrinal documents of the republics showed that one of the most important provisions of the Federal Strategy on Preservation of Russian Cultural Dominance (a Single Cultural-Civilizational Code), common to all the peoples of Russia, as the basis of all-Russian civil identity has not received a response in concepts (strategies) of the Russian republics.

Keywords: all-Russian civil identity, state national policy, republican-regional identity, republics – constituent entities of the Russian Federation, Russian cultural dominant, Russian nation, state programs, titular ethnic identity

For citation: Yakshshiy O.Yu. (2020) Consistency of the provisions on the all-Russian civil identity contained in the doctrinal documents on the state national policy of Russia and the republics-subjects of the Federation. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 176–183. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-176-183

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31303.

Acknowledgement. The study was carried out with financial support of the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Research under the scientific project No. 20-011-31303.

© Яхшиян О.Ю., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Отчет современного этапа в российской национальной политике имеет смысл вести с 2012 г. [13]. В декабре того года Президент России В. В. Путин утвердил Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [2]. А в начале того же года в качестве кандидата в Президенты России В. В. Путин опубликовал предвыборную статью по национальному вопросу [11], в которой высказал ряд принципиальных подходов как раз применительно к современному этапу национальной политики в нашей стране. В отношении современного политического сообщества россиян, граждан России в статье развивается его понимание как единой гражданской полиэтничной нации. Из этого логично вытекает понимание современной России как национального государства, хотя в статье В. В. Путин отмежевывается от такого словоупотребления, но делает это, явно подразумевая государство моноэтническое. Российская Федерация (далее – РФ) выступает национальным государством полиэтничной российской нации, в формулировке Конституции – «многонационального народа Российской Федерации». При этом определяющим основанием единства полиэтничной российской нации, по мнению В. В. Путина, является русский культурно-исторический код, который воспроизводится в пространстве русского языка, русской культуры и русской истории. Носителями этого кода выступают не только этнические русские, но и представители других национальностей: русские армяне, русские азербайджанцы, русские немцы, русские татары. Цивилизационная природа русского культурно-исторического кода заключается в интегрирующем эффекте русского языка, высокой русской культуры, исторической памяти, государственности. Российская Федерация, таким образом, осознает себя не только как государство-нация, но и как государство-цивилизация. Русский народ В. В. Путин в своей статье называет государствообразующим – по факту существования России. Тем самым признается историческая роль русских как народа-объединителя многих народов Евразии под общей крышей изначально и преемственно русской государственности. Великая миссия русских – скреплять Россию как государство-цивилизацию, а в наше время – и как государство-нацию. Самоопределение русского народа – это полиэтничная цивилизация, скрепленная русским культурным ядром. Известный публицист и общественный деятель Е. С. Холмогоров возражает: «Самобытность русского народа и его право на свой образ жизни и культуру отрицаются. Официальными лицами заявляется, что смысл существования русского народа состоит в том, чтобы поддерживать единство прочих народов РФ» [18, С. 13]. Но тезис В. В. Путина надо понимать так, что политический смысл существования русского народа видится в воспроизводстве и укреплении российской государственности, а не в отчуждении от нее. А духовный, историко-культурный смысл – в воспроизводстве русской полиэтничной цивилизации (Русского мира). Убери эти смыслы – мало что останется от самобытности русского народа, его образ жизни и культура утратят «русскость». Идея построения русского моноэтнического государства, по мнению В. В. Путина, противоречит всей нашей истории: «Более того, это кратчайший путь к уничтожению русского народа и русской государственности». Из текста статьи В. В. Путина очевидно следует, что основное внимание на современном этапе государственной национальной политики, которая в таком понимании является одновременно и политикой идентичности, предполагается уделять укреплению общероссийской национальной идентичности в ее вышеизложенном понимании [11].

В Стратегию государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. (далее – Стратегия), утвержденную в декабре 2012 г., в декабре 2018 г. были внесены изменения [1]. Содержание Стратегии было приведено в соответствие с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», обновленной в 2015 г. Стратегией национальной безопасности РФ, а также другими документами стратегического планирования в смежных областях ее реализации – Стратегией противодействия экстремизму в РФ до 2025 г., Стратегией государственной культурной политики на период до 2030 г., Стратегией развития воспитания в РФ на период до 2025 г. Обновленная Стратегия является документом стратегического планирования в сфере национальной безопасности РФ, определяющим приоритеты, цели, принципы, задачи, основные направления государственной национальной политики РФ, а также инструменты и механизмы ее реализации. Государственная национальная политика РФ в ней определяется как система стратегических приоритетов и мер, реализуемых федеральными и региональными органами государственной власти, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленными на укрепление межнационального (межэтнического) согласия, гражданского единства, обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия РФ, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также на профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве.

Во главу угла ставится приоритет укрепления национального единства и российской национальной идентичности в ее цивилизационном своеобразии (самобытности). Стратегия сразу же вводит в качестве одного из основных понятий понятие российской нации, соотнося и отождествляя его с конституционной формулировкой «многонациональный народ Российской Федерации». Российская нация – это сообщество свободных равноправных граждан РФ различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием. Понятие гражданского самосознания тождественно общероссийской гражданской идентичности и толкуется как осознание гражданами РФ их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества. Основой российской нации Стратегия называет гражданское единство россиян, трактуемое как единство граждан России в признании суверенитета государства, его целостности, единства правового пространства, этнокультурного и языкового многообразия РФ, исторического и культурного наследия всех народов страны, равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям, солидарность граждан в достижении целей и решении задач развития общества. Гражданское единство поддерживается и воспроизводится благодаря общности гражданского самосознания или общероссийской гражданской идентичности.

Стратегия содержит принципиальное положение, которое характеризует содержание общероссийской гражданской идентичности: «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру» [1]. Первое предложение цитаты отсутствовало в первоначальной редакции Стратегии 2012 г. Оно увязывает понятие общероссийской гражданской идентичности с самобытностью российской нации, высвечивает ее культурно-историческое «лицо». Оно акцентирует не общее с другими гражданскими (национальными) идентичностями, определяющее российскую идентичность как гражданскую, а особенное, делающее российскую идентичность именно российской. Русская культурная доминанта или единый культурный код – явление цивилизационного порядка. И соответствующие понятия – преимущественно цивилизационного, нежели этнического порядка. Российская национальная идентичность выступает одновременно идентичностью российской нации и идентичностью русской цивилизации (Русского мира).

По мнению Л. Савинова, действующая государственная национальная политика определяет два основных вектора по отношению к бинарным объектам – гражданской нации как общности по государству и этническим общностям как совокупности людей одной этнической принадлежности. Поэтому одна из задач государственной национальной политики – развитие и укрепление российской гражданской нации – связана с формированием гражданской идентичности, политической по своей природе. Другая базовая задача – гармоничное этнокультурное развитие всех народов России, которое во многом формирует позитивную этническую идентичность. Между гражданской и этническими идентичностями нет конфликта. Эти идентичности могут конкурировать, могут ценностно доминировать [16]. Оценка характера этих конкуренций и доминирований целесообразна в контексте сопряжения государственной национальной политики с ее регионально-республиканским уровнем. С трактовкой проблемы Л. Савиновым можно в целом согласиться, но с одной существенной оговоркой. Стратегия толкует гражданскую идентичность как политическую, государственную, но и как одновременно культурно-цивилизационную. Достаточно напомнить выше процитированную формулировку о том, что общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты. Аналогично с трактовкой Ю. П. Шабаева соглашаемся частично. Да, основным направлением национальной политики Стратегия определяет политику интеграции – политику укрепления общероссийской идентичности, но не только в ее гражданском понимании, но и в культурно-цивилизационном. Последнее существенное обстоятельство связано с осознанием нацией и государствообразующей роли русского народа, что нашло свое отражение во внесенных в Конституцию РФ изменениях. В большей мере можно согласиться с мнением Ю. П. Шабаева о том, что региональных моделях этнополитики и в официальных документах, которые принимаются в субъектах РФ интеграционистская политика зачастую отодвигается

на второй план или только декларируется [17]. По смыслу этот упрек относится прежде всего к республикам РФ, особенно – к республикам с акцентированной титульной этнической идентичностью.

В ряде республик приняты региональные концепции (Калмыкия, Мари-Эл, Саха (Якутия), Татарстан и др.) и стратегии (Карелия, Удмуртия) национальной политики, в которых, как правило, подчеркивается их привязка к основным положениям Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. Сами названия подобных документов, в большинстве случаев, указывают не на выработку самостоятельной национальной политики конкретной республики, а на проведение в жизнь федеральной национальной политики в отдельно взятом регионе. В ряде республик (Башкортостан, Бурятия, Дагестан и др.) приняты государственные программы по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов в соответствующей республике. Такой формат республиканских документов в сфере государственной национальной политике сам по себе уже свидетельствует о достаточно высокой степени принятия основных положений федеральной Стратегии. Все принципиальные формулировки Стратегии органами государственной власти в этих республиках восприняли в полном объеме.

Отечественные исследователи обращаются к изучению республиканских документов в сфере национальной политики. Например, О. А. Богатова на материалах Республики Мордовия выявила стратегию политизации титульной этничности. По ее мнению, к узловым моментам гегемонного дискурса республиканской политики идентичности можно отнести артикуляцию связи региональной идентичности населения республики с титульной этнической идентичностью [12]. Е. Г. Маклашева отметила, что не все регионы используют в своих концепциях понятие «российская нация», большинство оперируют термином «общероссийская гражданская идентичность». Кое-где исследовательница фиксирует скрытый протест «против желания федеральной власти унифицировать культурное пространство многонационального сообщества» [15, с. 175]. Подчеркивая, что власти национальных республик придают этнокультурным факторам особую роль во влиянии на общественную жизнь региона, вплоть до включения их в политическую сферу, она, опять-таки, говорит, по существу, о политизации титульной этничности. В публикациях выделяется республиканская идентичность как особый вид региональной идентичности, основанный на самоидентификации населения республик со своим административным образованием, а к ее особенностям относится сходство с этнической идентичностью – с точки зрения близости и реальности ее восприятия, традиционности ее воображения, большей легкости ее конструирования. Авторы обращают внимание, что именно при слиянии с этнической идентичностью региональная идентичность приобретает наибольшее значение. Титульная этническая идентичность, не являясь тождественной республиканской (региональной), в целом усиливает спрос на нее – ее значимость – на внешнем и внутреннем политико-административном рынках [14].

Концепция Республики Калмыкия (утверждена республиканским правительством в 2018 г.) среди принципов государственной национальной политики на своей территории определяет недопущение деятельности, направленной на подрыв безопасности государства, гражданского единства российской нации. Характеризуя современное состояние межэтнических отношений в республике, документ особо обращает внимание, что в Калмыкии создавались условия для формирования общероссийского гражданского самосознания на основе общей судьбы народов России, восстановления исторической связи времен, укрепления национального согласия и духовной общности населяющих ее народов. Обязательство по отношению к титульной этничности со стороны органов государственной власти прописаны в Концепции как принцип содействия калмыкам, проживающим вне Республики Калмыкия, в сохранении и развитии родного языка, традиций, культуры [3].

Стратегия национальной политики в Республике Карелия на период до 2025 г. (утверждена в 2015 г., изменения внесены в 2020 г.) направлена на укрепление государственного единства и целостности РФ, формирование духовной общности ее многонационального народа, развитие этнокультурного многообразия в Республике Карелия. В документе используются в качестве основных понятия российской нации и общероссийской гражданской идентичности в толковании федеральной Стратегии. Титульным этносом республиканская Стратегия называет карелов и подчеркивает: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов» [4]. Как коренной малочисленный народ в Стратегии отмечаются вепсы, а русские – как самый многочисленный народ, проживающий на территории Карелии, в структуре которого сложились свои этнолокальные группы – поморы, заонежане и пудожане. В истории становления и развития республики, отмечается в документе, особое место занимают

российские финны. В перечне целей реализации государственной национальной политики на территории Республики Карелия указываются укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа РФ (российской нации), сохранение и развитие карелов и вепсов как самобытных этносов мирового сообщества.

Стратегия национальной политики в Республике Коми на период до 2025 г. (утверждена в 2015 г., изменения внесены в 2019 г.) среди приоритетов определяет укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа РФ (российской нации); сохранение русского языка как государственного языка РФ и языка межнационального общения, государственных языков Республики Коми. Документ содержит упоминание о статье 3 Конституции Республики Коми, согласно которой образование республики и ее название связаны с исконным проживанием на ее территории коми народа. Республика Коми гарантирует сохранение и развитие языка, традиционной культуры и образа жизни коми народа и языка, культуры и образа жизни других народов, проживающих в республике. В качестве одной из целей государственной национальной политики в Республике Коми указывается укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа РФ (российской нации). А в числе задач упоминаются формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; сохранение, поддержка и развитие русского языка как государственного языка РФ, государственных языков Республики Коми и языков народов, проживающих в республике [5].

Концепция Республики Марий Эл (утверждена в 2015 г., изменения внесены в 2019 г.) утверждает, что государственная национальная политика республики включает в себя вопросы возрождения, сохранения, развития и приумножения этнокультурного достояния всего марийского народа. «Большое влияние на становление и развитие народов, проживающих в Республике Марий Эл, оказал русский народ» – подчеркивается в документе [6]. И общие для всей современной России вопросы этнокультурного развития русского народа являются неотъемлемой составной частью государственной национальной политики Республики Марий Эл. Среди целей государственной национальной политики Концепция определяет и укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства народов, проживающих в Республике Марий Эл, а среди основных направлений – формирование гражданского самосознания, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Концепция государственной национальной политики Республики Саха (Якутия), утвержденная в 2013 г. и обновленная в 2017 г., не демонстрирует какого-либо пристрастия к титульной этничности, при этом определяет первым принципом политики на территории республики укрепление общероссийской гражданской идентичности [7]. А вот Концепция государственной национальной политики в Республике Татарстан содержит положения, связывающие саму республиканскую государственность с титульной этничностью: «Государственная национальная политика в Республике Татарстан строится на двух фундаментальных приоритетных положениях: необходимости обеспечения равных условий жизнедеятельности представителям всех народов, проживающих в Республике Татарстан, и всестороннего развития татарского народа и укрепления Республики Татарстан как исторически сложившейся формы его государственности» [8]. «Татарский народ, – подчеркивается в Концепции, – исторически вобравший в себя различные тюркские и финно-угорские составляющие, испытавший позднее и славянское влияние, имеет более чем тысячелетнюю историю своей государственности, представления о которой входят неотъемлемой частью в его менталитет, стимулируют рост его национально-религиозного самосознания, во многом определяя содержание и характер взаимоотношений татар с другими народами. Вместе с тем специфика развития татарского народа обусловила такую его особенность, как территориальная дисперсность. Вследствие этого на территории Татарстана сегодня проживает лишь менее одной трети от общего числа татар, что обуславливает необходимость осуществления государственной национальной политики с учетом этнокультурных интересов, запросов и потребностей татар, проживающих за пределами республики. По причине этого государственная национальная политика в Республике Татарстан включает в себя в той или иной степени вопросы возрождения, сохранения, развития и приумножения этнокультурного достояния всего

татарского народа» [8]. Концепция признает большой вклад «представителей русского народа» в становление и развитие многонационального народа Татарстана и отмечает: «Общие для всей современной России вопросы этнокультурного развития представителей русского народа являются неотъемлемой составной частью государственной национальной политики в Республике Татарстан» [8]. Аналогичная формулировка выше уже фиксировалась нами в ряде республиканских концепций и это само по себе ставит известную проблему в плане последующей доработки федеральной Стратегии, поскольку в действующей ее редакции не обозначены эти общие для всей современной России вопросы этнокультурного развития русского народа. Концепция Татарстана содержит продвинутое в контексте аналогичных республиканских документов положение о регионально-республиканской идентичности с характерным гражданским политическим названием – татарстанская. Подчеркивая необходимость укрепления общероссийской гражданской идентичности, Концепция сразу же дополняет это положение «формируемой в ее контексте» татарстанской идентичностью [8].

Стратегия реализации государственной национальной политики РФ на территории Удмуртской Республики (утверждена в 2016 г., обновлена в 2019 г.) использует основные понятия федеральной Стратегии, в том числе понятия российской нации и общероссийской гражданской идентичности [9]. В числе заявленных приоритетов национальной политики на территории Удмуртии – укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа РФ (русской нации); сохранение этнокультурного и языкового многообразия РФ на территории Удмуртской Республики; сохранение русского и удмуртского языков как государственных языков Удмуртской Республики и иных языков народов РФ, проживающих на территории Удмуртской Республики.

В Республике Хакасия с 2011 г. действует Концепция развития межэтнических отношений (2012-2020 годы) с изменениями, внесенными в 2019 году [10]. В перечне основных приоритетов Концепции определены, в частности, укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Республики Хакасия; сохранение русского языка как государственного языка РФ и языка межнационального общения.

Сравнительный анализ положений об общероссийской гражданской идентичности, содержащихся в доктринальных документах по государственной национальной политике РФ и республик – ее субъектов, позволил выявить высокую степень согласованности в части, касающейся использования понятий российской нации и общероссийской гражданской идентичности как основных, отнесения укрепления общероссийской гражданской идентичности к числу приоритетов. Республиканские власти приняли без сопротивления установки российской Стратегии в отношении отождествления конституционного понятия «многонациональный народ Российской Федерации» с понятием «русская нация» и безусловности приоритета укрепления общероссийской гражданской идентичности. В этом контексте адекватно восприняты установки о сохранении этнокультурного и языкового многообразия страны, сохранении русского языка как государственного языка на всей территории России и языка межнационального общения. Вместе с тем, анализ доктринальных документов республик показал, что одно из важнейших положений федеральной Стратегии о сохранении русской культурной доминанты (единого культурно-цивилизационного кода), присущей всем народам России, как основы общероссийской гражданской идентичности не получило воспроизведения, толкования применительно к условиям региона и развития в концепциях (стратегиях) российских республик. Очевидно, признание русской культурной доминанты, присущей всем народам России, как основы сохранения и укрепления общероссийской гражданской идентичности, культурно-цивилизационной самобытности российской нации станет следующим барьером, который предстоит взять политическим элитам национальных республик нашей страны в обозримой перспективе реализации государственной национальной политики.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/59348> (дата обращения: 01.11.2020).
2. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Сборник законодательных актов в области государственной национальной политики и межнациональных отношений – М.: ГБУ «МДН», 2016. – С. 50-77.

3. Об утверждении Концепции государственной национальной политики Республики Калмыкия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/446686903> (дата обращения: 10.10.2020).
4. Об утверждении Стратегии национальной политики в Республике Карелия на период до 2025 года (с изменениями на 30 января 2020 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/465404691> (дата обращения: 10.10.2020).
5. Об утверждении Стратегии национальной политики в Республике Коми на период до 2025 года (с изменениями на 22 марта 2019 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/428523894> (дата обращения: 10.10.2020).
6. О Концепции государственной национальной политики Республики Марий Эл (с изменениями на 15 июля 2019 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/428545559> (дата обращения: 10.10.2020).
7. О Концепции государственной национальной политики Республики Саха (Якутия) (с изменениями на: 26.07.2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/473503180> (дата обращения: 10.10.2020).
8. О внесении изменения в Концепцию государственной национальной политики в республике Татарстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/553264624> (дата обращения: 10.10.2020).
9. Об утверждении Стратегии реализации государственной национальной политики Российской Федерации на территории Удмуртской Республики (с изменениями на 29 мая 2019 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/432870334> (дата обращения: 10.10.2020).
10. Об утверждении Концепции развития межэтнических отношений в Республике Хакасия (2012–2020 годы) (с изменениями на 17 июля 2019 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/444906962> (дата обращения: 10.10.2020).
11. Путин, В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января.
12. Богатова, О. А. Социальное конструирование республиканской идентичности в региональных политических дискурсах // Регионоведение. – 2017. – № 1 (98). – С. 129.
13. Зорин, В. Российская этнополитика на современном этапе: традиции и инновации // Вестник российской нации. – 2019. – № 2. – С. 15.
14. Коба, С. Социально-политическая практика детерминации этнорегиональной идентичности // Вестник российской нации. – 2014. – № 2. – С. 50-51.
15. Маклашева, Е. Г. Сравнительный анализ региональных концепций формирования государственной национальной политики России // Регионоведение. – 2015. – № 2. – С. 175.
16. Савинов, Л. Национальная политика в современной России: концептуальная модель и ее реализация // Вестник российской нации. – 2020. – № 2. – С. 10.
17. Шабаетов, Ю. П. Государственная национальная политика России: правовой и доктринальный уровни и их согласованность с региональными политическими практиками // Вестник российской нации. – 2019. – № 3. – С. 20.
18. Холмогоров, Е. С. Русская проблема // Русский дом. – 2014. – № 1. – С. 13.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii “O vnesenii izmenenii v Strategiyu gosudarstvennoi natsional’noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda, utverzhdenuyu Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666” [*Decree of the President of the Russian Federation “On Amendments to the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025, Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1666, dated on December 19, 2012*]. Available at: <http://kremlin.ru/acts/news/59348> (accessed 01.11.2020).
2. Strategiya gosudarstvennoi natsional’noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda [*Strategy of the State national policy of the Russian Federation for the period up to 2025*]. Sbornik zakonodatel’nykh aktov v oblasti gosudarstvennoi natsional’noi politiki i mezhnatsional’nykh otnoshenii [*Collection of legislative acts in the field of state national policy and inter-ethnic relations*]. Moscow, GBU “MDN”, 2016 pp. 50-77.
3. Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoi natsional’noi politiki Respubliki Kalmykiya [*On Approval of the Concept of the State National Policy of the Republic of Kalmykia*]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/446686903> (accessed 10.10.2020).
4. Ob utverzhdenii Strategii natsional’noi politiki v Respublike Kareliya na period do 2025 goda (s izmeneniyami na 30 yanvarya 2020 goda) [*On Approval of the National Policy Strategy in the Republic of Karelia for the Period up to 2025 (as amended on January 30, 2020)*]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/465404691> (accessed 10.10.2020).

5. Ob utverzhdenii Strategii natsional'noi politiki v Respublike Komi na period do 2025 goda (s izmeneniyami na 22 marta 2019 goda) [*On Approval of the National Policy Strategy in the Komi Republic for the Period up to 2025 (as amended on March 22, 2019)*]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/428523894> (accessed 10.10.2020).
6. O Kontseptsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Respubliki Marii El (s izmeneniyami na 15 iyulya 2019 goda) [*On the Concept of the State National Policy of the Republic of Mari El (as amended on July 15, 2019)*]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/428545559> (accessed 10.10.2020).
7. O Kontseptsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Respubliki Sakha (Yakutiya) (s izmeneniyami na: 26.07.2017) [*On the Concept of the State National Policy of the Republic of Sakha (Yakutia) (as amended on: July 26, 2017)*]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/473503180> (accessed 10.10.2020).
8. O vnesenii izmeneniya v Kontseptsiyu gosudarstvennoi natsional'noi politiki v respublike Tatarstan [*On Amendments to the Concept of State National Policy in the Republic of Tatarstan*]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/553264624> (accessed 10.10.2020).
9. Ob utverzhdenii Strategii realizatsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na territorii Udmurtskoi Respubliki (s izmeneniyami na 29 maya 2019 goda) [*On Approval of the Strategy for the Implementation of the State National Policy of the Russian Federation on the Territory of the Udmurt Republic (as amended on May 29, 2019)*]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/432870334> (accessed 10.10.2020).
10. Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya mezhetnicheskikh otnoshenii v Respublike Khakasiya (2012 - 2020 gody) (s izmeneniyami na 17 iyulya 2019 goda) [*On Approval of the Concept of Development of Inter-Ethnic Relations in the Republic of Khakassia (2012-2020) (as amended on July 17, 2019)*]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/444906962> (accessed 10.10.2020).
11. Putin V. V. Rossiya: natsional'nyi vopros [*Russia: the national question*]. Nezavisimaya gazeta, 2012, January 23.
12. Bogatova O. A. Sotsial'noe konstruirovaniye respublikanskoi identichnosti v regional'nykh politicheskikh diskursakh [*Social construction of republican identity in regional political discourses*]. Regionologiya [*Regionology*], 2017, no. 1 (98), p. 129.
13. Zorin V. Rossiiskaya etnopolitika na sovremennom etape: traditsii i innovatsii [*Russian ethnopolitics at the present stage: traditions and innovation*]. Vestnik rossiiskoi natsii, 2019, no. 2, p. 15.
14. Koba S. Social'no-politicheskaya praktika determinatsii etnoregional'noi identichnosti [*Socio-political practice of determining ethno-regional identity*]. Vestnik rossiiskoi natsii, 2014, no. 2, pp. 50-51.
15. Maklasheva E.G. Sravnitel'nyi analiz regional'nykh kontseptsii formirovaniya gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossii [*Comparative analysis of regional concepts of formation of the state national policy of Russia*]. Regionologiya [*Regionology*], 2015, no. 2, pp. 175.
16. Savinov L. Natsional'naya politika v sovremennoi Rossii: kontseptual'naya model' i ee realizatsiya [*National policy in modern Russia: a conceptual model and its implementation*]. Vestnik rossiiskoi natsii, 2020, no. 2, pp. 10.
17. Shabaev Yu. P. Gosudarstvennaya natsional'naya politika Rossii: pravovoi i doktrinal'nyi urovni i ikh soglasovannost' s regional'nymi politicheskimi praktikami [*State national policy of Russia: legal and doctrinal levels and their consistency with regional political practices*]. Vestnik rossiiskoi natsii, 2019, no. 3, p. 20.
18. Kholmogorov E. S. Russkaya problema [*Russian problem*]. Russkii dom, 2014, no. 1, pp. 13.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

УДК 37.015

DOI 10.26425/1816-4277-2020-12-184-190

Евдокимова Елена Гершечена
канд. пед. наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Саратовский государственный уни-
верситет имени Н. Г. Чернышевско-
го», г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5349-7266
e-mail: a1-ero@yandex.ru

Коваленко Елена

Владимировна

ст. преподаватель, ФГБОУ ВО
«Саратовский государственный
медицинский университет имени
В.И. Разумовского Министерства
здравоохранения Российской
Федерации», г. Саратов,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3426-1236
e-mail: kovlena@mail.ru

ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ НА ОСНОВЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЯХ ПРОФЕССИИ

Аннотация. Исследованы вопросы профилактики психологических трудностей в профессии врача при подготовке студентов-медиков. Обоснованы аргументы для усиления личностного аспекта подготовки студентов на основе осмысления ими представлений о трудностях в работе медика. Выявлена взаимосвязь между личностными характеристиками студентов (добросовестность, понимание эмоций, доброжелательность и др.) и их представлениями о характере трудностей в выбранной специальности еще на этапе обучения. Представлены основные направления осмысления студентами таких трудностей. Описаны стратегии поддержки студентов, основанные на корреляции личностных свойств и упомянутых выше представлений и направленные на освоение студентами уверенного поведения. Предложенные стратегии могут быть интересны преподавателям курсов, связанных с этическими вопросами профессии, а также в индивидуальной работе со студентами-медиками.

Ключевые слова: доброжелательность, добросовестность, личностные характеристики, осмысление представлений, понимание эмоций, психологические трудности, работа врача, стратегии поддержки, студенты-медики, трудности профессии, уверенное поведение

Для цитирования: Евдокимова Е.Г., Коваленко Е.В. Личностный аспект подготовки студентов-медиков на основе осмысления представлений о психологических трудностях профессии//Вестник университета. 2020. № 12. С. 184–190.

Elena G. Evdokimova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Saratov
state University named after
N. G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia

ORCID: 0000-0001-5349-7266

e-mail: a1-ero@yandex.ru

Elena V. Kovalenko

Senior Lecturer, V. I. Razumovsky
Saratov State Medical University of the
Ministry of Healthcare of the Russian
Federation, Saratov, Russia

ORCID: 0000-0003-3426-1236

e-mail: kovlena@mail.ru

PERSONAL ASPECT OF MEDICAL STUDENTS' TRAINING BASED ON UNDERSTANDING OF PSYCHOLOGICAL DIFFICULTIES OF THE PROFESSION

Abstract. The article investigates the issues of psychological difficulties prevention in the medical profession in the training of medical students. The paper substantiates the arguments for strengthening the personal aspect of medical students' training based on understanding the ideas about difficulties in the work of a doctor. The authors reveal the interrelation between personal characteristics of students (conscientiousness, understanding of emotions, benevolence, etc.) and their ideas about the nature of difficulties in the chosen specialty at the stage of training. The study presents the main directions of students' understanding of such difficulties. The article describes strategies for supporting students based on the correlations of personal characteristics and the above-mentioned ideas, aimed at mastering a confident behavior by students. The proposed strategies can be of interest to teachers of courses related to ethical issues of the profession, as well as in individual work with medical students.

Keywords: comprehension of ideas, confident behavior, conscientiousness, doctor's work, goodwill, medical students, personal characteristics, professional difficulties, psychological difficulties, support strategies, understanding of emotions

For citation: Evdokimova E.G., Kovalenko E.V. (2020) Personal aspect of medical students' training based on understanding of psychological difficulties of the profession. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 184–190. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-184-190

© Евдокимова Е.Г., Коваленко Е.В., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Профессия врача насыщена трудностями, связанными с факторами стресса, что может усиливаться высокой ответственностью и добросовестностью специалиста [6]. В качестве фактора стресса так же выделяют общение, которое связано с пониманием эмоций и управлением ими [1]. Общение с пациентом становится эффективным на основе понимания врачом своих эмоций и эмоций других людей, с развитием способности управлять ими.

Зарубежные авторы рассматривают вопрос профилактики трудностей, вызванных стрессовыми факторами вследствие развития межличностных навыков профессионального поведения и установок [13]. В литературе встречается анализ объективных стресс-факторов профессии врача. Например, рассматривают трудности, возникающие у магистрантов медиков под влиянием внешних факторов – в образовательной, семейной, экономической и социокультурной сферах [14].

Наряду с объективными факторами трудной ситуации, выделяют субъективные факторы, к которым относятся личные особенности и представления студентов о происходящем в ситуации. Субъективные факторы для человека настолько же значимы, как и объективные, и могут затруднять выполнение деятельности и освоение необходимой профессиональной информации для ее выполнения, поскольку представления человека определяют поведение, влияют на интерпретацию фактов.

В исследованиях рассматривают личностные характеристики студентов, которые связаны с их отношением к другим людям и представлениями о медицинской профессии. Показано, что отношение к пациентам может меняться в процессе обучения [4]. Например, выявлено, что по мере освоения профессиональной деятельности, у будущих врачей снижается уровень эмпатии, сочувствия к пациентам [3].

Самопознание и понимание своих личностных особенностей, а также представлений о трудностях будущей профессии, позволило бы будущим врачам совершенствовать свои возможности. Однако осмысление собственных представлений о трудностях профессии затруднено в связи с тем, что у студентов слабо развит навык анализа своих эмоций, поведения, деятельности, то есть рефлексии, независимо от этапа обучения [7].

Способность к самопониманию для врачей как специалистов помогающих профессий важна, поскольку в определенной мере можно сказать, что «средством деятельности» становится сам человек, его личность. Следовательно, ориентированные на работу с пациентами студенты-медики при освоении средств деятельности могли бы осваивать и собственные ресурсы в виде осмысления своих способностей, особенностей эмоциональной сферы, знаний и опыта.

Представления студентов о преимуществах и трудностях профессии врача обладают тенденцией к «привычности». В этом процессе одни представления служат «подтверждением» других. Это отличает представления от понятийного мышления, поскольку представления не выявляют сущность трудностей профессии, а лишь взаимодополняя или, противореча друг другу, создают целостную «картину действительности» [9].

Субъективные представления студентов о трудностях работы врача связаны с чувствами, и другими динамическими особенностями личности. Организация педагогической работы, направленная на осознание представлений студентов может опираться на такие формы работы, как драматизация, нарратив, интерактивные практики.

Работа со студентами по осмыслению представлений о психологических трудностях профессии важна, поскольку в этом возрастной период (от 19 до 24 лет) происходит начало профессионального становления. Студент одновременно осваивает предметную деятельность (обследование больного) и неосознанно выстраивает собственные представления о своих возможностях и предстоящих трудностях.

При освоении профессии у будущих врачей происходит формирование внутреннего плана деятельности, закладываются предпосылки профессиональной Я-концепции, которая получает дальнейшее развитие в процессе профессиональной деятельности [10; 11].

Осознание и осмысление собственных профессионально значимых качеств не следует автоматически за формированием образа деятельности. Если у студентов формируются субъективные представления о трудностях профессии, которые не осознаны и не осмыслены, они в дальнейшем могут стать препятствием для профессиональной деятельности, освоения профессиональной информации.

Изучение и учет личностных характеристик у студентов медиков, имеющих субъективные представления о трудностях профессии, позволяет выстроить адресную поддержку для них в процессе обучения.

При всем многообразии исследовательских направлений вопросы взаимосвязи между личностными характеристиками студентов и их представлением о психологических трудностях в профессии врача в исследованиях не встречаются.

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы выявить взаимосвязь между профессионально значимыми личностными характеристиками студентов и их представлением о психологических трудностях в профессии врача, которые могут затруднять освоение профессиональных компетенций, и на основе полученных данных разработать направления педагогической поддержки и выработать рекомендации для преподавателей.

В группу наблюдения были включены 104 студента Саратовского медицинского университета имени В. И. Разумовского Министерства здравоохранения России. Исследование проводили в три этапа: 1) на первом этапе изучали профессионально значимые личностные характеристик студентов (доброжелательность, открытость новому опыту, понимание и управление эмоциями и пр.); 2) на втором этапе были выявлены представления студентов о психологических трудностях в работе врача с их последующим анализом экспертами. Показатели личностных характеристик были сопоставлены с представлениями студентов с наличием психологических трудностей в профессии у данных студентов, что послужило основой разработки тактик педагогической поддержки и рекомендаций для преподавателей по их применению; 3) на третьем этапе проводили индивидуальные и групповые занятия на основе разработанных действий в русле тактик педагогической поддержки.

Личностные характеристики студентов исследовали при помощи стандартизованных тестов: применялись пятифакторный личностный опросник «Большая пятерка» (Bigfive) и опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» (по Люсину).

Для адекватного описания психологического портрета личности достаточно выделенных на основе факторного анализа пяти независимых переменных: «нейротизм», «экстраверсия», «открытость опыту», «сотрудничество», «добросовестность».

Данные, полученные на основе теста Большая пятерка (NEO PI), обеспечивают анализ пяти независимых переменных: «нейротизм», «экстраверсия», «открытость опыту», «сотрудничество», «добросовестность», которые описывают основные психологические характеристики деятельности врача как помогающей профессии [12].

Опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Д. В. Люсин) направлен на выявление уровня понимания своих/чужих эмоций, управления своими/чужими эмоциями, что позволяет выявить готовность студентов к взаимодействию в сфере межличностных коммуникаций.

Рассматривались следующие субшкалы, как наиболее информативные для целей нашего исследования: понимание своих эмоций (шкала ВП), понимания чужих эмоций (шкала МП), управление своими эмоциями (ВУ) и управление чужими эмоциями (МУ) [8].

Для выявления представлений студентов о преимуществах и трудностях профессии врача был проведён опрос групп и отдельных студентов. По результатам нашего опроса о преимуществах и трудностях профессии врача выявлено, что среди главных преимуществ респонденты ($n = 104$) выделили помощь людям (65,4 % ответов).

К психологическим трудностям профессии отнесены такие ответы студентов, как высокая ответственность (34,6 % ответов), трудные пациенты (19,8 % ответов). Кроме того, на основе ответов студентов выделены следующие группы представлений о психологических трудностях профессии: трудный больной, недооцененность врача, неблагодарные пациенты, психологическая трудность коммуникации [2].

На основе методики изучения эмоционального интеллекта выявлено, что по мере обучения у студентов от первого к шестому курсу возрастает уровень понимания своих эмоций, что может говорить о психологической зрелости студентов, в то время как на первом курсе студенты понимают свои эмоции на низком и среднем уровне. Понимание чужих эмоций (шкала МП) меняется в зависимости от курса: у студентов первого курса выше показатель понимания чужих эмоций, чем у студентов шестого, что может говорить о большей чуткости к окружающим у младших курсов и появлению «черствости» у студентов старших курсов.

Полученные данные свидетельствуют о недостаточном уровне развития компонентов эмоционального интеллекта у студентов-медиков: снижение уровня понимания чужих эмоций у студентов к шестому курсу, преобладание низкого и очень низкого уровня управления своими эмоциями у студентов разных курсов обучения. Данный показатель может выступать негативным фактором их профессионального становления как специалистов помогающей профессии, деятельность в которых основана на общении по типу «человек-человек».

Наиболее подходящим для врача как помогающей профессии считается способность так сопереживать, так относиться к пациентам, чтобы его помощь была принята для построения способа изменения ситуации. Понимание своих эмоций позволяет будущим врачам понимать и управлять чужими и своими эмоциями, в то время как низкий уровень понимания эмоций может затруднять общение с пациентами, настраивать на ощущение субъективной трудности профессии.

Для студентов, у которых выявлены представления о психологических трудностях, свойствен низкий уровень доброжелательности, высокий уровень организованности, трудолюбия и пунктуальности (добросовестности). Также выявлено повышение показателя «добросовестности» и снижение показателя «доброжелательности» от первого к шестому курсу обучения.

Этот феномен можно трактовать как повышенную склонность к представлениям о психологических трудностях лиц, для которых большую ценность представляет не установление и налаживание отношений с другими людьми, а усердная работа, интенсивная реализация психоэмоциональных ресурсов в труде.

Анализ взаимосвязи личностных характеристик студентов разных курсов (первого и шестого) с их представлениями о психологических трудностях в работе врача показывает, что на первом курсе студенты в большей мере, чем на шестом высказывают опасение об ответственности в работе врача. В данном случае опасение ответственности может быть вызвано недостаточной целостностью развития самосознания студентов, которое обеспечивает людям, обладающим большей личностной зрелостью, чувство уверенности вследствие осознания своих целей и ресурсов их реализации.

Для профилактики затруднений овладения студентами профессиональной деятельностью, которые могут быть связаны с непроработанными субъективными представлениями о трудности профессии, нами предлагается работа по их осмыслению студентами младших курсов, которую рассматриваем на основе тактики помощи [5].

Тактика помощи, организуемая педагогом, направлена как на эмоциональную поддержку студентов, которые столкнулись с переживанием собственной беспомощности в решении предстоящих профессиональных задач, так и на создание условий, когда студенты могут опираться на осмысление собственного опыта. Педагогическая поддержка в данном случае направлена на организацию преподавателем осмысления студентами собственных представлений о трудностях профессии врача, а также чувства уверенности в своих силах, признания ценности своего опыта преодоления неудач. Среди инструментов уважительного отношения педагога со студентами выступает безоценочное общение, постановка вопросов, оперативная обратная связь.

В смоделированных ситуациях на основе реальной практики педагог закладывает сюжеты на основе поведения участников, похожих на конкретных студентов, испытывающих аналогичные трудности и затрудняющиеся в понимании и управлении эмоциями как своими, так и пациента, с низкой уверенностью в своих силах, главной трудностью для которых выступает ответственность в ситуации общения с пациентом.

В данном случае создается предпосылка помощи другому как самому себе. Преподаватель направляет внимание студентов на осознание ими моделей успешного поведения, которые имеются в их опыте или которые можно обнаружить в профессиональном сообществе. Также внимание обращается на значимость усилий самих студентов; вводится неявная подсказка о способах деятельности, когда преподаватель подводит к обнаружению решений.

В беседах с преподавателем студенты учатся говорить о своих затруднениях, узнавать их в описании ситуации, относительно которой испытывают опасение перед ответственностью, осваивать чувство ответственности вместо ощущения затруднения при столкновении с ней.

У студентов шестого курса в большей степени, чем у первокурсников, выявлены психологические трудности, связанные с ситуацией общения с «трудным» пациентом. Данное положение нами связывается с тем, что к шестому курсу у студентов накапливается опыт решения практических задач (практические навыки в целом отработаны), но при этом с ростом самосознания студентов возрастает роль общения с конкретным человеком, а не просто с носителем признаков заболевания.

По наблюдениям преподавателей, участвующих в данном исследовании, у студентов наблюдается повышение осознанности собственных целей, когда большинство стремится начать профессиональную деятельность, участвовать в волонтерских организациях медицинского профиля, в исследовательских проектах.

В таком случае, работа по преодолению трудностей общения с пациентами у студентов старших курсов может быть организована на основе тактики содействия. Эта тактика предполагает развитие способности

человека совершать выбор, преодолевать страх перед неизвестным, понимать, что зачастую имеется не один выход из сложившейся ситуации, а разные возможности ее решения.

В таком случае работа по осмыслению психологических трудностей у студентов старших курсов может быть направлена на развитие способности человека совершать выбор.

Данная тактика оправдана с нашей точки зрения, поскольку применительно в работе врача могут быть разные трактовки понятий «трудный пациент» и «трудности в общении», как объективные, связанные как с недостатком профессиональных знаний, так и субъективные.

Преподаватель предлагает смоделированную на основе конкретной практики ситуацию, в которой действуют первоклассные специалисты, игнорирующие человеческий фактор в общении с пациентами, что в конечном итоге становится камнем преткновения для ее успешного разрешения. Преподаватель предлагает описание реальных ситуаций, предполагающих проявление субъективных трудностей, которые могут иметь разнообразные решения. Внимание группы направлено на поиск вариантов решений с поиском лучших для каждого из участников беседы.

Занятие предполагает формат исследования, дискуссии или коворкинга, когда в итоге предлагается выявить, что требуется для достижения цели; что из указанного они уже делают, а что остается пока недоступным; что можно достичь собственными силами, а что взять из опыта других людей.

В специально организованных занятиях студенты получают возможности узнавания состояния затруднений, они стремятся к его преодолению и инвентаризацию собственных ресурсов для этого, начинают выходить за рамки программы, интересоваться вопросами коммуникации с пациентами, проявлять свои сомнения. Так называемый «развивающий дискомфорт» для будущих врачей создается на основе включения непривычного, непонятного, неизвестного способа активности в ситуации, требующей опоры на опыт преодоления трудностей.

Можно отметить, что в практике образования именно осмыслению студентами признаков затруднений в предстоящей профессиональной деятельности, своего участия в их преодолении и пониманию своих ресурсов уделяет недостаточное внимание со стороны преподавателей. Кроме того, следует отметить недостаточное внимание примерам уверенного поведения в ситуации, требующей ответственного отношения для будущих врачей.

Стоит отметить, что беседы преподавателя со студентами, направленные на обсуждение выявленных трудностей, способствовали повышению осознанности и, осмысленности поиска решений сложных ситуаций. О данных изменениях свидетельствует появление конкретизирующих вопросов у студентов, заинтересованности в узнавании разнообразия представлений о трудных больных, о трудностях в общении, высказанные сокурсниками (я не один в сложной ситуации), поиске разнообразных способов решения выявленных ситуаций, высказывании вариантов решения задач модельной ситуации.

Направление работы со студентами медиками на основе выявления представлений о психологических трудностях и их личностных предпосылок важно для личностного становления профессионала, однако организовать его достаточно сложно, ведь образовательные программы не могут регламентировать применение подобных «мягких технологий». Несмотря на то, что в образовательных стандартах обращается внимание на развитие и саморазвитие личности, с введением в практику данного направления еще связано много вопросов.

Таким образом, анализ имеющихся исследований по проблеме психологических трудностей студентов медиков и поисков их коррелятов, наши собственные исследования и практика обсуждения представлений в беседах с преподавателями позволяют сделать следующие выводы.

1. Разнообразные представления студентов медиков о психологических трудностях в работе врача представляют собой субъективную реальность, и потому нуждаются в осмыслении. Наблюдения в нашей практике свидетельствуют, что студентам не свойственно самостоятельно обращаться к вопросам преодоления психологических трудностей, и они нуждаются в педагогической поддержке и понимании.

2. Личностные характеристики «открытость», «доброжелательность», «понимание эмоций» и «управление эмоциями» оказывают существенное влияние на развитие представлений о психологических трудностях профессии врача, при этом в большей степени влияет показатель «управление эмоциями». Эти положения могут быть использованы для адресной педагогической поддержки в индивидуальных (групповых) занятиях со студентами по работе с психологическими трудностями.

3. Поскольку наибольший вклад в восприятие психологической трудности профессии вносят повышение показателя добросовестности и снижение показателя доброжелательности у студентов, в работе с будущими медиками следует обратить внимание на повышение уровня доброжелательности как качества личности, а также формирование у них рефлексивного отношения к процессу и результатам труда.

4. Внимание студентов к реальным способам реализации ответственности в работе врача в русле тактики помощи педагогической поддержки позволит снизить появление необоснованных страхов, работу с которыми следует начинать на первом курсе, когда студенты придают ей большее значение, высказывают опасение.

5. В связи с тем, что на шестом курсе в большей степени, чем на первом, осознаются психологические трудности, связанные с общением и «трудным» пациентом, то начинать профилактическую работу на основе педагогической поддержки надо заранее, то есть уже на основе дифференциации предметных дисциплин в процессе обучения студентов четвертого курса стоит организовать тактику содействия педагогической поддержки, в которой происходит осмысление студентами типологии трудностей и осознание вариантов общения с разными трудными пациентами.

Важным представляется тот факт, что личностные характеристики студентов, влияющие на представления о психологических трудностях профессии так же, как и сами представления могут развиваться в процессе обучения. Это свидетельствует о значимости своевременной работы по их осмыслению вместе с преподавателями, которая может быть выстроена с учетом индивидуальных особенностей студентов.

Перспектива данного исследования связана с разработкой развивающей образовательной среды для осмысления представлений студентов о предстоящих психологических трудностях в работе врача и выработки опыта их преодоления.

Библиографический список

1. Болучевская, В. В. Профессиональное самоопределение будущих специалистов помогающих профессий: Монография. – Волгоград: ВолГМУ, 2010. – 264 с.
2. Евдокимова, Е. Г., Коваленко, Е. В., Чмеленко, Н. Н. Изучение нравственных установок студентов медиков в контексте развития профессиональной мотивации // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы общественного здоровья и здравоохранения на уровне субъекта Российской Федерации», посвященной 100-летию Иркутского государственного медицинского университета (1919–2019): в 2-х томах. – Под общей редакцией Г. М. Гайдарова. – 2019. – С. 380-383.
3. Жданова, Л. Г., Арнгольд, С. А. Особенности проявлений эмпатии у медицинских работников // АНИ: педагогика и психология. – 2014. – № 3 (8).
4. Карпеня, Г. В. Преодоление кризиса выбора профессии как условие развития профессионального самосознания у студентов медицинского колледжа: автореф. дис. канд. психол. наук 19.00.13. – Ростов-на-Дону, 2007. – 20 с.
5. Касицина, Н. В., Юсфин, С. М., Михайлова, Н. Н. Четыре тактики педагогики поддержки. – Санкт-Петербург: Речь; Москва: Сфера, 2010. – 158 с.
6. Климович И. Г. Модель специалиста медицинского профиля: лекция / Центр. ин-т усовершенств. врачей. – М.: ЦОЛИУВ, 1989. – 34 с.
7. Климова, О. Н., Русина, Н. А., Косенко, С. М. Проявление качеств личности, значимых для профессионализации врача на разных этапах его становления // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – № 3 (32). – С. 9.
8. Люсин, Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3-22.
9. Паутова, Л. А. Повседневное представление о стабильности. – Омск: Наследие, Диалог-Сибирь. – 2004. – 226 с.
10. Сокольская, М. В., Коростелева, И. К. Формирование Я-концепции личности профессионала в процессе учебно-профессиональной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 3 (75).
11. Сулима, В. Н. Личностно-профессиональное развитие студентов в период обучения в высшем учебном заведении // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2017. – Т. 23, № 5. – С. 74-78.
12. Хромов, А. Б. Пятифакторный опросник личности: учеб.-метод. пособие. Курган. гос. ун-т. – Курган, 2000. – 23 с.
13. Ayesha, S. Stress and difficulties among international medical undergraduates of a medical college // International Journal of Advanced Research. – 2015. – No. 3 (12). – Pp. 528-533.

14. Bamuhair, S. S., Al Farhan, A. I., Althubaiti, A., Agha, S., ur Rahman, S., Ibrahim, N. O. Sources of stress and coping strategies among undergraduate medical students enrolled in a problem-based learning curriculum // Journal of Biomedical Education. – 2015. – Article ID 575139. – 8 p. DOI: 10.1155/2015/575139.

References

1. Boluchevskaya V. V. Professional'noe samoopredelenie budushchikh spetsialistov pomogayushchikh professii: Monografiya [Professional self-determination of future specialists in helping professions: Monograph]. Volgograd, VolGMU, 2010, 264 p.
2. Evdokimova E. G., Kovalenko E. V., Chmelenko N. N. Izuchenie npravstvennykh ustanovok studentov-medikov v kontekste razvitiya professional'noi motivatsii [Study of moral attitudes of medical students in the context of professional motivation development]. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: "Aktual'nye voprosy obshchestvennogo zdorov'ya i zdravookhraneniya na urovne sub'ekta Rossiiskoi Federatsii", posvyashchennoi 100-letiyu Irkutskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta (1919–2019): v 2-kh tomah [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Topical issues of public health and healthcare at the level of the constituent entity of the Russian Federation" dedicated to the 100th anniversary of Irkutsk State Medical University (1919–2019): in 2 volumes], Pod obshchei redaktsiei G. M. Gaidarova, 2019, pp. 380-383.
3. Zhdanova L. G., Arngol'd S. A. Osobennosti proyavlenii empatii u meditsinskikh rabotnikov [The characteristics of the manifestations of empathy in medical professionals]. ANI: pedagogika i psikhologiya [ASR: Pedagogy and Psychology], 2014, no. 3 (8).
4. Karpenya G. V. Preodolenie krizisa vybora professii kak uslovie razvitiya professional'nogo samosoznaniya u studentov meditsinskogo kolledzha [Overcoming the crisis of choosing a profession as a condition for the development of professional self-awareness among medical college students]: avtoref. ... dis. kand. psikhol. nauk: 19.00.13. Rostov-na-Donu, 2007, 20 p.
5. Kasitsina N. V., Yusfin S. M., Mikhailova N. N. Chetyre taktiki pedagogiki podderzhki [Four tactics of support pedagogy]. St. Petersburg, Rech'; Moscow, Sfera, 2010, 158 p.
6. Klimkovich I. G. Model' spetsialista meditsinskogo profilya: lektsiya [Model of a medical specialist: lecture], Tsentral'nyi institut usovershenstvovaniya vrachei. Moscow, TsOLIUV, 1989, 34 p.
7. Klimova O. N., Rusina N. A., Kosenko S. M. Proyavlenie kachestv lichnosti, znachimykh dlya professionalizatsii vracha na raznykh etapakh ego stanovleniya [Manifestation of personal qualities that are important for the professionalization of a doctor at different stages of his or her development]. Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: nauchnyi setevoi zhurnal, 2015, no. 3 (32), p. 9.
8. Lyusin D. V. Novaya metodika dlya izmereniya emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn [New method for measuring emotional intelligence: EmIn questionnaire]. Psikhologicheskaya diagnostika, 2006, no. 4, pp. 3-22.
9. Pautova L. A. Povsednevnoe predstavlenie o stabil'nosti [Everyday idea of stability]. Omsk, Nasledie, Dialog-Sibir', 2004, 226 p.
10. Sokol'skaya M. V., Korosteleva I. K. Formirovanie Ya-kontseptsii lichnosti professionala v protsesse uchebno-professional'noi deyatel'nosti [Formation of the Self-concept of a professional's personality in the process of educational and professional activity]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University], 2018, no. 3 (75).
11. Sulima V. N. Lichnostno-professional'noe razvitie studentov v period obucheniya v vysshem uchebno-zavedenii [Personal and professional development of students during their studies at a higher educational institution]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2017, no. 5.
12. Khromov A. B. Pyatifaktornyi oprosnik lichnosti: uchebno-metodicheskoe posobie [Five-factor personality questionnaire: educational and methodical manual], Kurganskii gosudarstvennyi universitet. Kurgan, 2000. 23 p.
13. Ayesha S. Stress and difficulties among international medical undergraduates of a medical college article. International Journal of Advanced Research, 2015, no. 3 (12), pp. 528-533.
14. Bamuhair S. S., Al Farhan A. I., Althubaiti A., Agha S., ur Rahman, S., Ibrahim N. O. Sources of stress and coping strategies among undergraduate medical students enrolled in a problem-based learning curriculum. Journal of Biomedical Education, 2015, Article ID 575139. 8 p. DOI: 10.1155/2015/575139.